

В. Р. ЛЕЙКИНА-СВИРСКАЯ

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX ВЕКА

В.Р.ЛЕЙКИНА-СВИРСКАЯ

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
В РОССИИ
ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ
XIX ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
МОСКВА 1971

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Лейкина-Свирская В. Р.

Л 42 Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., «Мысль», 1971.

368 с., с илл.

Книга посвящается малоизученному вопросу о формировании кадров интеллигенции в пореформенной России до конца XIX в. В ней раскрывается политика самодержавия, вынужденного примириться с появлением в стране специалистов-интеллигентов, но в то же время стремившегося задержать политическое развитие интеллигенции. В книге освещается подготовка профессиональных групп интеллигенции, выполнявших необходимые общественные функции, а также социальное и материальное положение различных слоев внутри этих групп. Отдельный раздел отведен процессу возникновения и развития кадров профессиональных революционеров, боровшихся против самодержавия в этот исторический период.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение интеллигенции как слоя трудящихся особой сферы общественно необходимого труда представляет огромный исторический интерес и имеет все права на наше внимание. Интеллигенция России вложила свой труд и знания в материальное и духовное развитие страны. Вопросы о формировании кадров интеллигенции, ее профессиональной деятельности и ее общественном самоопределении следует изучать в тесной связи с конкретной исторической обстановкой.

Хронологические рамки настоящей работы охватывают время с 60-х до конца 90-х годов XIX в. Исторические черты этого периода достаточно отчетливы. Это период развития промышленного капитализма в стране, где было ликвидировано крепостное право, но остались невыкорчеванные крепостнические пережитки в различных областях социально-экономической жизни. В отсталой крестьянской стране шло быстрое расслоение деревни, порождавшее кадры сельского и промышленного пролетариата. В ведущих отраслях индустрии создавался высокий уровень концентрации производства, и к концу века развитие капитализма вступило в монополистическую стадию. Господствующий класс помещиков приспособлялся к потребностям буржуазной экономики и буржуазного общественного развития. Реакционное самодержавие, вынужденное делать некоторые шаги по пути преобразования в буржуазную монархию, еще долго оставалось «самодержавием полиции». Освободительное движение было в основном окрашено народничеством. Но с 80-х годов уже стали широко распространяться идеи марксизма. Вместе с ростом рабочего движения с середины 90-х годов начался пролетарский этап освободительного движения под знаменем научного социализма, возникли первые кадры будущей массовой

пролетарской партии. Вся эта живая ткань общественного развития была непосредственно связана с формами деятельности и с жизненными интересами интеллигенции.

Нас занимает вопрос, что собой представляла интеллигенция капиталистической России XIX в. как часть общественного организма по своему социальному составу, по членению на профессии, по своей роли в общественной жизни.

Отсутствие методологически разработанной теории социальной структуры отражается и на вопросе о месте интеллигенции в обществе. В русской публицистике конца XIX — начала XX в. широко дебатировался вопрос, чем является интеллигенция в ряду различных классов, слоев и групп буржуазного общества, — вопрос, имевший для того времени политическую остроту. У нас общепринятым является представление об интеллигенции капиталистического общества как о социальном слое необходимых этому обществу наемных работников умственного труда, которые в условиях буржуазной эксплуатации все более теряют свое привилегированное положение и приближаются к пролетариату.

Но для исторического изучения социального слоя необходимо установить тот или иной критерий принадлежности к данному слою. Принадлежность к интеллигенции, как представляется нам, определяется принадлежностью к одной из групп, выполняющих различные исторически обусловленные общественные функции, требующие интеллектуальной работы. Гражданами, исполняющими определенные общественные функции, называли интеллигентов В. И. Ленин¹.

Нам необходимо уточнить эти общественные функции, выполнение которых делило массу интеллигенции на соответствующие конкретные группы. Но прежде чем подойти к этой методологической задаче, напомним, что вместе с формированием и развитием интеллигенции осуществлялось идеологическое расслоение и размежевание общества, отражавшее в основных чертах его классовую структуру. Поэтому понятие «интеллигенция» в русском языке имело множество смысловых и оценочных значений, отражавших историческую и социальную обстановку, в которой оно возникало и входило в обиход. Польские исследователи проследили происхождение

ние слова «интеллигенция» из латинской лексики и сменяющееся употребление его в философском, психологическом и социологическом значении². В философском значении его знали в России еще «любомудры» 20-х годов XIX в.³ В значении органа психического восприятия оно соответствовало и было точным переводом французского *intelligence* (ум, разум). В таком значении его применяли Герцен в 1851 г. («О развитии революционных идей в России») и др.⁴

В 60-х годах XIX в. слово «интеллигенция» приобрело социологический смысл, стало обозначать часть общества и наполнилось разнообразным и противоречивым содержанием. То значение, в каком его будто бы «изобрел» и ввел в литературу П. Д. Боборыкин (по собственному его утверждению, в 1866 г.), имея в виду «высший образованный слой общества»⁵, было не первым и не единственным. Под интеллигенцией в это время подразумевались также чиновники, представители административной власти. В таком смысле это слово употреблено в 1865 г. в дневнике министра внутренних дел П. А. Валуева и в дневнике профессора литературы и цензора А. В. Никитенко⁶. Это значение слова «интеллигенция» бытовало десятки лет. Рабочий И. В. Бабушкин в «Искре» зачислял в состав «интеллигенции с клеймом известного образования»: станового, исправника, следователя, попа, помещика, чиновников, земских начальников, офицеров⁷.

Верхи дворянской бюрократии считали интеллигенцию людьми низшего ранга, недостаточно «воспитанными». «Наши отцы, — писал внук профессора-реакционера Л. Д. Любимов, — презирали этот термин и никогда не применяли его к себе»⁸.

В либеральных кругах слово «интеллигенция» имело свое звучание. Здесь ударение падало прежде всего на образованность. Интеллигенцией считались люди «свободных профессий», поборники буржуазного либерализма, сторонники и проповедники легальных и постепенных форм развития. Интеллигенция рассматривалась как прогрессивный цвет нации, как наиболее ценный и активный слой общества. «Задача учащейся молодежи состоит в увеличении объема русской интеллигенции», — писал, например, А. Д. Градовский. Поэтому она должна беречься политически опасных увлечений: губя себя, она

убавляет количество тех «здоровых, деятельных сил», на которые общество «обязано рассчитывать для своего движения вперед»⁹. Буржуазная интеллигенция высоко ценила себя, и это соответствовало ее позитивной, устойчивой социальной роли в развивающейся капиталистической стране.

Иное значение получило понятие об интеллигенции в революционно-демократическом лагере. Здесь с ним соединялась не только образованность, с ним ассоциировалось прежде всего демократическое мировоззрение.

Еще до того как слово «интеллигенция» вошло в привычный обиход, Герцен и Огарев писали об «образованном меньшинстве», о «новой России», Чернышевский — о «новых людях». Подпольные прокламации обращались к «молодому поколению», к «молодой России». Публицисты рассуждали об «образованном пролетариате», о «критически мыслящих личностях». Совершенно наглядна связь этих новых понятий с появлением на общественной арене слоя разночинской образованной молодежи. Этот слой охотно называл себя интеллигенцией.

При ликвидации крепостного права не были разрешены важнейшие задачи буржуазно-демократической революции, связанные с интересами крестьянских масс. Этот исторический факт отразился в последующей расстановке классовых и общественных сил. Революционно-демократический лагерь, выражавший интересы народных масс, приобрел чрезвычайно большое значение и удельный вес в общественной жизни России. В этом лагере вставала проблема роли образованных людей в обществе, их демократического долга перед народом, их участия в освободительной и революционной борьбе на стороне народа.

Крестьянское движение как опора для демократического преобразования страны было заторможено реформой, рабочий класс еще не сформировался в класс для себя, в сознательную революционную силу. Все народнические революционные теории того времени неизменно отводили крупнейшую и ведущую роль в борьбе за революционное преобразование интеллигенции. В программах лавристов, бакунистов, якобинцев интеллигенции отводилось руководящее место в организации революционного действия, к ней предъявлялись требования по самому высокому революционному счету.

Откуда бралась такая иллюзия, каковы были ее исторические корни? Классовую природу народничества, классовое содержание его идеологии с исчерпывающей полнотой с марксистских позиций объяснил В. И. Ленин: народничество — идеология крестьянской демократии, народники — «первые русские идеологи непосредственных производителей». Мечты народнической интеллигенции о некапиталистическом пути для России отражали ограниченность крестьянства, неразвитость внутренних противоречий в его среде, страх перед мучительной капиталистической ломкой. Вера в революционную роль интеллигенции сопровождалась классовой ограниченностью народнической теории, непониманием классового характера интеллигенции и государственных учреждений в буржуазном обществе. Однако, несмотря на иллюзии и утопии революционного народничества, Ленин видел ту основу, которая делала народничество передовым для своего времени течением, — «здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс»¹⁰.

В начале 80-х годов, когда уже ясно обозначилась неудача многих попыток пробудить революционную активность крестьянских масс, демократическая печать вновь и вновь заявляла об особых качествах и особых общественных задачах передовой интеллигенции в России. Н. К. Михайловский в это время дал такое определение интеллигенции: это люди, профессионально занимающиеся наукой, искусством, публицистикой, оторванные от народа слепым историческим процессом, но «сердце и разум» которых с народом. Некоторая часть интеллигенции «по недоразумению хочет служить чистой науке, чистому искусству, насаждать в отечестве абстрактное богатство, абсолютную справедливость». Но «русской интеллигенции стыдно и должно быть стыдно идти нога в ногу с буржуазией», с эксплуататорами, отобравшими «хозяйственную самостоятельность у народа». Н. В. Шелгунов в 1881—1882 гг. подчеркивал роль и значение интеллигенции как «передовой умственной силы, единственно обладающей государственным и общественным творчеством». Интеллигенция — «сознающая сила и в этой роли — ее государственная функция. Она же создает и новое государство, разрушая сначала критикой все обветшалое»¹¹. В этих высказываниях по-прежнему

проявляется утопическая идеализация «внеклассовой» интеллигенции.

В 90-х годах на первый план в народничестве выступили воинствующие оппортунистические элементы. Теорию об общественной роли интеллигенции они приспособили в либеральном духе к существующему режиму. Отказываясь от революционных задач, возлагая все надежды на добрую волю представителей имущих классов и руководителей государственных учреждений царской России, либеральные народники призывали интеллигенцию работать в городских и земских управах, идти в земские начальники, в суды присяжных. Интеллигенция бессильна, когда выставляет практические требования в интересах народных масс, писал В. Воронцов, но ее задача — «заинтересовать в этих требованиях государство», а для этого «достаточно деятельности печати» и т. д.¹²

В. И. Ленин связал вырождение народничества с процессом расслоения крестьянства, которое в капиталистической России уже перестало быть единым классом. «...Деревня давно уже совершенно раскололась. Вместе с ней раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму; с другой — выродившись в пошлый мещанский радикализм»¹³. ««Друзьям народа», — писал В. И. Ленин, — нельзя не быть благодарным за то, что они много посодествовали уяснению классового характера нашей интеллигенции. . .»¹⁴

С развитием рабочего движения в 80—90-х годах в России вопрос о задачах демократической интеллигенции не потерял остроты, но получил новую постановку. Русские марксисты ставили перед собой задачу внесения демократического и социалистического сознания в ряды пролетариата и формирования его авангарда — передовых рабочих, способных в недалеком будущем создать самостоятельную политическую партию и руководить массовой борьбой пролетариата. С формированием рабочей интеллигенции должна была прекратиться «неизбежная в свое время, но крайне непривлекательная монополия интеллигентности», — писал Г. В. Плеханов¹⁵.

В практике рабочего движения в России вопрос о необходимости и целесообразности участия в нем интеллигенции — «революционеров из буржуазной среды» —

разрешался несколько иначе, чем в тех капиталистических странах, где существовали легальные организации рабочих и где вместе с тем пустило глубокие корни буржуазное влияние на пролетариат. Плеханов в 1884 г. объяснял влечение революционной интеллигенции к участию в борьбе рабочих тем, что в капиталистическом обществе существует «возможность сознательного выбора» для отдельных личностей, и их отношение к делу рабочего класса зависит «от их собственного нравственного и умственного развития»¹⁶.

В. И. Ленин в 1902 г. мог уже поставить вопрос иначе: не интеллигент идет к пролетариату, а пролетариат «берет» его. «Как и всякий другой класс современного общества, пролетариат не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но и берет себе также сторонников из числа всех и всяких образованных людей». И хотя как социальный слой русская интеллигенция буржуазна и мелкобуржуазна, но и в ее рядах имеются люди, которые *«еще не заняли* никакой определенной социальной позиции или *уже выбиты* жизнью со своей нормальной позиции и переходят на сторону пролетариата...»¹⁷.

Вопрос об идеологических функциях интеллигенции и об ее месте в классовом обществе породил огромную полемическую литературу как на Западе, так и в России. В тогдашней публицистике интеллигенция изображалась то как корыстная защитница интересов эксплуататоров или даже как особый класс эксплуататоров (к этому сводились воззрения так называемой махаевщины), то как внеклассовая элита творцов духовной культуры, то как внеклассовая же защитница интересов всего «народа», «страны» в целом, без учета внутренних противоречий и классовой борьбы в обществе, то, наконец, как выразительница групповых интересов своего собственного социального слоя.

А. С. Изгоев (будущий участник сборника «Вехи»), пытаясь «доработать» незавершенное Марксом определение общественных классов, признал особым, четвертым классом класс умственных работников. Из этого класса он выделял «социальную группу» интеллигенции, основным признаком которой ему представлялся «элемент учительства».

М. И. Туган-Барановский, известный экономист, быв-

ший «легальный марксист», также ссылаясь на Маркса, не признавал работников умственного труда особым классом. По его мнению, деятельность умственных работников «не хозяйственная», стоит вне экономического процесса присвоения прибавочного продукта; им не противостоит антагонистический класс. Он считал интеллигенцию общественной группой с неопределенным классовым характером, способной по своим экономическим связям и источникам оплаты своего труда примыкать к другим классам. Часть ее может бескорыстно служить народу, другая часть может идти вместе с эксплуататорами¹⁸.

Большевик-ленинец В. В. Воровский в 1904 г., отвечая на статью Туган-Барановского, подошел к вопросу как диалектик: он показал идеологические противоречия в рядах интеллигенции как отражение классовых антагонизмов в обществе.

Ошибаются, указывал Воровский, те, кто видит в интеллигенции единый самостоятельный класс: они под интеллигенцией продолжают понимать прежнюю «передовую интеллигенцию», казавшуюся единой в 60-х годах. Но по мере развития капитализма определился и «принципиальный антагонизм интеллигентских групп».

В сферу «умственного и идейного труда» интеллигенции, писал Воровский, входит формулирование в виде идеологических требований различных насущных общественных вопросов тех групп и классов, с которыми эта интеллигенция связана. Эта формальная общность деятельности создает фикцию общности реальных интересов всей интеллигенции или ее значительной части. В действительности такой общности нет ни в области экономических интересов, ни в области общих задач. Напротив, внутри интеллигенции ведется отчаянная классовая борьба по всем социально-экономическим и политическим вопросам. Столкновение противоположных интересов антагонистических классов приводит к столкновению на принципиальной почве идеологических требований соответствующих групп интеллигенции. Воровский уподобляет интеллигенцию идейному парламенту, где представители разных классов входят во всевозможные группировки; соответствующие группировке интересов пославших их классов¹⁹.

Раскрывая идеологические функции интеллигенции, В. Воровский исходил из положения, сформулирован-

ного В. И. Лениным в 1903 г. в статье «Задачи революционной молодежи», где он писал: «...интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе»²⁰.

Русские марксисты многократно доказывали, что, представляя интересы разных классов и групп, интеллигенция может быть способна и к сознательной маскировке антинародных интересов демократической фразеологией, и к добросовестной идеализации классовых интересов, и к преодолению всех частных и групповых интересов во имя широких целей борьбы революционного класса.

В глазах русских демократов и социалистов подлинной интеллигенцией была только та, которая связывала свою жизнь с демократическим делом. К этому ее должно было обязывать и полученное образование как облагораживающее сопричастие к мировой демократической культуре и передовой общественной мысли. Оценка интеллигенции по ее общественно-политической практике была естественным критерием со стороны активных борцов за демократию и социализм, высоко уважавших великое звание революционера.

В. И. Ленин постоянно ставил в кавычки слово «интеллигенция» в применении к своекорыстной «ораве карьеристов и наемников буржуазии». Он отвергал претензии верхушки буржуазного общества — «кучки либеральных чиновников, буржуазных интеллигентов, тоскующих рантье и прочей высокомерной, самодовольной, бездельничающей публики, которая мнит себя солью земли, гордо называет себя «интеллигенцией», творит «общественное мнение» и т. д. и т. д.»²¹. В замечательной статье «Памяти графа Гейдена» Ленин заклеил холоство буржуазных интеллигентов из «порядочного общества», которые не умели различить реакционную сущность поступков контрреволюционного помещика-октябриста под его благовидной, гуманной, цивилизованной внешностью. Для таких, как Гейден, писал В. И. Ленин, образование было «легонький лак, дрессировка, «натасканность» в джентльменских формах обеды самых грубых и самых грязных политических гешефтов», они prostituiровали образование²².

Высокое сознание гражданского достоинства, гражданского долга, ответственности перед народом отличало в глазах русских демократов и социалистов подлинных интеллигентов, которые сознают себя не наемниками и продавцами своей рабочей силы, а гражданами, исполняющими «определенные общественные функции» и понимающими «всю непримиримость самодержавия с интересами общественного развития, с интересами интеллигенции вообще, с интересами всякого настоящего общественного дела. . .»²³.

Этот критерий гражданственности интеллигенции опирался прежде всего на историческую действительность — существование в России интеллигента-разночинца, борца против крепостничества, борца против самодержавия за нужды народных масс, интеллигента, который в конце концов по убеждению, по добровольному выбору приходил к делу борьбы против капитализма, в ряды «социалистической интеллигенции».

Отметив общественно-политическое расслоение интеллигенции в капиталистической России XIX в., вернемся вновь к вопросу об изучении интеллигенции как социального слоя. Творческому труду интеллигенции в сфере науки, искусства, литературы посвящено множество монографий и специальных работ. Хорошо изучена также история общественно-политической мысли и освободительного движения в России. В известных дореволюционных исследованиях Р. В. Иванова Разумника («История русской общественной мысли»), Д. Н. Овсяннико-Куликовского («История русской интеллигенции») и других идейные искания и идейная борьба в русском обществе прямо отождествляются с историей интеллигенции. Однако изучение интеллигенции XIX в. как социального слоя до сих пор почти не начиналось.

Нас будут интересовать вопросы формирования интеллигенции и ее социальный состав, профессиональная подготовка и численность ее кадров, условия ее труда, материальное и общественное положение различных категорий интеллигенции и т. д. Разумеется, важное место будет отведено и общественной деятельности разных групп интеллигенции: именно в этой деятельности и находила непосредственное отражение идеологическая борьба в ее рядах.

Для разработки всех этих вопросов необходимо уста-

новить методологическую основу для расчленения общей массы интеллигенции на эти реальные группы, соответствовавшие исторической действительности и поддающиеся более или менее детальному изучению.

Наиболее целесообразным методом является расчленение интеллигенции по выполняемым ею общественным функциям. Прием этот достаточно распространен. Трудность, как увидим из приводимых далее примеров, заключается в определении и обосновании таких функций.

Попытки абстрактно определить структуру интеллигенции исходя из особенностей ее труда были сделаны в СССР еще в 20-х годах. П. Н. Сакулин, признавая интеллигенцию экономической категорией, видел в ней ряд профессиональных групп, выполняющих социальные трудовые функции. Функциями «свободной интеллигенции» он считал хозяйственно-организаторскую функцию, связанную с эксплуатацией чужого труда, собственный труд и теоретическую функцию, направленную на выработку идеологии и «духовных ценностей». М. А. Рейснер рассматривал профессиональную квалификацию интеллигенции как необходимую подготовку для выполнения следующих функций: исполнителей или охранителей, приспособителей, изобретателей, новаторов и открывателей²⁴.

Большая работа по изучению социальной структуры общества, в том числе и структуры интеллигенции, а также по изучению ее социального облика и процессов ее формирования ведется в настоящее время в Польше²⁵. Польские историки и социологи предложили несколько схем членения интеллигенции. Стефан Кеневич делит интеллигенцию как общественный слой, источником существования которого является умственный труд, на три группы: 1) должностные лица, учителя, духовенство; 2) технические работники во всех областях хозяйства и 3) так называемые свободные профессии, к которым автор причисляет медицину, адвокатуру, печать, науку, искусство.

Ян Щепаньски проводит структурное деление интеллигенции по следующим «социологическим категориям» (это относится к современному социалистическому обществу): 1) творцы культуры, 2) организаторы и руководители труда и коллективной жизни общества и 3) остальные специалисты и техники, работа которых

требует теоретической подготовки, все более дифференцированной в связи с развитием науки.

Основы классификации во всех этих схемах представляются более или менее случайными и спорными. Нечетки также границы между группами. Чем отличаются, например, у Яна Щепаньского работники сельского хозяйства, отнесенные к третьей категории, от инженеров и техников, попавших в категорию «организаторов и руководителей труда»? Или работники издательств из третьей категории от «распространителей культуры» из второй категории? Почему в третьей категории объединены врачи и учителя с духовенством и работниками торговли? Не уясняет дела и позднейшее уточнение, в котором автор определил третью категорию как экспертов с высшим образованием, самостоятельно решающих профессиональные проблемы или, как комментирует Ежи Вятр, разрешающих практические задачи, которые требуют теоретических знаний и физических действий²⁶. Но при этом нивелируется отличие этих работников от категории руководителей, которые, конечно, также должны решать профессиональные проблемы и практические задачи.

Свою схему членения интеллигенции России применяет Л. К. Ерман при обработке данных Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Занятия, имеющие, по его мнению, характер умственного труда, он группирует в три «профессиональных слоя» интеллигенции: 1) занятия в сфере материального производства, 2) работа в области культуры и 3) служба в государственном аппарате, аппарате управления капиталистическими учреждениями и предприятиями и в помещичьих хозяйствах. Можно возразить против того, что администрация промышленных и торговых предприятий отрывается от «занятий в сфере материального производства», хотя, по Марксу, в материальном производстве непосредственно потребляется и труд всего необходимого административного персонала²⁷.

Л. К. Ерман не ставит проблемы интеллектуального труда, не делает никаких различий между интеллигенцией и служащими. Наряду с «профессиональными слоями» у него появляются категории иного плана — «дворянско-помещичья интеллигенция», «военная интеллигенция», куда он зачисляет огулом всех чиновников и

весь командный состав. В рубрику «органы государственной власти» включены десятки тысяч «служащих по найму в канцеляриях административного и судебного ведомств», о которых в самой переписи указано, что это «служители, рассыльные, сторожа»²⁸. В результате выводимые автором итоговые цифры, на наш взгляд, не соответствуют действительному составу интеллигенции того времени ни в профессиональном, ни в социальном, ни в количественном отношении²⁹.

Ю. В. Арутюнян считает интеллигенцию (в структуре социалистического общества) «социально-профессиональной группой», причисляя к ней «людей, занятых квалифицированным умственным трудом, требующим высшего образования». Он делит интеллигенцию на административную, творческую, производственную и «массовую» («врачи, учителя и т. д.»)³⁰.

Во всех этих более или менее сходных схемах структуры интеллигенции мы находим стремление отыскать профессиональные особенности в самом характере умственного труда.

Перед нами встает вопрос о критериях умственного, вернее, интеллектуального труда, который выполняется интеллигенцией. В этом вопросе существует много спорных положений. Разрешить их помогает только исторический подход к делу, учет исторической обстановки.

Широко распространено определение интеллигенции как наемных работников умственного труда. Этот экономический критерий требует ряда оговорок и ограничений. Часть интеллигенции, представители «свободного духовного производства» (по выражению Маркса), продает только произведения своего труда и таланта. В ряды наемных работников, оплачиваемых в соответствии с известными нормами, вряд ли могут войти интеллигенты из правящей верхушки, получающие непомерно высокие оклады. Наконец, для представителей революционной интеллигенции, если они не имеют других профессиональных занятий, средства существования также не связаны с наемным трудом.

Может ли служить критерием интеллектуального труда образовательный ценз? Конечно, известный уровень общего образования необходимо определяет качество умственного труда. Но надо помнить, что образовательный ценз является признаком формальным (аттестат,

диплом, звание). Предметное содержание образования в разные исторические периоды различно. Изменяется также общественная оценка разных видов образования и суждение о том, что считать образованностью. Кроме того, в образовании огромную роль играет самостоятельный труд. Вспомним значение кружков самообразования в школьной, студенческой и рабочей среде.

Уровень профессиональной квалификации также не является достаточно определенным критерием интеллектуального труда. В этом вопросе существует много неясностей. В ряде случаев профессиональная квалификация является простым усвоением известных умственных навыков. Например, категория служащих — исполнителей управленческих, учетных, технических и прочих функций — по правовым нормам считается категорией работников умственного труда и приравнивается к интеллигентским профессиям. Этому способствует их социальное положение в капиталистическом обществе, где обе эти категории входят составным элементом в так называемые средние социальные слои, занимающие переходные ступени между буржуазией и пролетариатом³¹. Однако эта количественно очень крупная группа служащих, обладающих разнообразными навыками, механизмирующими умственный труд, не относится к интеллигенции. В этом мы вполне разделяем мнение Яна Щепаньского и Ю. В. Арутюняна.

Неясность существует и в оценке внутренних градаций многих профессий. Низшие градации иногда зачисляются в пограничные, переходные, вспомогательные категории умственного труда. Так обстоит, к примеру, со средним медицинским персоналом. Эта оценка условна. В России 70—90-х годов при недоступности высшего медицинского образования для женщин специальность фельдшерицы, акушерки во многих случаях могла считаться интеллигентской профессией. К педагогической интеллигенции, бесспорно, принадлежали учителя народных школ, часто обладавшие низшим образованием.

Интеллигенция, взятая в целом как социальный слой, неоднородна не только по образованию и квалификации, но и по уровню общественного развития. В. И. Ленин писал: «Разве среди интеллигенции нет тоже передовиков, «средняков» и «массы»? Разве для интеллигенции

не признается также всеми необходимость популярной литературы и не пишется эта литература?»³²

Буржуазные идеологи обычно подчеркивали особенность, исключительность труда интеллигенции, состоящего в создании «духовных ценностей». Такое мнение тенденциозно суживает и область интеллектуального труда, и состав его участников, придает интеллигенции характер интеллектуальной элиты, стоящей над массами.

Не требуется доказывать, что в развитом обществе не существует в изолированном виде ни чисто физического, ни чисто умственного труда. Попытки характеризовать качественное отличие умственного труда от физического опираются на зыбкие понятия. Так, например, Ян Щепаньски определяет умственную работу как требующую умственного усилия и точности, четкости умственных функций. Мы можем утверждать, что высокое качество труда интеллигенции действительно существует и проявляется в его конкретном соответствии, профессиональной пригодности к принятому на себя делу, в ответственном отношении к делу как к общественной обязанности. Однако все это может относиться и к любому виду квалифицированного физического труда.

Нам представляется более глубоким и правильным определение критерия труда интеллигенции, которое оставил Антонио Грамши, отрицавший особую «сущность интеллектуальной деятельности». В действительности, полагал А. Грамши, не существует «неинтеллигенции». Различие между интеллигентами и неинтеллигентами обнаруживается только там, где интеллигент-профессионал выполняет свою социальную роль, в которой центр тяжести падает на интеллектуальную работу, а не на нервно-мускульное усилие³³. Грамши считал, что единый критерий для характеристики всех видов деятельности интеллигенции и вместе с тем для установления существенных различий между этой деятельностью и деятельностью других социальных группировок надо искать в совокупности системы общественных отношений.

Социальная роль интеллигенции проявляется в выполнении ею определенных, исторически обусловленных общественных функций. Эти функции связаны в первую очередь не с профессиональными отличиями или особенностями умственного труда, а с потребностями общества. Они связаны с социально-политическим строем обще-

ства, с его экономическим и культурным уровнем. Эти функции изменяются в ходе исторического развития, меняются их объективное значение и сравнительная ценность, что выражается в изменении общественного престижа разных профессий.

В капиталистической России XIX в. общественные функции, которые выполняла интеллигенция, были, с одной стороны, приспособлены к потребностям классового государства и капиталистической экономики и лишь в малой мере отвечали потребностям трудящихся масс. С другой стороны, на интеллигенцию ложились важнейшие функции общественной борьбы за просвещение масс, включая и политическое просвещение, и борьбы за преобразование общественного строя в интересах трудящихся масс.

Общественные функции интеллигенции того времени положены нами в основу членения изучаемого материала. Каковы были эти функции?

В наиболее привилегированном положении в социальном плане находилось обслуживание многообразных нужд государственной политической надстройки силами чиновников, военных, духовенства. Эту армию исполнителей, в сущности государственных служащих, никак нельзя зачислить в состав интеллигенции. Но в буржуазной России, в условиях, когда внеэкономическое принуждение вытеснялось капиталистическими общественными отношениями, понадобились новые методы господства, нужны были квалифицированные люди, способные оформлять и проводить более гибкую политику в разных отраслях управления, не только обеспечивавшую покорность народных масс, но и отвечавшую потребностям экономического развития и — в какой-то минимально необходимой мере — потребностям этих масс. Поэтому социальные слои чиновничества, военных, духовенства, которые были исполнителями функций государственного аппарата, все же выделяли элементы служилой интеллигенции, весьма немногочисленной, необходимой для того, чтобы возглавлять важнейшие отрасли управления, обеспечивать известную слаженность их действий, оценивать применяемые методы власти с точки зрения их эффективности и т. д.

Важной общественной функцией в развивающемся капиталистическом обществе было профессионально-ква-

лифицированное обслуживание материального производства. Создание технической интеллигенции в широком значении слова, которой почти не было в крепостной России, было неотложным требованием и условием для подъема индустрии, транспорта, средств связи, для развития сельского хозяйства. Но экономическая отсталость России отразилась и в замедленном темпе развития технического образования, и в узком диапазоне технических специальностей, и в недооценке роли сельскохозяйственных и лесоводческих кадров, а также в очень слабом участии технической интеллигенции в руководстве народным хозяйством.

Необходимыми функциями, связанными с нуждами всего общества в целом, были медицинское обслуживание населения и обучение молодежи. В дореформенной России дело элементарного лечения и элементарного образования народных масс стояло на чрезвычайно низком уровне. В буржуазной России отношение к этим вопросам должно было измениться. Общество, где рабочая сила является товаром, должно выделять средства на обучение этой силы, на ту или иную ее специализацию, а также на сохранение ее здоровья. Во второй половине XIX в. в развивающемся буржуазном государстве осязательно проявилась необходимость удовлетворить не только потребности имущих классов, но и элементарные потребности народных масс в лечении и грамотности. Медицинские и педагогические работники составили крупные отряды интеллигенции.

Наиболее специфической функцией, выполнявшейся интеллигенцией, было идеологическое обслуживание общества. Этот труд оплачивался из дохода потребителей или из национального дохода, сосредоточенного в руках государства. Создавалась зависимость данной категории интеллигенции от господствующих классов. От тех, в чьих руках были средства научного образования, оружие печатного слова, требовалось утверждать духовную гегемонию господствующих групп, укреплять их престиж, обеспечивать «свободное» согласие масс с политикой этих групп. Предприниматель-капиталист создает вместе с собой и «ученого специалиста по политической экономии, организатора новой культуры, нового права и т. д.», — писал А. Грамши³⁴. В то же время передовая интеллигенция России хорошо сознавала, что на оплату

ее труда идут налоги и подати, собранные с трудового народа.

В кругу ученых и писателей, естественно, сосредоточивались наиболее одаренные и творческие силы, выражающие квинтэссенцию национальной культуры. В этой среде наиболее непосредственно отражалась борьба общественных сил, борьба мировоззрений, в ней возникали течения, освобождавшиеся от оков и штампов буржуазно-консервативной идеологии. Наиболее прямое и острое выражение борьба общественных группировок находила в революционной, нелегальной печати.

«И относительная автономия интеллигенции, и пестрота ее социального происхождения, и самая природа интеллигентской деятельности делают интеллигенцию средоточием социальных драм и конфликтов. Объективные исторические столкновения классовых интересов превращаются здесь во внутренние конфликты идей и принципов»³⁵. Это замечание И. С. Кона более всего подходит к данным группам интеллигенции.

Изучая общественные функции русской интеллигенции XIX в., мы должны отвести заслуженное место такой общественно важной группе, как деятели революционного движения. Значительная численность, постоянное обновление и пополнение ее в условиях русской жизни и большой общественный престиж революционной интеллигенции составляют одну из характерных особенностей истории капиталистической России.

Деятельность этой группы стоит вне рамок профессиональной деятельности интеллигенции. Однако это не были люди без профессии; в их числе были врачи, учителя, инженеры, юристы, ученые, писатели и другие люди, часто высокой квалификации. Но общественно необходимым и важным для развития России делом была их борьба за революционное преобразование страны. Более или менее действенная инициатива служения обществу проявлялась почти в каждой группе интеллигенции наряду с профессиональным трудом, дававшим средства к жизни. Для революционеров эта работа для общества, для его лучшего будущего становилась на первый план, превращалась в борьбу за подготовку масс к революции. При отсутствии массового движения почти до конца века эта борьба ложилась на плечи революционной интеллигенции.

Практика подпольного движения, каким только и могло быть в условиях 60—90-х годов революционное движение, выработала тип профессионального революционера. Это имело большое значение в процессе укрепления революционных организаций и усиления эффективности движения. Как ценное наследство, перешел профессиональный революционный опыт от народнических организаций к революционерам на новом этапе освободительного движения, к партии пролетариата.

В настоящей работе, к сожалению, не нашлось места для групп, профессионально связанных с искусством. Работники в разных областях искусства (живопись, театр, музыка) не были в изучаемое время такой значительной частью интеллигенции, какой они стали позже. Это не противоречит, конечно, тому факту, что выросшие в России творческие силы в области искусства имели огромное значение для развития национальной культуры.

Не все из поставленных нами вопросов могли быть изучены с надлежащей полнотой и по состоянию источников, и по неразработанности этих вопросов в нашей литературе. Мы смотрим на настоящую работу как на первую попытку обобщения широкой темы об интеллигенции как социальном слое капиталистической России.

Мы стремились опереться на глубокий анализ социальной сущности интеллигенции и оценку деятельности интеллигенции на разных этапах изучаемого нами периода, содержащиеся в трудах В. И. Ленина. Г. В. Плеханов и другие русские марксисты также оставили немало разносторонних характеристик интеллигенции России XIX в.

Из использованных нами источников укажем прежде всего на обширную группу статистических материалов. Отчеты учебных заведений, особенно высших школ, историко-статистические обзоры по вопросам образования, исторические, обычно юбилейные, очерки по отдельным университетам и институтам, биографические словари профессоров и т. п. дали основной фактический материал по теме профессиональной подготовки специалистов в разных областях интеллектуального труда. Эти же источники содержат сведения о преподавательских кадрах, послужившие для разработки тем об учителях и работниках науки. Материалы о работе интеллигенции

в области народного образования, медицины, статистики были уточнены просмотром крупнейшей коллекции земских изданий, хранящейся в Государственной публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина. Были использованы имеющиеся статистические исследования о печати, о цензуре, работы о просветительских организациях, о научных обществах, об издательствах и т. п. Обильный материал для многих неизученных тем дала и мемуарная литература.

Для разработки темы о деятелях революционного движения ценным пособием служили работы советских исследователей, в том числе биобиблиографические словари участников движения, работы о студенческом движении и пр.

Иллюстрации к книге подобраны с целью показать современному читателю типичный облик интеллигентов того времени. За подбор их приношу большую благодарность сотрудницам Государственного исторического музея Р. М. Семеновой и Музея истории Ленинграда Е. П. Сыромятниковой.

Искренне благодарю товарищей за критические замечания, которые были сделаны в процессе работы — Н. М. Дружинина, П. Г. Рындзюнского, А. Л. Шапиро, У. А. Шустера, Л. В. Успенского, Н. С. Зенченко, Э. А. Корольчук, С. Н. Валка и др.

1.

САМОДЕРЖАВИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Изгибы политического пути самодержавия были вынуждены необходимостью приспособляться к буржуазному развитию страны и в то же время упорным стремлением охранять «незыблемость» самодержавной власти от политических последствий буржуазного развития. Одной из сторон внутренней политики самодержавия была политика в области образования. Реформы 60-х годов и контрреформы 80—90-х годов сопровождались и часто предварялись соответствующими действиями власти в области образования.

Во второй половине XIX в. правительство в России не имело уже возможности удержать процесс демократизации образования. Одной из причин этой демократизации было заметное изменение состава учащейся молодежи, где все большее место занимали учащиеся-разночинцы. Нам придется постоянно иметь дело с понятием «разночинец», поэтому постараемся выяснить его сложное историческое содержание.

Еще в XVIII в. получил правовое оформление слой городских сословий, не вмещавшийся в основные рамки феодальных сословий. В «Наказе» Екатерины II говорилось о «среднем роде» людей, которые «упражняются в ремеслах, в торговле, в художествах и науках». Создание воспитательных домов для незаконнорожденных детей также имело целью вырастить из их питомцев людей «третьего чина», или среднего сословия, — не только ремесленников, купцов, но и ученых, врачей, художников и пр. В феодальной общественной иерархии люди умственного труда стояли ниже дворян-помещиков. Но с развитием капиталистического уклада престиж этого слоя постепенно повышался. Если привилегии купцов были признаны государством уже в конце XVIII в., при-

вилегии духовенства — в начале XIX в., то в 30-х годах XIX в. дошла очередь и до создания привилегий почетного гражданства, потомственного и личного, — звания, отмечавшего заслуги людей «среднего рода».

Общественное развитие выталкивало из недр феодальных сословий все большее количество выходцев, остававшихся вне сословных рамок¹. «Слой разночинцев, — писал Г. В. Плеханов, — всегда отличался многочисленностью. Без него невозможны были бы многие функции государственной машины и так называемого общественного благоустройства».

Для купеческого и духовного сословий сословные права не были потомственными. Если сын крестьянина мог выйти из своего сословия «вверх», «выписавшись» в купцы, т. е. оплатив гильдейское свидетельство, или «приписавшись» к мещанскому обществу города, то сыновья купцов (не оплатившие гильдейского свидетельства) становились мещанами, сыновья духовных лиц, не пожелавшие продолжить отцовскую службу церкви, становились разночинцами. «Разночинцами *de facto*, — писал Плеханов, — *становятся все те люди, деятельность которых не укладывается в сословные рамки*»². Таким образом, фактически в разночинцев обращались не только формально вышедшие из своего сословия дети купцов и духовных лиц, но и сохранившие свое сословное звание дети мещан и крестьян, если они теряли связь с экономическими корнями, с занятиями и бытом своего сословия. Разночинец являлся «продуктом разложения, отбросом разных социальных групп», — писал В. В. Воровский³.

Кроме того, существовал социальный слой, который и не мог быть никем другим, как разночинцами. Это дети чиновников и офицеров, выслуживших личное почетное гражданство или личное дворянство на низших ступенях табели о рангах (обер-офицерские дети), дети личных почетных граждан, получивших это звание по образовательному цензу, и т. п.

Русская статистика XIX — начала XX в. и в полицейском учете, и в переписях населения, и в учете учащихся, и даже в статистике органов юстиции постоянно сохраняла рубрику разночинцев. Можно видеть, как изменялось социальное значение термина «разночинец». Он применялся, если можно так выразиться, к безродным слоям населения.

Разночинцы были в основной массе жителями городов⁴. В первой переписи Петербурга, проведенной в 1869 г., содержится подробный перечень профессий и занятий лиц, попавших в рубрику разночинцев. Тут и конторщики, и придворные служители, и лоцманы, и воспитанники домов призрения и учебных заведений, имевших характер приютов, и служащие, и служители театрального ведомства (в том числе актеры), и т. п. Сюда же попали люди неопределенных званий, как арестанты, бродяги, а также музыканты, сестры милосердия и проч., и не показавшие своего звания ученики Академии художеств, студенты и фабричные. В общем числе разночинцев (17,5 тыс. обоого пола) очень мало таких, которых можно причислить к работникам умственного труда: аптекари разных градаций, ветеринары и фельдшера — 233 человека муж. пола; художники — 337 человек м. п.; домашние воспитатели и гувернеры — 104 человека об. п.; наконец, люди разных технических специальностей (агрономы, технологи, механики, землемеры, таксаторы, чертежники, топографы, ученые управляющие) — их всего 25 человек м. п.⁵

Сохраняя старое значение, вместе с тем слово «разночинец» постепенно наполнялось новым смыслом, связанным с привилегией образования. Разночинцами стали называться получившие чин или звание по праву образования. Изменение смысла слова было связано с новым социальным явлением — быстрым формированием буржуазной интеллигенции.

Внедрение разночинцев во все области общественной и культурной жизни в действительности совершалось не так легко и быстро, как это выглядит в исторической перспективе. Разночинцы пореформенной России выходили не из низших, податных сословий, а из сословий, хотя и стоявших в общественной иерархии ниже дворянства, но также имевших свои права и привилегии. Г. В. Плеханов отмечал, что интеллигенция происходит «главным образом из чиновничьей, помещичьей, купеческой и поповской среды, т. е. из среды высших классов, видящих в образовании средство к карьере»⁶. Этот процесс начался еще в дореформенное время, особенно в 40-х годах XIX в.

Из податных сословий, мещан и крестьян, образованные разночинцы выходили лишь тоненькой струйкой,

с трудом преодолевая преграды сословной системы образования. Только к концу XIX в. они составляли количественно более или менее заметную величину.

Надо помнить и другую, чрезвычайно характерную особенность формирования кадров образованных разночинцев — значительное участие в этом процессе элементов деклассированного дворянства.

Дворянское сословие, превращаясь в класс капиталистического общества, постепенно теряло прежний облик и характер. Верхние слои крупных землевладельцев и дворянской бюрократии постепенно смешивались и сливались с высшими слоями буржуазии. Младшее поколение мелкопоместного, безземельного и служилого дворянства теряло сословные черты, сливаясь со средой чиновников или приобретая другую профессию, дающую заработок. Оторвавшееся от помещичьей экономической базы, зависящее от заработной платы, это дворянство, еще обладавшее сословным званием, не отличалось ничем от разночинцев. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал буржуазный, недворянский характер разночинцев, «образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству»⁷. Ленин имел в виду крепостническое дворянство, еще обладавшее огромной экономической и политической силой в капиталистической России. Его мнение не противоречит историческому факту деклассирования значительной части дворянства.

Идейным проявлением этого деклассирования был отказ от привилегий своего сословия. Герцен и Огарев, говоря о разночинцах, видели в них прежде всего дворян, окончательно разорвавших с «благородным сословием». «Они представляют, — писал о разночинцах Н. П. Огарев, — или то меньшинство дворянства, которое отказалось от своего сословия, или то разночинство, которое вовсе не пошло в чиновничество или находится в нем с отвращением»⁸.

Люди 60-х годов с интересом наблюдали складывавшийся на их глазах, в основном в Петербурге и в Москве, новый социальный слой. Участник «Земли и Воли» Н. И. Жуковский писал об этом городском «интеллигентном пролетариате»: «Со скамей семинарий и духовных академий, из-за столов разных полицейских управлений

и городских ратуш начала молодежь копиться в Петербурге уже с 1857 года»⁹.

Бытовые, психические, умственные черты разночинца становились типичными для студенчества пореформенной России. Студенчество было средой, в которой растворялись сословные различия. Несмотря на большое количество «детей дворян и чиновников» в его составе, русское студенчество имело демократический характер.

Существовало очень большое различие в условиях студенческой жизни в России и западноевропейских странах. На Западе высокооплачиваемое высшее образование было одной из норм жизни буржуазного общества, за него не приходилось бороться; студенты из вполне зажиточных семей, составлявшие подавляющее большинство, не теряли свое время на добывание средств существования, приобретали специальность и с нею обеспеченный заработок.

В России более или менее подходил к этим условиям только Дерптский университет, в котором в основном учились прибалтийские уроженцы. Преподавание в нем велось на немецком языке. Студенты имели национальные корпорации, вполне легальные и без малейшего духа политической оппозиции.

Русское студенчество, попадая в учебное заведение, в основной массе сразу же начинало борьбу за кусок хлеба, совмещая это с учебой, а часто и за счет учебы. Между количеством поступающих и количеством оканчивающих существовал огромный разрыв.

Профессор Петербургского университета А. Н. Бекетов в 70-х годах отмечал «всеобщую бедность студентов». Студентов из высших сословий было мало; конечно, и крестьян было очень мало. Часть студентов, особенно из семинаристов, писал он, отличается «большой простотой нравов, часто грубостью форм, напоминающею жизнь простолюдина»¹⁰.

Русская демократическая молодежь в Варшавском университете выделялась своей внешностью, одеждой, «отсутствием хороших манер», «нигилистическими» повадками¹¹.

Разумеется, студенчество не было однородной сплошной демократической массой. Ниже мы будем иметь возможность подробнее остановиться на его социальном

составе. Но «всеобщая бедность» студентов была симптоматична для капиталистической России.

Свидетельства о нужде студентов находим прежде всего в официальных сведениях годовичных отчетов высших учебных заведений о количестве выданных стипендий, единовременных пособий, освобождений от платы за учение. Стипендий было довольно много, и казенных, и частных, зависящих от капиталов, пожертвованных разными общественными организациями и благотворителями. Но хватало этих благ только на небольшую часть студентов; кроме того, частные стипендии были неравны по ценности.

При каждом вузе обычно создавалось общество вспомоществования недостаточным студентам, которое использовало ресурсы частной благотворительности, устраивало вечера в пользу студентов, организовывало дешевые и бесплатные столовые, облегчая в некоторой степени борьбу студентов за существование.

Перепись учебных заведений, проведенная в 1880 г., установила, что из 8,2 тыс. студентов восьми университетов только 61,2% вносили полную плату за учение; стипендиатов было 18,5%, освобожденных от платы — 19,6% и т. д. По Петербургскому технологическому институту в 1891 г. было 60% платящих студентов; количество стипендиатов и «бесплатных» при все большем росте учащихся все более понижалось. В 1898 г. платящих здесь было уже 72% а в 1900 г. — 76%¹².

Источником, освещающим студенческую нужду, были также переписи, произведенные в отдельных университетах. По данным первой из этих переписей — киевских студентов в 1872 г., — был вычислен «нормальный» годовой бюджет чисто материального характера, не включающий удовлетворения каких-либо культурных потребностей, — 375 руб. в год. В действительности 70% студентов не имело таких средств и, следовательно, терпело нужду.

В. Г. Короленко, учившийся в 70-х годах на первом курсе Технологического института, описывает голодное истощение студентов, которые так привыкли к своей 14-копеечной колбасе и черному полуторакопеечному хлебу, что желудок их не мог уже принимать другой пищи. За год ему довелось пообедать в кухмистерской только пять раз. «В сущности это было медленное

умирание с голоду, только растянутое на долгое время»¹³.

На новый 1899 г. газета «Сибирская жизнь» высказывала новогоднее пожелание: «Студентам — быть сытыми круглый год». Та же газета писала: «Голодный студент — фраза более чем привычная для нашего уха», вместе с фразой «голодный учитель» она «так примелькалась для нашего внимания, обозначаемый ею факт так часто наблюдается, что фраза эта скоро обратится в половицу»¹⁴.

Сумма 30 руб. в месяц была более или менее достаточна для студенческого существования. В Горном институте в начале 90-х годов студент мог с некоторым трудом прожить на 18—20 руб. в месяц. Стипендия в 35 руб. обеспечивала безбедное существование¹⁵.

Большинство студентов не только не имело этого минимума, но, как, например, установили переписи московских студентов в 1892—1893 гг., половина из нуждающихся была лишена средств существования, ничего не получая из дому или получая мелкие суммы. «Минимальный бюджет, постоянное недоедание, квартирный вопрос, отсутствие сносного заработка и вообще внешняя неустроенность сопутствуют нашему студенту. Тратить 15 коп. в день на обед, питаясь чаем, сыром и черным хлебом, жить в прославленных мрачных казармах — «Гиршах» — или в затхлых, сырых «студенческих» квартирах на Козихе или Бронных переулках, бегать на уроки с Плющихи на Лубянку, служить конторщиком, контролером на петровском трамвае, лидировать для рекламы фирмы на велосипеде» и т. д. — эти обычные условия студенческой жизни в Москве не только вредны для здоровья, но и невыносимы для серьезных занятий, писал В. В. Святловский¹⁶.

Историк П. Н. Милюков отмечал в конце XIX в., что, в условиях когда студенты вынуждены были добывать средства существования, университетское образование должно было качественно понизиться: студенты, несмотря на запрещения, переставали посещать лекции, ограничиваясь изучением литографированных курсов, экзаменационные испытания были соответственно упрощены¹⁷.

Текущий поток студенчества, обновлявшийся каждые 4—5 лет, состоял из людей, стремившихся обеспечить

себе в будущем место работника умственного труда и соответствующее материальное положение. Однако университеты и институты оказывались для студентов не только средством добывания дипломов, но и ареной общественной жизни. Здесь развивалось внимание молодежи к общественным вопросам, создавалась атмосфера товарищеской сплоченности и взаимопомощи, воспитывалась способность к коллективным действиям, к отстаиванию общих интересов. Передовому студенту были свойственны чувство независимости, чувство плебейского превосходства над дворянством, презрение к «устарелым» ценностям дворянской культуры, стремление к честному общественному служению и т. д.

Новый слой учащейся молодежи был более зрелым и по возрасту, и по жизненному опыту, чем студенты крепостной России. Новые студенты умели и прокормить себя, и организовать внушительный протест против ущемления своих гражданских прав. Передовая часть студенчества становилась на путь революционного протеста. Демократический характер русского студенчества во многом определял отношение правительства к делу высшего образования.

Реформа системы высшего образования была абсолютно необходимой. «Азиатски-дикое» самодержавие было все же, как писал В. И. Ленин, правительством капиталистической страны, нуждавшейся в образованных кадрах, в интеллигенции, «без которой немыслимо современное капиталистическое производство»¹⁸. Реформа образования была вынужденной, и это отражалось медленными темпами расширения учебных заведений, урезыванием средств на них. Реакционные верхи всеми силами стремились не допускать к образованию плебейскую массу.

В 60-х годах было основано всего два новых университета: Новороссийский в 1865 г. на базе Ришельевского лицея в Одессе и Варшавский в 1869 г. на базе Школы глумной. Сибирский университет в Томске, формально учрежденный в 1878 г., был открыт с одним медицинским факультетом только в 1888 г.; через 10 лет открылся его юридический факультет. Тогда же, в 1898 г., Одесский университет получил отсутствовавший в нем медицинский факультет (открыт в 1900 г.). Что касается технических вузов, то, помимо реорганизации уже существо-

вавших, до конца XIX в. было открыто всего 3 новых. Только в самом конце 90-х — начале 900-х годов потребность в технических кадрах прорвала эти узкие рамки, новые технические институты появились в ряде крупных городов.

Не случайно во главе Министерства народного просвещения стояли такие колоритные реакционные фигуры, как Д. А. Толстой и И. Д. Делянов. Из восьми министров народного просвещения с 1861 г. до конца века эти двое сидели в министерском кресле 30 лет: Толстой — 14 лет, совмещая министерский пост с постом обер-прокурора Синода, а Делянов — более 16 лет.

В политике правительства в области образования, несмотря на вынужденное движение вперед, сохранялись основные тенденции крепостной эпохи. В крепостную эпоху государственное образование, дающее право на чины и служебную карьеру, было либо монополией дворянства (военное образование, привилегированное юридическое, привилегированное техническое), либо (в общеобразовательной средней и высшей школе) привилегией дворянства. В общем образовании монополия оказывалась неосуществимой, но привилегии усердно охранялись.

Сословные ограничения сохранялись и в пореформенное время, особенно для средней школы. Так, например, дети солдат не освобождались от рекрутчины, как дети крестьян и мещан, если оканчивали гимназию с выпускным баллом ниже 4^{1/2}. Сын солдата, знаменитый народоволец Михаил Фроленко должен был добиваться этой льготы, приписавшись к податному сословию¹⁹. В 60-х годах в киевской гимназии учился единственный крестьянин, который поступил в 4-й класс 18-летним парнем, подготовившись за 8—9 месяцев с помощью студента-медика. Он шел первым учеником, а позже окончил курс на юридическом факультете Московского университета²⁰. В это время крестьянские дети могли учиться только в низшей школе, вынося такой минимум знаний, который мешал дальнейшему учению, и поступление их в гимназию было делом счастливого случая или большого напряжения воли.

Уже в крепостное время начиналось бытовое размывание сословного неравенства. П. Д. Боборыкин учился в конце 40-х — начале 50-х годов в Нижегородской «де-

шевой» гимназии, где «вся выучка с правом поступления без экзаменов в университет своего округа» обходилась в 35 руб. (по 5 руб. в год). В его классе было больше трети барских детей, остальные — дети купцов, мелких приказчиков, мещан, вольноотпущенных и проч. Гимназисты-дворяне сходились с товарищами «простого звания». Позже в том же Нижнем в отчете Дворянского института за 1868 г. утверждалось, что «сословные предубеждения в заведении, принадлежащем исключительно дворянам, совершенно заглохли». «Сыновья мещан, купцов и дворян в отношениях между собой не обнаруживают и попытки заявлять о преимуществах своих каст» — это «действительно новое поколение». «В замкнутой жизни пансиона дух товарищества уничтожает даже различия классов»²¹.

Русские ученые Т. Н. Грановский и Н. И. Пирогов, в 50-х годах критиковавшие дореформенную учебную систему, оба защищали широкое общее образование, поднимающее культуру, обогащающее внутренний мир учащегося. Оба, хотя с разных позиций, осуждали сужение задач образования: Грановский опасался материалистического уклона в сторону естественных наук, Пирогов осуждал прикладной характер специальных профессий. Задача «сделать нас людьми», считал он, несовместима с односторонней подготовкой «негоциантов, моряков, духовных пастырей или юристов»²². В их взглядах не было сословного оттенка, допускающего неполноценное образование для непривилегированных учащихся. Знаменитая статья Пирогова «Вопросы жизни», появившаяся в 1856 г., была перепечатана в «Журнале Министерства народного просвещения» в виде как бы официальной программы, подготовлявшей буржуазную реформу учебной системы. Статья украшала либеральный фасад этой реформы.

Однако принцип сословности, неравноправности образования вскоре вновь укрепился в «классической системе». Д. Толстой, бывший орудием в руках наиболее реакционных элементов, руководился представлениями, характерными для феодальной идеологии. Он быстро ликвидировал проведенный в 1864 г. гимназический устав, допускавший существование реальных гимназий без древних языков, но с расширенной программой естественных наук. Затруднить доступ в ряды привилегиро-

ванной интеллигенции демократическим элементам, отсеять их в потоке стремящихся к высшему образованию — в этом был смысл контрреформ в области образования, начавшихся уже с 70-х годов. Аттестат классической гимназии стал единственным путем в университеты. Новые уставы гимназий 1871 и 1872 гг. отодвинули реальное образование на низшую ступень. Реальные гимназии превратились в реальные училища, совмещавшие скромное общее образование с начатками профессионального. Реальные училища давали доступ в техническую высшую школу только окончившим дополнительный седьмой класс, который имелся далеко не во всех училищах. «По проекту графа Толстого, — писал А. В. Никитенко в своем дневнике, — реальные училища должны сообщать самое поверхностное знание [...], лишь настолько, чтобы готовить ремесленников и техников. Здесь будет учиться множество юношей среднего и бедного сословия»²³.

Таким образом, принцип сословности вновь пристраивался к классовой школе капиталистической страны. Среднее образование было доступно для всех, кто за него платил, но его уровень, открываемые им перспективы высшей школы были далеко не одинаковы для разных сословных групп населения.

Через классические гимназии фильтровались кадры для университетов: энергично отстранялись дети из низших классов. Делянов прославился циркуляром 1887 г., которым закрывался доступ в гимназии детям родителей «предосудительных профессий», т. е. людей физического труда. По мнению Делянова, неимущие ученики гимназий, которые не могут поступить в университет и занять подходящее место «по отсутствию знакомства и связей», могут быть опасны, потому что «увеличивают собою круг недовольных». Он даже собирался представить проект о допущении в гимназии и прогимназии учащихся не ниже детей купцов второй гильдии. Однако желаемые результаты достигались и более «благовидными» мерами: повышением платы за учение, беседами директора с бедными родителями, процентной нормой для евреев и проч.²⁴

Устав гимназий 1871 г. был предвестником политики контрреформ, давшей ранние ростки прежде всего в системе образования. Он поставил преподавание древних

языков, латинского и греческого, на первое место среди других предметов. По количеству часов в неделю во всех восьми классах эти языки занимали третью часть всего учебного времени.

Если систему среднего образования в крепостной России характеризовали грубость, черствость, казарменный дух, безграничный произвол над учащимися, то классическая система еще более укрепила казенщину, формализм, беспощадное равнодушие к потребностям развивающейся молодежи. В отличие от порки, процветавшей раньше, теперь появились неослабный надзор, слежка за поведением и подавление самостоятельного развития учащихся. Это признавалось единственным методом воспитания в казенной средней школе в противовес теориям русской передовой демократической педагогики. Надзиратели под разными именами были необходимой частью школьного персонала. Инспекторы отслеживали учеников и вне школьных стен, от них зависели баллы за поведение и шкала наказаний.

Устав 1871 г. усилил бюрократический формализм в управлении гимназиями, создав должности классных наставников и их помощников. Административно-учебный персонал гимназий стал замещаться преимущественно преподавателями древних языков — людьми, наиболее чуждыми общественной жизни и интересам учащейся молодежи. Писатель Д. С. Мережковский, учившийся в Третьей петербургской гимназии, вспоминал «самое глухое время классицизма» — конец 70-х — начало 80-х годов: «Никакого воспитания, только убийственная зубрежка и выправка». Директор — выживший из ума старый немец, учителя — карьеристы. В результате гимназисты

... говорить по-русски не умели
И, в сокровенный смысл частицы ит
Стараясь вникнуть, с каждым днем глупели.
Гимнастика ума — полезный труд,
Направленный к одной великой цели:
Нам выправку казенную дадут
Для русского чиновничьего строя,
Бумаг, служебных дел и геморроя ²⁵.

Классическая система, по общему признанию, калечила детей. В 1872 г. земское собрание Смоленского земства слушало горькую жалобу на гимназии. Гласный

Медведев говорил о мертвых языках, которые «иссушают и доводят до отчаяния мальчиков». В конце 70-х годов стали учащаться самоубийства учеников. «Будничным и обычным явлением, — писал А. И. Богданович, — стала на протяжении 30 лет гибель живых душ, гибель талантливых, ярких личностей, которые, попав на заре своей жизни в школу, тонули в ней или выходили оттуда изломанными, обезличенными, жалкими неврастениками или тупыми и равнодушными исполнителями чужих велений»²⁶.

Обременительность гимназического курса отражалась на возрасте выпускников. Из окончивших в 1879—1881 гг. преобладающее большинство были великовозрастными: более половины имело 19—20 лет, более четверти — 21 год и выше и 16—18% было в возрасте 18 лет. В 17 лет кончали гимназию очень немногие. До окончания курса добиралась лишь ничтожная часть гимназистов. В начале 90-х годов их было 6% от общего числа учащихся²⁷.

Огромный отсев учащихся до окончания средней школы был связан также с невозможностью продолжать учение из-за бедности родителей и, кроме того, с исключением из школы по политическим причинам, в основном из старших классов. Цифры этого отсева говорят сами за себя.

В 1873 г. из 41,7 тыс. всех учащихся гимназий и прогимназий окончили курс 1239 (около 3%), а выбыло около 10,8 тыс. (более 23%). В 1882 г. более половины выбывших (свыше 7,4 тыс.) не могло продолжать образование. Положение уволенных в этом году учеников реальных училищ было еще хуже: из них 70% не могли дальше учиться²⁸.

Эти трудности для десятков тысяч учащейся молодежи были связаны не только с классической системой, как таковой, а с состоянием учебного дела вообще, с крепостническими пережитками в области воспитания, с острым недостатком хороших преподавательских кадров.

Классическую систему нельзя рассматривать как какой-то сознательный план духовного оупления молодежи. Но ее социальные корни вполне ясны. Недаром ее с фанатической энергией пропагандировали в «Московских ведомостях» Катков и Леонтьев. Недаром она

процветала в таком привилегированном заведении, как Лицей цесаревича Николая, основанный этими реакционерами в 1869 г.²⁹

Классическая система была реакционной попыткой вернуться к сословной школе, повернуть назад колесо общественного развития. Поэтому, несмотря на кажущееся всемогущество, она была обречена на провал.

В конце 80-х годов пошатнулось незыблемое преобладание в гимназической программе древних языков: учебные часы на них были несколько сокращены, а на историю и физику прибавлены. Сказалась недостаточная подготовка гимназистов для слушания университетских курсов. (В начале XX в. греческий язык стал обязательным и было восстановлено преподавание естествознания.) Изменилось несколько и положение реальных училищ. В них были ликвидированы технические отделения, что сравняло их отчасти с общеобразовательной средней школой. Но доступ в технические вузы по-прежнему для реалистов был затруднен. В этом можно видеть воздействие новых общественных условий; с развитием страны техническое высшее образование давало интеллигенции новый престиж и высокое социальное положение. Следовательно, надо было и эти вузы в какой-то мере оградить от демократических элементов.

Отношение молодежи к средней школе конца XIX в. выражено в очень интересном документе — ответах на перепись, произведенную среди студентов Петербургского технологического института в 1903 г. В графе «Память о средней школе» 67% студентов подчеркнули «Дурная память», и многие подробно излили свои обиды. Участник переписи писал: «Ответы юношей, рисуящие горький и печальный факт, дышат глубокою, неподдельной ненавистью к той тирании и тиранам, которые руководят средними учебными заведениями. Но особенно тяжела в них участь всех нерусских: поляки, евреи — первые для губерний Царства Польского, вторые — для всех местностей России — дают самые ужасные отзывы о нашей средней школе. Здесь приводятся многочисленные яркие случаи насильничания школьными неронами всякого проявления живой мысли и самостоятельности. Но особенно ужасны отзывы о приемах русификации и казарменно-полицейском режиме, сопровождающем методы обрусения»³⁰.

Особой чертой, которую унаследовала от крепостничества правящая верхушка, было, если можно так выразиться, вотчинное отношение к делу просвещения, в том числе к высшим учебным заведениям, к профессорским коллективам, к студенческой массе. Известно, что каждый защитный импульс реакции выливался прежде всего в удар по рассадникам просвещения и по более или менее независимым его представителям.

Восстание декабристов ускорило появление цензурного устава. В первоначальном виде в 1826 г. он заслужил название чугунного. (В несколько более приличной редакции 1828 г. этот устав просуществовал фактически до 1905 г.)

Подавив польское восстание 1830 г., русское правительство закрыло Варшавский университет (в 1830 г.) и Кременецкий лицей (в 1831 г.), а также Виленский университет (в 1832 г.). Вместо них по инициативе нового министра народного просвещения С. Уварова был создан в 1834 г. университет в Киеве, который должен был являться «умственной крепостью вблизи военной» с целью «подавить дух отдельной польской национальности и слить его с общим русским духом»³¹.

Тот же Киевский университет в связи с делом Шимона Конарского, эмиссара польской революционной эмиграции, был вообще раскассирован в начале 1839 г., так как большинство его студентов были поляки, а преподаватели были связаны в прошлом с Кременецким лицеем. Все студенты были разбросаны по другим университетам, а 25 студентов, по делу Конарского, отданы в солдаты и в вольноопределяющиеся.

В связи с революционными событиями в Западной Европе Николай I в 1849 г. фактически закрыл университеты, ограничив комплект — 300 студентов в каждом (кроме медицинских факультетов).

Крепостническое правительство активно регламентировало преподавание общественных наук, направляя его в русло официальной идеологии. В известном «Наставлении ректору и деканам юридического и первого (т. е. историко-филологического) отделения философского факультета» 24 октября 1849 г. обращалось внимание на государственное право, политическую экономию, науку о финансах и все исторические науки, «возможность злоупотребления коих не подлежит ни малейшему сомне-

нию». Университетское начальство обязывалось не допускать не только порицания, но даже изъявления сомнения в пользе и необходимости самодержавия в России. Требовалось «отсекать» всякие намеки на «попытки притязания пролетариев к общественной и частной собственности» и на коммунистические теории. Коммунизму ставилось в вину, что он «нагло подводит под свой железный уровень все состояния, с уничтожением всяких отличий породы, заслуг, богатства и даже ума». Запрещалось «сожалеть о состоянии крепостных крестьян», говорить «о злоупотреблениях власти помещиков» и т. д.³²

В 1849 г. изъяты из университетских программ философия и государственное право европейских держав, а логика и психология переданы в руки профессоров богословия.

Мы остановились на крепостнических методах управления университетами, потому что те же методы административного произвола и насилия использовались по отношению к ним и в буржуазной России, в обстановке обостренных общественных противоречий.

Университетская реформа 1863 г. была ускорена в связи с необходимостью «обуздать» студенчество, которое, по мнению властей, слишком свободно себя чувствовало в обстановке ликвидации университетских ограничений и слишком рьяно отстаивало свою свободу осенью 1861 г. Реорганизация университетов была проведена после ареста сотен студентов, после закрытия Петербургского и Московского университетов. Устав 1863 г. давал университетским советам корпоративную автономию в академических делах, но студенчество было поставлено в положение постороннего посетителя в своем учебном заведении, лишено права иметь свои общественные организации.

Уже не исключительной мерой, а обычной стало закрытие высших учебных заведений (прекращение занятий и допуска учащихся) при мало-мальски серьезных выступлениях студентов.

Многочисленные реорганизации высших учебных заведений, обычно являвшиеся следствием студенческих волнений, сопровождались прекращением приема на первый курс и задержкой на несколько лет нормального учебного процесса. Произвольно ликвидировались по политическим причинам научно поставленные вузы, на-

пример Ветеринарный институт при Медико-хирургической академии. Без всякого повода были закрыты в 1886 г. общеобразовательные высшие женские курсы в Петербурге, Москве, Киеве и Казани, содержавшиеся на общественные средства. Особое совещание под руководством Делянгова нашло необходимым «пресечь дальнейшее скопление в больших городах молодых девиц, ищущих не столько знания, сколько превратно понимаемой ими свободы». Женские курсы были закрыты под предлогом необходимости выработки для них устава. С прекращением приема новых слушательниц и поступления платы за учение эти курсы должны были рухнуть. Только в 1889 г. Бестужевские высшие женские курсы смогли добиться возобновления приема³³. Высшие женские курсы в Москве открылись вновь лишь в 1900 г.

Система надзора, слежки, вбивания покорности в умы молодежи распространялась и на высшие учебные заведения. Студент должен был чувствовать себя бесправным. Коллективные студенческие организации — библиотеки, кассы взаимопомощи, землячества и проч. — могли существовать только нелегально или полуполигально. Даже столовые, контролируемые выборными представителями студентов, отбирались у них. Правительство не могло допустить, что Цюрихский университет привлекал русских учащихся (в 1873 г. их было там 182 чел., в том числе 104 женщины), и приказало им вернуться в Россию³⁴.

Контроль над студентами усиливался в периоды обострения революционного движения в стране. Временные правила об инспекции 26 октября 1879 г. соответствовали политическому положению внутри страны, вызвавшему ряд панических мер правительства. Эти правила приравнивали власть инспекторов к власти проректора, т. е. отдавали учебное заведение в их полное распоряжение. Инспекторов назначали попечители учебных округов по согласованию с генерал-губернаторами, что обеспечивало соответствующий надежный подбор людей. За студентами следили субинспекторы по факультетам и педели по курсам. Инспекторы распределяли стипендии, пособия, освобождали от платы за право учения; предполагалось, что этими мерами они могут влиять на образ мыслей студентов и создавать кадры «скромных, веж-

ливых, пристойных, почтительных и благонамеренных» обывателей³⁵. Деятельность этих чиновников и жандармов от просвещения вызывала острую ненависть студенчества и была поводом для многих бурных столкновений и протестов. «Правительство усердно, но бессильно бьется все время над неразрешимой задачей: создать себе неинтеллигентную интеллигенцию», — метко писал народовец Г. А. Лопатин в 1884 г.³⁶

Непокорное студенчество подвергалось безжалостным репрессиям, выбрасывалось из высших школ и за участие в «беспорядках», и за участие в публичных проявлениях общественной жизни. Никаких соображений о силах, времени и средствах, затраченных на подготовку этих кадров будущей интеллигенции, для правительства не существовало. Делянов писал в докладе Александру III: «Важно не привлечение к высшему образованию большого числа лиц, а поставление избранного и способного меньшинства в условия, благоприятные для широкого развития талантов»³⁷.

Изучая причины неиссякаемого потока студенческих волнений, правительственные комиссии приходили всегда только к одному выводу — о необходимости усилить их подавление. К концу века дело дошло до знаменитых правил 1899 г. об отбывании студентами воинской повинности за участие в «беспорядках», т. е. об отдаче их в солдаты в качестве карательной меры.

Реакция в лице Д. Толстого и Делянова упорно боролась за уничтожение университетской автономии. Эта автономия была в русских условиях достаточно ограниченной и часто нарушалась. Но она все же давала возможность подбирать лучших ученых, отстаивать мнения ученого коллектива и даже иногда вступаться за студентов. Новый устав 1884 г. полностью подчинил университеты и равнявшиеся на них другие вузы власти правительственных чиновников. Участились репрессии над либеральной профессурой — увольнения, лишение права преподавания и т. п.

Необходимым элементом реакционной политики в области образования была русификация сначала Варшавского университета, откуда были постепенно вытеснены польские преподаватели, затем и Дерптского, который с 1889 г. превратился в Юрьевский университет. Эти университеты имели особые уставы и урезанные

штаты профессуры, а в Дерптском до русификации — и меньшие оклады для учебного персонала. Варшавский университет был лишен права избирать профессоров и приват-доцентов.

Царское правительство проводило позорную политику ограничения права на образование для поляков и евреев. В 1864 г. для поляков была установлена 10-процентная норма при поступлении в русские учебные заведения. В 1866 г. норма для польских студентов поднялась до 20%, но было предписано не допускать евреев к преподаванию в университетах юридических, исторических, политических и словесных наук.

В 1886 и 1887 гг. был ограничен прием евреев в средние и высшие учебные заведения процентной нормой от общего числа поступавших: в черте оседлости (учебные округа Виленский, Киевский, Одесский, Варшавский, Дерптский) и в Западной Сибири — не свыше 10%; в Казанском и Харьковском округах — до 5%; в Петербурге и Москве — не свыше 3%. Ограничения эти дополнялись также требованием полицейского свидетельства о «праве жительства» вне черты еврейской оседлости. В некоторые учебные заведения евреев вообще не принимали: в Военно-медицинскую академию (хотя для медицинских факультетов допускался прием сверх нормы), в Московский сельскохозяйственный институт и др.

Как и другие контрреформы 80-х годов, которые не смогли повысить политическую роль дворянства ни в управлении крестьянскими массами, ни в земских учреждениях, так и контрреформы в области образования, затянувшиеся на десятки лет, не принесли ожидаемого результата. Результатом их было активное участие учащейся молодежи в революционном движении. Контрреформы были сметены общественно-политическим развитием и революционной борьбой в России в начале XX в.

Значительное место в средствах воздействия на формирование интеллигенции принадлежало цензуре. Цензура не только ограничивала удовлетворение духовных потребностей народа, но и вмешивалась в литературный процесс, подавляя творчество писателей, публицистов, ученых. Цензура оценивала политическое направление писателей; она была одной из форм политической

репрессии и в этом смысле играла очень крупную роль в судьбах русской интеллигенции.

Цензура второй половины XIX в. также имела за собой наследство крепостной эпохи, которое она, можно сказать, сохранила и приумножила. Это был цензурный устав 1828 г. «Беспощадное преследование всякой живой мысли, — писал Плеханов, — красной нитью проходит через всю историю русского императорства, и наша литература неслыханно дорогой ценой заплатила за свое развитие *«вопреки»* самодержавию»³⁸.

Среди реформ 60-х годов реформа цензуры шла наиболее туго. Ни о какой более или менее радикальной перемене в положении печати вопрос не ставился. С 1857 г. шло бесконечное обсуждение в разных комитетах вопросов ведомственного подчинения цензуры, но негласные комитеты продолжали надзирать за «направлением» литературы. «Временные правила» 12 мая 1862 г. запретили печати всякую критику правительственных позиций.

Борьба за административную власть над литературой окончилась в 1863 г. победой более реакционного Министерства внутренних дел, которому и было окончательно подчинено дело цензуры.

Наконец, 6 апреля 1865 г. появился закон о печати, который и был введен в действие с сентября этого же года. Книги и переводы большого объема, которые, предполагалось, не дойдут до широкого читателя, освобождались от предварительной цензуры, но их авторы и издатели могли быть привлечены к ответственности в судебном порядке. Что касается периодических изданий, то от предварительной цензуры освобождались только столичные газеты и некоторые столичные журналы (на провинциальные это не распространялось до конца XIX в.).

Новый закон о печати упрощал цензурный режим, но вовсе не имел в виду расширить права печати. А. В. Никитенко сравнивал новый закон с дамочным мечом в руке Валуева над головами писателей и редакторов. «Это чистейший произвол и уже не прежний, мелкочиновнический и по тому самому менее смелый, а произвол, вооруженный сильною властью, властью министерскою». Журналистам, которые хотели было остаться под предварительной цензурой, Валуев угрожал, что

эта цензура будет «несравненно сильнее николаевской»³⁹.

Первые же процессы над печатью в окружном суде разочаровали правительство — они кончились ничтожными карами или оправданием подсудимых. Поэтому уже 12 декабря 1866 г. был изменен текст судебных уставов. Дела о печати (кроме самых маловажных) стали подсудными более высокой инстанции — судебной палате. Здесь обвинителем выступал не прокурор, а сами представители цензурных органов, авторитетно устанавливавшие цензурные критерии преступности.

Однако судебная практика по делам о печати вскоре сменилась административными средствами воздействия. В 1868 г. появилось такое средство, как запрещение розничной продажи газет по распоряжению министра внутренних дел. В 1872 г. вошли в силу новые правила для печати, заменявшие судебный процесс предварительным арестом книги или номера журнала и затем рассмотрением их в Комитете министров. Таким способом, без лишней огласки было запрещено и уничтожено много книг, а в журналах вырезано много статей — это было фактическим восстановлением предварительной цензуры.

Известный прогрессивный издатель Ф. Ф. Павленков, выпустивший в ссылке острый памфлет на местное начальство в форме «Памятной книжки Вятской губернии», с полным основанием ожидал, что его книга «будет живо похоронена на том обширном литературном кладбище», которое называется Комитетом министров. «Это наше Пер-Ляшез, по которому впоследствии будущим статистикам и исследователям придется изучать законы распространения одной из самых страшных эпидемий», — он назвал ее «цензурным тифом»⁴⁰.

В 1873 г. добавилась новая мера: редакторам периодических изданий без предварительной цензуры давались указания, о чем нельзя писать, а в случае нарушения запрета министр внутренних дел мог приостановить издание на срок до трех месяцев⁴¹.

Деятельность Министерства внутренних дел в области пресечения критической мысли шла не только через цензуру, но именно цензура наводила на след «опасных» идей. Практика цензуры сводилась к запрещению книг, оригинальных и переводных, издаваемых в России, к изъятию статей из журналов и соответствующим «закон-

ным» репрессиям над ними путем объявления предостережений, и к таким же репрессиям над газетами, включая запрещение розничной продажи. Кроме того, через цензуру шел просмотр иностранной литературы, пересылавшейся в Россию торговыми путями, и запрещение «вредных» изданий.

В исследовании Л. М. Добровольского «Запрещенная книга в России»⁴² собраны сведения о книгах и переводах на русском языке, появившихся в свет и подвергшихся изъятию и уничтожению за 80 лет, до первой русской революции. В 1860—1900 гг. было запрещено почти 200 книг самого разнообразного характера. Разумеется, среди легально печатавшихся книг не было, за очень немногими исключениями, книг явно революционного содержания. Задачей цензуры было отыскать потенциально революционный смысл издания. Одни книги запрещались, потому что они были предназначены для массового читателя и могли сообщить ему критическое отношение к жизни. Другие книги, предназначенные для интеллигенции, вызывали внимание цензуры «вредной» тематикой, как биографии социалистов и революционных деятелей, история революции 1848 г., Парижской коммуны, история материалистических и атеистических идей и проч. Запрещались сочинения Лассаля, была уничтожена книга Э. Бехера «Рабочий вопрос в его современном значении и средства к его разрешению» (СПб., 1869), к которой был приложен Устав Интернационала, написанный К. Марксом. Запрещались книги позитивистов по социологии, по биологии, книги по женскому вопросу и т. д.

В 1895 г. предварительная цензура запретила издавать в виде приложения к журналу «Научное обозрение» давно известное публике «Происхождение человека и подбор по отношению к полу» Ч. Дарвина как «отличающееся материалистическим характером».

Напечатанные в свое время в журналах статьи русских публицистов при отдельном издании оказывались в глазах цензуры полными взрывчатой силы. Так были запрещены некоторые произведения из Собрания сочинений Д. И. Писарева, «Положение рабочего класса в России» В. В. Берви-Флеровского, сочинения Г. З. Елисеева (посмертное издание 1894 г.), «Социологическое учение К. Маркса» М. М. Филиппова и многие другие.

Русский интеллигент не должен был читать Радищева

или записки декабриста А. Я. Розена. Он должен был забыть Герцена и Чернышевского: издание их сочинений в России запрещалось вплоть до первой революции. Запрещались книги о положении сектантов (Ф. В. Ливанова, А. С. Пругавина и др.). Запрещались книги о развитии русской прогрессивной литературы и о деятельности цензуры (А. М. Скабичевского и др.). Напечатанный вполне легально «Стенографический отчет по делу о пропаганде в Империи» (М., 1878) сразу был запрещен. Запрещались каталоги и указатели для самообразования. Примеры эти можно продолжить.

Но книги, изъятые и уничтоженные, тотчас же попадали в нелегальные библиотеки, перепечатывались подпольными литографиями или за границей и вновь входили в читательский оборот. Да и в той легальной литературе, до которой цензура не дотянулась, всегда имелся достаточный запас мыслей и фактов, нужных для общественно-политического развития сменяющихся рядов молодежи.

Цензурные тиски и ущемления вели к возникновению все новой бесцензурной литературы, начиная с лондонских изданий Герцена, — книг, брошюр, журналов и листовок, отражавших все течения революционной, радикальной и оппозиционной мысли. Так, например, «Воскресение» Л. Н. Толстого было впервые напечатано издательством «Свободное слово» в Англии. (Текст романа, появившегося затем в русских изданиях, был сильно искажен цензурой.)

У цензуры, контролировавшей иностранную литературу, попадавшую в Россию, также было много работы. Комитет цензуры иностранной составлял списки запрещенных книг с разными градациями запретности. Эти списки с 1854 по 1897 г. рассылались цензурному аппарату и губернаторам. Каталог запрещенных книг за 1855—1869 гг. содержал около 4 тыс. названий на трех языках.

После Парижской коммуны количество задержанных иностранных книг сильно возросло, достигая в 1871—1875 гг. 500—800 названий в год. Запрет на произведения о Парижской коммуне сохранялся до 1917 г. Каталог запрещенных книг 1894 г. охватывал 1355 названий: это были по большей части издания русских политических эмигрантов⁴³.

Контроль цензуры над публицистикой выражался в огромном количестве взысканий, наложенных на периодическую печать. За 1865—1899 гг. печать получила в общей сложности 633 взыскания разных видов (в среднем по взысканию через каждые 20 дней). В том числе ей было дано 260 предостережений: больше всего их пришлось на двадцатилетие 1865—1884 гг. — 212, и особенно много на пятилетие 1872—1877 гг. — 72. Было закрыто навсегда 22 издания (до 1904 г. — 27).

Справедливо писал К. К. Арсеньев: «О силе гнета, тяготеющего над журналистикой, нельзя судить ни по числу предостережений, ни по числу журналов, приостановленных или вовсе запрещенных. Ни та, ни другая цифра не дает даже приблизительного понятия о числе статей, оставшихся ненапечатанными, о массе труда, потраченного понапрасну, о всем том, что могла бы сделать журналистика на пользу общества и чего она не сделала из опасения навлечь на себя гнев административной власти»⁴⁴.

К реакционной системе воспитания, к цензуре, неутомимо пытавшейся изъять демократические идеи из духовной пищи интеллигенции, добавлялась обстановка политических репрессий и полицейского произвола, в которой жило русское общество второй половины XIX в.

«...Реакционный характер «пореформенной» эпохи, — писал В. И. Ленин, — обнаруживается *на другой же день* после вступления в силу закона 1864 года, преобразовавшего нашу «судебную часть». «...Сужение компетенции суда присяжных и ограничение гласности тянутся красной нитью через всю пореформенную историю России. . .»⁴⁵

Мы видели практику перехода от судебных процессов к административному произволу в области печати. Тот же путь прошло судопроизводство по политическим делам. По поводу первого гласного процесса над «нечаевцами» в 1871 г. демократическая печать указывала на необходимость «рассеять мрак» и «установить какие-нибудь размеры эластически растяжимому понятию о политическом преступлении»⁴⁶, т. е. ограничить судебный произвол. Но уже этот процесс, в котором, по мнению властей, подсудимые были слишком мягко наказаны Петербургской судебной палатой, дал повод для дальней-

шей замены судебного порядка внесудебным. 19 мая 1871 г. появились «Правила», по которым предварительное судебное следствие заменялось жандармским дознанием. «Исследованные» жандармами дела могли решаться уже просто «высочайшим повелением» по докладу министра юстиции.

По закону 7 июня 1872 г. высшим судебным органом по делам о государственных преступлениях становилось Особое присутствие Правительствующего сената. В ведении судебных палат оставалось только преследование за хранение (без распространения) нелегальных изданий. Для особо важных дел мог назначаться Верховный уголовный суд. Члены Особого присутствия Сената ежегодно назначались высочайшими указами. Все дальнейшие политические процессы шли через эту инстанцию.

«Большой процесс» 1878 г. («193-х»), в котором сотни людей были освобождены до суда, поскольку виновность их не могла быть установлена по законам, дал новый толчок расширению административного произвола. С 1878 г. стали высылать в Восточную Сибирь лиц, приговоренных к «менее строгим наказаниям», если, по мнению властей, «их виновность в деятельности, направленной к разрушению правительственного и общественного строя» была «очевидна»⁴⁷. В том же году было создано Особое совещание «для изыскания мер к лучшей охране спокойствия и безопасности в империи». В его ведении находились состоявшие под надзором полиции; оно могло по своему усмотрению увеличивать сроки надзора.

В 1878 г. некоторые политические дела стали передаваться в военные суды, начались смертные казни. После покушения А. К. Соловьева на Александра II были учреждены посты генерал-губернаторов, облеченных неограниченной властью, в том числе правом назначать земских служащих, контролировать земские и городские органы самоуправления. Эти же генерал-губернаторы могли предавать людей военному суду в Петербурге, Харькове, Одессе, Москве, Киеве и Варшаве.

Министерство внутренних дел сконцентрировало в своих руках все средства борьбы с революционным движением. В 1880 г. Лорис-Меликов добился подчинения министерству корпуса жандармов и ликвидации III Отделения, замененного Департаментом государственной

полицейской. При Александре III было создано Охранное отделение, заменившее корпус жандармов. В сентябре 1881 г. на всю Россию было распространено Положение об усиленной охране: генерал-губернаторы, губернаторы и градоначальники могли высылать любых лиц в административном порядке. Полицейский надзор за высланными усиливался. По Положению 12 марта 1882 г. о политических ссыльных, им запрещалось состоять на государственной или общественной службе, заниматься педагогической деятельностью и иметь учеников, быть членом частных обществ и компаний, содержать типофотографии и библиотеки или служить в них, торговать книгами и т. п. В 80-х годах в Петербурге, Москве и Варшаве были учреждены полицейские «охранки», позже распространившиеся повсеместно. Русское самодержавие в полном смысле было самодержавием полиции.

В августе 1887 г. по словесному «высочайшему повелению» военный министр предписал военным судам приговаривать политических исключительно к смертной казни⁴⁸. Знаменитый Судейкин, сделавший карьеру на разгроме остатков партии «Народной Воли», откровенничал перед политическими заключенными. Правительство понимает, что революционное движение нельзя искоренить, но его можно вполне обезвредить своевременными репрессивными мерами. «Вы подрастаете, — повторял он, — а мы вас подкосим»⁴⁹.

«...Полуазиатская, крепостническая, *русская* монархия Романовых не могла защищаться иными, как самыми грязными, отвратительными, подло-жестокими средствами. . .»⁵⁰ — писал В. И. Ленин.

«Многострадавшая русская интеллигенция» второй половины XIX в. заполнила каторжные тюрьмы и центры, заново сооруженные в 70—80-х годах взамен развалившихся «рудников, крепостей и заводов» крепостного времени. С 1893 г. политические заключенные были слиты с общей массой уголовных арестантов, что отразило изменение состава политических, его усиливавшуюся демократизацию с наступлением пролетарского этапа освободительного движения. Политические ссыльные заселили «места отдаленные» и «места не столь отдаленные». Сосланные в административном порядке получали казенное «кормовое» пособие и выдачу на одежду, причем

ссылным «из привилегированного сословия» отпускалось копеек 30—35 в день, раза в полтора больше, чем «непривилегированным». Сосланные по суду должны были находить себе средства существования сами.

Отмененная в 1900 г. ссылка в Сибирь за «общие преступления» сохранялась для политических.

Таковы были условия, которые государственная власть создавала, чтобы обезличить и «обезвредить» воспроизводимые в силу необходимости кадры интеллигенции.

2.

ЧИСЛЕННОСТЬ ОБРАЗОВАННЫХ КАДРОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Чтобы иметь историческую перспективу при знакомстве с отдельными группами интеллигенции, покажем некоторые общие результаты формирования образованных кадров на протяжении 60—90-х годов XIX в.

В качестве начального хронологического рубежа примем 1858/59 г. Эта разделительная дата условна, как и всякая точная дата, используемая для определения переходных процессов, где новое возникает из старого, а старое еще продолжает существовать. Но в защиту этой условной даты можно привести ряд соображений. С этой датой связано начало многих исторических событий: подготовка крестьянской реформы, канун первой революционной ситуации, активизация демократической печати, подъем деятельности ряда революционных кружков. К этому времени относится начало обновления устаревших и потерявших авторитет педагогических кадров. Все эти «начала» создавали новую общественную атмосферу, много раз описанную современниками. От этих «начал» шла «общность жизненного опыта», исторических переживаний нового поколения интеллигенции. Социолог И. С. Кон указывает на особое значение понятия «поколение» как качественной категории в смысле охваченности влиянием крупного исторического события¹. Таким событием для этой эпохи было падение крепостного права.

В интересующий нас период можно наблюдать смену поколения 60-х годов новым поколением, воспитавшимся в период контрреформ, выступившим на общественную арену в 90-х годах и составившим зрелые кадры дореволюционной интеллигенции XX в.

Какие классы населения России могли в этот период попадать в среднюю школу, каково было соотношение

между учащимися в средней и высшей школе, — все эти вопросы необходимо поставить, так как среднее образование являлось обязательной предварительной ступенью в формировании профессионально обученных кадров интеллигенции.

Средние школы в России принадлежали разным ведомствам, и точного учета их не было. На основе имеющихся данных, рост числа мужских средних учебных заведений Министерства народного просвещения представлен в таблице (см. стр. 52). (Цифры учащихся округлены.) Несмотря на неполноту учета и неопределенность его географических границ, можно установить, что за 40-летний период (1860—1900 гг.) число мужских гимназий выросло более чем в 2 раза (с 84 до 197), мужских прогимназий было вновь открыто более 80. Что касается числа учащихся в них, то, согласно переписи учебных заведений 1880 г., проведенной по Европейской России и Привислянским губерниям, в министерских и частных средних школах училось около 75 тыс. учащихся м. п. К концу века в этих школах было около 112 тыс. учащихся м. п.

Женская средняя школа также находилась в руках нескольких ведомств; кроме того, имелось много частных учебных заведений. Поэтому точного учета этих школ не было. По переписи 1880 г., имелось 76 женских гимназий с 22,9 тыс. учащихся, 154 прогимназии с 17,8 тыс. и 59 учебных заведений Ведомства императрицы Марии с 8,2 тыс. учащихся.

К концу века годовое число учащихся в средней школе, включая и неучтенные частные гимназии, возросло примерно до 220 тыс. лиц об. п.

Сколько же было в России людей, получивших за сорок лет общее среднее образование? Точного ответа на этот вопрос нет. Некоторые косвенные данные можно извлечь из Всеобщей переписи населения 1897 г., которая зарегистрировала по империи более миллиона учившихся в средней школе (по Европейской России — около 850 тыс.). По отношению к 26,5 млн. грамотных в стране этот миллион составлял 4%. Перепись, однако, не уточняла, окончили они среднюю школу или нет. Прибавив к этим итогам еще всех учившихся в высших учебных заведениях, т. е. перед тем окончивших среднюю школу, мы увеличим количество учившихся в средней школе,

Рост числа казенных мужских средних учебных заведений и учащихся в них (в тыс.) в 1860—1900 гг. ²

Годы	Гим- назии	Уча- щиеся	Всего		Про- гим- назии	Уча- щиеся	Реальные училища	Уча- щиеся
			Гим- назии и про- гимна- зии	Уча- щиеся				
1860	84	17,8	—	—	—	—	—	—
1865	—	—	96	31,4	—	—	—	—
1869	—	—	115	33,6	—	—	—	—
1870	—	—	146	37,3	—	—	—	—
1871/72	—	—	—	—	—	—	7	1,7
1875	—	—	180	44,7	—	—	—	—
1876/77	131	—	203	52,4	72	—	56	10,9
1880	126	45,2	202	56,0	76	10,8	61	13,2
1881/82	133	—	215	65,7	82	—	79	17,5
1885	180	—	251	72,6	71	—	—	—
1890/91	180	—	239	61,0	59	—	104	26,7
							(14 част- ных)	
1897/98	180	—	228	74,7	48	—	112	31,6
							(14 част- ных)	
1899	196	70,8	240	77,7	44	6,9	117	34,0
1900	197	—	240	82,7	43	—	115	39,8

имевшееся налицо к концу века, до 1,2 млн. (по Европейской России — до 960 тыс.) ³.

Эти данные, к тому же заниженные (они относятся лишь к моменту переписи), не говорят еще ничего о количестве окончивших среднюю школу. Можно только установить, что из числа окончивших ее получило возможность поступить в высшую школу не менее 200 тыс. человек по империи, в том числе 110 тыс. по Европейской России. Но зато перепись наглядно показывает, каким слоям населения было доступно поступление в среднюю школу. Учившиеся в ней принадлежали в основном к трем сословным группам, составлявшим лишь небольшую долю всего населения. На городские сословия (почетных граждан, купцов, мещан) приходилось 134 тыс. мужчин и 148 тыс. женщин, учившихся в средней школе; на духовенство — 127,6 тыс. мужчин и 51 тыс. женщин. Из «дворян и чиновников не из дворян» в средней школе училось 123,8 тыс. мужчин: это вполне понятно, потому что перед дворянами были открыты двери также и в военную

среднюю школу, в которой получили образование еще более 50 тыс. человек. Зато в этой группе было наибольшее количество учившихся женщин — 177,3 тыс., хотя и в городских сословиях их набиралось немало. Что касается крестьян, из них сумело пробиться к средней школе всего 60 тыс. обоего пола, т. е. 7% от числа учившихся в ней в Европейской России.

Не имея суммарных данных о числе получивших среднее образование, ограничимся сведениями о выпускниках из наиболее крупных средних школ. Число выпускников, дававших контингент будущих студентов, постепенно увеличивалось. В то же время происходил постоянный отсев учащихся. Имевшие возможность закончить курс составляли незначительное меньшинство учившихся.

**Окончившие курс
в крупных столичных гимназиях ⁴**

Гимназии	Годы	Число окончивших курс
Московская 1-я	1804—1904	около 2 500
(из них)	в 1865—1900	1 314)
Московская 2-я	1835—1885	841
(из них)	в 1872—1885	298)
Московская 3-я . . .	1840—1889	840
Московская 4-я . . .	1850—1899	893
Петербургская 1-я	1856—1879	404
Петербургская 2-я	1832—1900	1 303
(из них)	в 1881—1900	589)
Петербургская 3-я	1812—1923	2 403
Петербургская 4-я		
(Ларинская) . . .	1836—1886	734
Петербургское 1-е		
реальное училище	1869—1900	744

**Окончившие курс
в провинциальных гимназиях ⁵**

Киевская 1-я	1858—1900	1 365
Тверская	1858—1900	673
Ставропольская	1837—1887	685

Из восьми петербургских женских гимназий, основанных в период от 1858 до 1880 г., было выпущено к 1883 г. всего 3641 человек ⁶.

Тонкими струйками выпускники гимназий, реальных училищ и духовных семинарий пробивались на первые курсы немногочисленных высших учебных заведений России. Значительная часть их оставалась за бортом высшей школы. В том числе женщины, для которых были доступны только женские высшие учебные заведения, получившие некоторое развитие в конце века. По переписи 1897 г., насчитывалось по всей России около 7 тыс. женщин, учившихся в высшей школе.

Перейдем к студенчеству второй половины XIX в. — тому контингенту, из которого выходили кадры профессиональной интеллигенции. Остановимся на следующих основных вопросах:

1) Рост общей (погодной) численности студенчества.
2) Распределение учащихся высших учебных заведений по специальностям. Изменения в этом распределении, взятые за достаточно длительный период, отражают процесс складывания профессиональной интеллигенции, зависевший от общественного престижа разных специальностей, от общественного спроса на них и других исторических условий.

3) Социальный состав студенчества. Изучение изменений в социальном составе учащихся высшей школы вскрывает процесс демократизации интеллигенции — постепенного проникновения в ее ряды недворянских и непривилегированных категорий населения.

4) Общий рост числа людей с законченным высшим образованием. Итоговые данные о численности и профессиональной структуре специалистов умственного труда к концу века непосредственно освещают результаты формирования интеллигенции.

Эти вопросы освещены в приводимых таблицах и сводках, источниками которых послужили учебные отчеты высших школ, отчеты министра народного просвещения, а также статистические сведения из отдельных монографий⁷.

В таблице роста числа студентов (см. стр. 56) датой учета берется 1 января учебного года, как было принято в большинстве университетов. Под этой датой нами объединены и другие сроки учета, в некоторых университетах относившиеся к началу или к концу учебного года. При отсутствии данных использовались сведения по смежному учебному году, что оговаривается в тексте.

Не учитывались вольнослушатели, ввиду текучести их состава, а также слушатели подсобных медицинских курсов, которых бывало очень много.

Подсчеты общего числа студентов, сделанные в некоторых из указанных источников, не всегда сходятся с итогами нашей таблицы, что следует отнести к разному в методах учета.

Таблица показывает не только общий рост, но и задержку его в определенной исторической обстановке: мы видим сильное снижение числа студентов в первой половине 60-х годов в Петербургском университете, где студенчество претерпело массовые репрессии; той же причиной объясняется понижение численности студентов в конце 80-х годов в Петербургском, Харьковском и Казанском университетах. То же следствие было вызвано русификацией Дерптского и Варшавского университетов и т. д.

У нас нет возможности показать столь же подробно рост студенчества специальных вузов. Можно сравнить общее количество студентов университетов и других вузов по переписи 1880 г., которая зарегистрировала свыше 6,1 тыс. учащихся специальных вузов (не считая четырех духовных академий и трех военных академий, имевших 1010 слушателей). Это составляло около $\frac{3}{4}$ от числа университетских студентов. Наиболее крупными из этих вузов была Военно-медицинская академия (1,3 тыс. студентов), а из технических — Рижское политехническое училище (675 студентов), Институт инженеров путей сообщения (552 студента), Петербургский технологический институт (461 студент), Московское техническое училище (406 студентов) и т. д.⁸

К началу 80-х годов университетское студенчество составляло наиболее значительную часть учащихся высшей школы, а к концу века его численность увеличилась более чем в два раза. В технических вузах число студентов также росло: Петербургский технологический институт, например, в 1891 г. имел 630 студентов, а в 1899 г. — 1011 (число студентов менее чем за десятилетие выросло на 60%).

Рост студенчества к концу XIX в. был общим явлением в капиталистических странах. В странах Западной Европы этот подъем шел круче, и по отношению к численности населения студенчество составляло гораздо

Рост числа студентов университетов (1861—1899)

56

Университеты	Годы								
	1861	1865	1870	1875	1880	1885	1890	1895	1899
Московский . . .	1 653	1 519	1 568	1 168	1 890	2 874	3 471	3 906	4 407
Петербургский	1 405	524	1 015	1 123	1 677	2 282	1 759	2 768	3 758
Юрьевский . . .	627	594	696	832	1 105	1 704	1 812	1 301	1 733
Харьковский . .	533	524	475	407	637	1 372	(на 1/I 1891 г.) 1 003	1 275	1 387
Казанский . . .	нет сведе- ний	(на 1/I 1866 г.) 289	(осень 1872 г.) 561	463	(на май 1881 г.) 791	925	697	751	818
Киевский . . .	945	497	784	666	1 041	(на 1/I 1886 г.) 1 821	1 908	2 313	2 606
Одесский . . .	—	(на 1/I 1866 г.) 178	413	273	346	573	428	506	714
Варшавский . .	—	—	1 073	537	648	1 253	1 164	892	1 114
Томский	—	—	—	—	—	—	190	397	447
Всего . .		4125	6585	5569	8045	12 804	12 432	14 109	16 294

большой процент, чем в России. В Италии, например, число студентов выросло с 9 тыс. в 1876 г. до 24 тыс. в 1896 г., что давало более 50 студентов на 100 тыс. населения. Такое же соотношение сложилось к концу века в Германии. Во Франции число студентов поднялось с 10 тыс. в 1870 г. до 27 тыс. в 1895 г.; это составляло более 46 студентов на 100 тыс. населения⁹. Однако в странах Западной Европы уже наступил период перепроизводства интеллигенции, сопровождавшийся безработицей, конкуренцией и сильным падением заработков. Отсталой России перепроизводство интеллигенции еще не угрожало.

Обратимся к распределению студентов по специальностям. Приводимая таблица (см. стр. 58—59) охватывает 9 университетов и дает итоговые цифры (по пятилетиям) учащихся на каждом из факультетов. Перепись учебных заведений 1880 г. установила, что из студентов 8 университетов наибольшее количество сосредоточивалось на медицинских факультетах (40%), затем шли юридические (22,3%), физико-математические (20%) и историко-филологические (11,3%). Эти соотношения за последующие два десятилетия изменились. По вычислениям Л. Личкова и П. Милюкова, юристов становилось все больше (к 1899 г. свыше 43%), а процент медиков падал (дойдя в 1899 г. до 28,1%)¹⁰. Однако надо учитывать, что кадры тех же специалистов выпускались не только университетами, но и другими высшими учебными заведениями юридического и педагогического профиля, а также Медико-хирургической (Военно-медицинской) академией.

Данные таблицы «Распределение студентов по факультетам университетов (1861—1899)» используются и в дальнейших главах.

Таблицы о социальном составе студенчества разработаны нами опять-таки по университетской статистике. Регулярный учет сословного происхождения студентов велся не всеми университетами. Он начался в новом Одесском университете с 1866 г., в Дерптском — с 1878 г., в Петербургском — с 1884 г., а в остальных, кроме Киевского, велся лишь с первой половины 90-х годов. Мы выбрали три года (1880 — год переписи, 1895 и 1900), за которые имеются более полные сведения по всем или почти по всем университетам.

Распределение студентов по факультетам университетов (1861—1899)

89

Университеты	1861				1865				1870				1875				1880			
	Ист.-фил.	Физ.-мат.	Юридич.	Медиц.	Ист.-фил.	Физ.-мат.	Юридич.	Медиц.	Ист.-фил.	Физ.-мат.	Юридич.	Медиц.	Ист.-фил.	Физ.-мат.	Юридич.	Медиц.	Ист.-фил.	Физ.-мат.	Юридич.	Медиц.
Московский . . .	нет сведений				69	357	686	407	102	225	881	390	75	127	328	638	146	253	329	1 162
Юрьевский . . .	63	110	76	297	60	69	204	181	91	86	233	215	118	75	196	341	151	78	212	525
Харьковский . . .	31	128	166	208	19	32	330	93	30	81	250	114	28	47	138	194	65	106	105	361
Казанский	нет сведений				на 1/1 1866 г.				нет сведений				46	52	141	224	70	72	88	476
					23	76	137	57												
Петербургский . .	нет сведений				25	235	279	—	73	192	718	—	91	392	594	—	246	758	641	—
Киевский	104	260	223	358	42	129	225	101	92	112	293	287	62	72	120	412	97	131	147	666
Одесский	—	—	—	—	22	64	92	—	27	120	266	—	39	81	153	—	90	146	109	—
Варшавский . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	59	239	406	369	37	58	197	295	32	107	198	309
Томский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
В с е г о: Историко-филологический					260				474 без Казани				496				897			
Физико-математический						962				1 055 без Казани				904				1 714		
Юридический							1 953				3 047 без Казани				1 867				1 831	
Медицинский								839				1 375 без Казани				2 114				3 499

Университеты	1885				1890				1895				1899			
	Ист.-фил.	Физ.-мат.	Юрич.	Медиц.	Ист.-фил.	Физ.-мат.	Юрич.	Медиц.	Ист.-фил.	Физ.-мат.	Юрич.	Медиц.	Ист.-фил.	Физ.-мат.	Юрич.	Медиц.
Московский	276	497	844	1 257	214	777	1 215	1 265	266	826	1 530	1 284	223	1 167	1 733	1 284
Юрьевский	211	137	287	840	148	188	160	1 032	43	83	95	859	81	164	386	963
Харьковский	79	174	183	644	34	на 1/1 1891 г. 132	250	587	43	132	330	770	36	197	445	709
Казанский	72	136	220	497	32	92	223	350	32	113	186	420	33	160	162	463
Петербургский . . .	263	1 037	906	—	115	689	875	—	187	1 030	1 462	—	178	1 236	2 192	—
Киевский	181	290	477	873	61	265	725	857	53	332	942	986	68	396	1 247	895
Одесский	64	218	291	—	42	152	234	—	46	209	248	—	34	343	337	—
Варшавский	48	150	462	593	53	143	389	579	27	101	310	454	32	174	533	375
Томский	—	—	—	—	—	—	—	190	—	—	—	397	—	—	147	310
В с е г о: Историко- филологический	1 194				729				697				685			
Физико-математи- ческий		2 465				2 438				2 826				3 837		
Юридический			3 670				4 071				5 103				7 182	
Медицинский				4 704				4 860				5 171				4 999

В таблицах (см. стр. 62—64) данные о сословном происхождении студентов сведены в 6 основных групп: *а* — дети дворян и чиновников (в переписи 1880 г.: a_1 — потомственные дворяне и a_2 — дети личных дворян); *б* — дети священно- и церковнослужителей; *в* — дети почетных граждан и купцов (в Петербургском университете до 1897 г. купцы 2-й гильдии объединялись с мещанами в группе *г*; лишь с 1898 г. купцы 1-й и 2-й гильдий соединены вместе); *г* — дети мещан, разночинцев, ремесленников; *д* — дети крестьян и казаков; *е* — дети иностранцев, в том числе и русских подданных (для переписи 1880 г. эта группа обозначает все другие сословия). Данные по Одесскому университету за 1895 и 1900 гг., взятые из «Отчетов министра народного просвещения», объединяют группы *в*, *г* и *д* в одну.

При всей неопределенности в вопросе о доходах и занятиях родителей при учете происхождения по сословиям таблицы подтверждают преобладающий буржуазный и мелкобуржуазный состав студенчества. Сословная принадлежность к дворянству покрывала пеструю массу людей, различных по социальному положению, в том числе деклассированных дворян — фактических разночинцев. Разночинцы же из городских сословий и духовенства постоянно составляли значительную часть студенчества.

Таблицы показывают, что в 1880 г. дети потомственных и личных дворян в 8 университетах составляют 46,5% — это совпадало с процентом дворян и чиновников в гимназиях и прогимназиях (47,6). В 1895 г. дворян в 7 университетах (кроме Киевского) было 45,5%, в 1900 г. — 51,8%. Детей духовенства в университетах было гораздо больше, чем в гимназиях и прогимназиях, где в 1880 г. насчитывалось их всего 5,1%, в университетах — 24,1%. По отдельным университетам дети духовенства составляли: в Харьковском — свыше 38%, в Казанском — свыше 42, в Одесском — свыше 51%. В 1895 г. процент детей духовенства сильно снижается как результат заграждения в 1879 г. доступа в университет семинаристам и вновь увеличивается в 1900 г. в связи с наплывом семинаристов в Юрьевский университет.

Детей городских сословий (вместе высших и низших) в университетах в 1880 г. было 21% — гораздо меньше, чем в гимназиях и прогимназиях. Но позже процент го-

родских сословий заметно возрастает, составив (по 6 университетам, кроме Одесского, где данные не дифференцированы) в 1895 г. 40,9, а в 1900 г. — 31,5%. При этом преобладали низшие слои — мещане, разночинцы, ремесленники. В 1880 г. они выделялись численностью лишь в Варшавском и Киевском, а в дальнейшем составляли значительную часть студенчества и в Московском, и в Петербургском, и в Юрьевском, и в Варшавском университетах.

Таблицы дают представление и о проникновении в высшую школу выходцев из крестьянства.

В 1880 г. крестьян в университетах было всего 2,9% — намного меньше, чем в гимназиях и прогимназиях (8%). Но если реакционная чистка в гимназиях понизила в них процент крестьян до 5,9 в 1892 г., то в университетах крестьяне все же пробили себе дорогу: в 1895 г. их было — 6,8%, в 1900 г. — 5,3% (по 6 университетам, кроме Одесского, где данные о крестьянах не уточнены).

Приведем более подробные данные по отдельным университетам (Петербургскому, Московскому и Дерптско-Юрьевскому), для которых имеются сведения об изменении сословного состава студенчества, охватывающие последовательный ряд лет.

В Петербургском столичном университете наибольшее количество дворян: в 1861 г. они составляют 80%, в 80-х годах этот процент снижается до 54—55 и вновь повышается к 1900 г. до 68,4. Особенно велико преобладание дворян на юридическом факультете — фабрике либеральных чиновников и либеральных юристов. Характерно для столичного университета очень малое число крестьян: в 1861 г. их нет совсем, в 1880 г. — около 2%, позже — около 3,5%. Городские сословия составляют около 20—30%, преобладание низших слоев среди них незначительно.

В Московском университете в 1861 г. дворяне составляли свыше 70%; процент их понижается к 1895 г. до 40,8, а в 1900 г. вновь повышается до 56,2, как и в Петербургском. Но гораздо заметнее рост низших городских сословий: в 1890 г. их было 24,5% — вдвое меньше, чем дворян, а в 1895 г. почти столько же, сколько дворян, — 38,4%. Много в Московском университете и крестьян — больше, чем в других университетах. От общего количества крестьян, учившихся в 6 университетах,

Сословный состав студентов 8 университетов в 1880 г.

Университет		Сословные группы							Общее число
		<i>a</i> ₁	<i>a</i> ₂	<i>б</i>	<i>в</i>	<i>г</i>	<i>д</i>	<i>е</i>	
	Число в ‰	372	512	413	187	211	62	112	1 876
Московский		19,8	27,1	21,1	25,4	21,3	26,6	27,8	23,0
		435	466	380	159	160	31	16	1 647
Петербургский	•	23,1	24,4	19,4	21,6	16,2	13,3	4,0	20,6
		224	208	81	122	118	62	134	949
Юрьевский	•	11,8	10,9	4,1	16,6	12,0	26,7	33,1	11,7
		139	119	253	56	49	8	32	656
Харьковский	•	7,4	6,3	12,8	7,6	5,0	3,4	7,9	8,0
		75	149	299	59	51	26	47	706
Казанский	•	4,0	7,8	15,3	8,0	5,2	11,1	11,5	8,7
		364	138	72	26	177	17	10	804
Варшавский	•	19,2	7,2	3,7	3,5	17,8	7,3	2,5	9,9
		42	35	179	19	42	7	22	346
Одесский	•	2,2	1,8	9,1	2,6	4,3	3,0	5,5	4,2
		234	277	285	108	181	20	31	1 136
Киевский	•	12,5	14,5	14,5	14,7	18,3	8,6	7,7	13,9
Всего	•	1 885	1 911	1 962	736	989	233	404	8 120
		100	100	100	100	100	100	100	100
В ‰ к общему числу		23,2	23,4	24,1	9,0	12,0	2,9	5,4	100
		46,6							

Сословный состав студентов 7 университетов в 1895 г.

89

Университет		Сословные группы						Общее число
		<i>а</i>	<i>б</i>	<i>в</i>	<i>г</i>	<i>д</i>	<i>е</i>	
Московский	Число в %	1 753	241	234	1 654	304	107	4 293
		<u>32,6</u>	<u>40,7</u>	<u>26,6</u>	<u>44,0</u>	<u>39,6</u>	<u>44,0</u>	<u>36,2</u>
Петербургский	«	1 950	140	143	666	106	52	3 057
		<u>36,3</u>	<u>23,6</u>	<u>16,2</u>	<u>17,7</u>	<u>13,8</u>	<u>21,4</u>	<u>25,8</u>
Юрьевский	«	252	8	254	278	171	24	987
		<u>4,7</u>	<u>1,4</u>	<u>28,9</u>	<u>7,4</u>	<u>22,3</u>	<u>10,0</u>	<u>8,4</u>
Харьковский	«	472	56	170	448	103	26	1 275
		<u>8,8</u>	<u>9,5</u>	<u>19,4</u>	<u>11,9</u>	<u>13,4</u>	<u>10,6</u>	<u>10,7</u>
Казанский	«	333	59	62	248	46	3	751
		<u>6,2</u>	<u>10,0</u>	<u>7,0</u>	<u>6,6</u>	<u>6,0</u>	<u>1,2</u>	<u>6,4</u>
Варшавский	«	380	50	17	464	38	17	966
		<u>7,1</u>	<u>8,4</u>	<u>1,9</u>	<u>12,4</u>	<u>4,9</u>	<u>7,0</u>	<u>8,2</u>
Одесский	«	236	38		215		14	503
		<u>4,3</u>	<u>6,4</u>				<u>5,8</u>	<u>4,3</u>
Группы <i>в</i> , <i>г</i> , <i>д</i> без Одессы . .	«	—	—	880	3 758	768	—	—
				<u>7,7</u>	<u>33,2</u>	<u>6,8</u>		
Всего	«	5 140	554		5 621		243	11 832
		<u>100</u>	<u>100</u>		<u>100</u>		<u>100</u>	<u>100</u>
В % к общему числу . . .		45,5	5,0		47,5		2,0	100

Сословный состав студентов 7 университетов в 1900 г.

Университет		Сословные группы						Общее число
		<i>а</i>	<i>б</i>	<i>в</i>	<i>г</i>	<i>д</i>	<i>е</i>	
Московский	Число в ‰	2 260	221	551	698	221	74	4 025
		<u>33,5</u>	<u>18,1</u>	<u>37,8</u>	<u>28,8</u>	<u>33,7</u>	<u>36,0</u>	<u>31,0</u>
Петербургский	«	2 451	152	419	391	124	47	3 584
		<u>36,4</u>	<u>12,4</u>	<u>28,7</u>	<u>16,1</u>	<u>18,9</u>	<u>22,8</u>	<u>27,5</u>
Юрьевский	«	302	646	174	258	150	13	1 543
		<u>4,5</u>	<u>53,0</u>	<u>11,9</u>	<u>10,6</u>	<u>22,9</u>	<u>6,3</u>	<u>11,8</u>
Харьковский	«	563	47	219	289	92	24	1 234
		<u>8,3</u>	<u>3,8</u>	<u>15,0</u>	<u>11,9</u>	<u>14,0</u>	<u>11,7</u>	<u>9,6</u>
Казанский	«	412	68	68	234	37	4	823
		<u>6,1</u>	<u>5,6</u>	<u>4,7</u>	<u>9,7</u>	<u>5,6</u>	<u>1,9</u>	<u>6,3</u>
Варшавский	«	441	54	27	554	32	19	1 127
		<u>6,5</u>	<u>4,4</u>	<u>1,9</u>	<u>22,9</u>	<u>4,9</u>	<u>9,2</u>	<u>8,7</u>
Одесский	«	320	33		285		25	663
		<u>4,7</u>	<u>2,7</u>				<u>12,1</u>	<u>5,1</u>
Группы в, г, д без Одессы . .	«	—	—	1 458	2 424	656	—	—
				<u>11,8</u>	<u>19,7</u>	<u>5,3</u>		
Всего	«	6 749	1 221		4 823		206	12 999
		<u>100</u>	<u>100</u>		<u>100</u>		<u>100</u>	<u>100</u>
В ‰ к общему числу . . .		51,8	9,1		37,2		1,6	100

в Москве их было в 1895 г. около 40%, в 1900 г. — почти 34%.

В Юрьевском университете наблюдаются свои местные особенности. Это университет буржуазного типа. Здесь меньше всего дворян: в 1880 г. — 45,6%, а в 1900 г. — 19,5%. Много студентов из городских сословий: с 1885 г. они составляют больше половины всего состава студентов. Крестьян также значительное количество (очевидно, это сыновья прибалтийских зажиточных фермеров): в 1885 г. — 8,7%, а в 1895 г. — 17,3%. В 1900 г. обычные пропорции смещены нашествием семинаристов, процент которых поднимается до 42.

Данные о составе студентов специальных вузов во избежание повторений мы приведем в соответствующих главах. Эти данные гораздо беднее и хуже разработаны.

Необходимо также использовать материал о сословном составе учащихся высших учебных заведений, зафиксированный Всеобщей переписью населения 1897 г. Переписью зарегистрировано наличие учившихся в разное время в университетах и других высших учебных заведениях (97,6 тыс. мужчин и 6,3 тыс. женщин по империи, в том числе 80,4 тыс. и 5,8 тыс. по Европейской России), а также учившихся в специальных и технических высших учебных заведениях (29,6 тыс. мужчин по империи и 24,9 тыс. по Европейской России; женщин в этом разделе всего 619 человек). Эти цифры, очевидно, не соответствуют ни действительному количеству учившихся в вузах (нам неизвестно, какая часть из них оставалась в живых ко времени переписи), ни действительному количеству окончивших вузы (вопрос о законченности образования переписью не ставился). Однако зафиксированное в переписи сословное происхождение учившихся в вузах дает нам добавочный и очень ценный материал, отражающий степень доступности высшего образования для различных слоев общества во второй половине XIX в.

В таблицу (см. стр. 66) включены четыре основные сословные группы, остальные опущены. Не включены учившиеся женщины вследствие их малочисленности. На 6,9 тыс. женщин приходилось 4,2 тыс. из дворян и 1,3 тыс. из городских сословий.

Таким образом, подтверждается в широком масштабе, что высшая школа была реально доступна преиму-

**Распределение учившихся в вузах
по сословиям родителей по переписи 1897 г.
(в тыс.)**

По Империи					По Европейской России				
Общее число	Дво- ряне	Духо- вен- ство	Городск. сосл.	Сельск. сосл.	Общее число	Дво- ряне	Духо- вен- ство	Городск. сосл.	Сельск. сосл.

Учившиеся в университетах и других вузах

97,6	69,6	5,2	18,4	1,8	80,4	56,9	4,3	15,4	1,4
100%	71,4	5,3	18,9	1,8	100%	70,7	5,3	19,2	1,7

Учившиеся в специальных и технических вузах

29,6	19,5	0,3	7,5	0,9	24,9	16,0	0,2	0,6	0,8
100%	65,0	1,0	25,3	3,0	100%	64,4	0,8	2,4	3,2

Всего

127,2	89,1	5,5	25,9	2,7	105,3	72,0	4,5	16,0	2,7
100%	70,0	4,3	20,3	2,1	100%	68,2	4,3	15,2	2,6

щественно детям дворян и чиновников и в значительно меньшей мере городским сословиям, т. е. всего двум малочисленным слоям общества. А на миллионные массы крестьянского населения приходилось менее 3% из учившихся в высшей школе.

Конечно, численность интеллигенции неадекватна количеству выпускников высшей школы. К интеллигенции, как мы знаем, относятся и другие группы, да и самая принадлежность к интеллигенции определяется не только знаниями, но и трудовой деятельностью. Но, уточняя контингент получивших высшее образование, мы более или менее конкретизируем представление о численности интеллигенции в определенную эпоху. До сих пор этот вопрос не изучался вплотную.

Собранные нами материалы о числе окончивших курс высшей школы за вторую половину XIX в. и полученные итоги чрезвычайно интересны. Они показывают один из результатов культурного развития страны. Еще большее значение приобретают эти итоги при сравнении их с теми кадрами окончивших курс высшей школы, с ка-

кими Россия подходила к началу капиталистической эпохи.

Мы сделали попытку учесть эти предреформенные кадры. Допуская, что средний срок служебной работоспособности учителя, врача, образованного чиновника равняется двадцати пяти годам, мы считали выпущенных университетами и институтами примерно за 20-летний период до принятой нами начальной разделительной даты 1858/59 г. Некоторые технические институты, существовавшие в крепостную эпоху, получили статус высшей школы в 60-х годах; поэтому учет их выпускников мы довели до этой их реорганизации.

Оговариваем также, что мы не имели дифференцированных данных о выпускниках привилегированных учебных заведений, готовивших административные кадры.

По неполным данным, перед началом капиталистической эпохи в России имелось более 13 тыс. специалистов по гуманитарным профессиям и врачей и около 4,5 тыс. по техническим и сельскохозяйственным профессиям¹¹. Крайняя недостаточность этих кадров для задач, поставленных общественным развитием, была очевидна.

Теперь обратимся к итогам подготовки образованных кадров в пореформенной России до конца XIX в. Задача собирания этого материала облегчалась наличием во всех высших учебных заведениях учета закончивших курс. Однако по университетам учет этот оказался крайне запутанным.

В сводке «Число окончивших курс в университетах» за 1856—1900 гг. использовались данные, разработанные историками университетов, и университетские отчеты. Приходилось преодолевать неточности и разноречивость в системах учета; поэтому итоги таблицы не могут претендовать ни на полноту (ввиду пробелов в источниках), ни на абсолютную статистическую точность. Установлению более точных данных мешали следующие затруднения: прежде всего практиковавшаяся в некоторых университетах (например, в Московском в 1870—1878 гг.) система, когда учитывались не окончившие курс, а получившие ученые степени и звания: степень кандидата и звание действительного студента, а по медицинскому факультету — степень лекаря. По уставу 1863 г., при университетах могли держать испытания на степень кандидата и «посторонние» (вольнослушатели), и экстерны.

Медицинские факультеты присуждали не только степень лекаря, но и разнообразные «практические звания» как врачам, так и среднему медицинскому персоналу. Поэтому в ряде случаев общий учет получивших степени и звания не совпадал с числом окончивших курс по факультетам.

Отсутствовал учет выпускников по Харьковскому университету за 1882—1890 и по Киевскому — за 1884—1893 гг. Не было учета выпускников по Казанскому университету за 1865—1872 гг. Последний пробел мы заполнили, выделив данные об окончивших курс за этот период из общего списка всех поступивших студентов, зарегистрированных в книге А. И. Михайловского.

Точному учету выпускников мешала двойная система экзаменов, существовавшая в переходный период введения устава 1884 г.: поступившие при старом уставе сдавали экзамены на степени и звания, а с 1889 г. утвердилась система государственных испытательных комиссий, выдававших дипломы 1-й и 2-й степени. Какое-то время оба порядка существовали одновременно, что вносило путаницу в учет выпускников. В Варшавском и Юрьевском университетах удерживалась система выпуска кандидатов и действительных студентов.

К запутанности учета, заставлявшей критически взвешивать каждую цифру, прибавлялись еще погрешности составителей отчетов — пропуски за отдельные годы, отсутствие распределения окончивших по факультетам за ряд годов, несовпадение итогов и т. п. В некоторых случаях систематический учет окончивших нарушался последствиями студенческих волнений, как, например, в Казанском университете в 1899 г.

В сводке сведены воедино разнообразные системы учета. В случаях несовпадения итоговых данных об окончивших курс и об их распределении по факультетам бралась большая цифра, вернее, по нашему мнению, отражавшая действительное число получивших законченное высшее образование. Для медицинских факультетов, где большое количество экстернов добивалось «практических званий», учитывались только лекари.

Материалы об окончивших курс обычно содержат также распределение их по факультетам. Эти сведения подробно используются нами в дальнейших главах о различных группах интеллигенции.

**Число окончивших курс в университетах
с конца 50-х годов по 1900 г.**

А. По полным данным

Петербургский	1859—1900	11 277
(1859—1868 гг.—1 147; 1870—1900 гг.—10 130)		
Московский	1856—1900	18 846
(1856—1869 гг.—2 436; 1870—1878 гг.—4 350; 1879—1900 гг.—12 000)		
Казанский	1859—1900	4 181
(1859—1872 гг.—854; 1873—1888 гг.—1 707; 1889—1900 гг.—1 620)		
Юрьевский	1859—1900	6 172
Одесский	1868—1900	2 942
Варшавский	1870—1900	5 126
Томский	1893—1900	335

В с е г о . . . 48 879

Б. По неполным данным

Харьковский	1864—1900	3 564
(1864—1881 гг.—1 412; 1891—1900 гг.—2 152)		
Киевский	1859—1900	5 513
(1859—1883 гг.—3 149; 1894—1899 гг.—2 364)		

В с е г о . . . 9 077

К этим 58 тыс., по неполным данным, выпускников 9 университетов мы должны прибавить окончивших по другим специальным вузам юридического и историко-филологического профиля. Их выпускали особые институты, приравненные к университетским факультетам.

Преобразованный Демидовский юридический лицей в 1874—1900 гг. выпустил 1241 человек. По Александровскому лицей и Училищу правоведения мы располагаем только суммарными данными; Училище правоведения с первого выпуска в 1840 г. до 1896 г. дало 1616 юристов. Александровский лицей с 1844 по 1895 г. дал 997 выпускников. Для изучаемого периода можно учесть приблизительно 1700 человек.

Петербургский историко-филологический институт в 1871—1900 гг. выпустил 562 человека. В Нежинском историко-филологическом институте в 1875—1900 гг. окончил курс 321 человек.

Медико-хирургическая (с 1881 г. Военно-медицинская) академия с 1857 по 1900 г. выпустила 5,2 тыс. военных врачей¹².

**Число окончивших курс в институтах
в 60—90-х годах XIX в.¹³**

Институт	Годы	Выпущено инженеров
Петербургский технологический	1866—1900	2 924
Инженеров путей сообщения	1865—1900	2 487
Гражданских инженеров	1860—1900	1 231
Горный	1866—1900	1 069
Московское техническое училище	1871—1900	1 517
Межевой	1858—1897	1 094
Рижское политехническое училище	1865—1900	1 901
Электротехнический	1891—1902	256
Харьковский технологический	1891—1900	652

Агрономов и лесоводов было выпущено 3,8 тыс.: Петровской академией за 1865—1893 гг. — 1012 человек, Петербургским лесным институтом за 1867—1900 гг. — 1543 и Ново-Александрйским институтом за 1872—1900 гг. — 1044 человека¹⁴.

Самый общий обзор формирования профессиональной интеллигенции во второй половине XIX в. показывает большой рост числа специалистов. Если к началу 60-х годов в России имелось примерно 20 тыс. людей с высшим образованием, то к концу века было заново подготовлено высшими учебными заведениями гражданских ведомств около 85 тыс. людей, годных к выполнению функций интеллектуального труда. Этот факт имел огромное значение.

Завершался один исторический период в жизни интеллигенции капиталистической России и начинался новый, предъявлявший другие масштабы и требовавший других темпов роста кадров интеллигенции.

3.

ЧИНОВНИКИ, ОФИЦЕРЫ, ДУХОВЕНСТВО

Государственные служащие в капиталистической России в огромном своем большинстве не принадлежали к интеллигенции. Но обслуживание государственной надстройки интеллектуальным трудом, безусловно, имело место.

Государственный аппарат, выполняющий функции управления, не может работать без привлечения специалистов различных профессий. Но по сути своей в эксплуататорском обществе он глубоко антиинтеллектуалистичен¹. Он должен держаться только на служебной иерархии, исключаяющей какую-либо критику. «И в самом деле, — замечал В. И. Ленин, — если люди, исполняющие те или иные общественные функции, будут цениться не по своему служебному положению, а по своим знаниям и достоинствам, — то разве это не ведет логически неизбежно к свободе общественного мнения и общественного контроля, обсуждающего эти знания и эти достоинства? Разве это не подкапывает в корне те привилегии сословий и чинов, которыми только и держится самодержавная Россия?»²

Критерием годности чиновника, офицера, священника является степень его исполнительности. Не только для низших категорий чиновников государственного аппарата, которые не облечены прерогативами власти, но и для руководящего звена этого аппарата, высших государственных служащих и должностных лиц, общественной функцией является «не умственный труд, как таковой, создающий какие-то ценности, а исполнение определенной деятельности, несение определенных обязанностей»³.

Профессиональная подготовка образованных чиновников, военного командования, высшего духовенства занимала видное место в системе государственного выс-

шего образования царской России. Особенно широкое развитие получило юридическое образование.

Не удовлетворяясь унаследованными от крепостной эпохи чиновничьими кадрами, русское самодержавие с начала 60-х годов предприняло ряд мер к усовершенствованию своего аппарата, главным образом по укреплению губернской администрации, жандармерии, полиции, тюремного ведомства и т. п. Эти «улучшения» в основном ставили целью усиление надзора над всем новым, вызванным к жизни вынужденными буржуазными реформами, укрепление позиций административного произвола перед буржуазной законностью, а также ограждение чиновничества от какой-либо общественной критики. В 1887 г. издается закон, изымающий дела о преступлениях должностных лиц и против должностных лиц из ведения суда присяжных, потому что представителей власти «недостойн судить суд улицы»⁴.

Русские чиновники в иерархическом порядке распределялись на три категории: министерских, губернских и уездных. Какова была их численность? В 40-х годах XIX в. число штатных мест по гражданскому ведомству доходило приблизительно до 35 тыс.⁵ Сюда входили не только чиновники административных учреждений, но и административный персонал учебных заведений, штатный профессорско-преподавательский персонал и проч. По переписи 1897 г., «чинов» только административного и судебного ведомств насчитывалось уже по всей империи 42 тыс.; на уездных чиновников из них приходилось около 10%. На этих «чинов» работала, кроме того, армия нечиновных канцелярских служащих, которых было до 46 тыс.

Отметим здесь своеобразную точку зрения на чиновничество Н. А. Рубакина, который устанавливал принадлежность служащего к «государственному организму» по признаку его назначения и утверждения органами власти. Под этот признак, т. е. особый способ найма, по мнению Рубакина, подходило огромное количество служащих и интеллигенции, до 435,8 тыс. по разным рубрикам переписи 1897 г., и сверх того многие, которых невозможно выделить из других рубрик⁶.

Мы не можем согласиться с такой точкой зрения. Правда, многие категории профессиональной интеллигенции были государственными служащими и получали

оклады из государственного бюджета. Но в этом проявлялось одно из исторических условий существования интеллигенции, в котором отражался пережиток крепостной эпохи — значение табели о рангах. Табель, установленная в петровское время, сыграла большую роль в создании новых кадров служилого дворянства, в укреплении иерархии служебных чинов вместо феодальных привилегий рождения. В капиталистической России, несмотря на размывание сословных пережитков, табель все же оставалась архаическим, но вполне реальным фактом действительности, одной из правовых опор государственного аппарата.

Напомним, что собой представляла к этому времени табель о рангах. Во-первых, в ней сохранялось феодальное преимущество военной службы над гражданской. Получение сословных привилегий на гражданской службе для тех, кто не родился потомственным дворянином, делилось на три этапа: чиновник, произведенный в первый чин 14-го класса (коллежского регистратора), получал личное почетное гражданство; дослужившись до чина 9-го класса (титулярного советника), он получал личное дворянство, распространявшееся на жену; дослужившись до чина 4-го класса (действительного статского советника), он получал потомственное дворянство. Производство в чины шло регулярно, по выслуге лет. При выходе в отставку неопороченный чиновник производился в следующий, очередной чин. При отставке в 14-м классе он получал так называемый обер-офицерский чин губернского секретаря. Потомственное дворянство давалось лишь тем действительным статским советникам, которые получили свой чин на службе, а не при отставке.

Условия военной и военно-морской службы были более льготными. Личное дворянство получали офицеры уже в чине 12-го класса (подпоручика). Дослужившись до определенного класса (полковника), офицер получал потомственное дворянство. Для морских офицеров служебный путь был еще короче, имел меньшее число ступеней⁷.

Высокие чины уже независимо от выслуги лет, а в качестве пожалования получали награждаемые высшими орденами. Эти ордена раздавались царем и чрезвычайно ценились.

Для канцеляристов и нижних чинов (солдат), дослужившихся до первой ступени, табель открывала лестницу выслуги, давая новое сословное положение и чин, т. е. вводя в гражданские и военные ранги. Табель стимулировала усилия разночинцев получить образование: успешное окончание среднего учебного заведения давало детям неподатных сословий право на первый чин при вступлении в государственную службу. Окончание курса высшего учебного заведения давало уже право на чины 12-го и 10-го класса, а для крестьян и мещан являлось само по себе выходом из податного сословия. Высшие ученые степени соединялись с высокими чинами.

Табель была лестницей сословных привилегий за государственную службу для тех, кто не имел их по праву рождения, и шкалой социального положения, связанного с высоким чином, независимо ни от должности, ни от специальности, ни от качества работы и личных способностей.

С целью ограничить доступ к дворянским сословным привилегиям право на получение потомственного дворянства было в 1845 и 1856 гг. отодвинуто выше, чем было прежде. Однако в действительности эта мера привела к расширению прав чиновничества. Большая часть чиновников по управлению и судебной части теперь могла быть из «недворян» (т. е. из получивших право личного дворянства на службе) ⁸.

Таким образом, русское чиновничество по существу было недворянским. В. И. Ленин отмечал, что «у всех других слоев (буржуазии, мелкой буржуазии, «интеллигенции» вообще) есть нити, связывающие его с чиновничеством...» ⁹. Он опирался не только на западноевропейскую, но и на русскую действительность, когда утверждал: «...всякая бюрократия и по своему историческому происхождению, и по своему современному источнику, и по своему назначению представляет из себя чисто и исключительно буржуазное учреждение...» ¹⁰ В то же время Ленин говорил о господстве над народом «замечательно организованной, идейно сплоченной, традиционно-замкнутой бюрократии» ¹¹.

Табель о рангах соединяла чиновничество в единую корпорацию узкокарьерными интересами. Она способствовала распространению рабской психологии чиновпо-

читания и безответственности. Мелкий чиновник мог выслужиться, но он должен был хорошо чувствовать неизмеримую пропасть между собой и высокопревосходительными «особами». В действительности армия чиновников, как гражданских, так и военных, состояла из немногочисленного генералитета, хозяев или почетных нахлебников государственного аппарата и огромной массы подчиненных им слуг. Внутренние противоречия чиновничьего мира ярко обрисовал А. В. Никитенко. «Всякий чиновник, — писал он в своем дневнике, — есть раб своего начальника, и, право, нет рабства более жестокого и позорного, чем это рабство. Чиновник еще счастлив, если он глуп: он тогда, пожалуй, даже может гордиться своим рабством. Но если он умен, положение его ужасно»¹².

Подготовка «чинов» для государственного аппарата отражала социальную структуру российского чиновничества: по-разному готовились работники для привилегированных должностей и для рядовой чиновничьей службы.

Среди рассадников высшего чиновничества в первую очередь назовем Пажеский корпус. Основанный в XVIII в., в начале XIX в. это был обычного типа кадетский корпус, отличавшийся тем, что выпускники его получали придворное звание пажей и камер-пажей. В корпус принимались дети потомственных дворян, часто по личному отбору царя. Специального образования Пажеский корпус не давал; лишь в 1865 г. при реформе военно-учебных заведений в нем были созданы два специальных класса, отнесенных к высшим военным училищам. Придворные звания обеспечивали его воспитанникам быструю чиновничью карьеру. Этот корпус — «фабрика высшей российской бюрократии» (по выражению Н. А. Рубакина) — с 1858 по 1900 г. выпустил 1395 человек, из которых вышло множество высокопоставленных администраторов, усмирителей и проч.¹³

Привилегированным учебным заведением для потомственных дворян, выпускавшим чиновников, предназначенных «к важным частям службы государственной», был Александровский (до перевода в Петербург в 1844 г. — Царскосельский) лицей. В петербургский период лицеисты шли главным образом в Министерство внутренних дел. Выпускники лицея, окончившие курс

«с успехом», получали право на чин 9-го класса (таких было больше половины).

Лицей, стоявший особняком в системе образования (с 1843 г. он находился в ведении 4-го отделения «собственной е. и. величества канцелярии», позже названного Ведомством учреждений императрицы Марии), сохранял характер общеобразовательной, энциклопедически широкой, хотя и элементарной, школы. Только в 1877 г. он получил специализированную учебную программу, превратившись, по словам учившегося в нем Г. Н. Вырубова, в «сочетание плохой реально-классической гимназии и недоделанного камерально-юридического факультета». Из старого сохранилось одно, писал Вырубов, — исключительные служебные права, которые прежде давались молодежи, действительно исключительно образованной, а теперь даются юношам с подготовкой несравненно ниже университетской¹⁴.

Третьим привилегированным заведением, выпускавшим чиновников преимущественно для Министерства юстиции, было созданное в 1835 г. Училище правоведения. В него также принимались только потомственные дворяне. Обучение велось лучшими преподавательскими силами своего времени. Более $\frac{3}{4}$ окончивших курс выходило с правом на чин 10-го и 9-го класса.

Вместе с подготовкой кандидатов на крупные административные посты еще в крепостное время готовились кадры на рядовые должности административного аппарата по облегченной и укороченной программе. В 1834 г. возник Демидовский лицей в Ярославле с трехлетним курсом юридических и камеральных (административно-хозяйственных) наук. Позже он был преобразован в более солидный Демидовский юридический лицей.

В 1840 г. появился в результате преобразования Гимназии высших наук в Нежине Юридический лицей князя Безбородко. Его целью объявлялось «распространение основательных сведений по части общественного законодательства». В трехгодичном курсе этого лицея не было ни римского права, ни политической экономии, ни международного права, но должен был изучаться Свод законов Российской империи. Окончившие получали право на чин 14-го и 12-го класса, а лучшие принимались без экзаменов в университет. Это было единственное в своем роде специальное среднее учебное заведение

юридического профиля, притягивавшее тех, кто не мог попасть в университет из-за плохой подготовки. В 1876 г. этот профиль Нежинского лицея был ликвидирован. За 1860—1875 гг. лицей Безбородко окончило 530 человек¹⁵.

Подготовка чиновников с юридическим образованием входила в задачу всех русских университетов. Юридические факультеты, делившиеся на разряды юридических и камеральных наук, были постоянно наиболее многочисленными по количеству слушателей, намного превосходя другие гуманитарные факультеты.

Проведение судебной реформы 1864 г. поставило задачу еще более усиленной подготовки юридических кадров. В 1869 г. число студентов-юристов составляло свыше половины (50,7%) студентов 8 университетов¹⁶. Столичные университеты были и оставались крупнейшими центрами юридического образования. В конце 80-х годов наблюдался новый наплыв юристов на столичные факультеты, а также в Киевский университет. Последний юридический факультет — в Томском университете — был открыт в 1898 г., когда новые судебные учреждения были введены в Сибири.

Число окончивших курс на юридических факультетах за вторую половину XIX в. составляет:

**По университетам,
без пробелов в статистике**

Петербургскому	за 1858—1900 гг.	6 284
Московскому	» 1856—1900 »	6 523
Юрьевскому	» 1858—1900 »	1 180
Одесскому	» 1868—1900 »	1 694
Варшавскому	» 1870—1900 »	1 808

Всего . . . 17 489

**По университетам с неполными
статистическими данными**

Киевскому	за 1859—1883 и 1894—1899 гг.	— 2 028
Харьковскому	» 1891—1900 гг.	— 653
Казанскому	» 1873—1898 »	— 942

Всего . . . 3 623

Исходя из средних показателей, мы можем дополнить недостающие по этим трем университетам данные об окончивших курс юристах, прибавив к итогу еще примерно 2,5 тыс. человек.

Надо также иметь в виду, что в отчетах некоторых университетов многие окончившие курс гуманитарных факультетов учитывались без точного распределения их по факультетам (по Варшавскому — 236 человек, по Казанскому — 133 и по Харьковскому — 994 человека). Большую часть их надо отнести к юридическим факультетам, что добавит еще около тысячи юристов.

В большинстве университетов юридические факультеты заполнялись преимущественно «детьми дворян и чиновников». Исключением являлся Одесский университет благодаря особому составу населения этого портового города. Среди юристов, выпущенных до 1890 г., здесь оказалось всего 29% дворян, 11,5% купцов и почетных граждан, более 19% мещан, около 15% обер-офицерских детей, более 16% детей духовенства и т. д.

Демократическим составом студенчества отличался также Демидовский юридический лицей, в 1868—1874 гг. преобразованный из Демидовского лицея. В нем было много детей мещан и купцов 2-й гильдии. Большинство лицеистов освобождалось от платы за учение по несостоятельности. В конце века Юридический лицей стал принимать даже семинаристов, наплыв которых в 1900 г. достиг почти 44%. С 1874 по 1900 г. лицей выпустил 1241 юриста, не уступая некоторым университетам¹⁷.

К юридическим кадрам второй половины XIX в. отнесем и кадры военной юстиции. Они готовились Военно-юридической академией, которая была основана в 1867 г. в связи с реорганизацией военно-судных учреждений на базе офицерских классов Аудиторского училища. Это училище, названное после реорганизации Военно-юридическим, продолжало выпускать чиновников военной юстиции. Академия же готовила военных юристов из офицеров. Большая часть их была выпущена в первые годы для нужд нового Военно-судебного управления. В 1871—1882 гг. окончило курс 515 офицеров и чиновников. В последующие годы Военно-юридическая академия выпускала в среднем около 15 офицеров в год¹⁸.

Таким образом, в капиталистической России XIX в. имелось, по неполным данным, более 30 тыс. людей с юридическим образованием, годных к чиновничьей службе. Где и как использовался их труд?

Спрос на образованное чиновничество предъявляли главным образом министерства и судебный аппарат. Что касается административно-управленческих должностей, то здесь образованность и квалификация играли несравненно меньшую роль.

Некоторое представление о распределении чиновничьих мест дают министерские штаты.

По данным Петербургской переписи 1869 г., крупные столичные штаты имели: Министерство финансов (свыше 2,4 тыс. чиновников и служащих), Министерство внутренних дел (свыше 1,4 тыс.), Министерство двора и уделов (свыше 700 человек), Министерство путей сообщения (580 человек), Государственный контроль (470 человек) и проч.¹⁹

Периферийные штаты ряда министерств также были велики. По данным, относящимся к началу XX в., наиболее крупными в этом смысле оказывались (учитывались чиновники с окладом не ниже 1 тыс. руб. в год): Министерство внутренних дел (свыше 8,8 тыс.), Министерство финансов (свыше 12,9 тыс.), Министерство юстиции (свыше 7,6 тыс.), Министерство двора и уделов (свыше 1,7 тыс.), Государственный контроль (свыше 1,1 тыс.) и т. д.²⁰ Эти кадры государственного управления, составлявшие исполнительный аппарат власти, были весьма далеки от общественных функций интеллигенции.

Встает вопрос о возможности выделения из многотысячного слоя образованного чиновничества хотя бы небольшой группы, способной обслуживать государственную машину действительно необходимым государству умственным трудом, способной организационно оформлять и представлять интересы господствующих классов в решении ответственных вопросов внутренней и внешней политики, экономики, юстиции, образования и т. п.

Если мы с порога отрицаем возможность выделения интеллигенции, например, в 10-тысячной массе (к концу XIX в.) офицеров жандармерии и полиции, то, может быть найдем ее элементы в чиновничьей элите, в аппа-

рате Министерства юстиции, Министерства народного просвещения и проч.?

Что собой представляла элита царского чиновничества? В любопытном «Альманахе государственных деятелей» конца XIX в. представлен весь верхний слой государственного и местного управления²¹. «Альманах» открывают 26 «особ» плодovitого «царствующего дома»; каждый из них чем-то управлял и что-то возглавлял. (В царской России все было «императорское»: театры, научные общества, высшие учебные заведения, благотворительные общества и т. п.) Далее идут в порядке бюрократической иерархии члены Комитета министров, члены Государственного совета, министры и главноуправляющие — не члены Государственного совета, сенаторы и товарищи министров. Затем отведено место высшему православному духовенству. Дальше следуют генерал-губернаторы, командующие войсками, попечители учебных округов, старшие председатели судебных палат, за ними — губернские предводители дворянства и, наконец, члены разных комитетов, советов, директора департаментов, начальники управлений и проч. Всего, кроме членов династии, альманах включает 774 имени. Почти все они, разумеется, дворяне. В Государственный совет входит аристократическое, титулованное дворянство. Происхождение из других сословий замалчивается. Эта высокопоставленная элита с презрением относилась к немногочисленным разночинцам, проникавшим в ее среду. «Шайкой канцелярских пролетариев» называл их А. А. Половцев²².

Если взять по величине окладов, то чиновничьей элитой были получавшие «доходы от личного труда» более 5 тыс. в год. В общей массе чиновничества они составляли очень малую долю. По данным начала XX в., имевших оклады от 5 до 10 тыс. в год было около 2 тыс. человек, от 10 до 20 тыс. — 282 человека, от 20 до 50 тыс. — 40 человек и свыше 50 тыс. — 10 человек²³.

Если же взять чиновничью элиту по чинам, то в нее входили «особы первых четырех классов», т. е. гражданские и военные генералы. В 1887 г. в России было по гражданскому ведомству 2283 действительных статских советника и 520 тайных советников. Действительных тайных советников было в 1883 г. всего 69 человек²⁴.

Огромное большинство высоких сановников, как во-

енных, так и гражданских, не имело высшего, а многие даже среднего образования. По данным упомянутого выше «Альманаха государственных деятелей» 1897 г., из 75 членов Государственного совета лишь 18 учились в университете, 15 — в Училище правоведения, 9 — в военных академиях.

Карьера и служебный успех в мире высшей бюрократии стояли в неизбежной зависимости от отношений с царским двором. Министры и прочие государственные деятели должны были погружаться в лабиринт придворных и великосветских интриг, взаимоотношений между многочисленными дворами великих князей и княгинь, соперничавших между собой за влияние на царя. В разрешение чисто деловых вопросов вмешивалась продажная придворная камарилья. В вымогательстве взяток от претендентов на железнодорожные концессии участвовала жена Александра II княгиня Юрьевская.

Политическая система неограниченной монархии исключала самостоятельную деятельность чиновников, и по сути дела решения, исходившие от верховной власти, становились произвольными. Министр внутренних дел П. Валуев справедливо замечал, что все управление для царя «становится рядом обрубков». Не имея возможности решить сложнейшие вопросы, встававшие перед государственной властью, Александр II тасовал своих верных, но неспособных «государственных деятелей» по всевозможным все новым и новым совещательным комитетам, бесплодно заседавшим многие годы. «Весь этот калейдоскоп комитетов и комиссий, — писал Валуев, — до того жалок и до того отвратителен, что я почти сам себя презираю по поводу моего в них участия»²⁵.

В общем-то у монархии было мало способных слуг. Поэтому она цепко держалась за «своих», стараясь избавляться от деятелей, отличавшихся от общего реакционного уровня и внесенных наверх в периоды вынужденных политических уступок и лавирования. Адлерберги, Долгоруковы, Гагарины, Муравьевы, Шуваловы, Строгановы, Дурново, Треповы, Тимашев, Мезенцев и прочие десятилетиями заполняют передний план государственного управления. Фаворитами царизма были такие люди, как Д. Толстой и К. Победоносцев²⁶.

Вот, например, Победоносцев, ученый-юрист, бывший профессор гражданского права, 25 лет занимавший

пост обер-прокурора Синода; Александр III пользовался его «высокоелейным» литературным красноречием, заказывая ему манифесты, рескрипты и проч. Победоносцев «очень импонировал своему полуграмотному бывшему ученику» как ученейший «выразитель излюбленных царем общих воззрений и провозгласитель эффектных, но лживых, не подлежащих исполнению слов»²⁷.

Или Валуев, колоритная фигура в невежественном мире высшей бюрократии, образованный, работоспособный, уверенный в своем превосходстве над окружающими и двуличный, лавирующий раб «высочайшей воли». Он верно служил монархии и дворянству, осыпая царскую политику насилия и лжи горькими сарказмами в своем дневнике. Он признавал «нынешнюю Российскую империю фактически обреченной на органическое изменение, быть может, даже на изменение с насильственным решением»²⁸, но отступить от реакционной практики не был способен.

Не было и не могло быть в этой среде чиновничьей элиты никакого «слоя», способного служить своим умственным трудом укреплению государственной надстройки. Это дело было в ведении реакционной публицистики — и в этом состоит весь секрет огромного, исключительного влияния и силы Каткова в правительственных сферах. Известно, что председатель Ученого комитета Министерства народного просвещения А. И. Георгиевский, ярый ревнитель классического образования, правая рука министра Д. Толстого, был «человеком Каткова». Катков же выдвинул в руководители тому же Толстому — уже министру внутренних дел — А. Д. Пазухина, выработавшего программу дворянских контрреформ 80-х годов²⁹.

Но могли появляться отдельные деятели, схватывавшие объективные потребности общественного развития и стремившиеся приспособить классовое государство к новым социальным условиям, чтобы тем укрепить его. Назовем Д. А. Милютина, чье имя связано с подготовкой и проведением буржуазной военной реформы, или Н. А. Милютина, проводившего аграрную реформу в Польше после восстания 1863 г., или С. Ю. Витте, который «старался внедрить в практику государственного правления России буржуазные методы»³⁰.

Внешние формы интеллектуального труда могли быть присущи некоторым министерским чиновникам, имевшим дело с законодательными проектами, уставами учреждений и учебных заведений, планами и программами, отчетностью и статистикой и т. п. Однако задачей образованных чиновников было вовсе не развитие просвещения, культуры, общественного правосознания, а подчинение развивающихся общественных сил политике правящих групп, т. е. в конечном счете интересам эксплуататорских классов.

Возьмем цензорскую службу. Казалось бы, труд цензоров, имеющих дело с литературой, обязанных вникать в ее содержание, является интеллектуальным трудом. В числе цензоров были известные писатели и поэты — И. А. Гончаров, А. Н. Майков, Я. П. Полонский, Ф. И. Тютчев (председатель Комитета иностранной цензуры) и др. В короткие периоды либерального лавирования правительства цензорские посты занимали такие деятели, как В. Н. Бекетов или председатель Петербургского цензурного комитета В. А. Цез, стремившиеся ладить с передовой литературой. После перехода цензуры в ведение Министерства внутренних дел оба они были уволены Валуевым³¹.

Но в большинстве цензурные чиновники несомненно принадлежали к числу весьма ревностных исполнителей внутренней политики самодержавия³². Цензор С. И. Коссович с цинизмом заявлял, что он чиновник, получающий 20-го числа жалованье, что законов в России нет, а имеется усмотрение начальства, от коего и зависит его двадцатое число. «Вы — литературный народ — враги этого начальства»³³. За служебные промахи цензоры лишались места.

Типичной фигурой для цензорского мира был Е. М. Феоктистов, выдвинутый Катковым на пост начальника Главного управления по делам печати (1883—1896 гг.). В 1887 г. за несообщение о смерти Каткова он запретил розничную продажу «Русских ведомостей», заявив: «Скверная газета: скверно говорит, скверно и молчит»³⁴.

Казалось бы, сфера деятельности Министерства народного просвещения требовала от его чиновников более широкого понимания интересов государственного дела. Но мы знаем, что правительство царской России держало в жестких рамках развитие народного образо-

вания, внешкольного просвещения, науки. В ряды высшего чиновничества в этой области обычно могли продвинуться только деятели, проводившие в жизнь политику правительства, инквизиторски надзиравшие за поведением и образом мыслей действительных тружеников народного образования. Таковы были попечители учебных округов и их помощники, окружные инспектора и проч. — узкая группа, не превышавшая в конце века нескольких десятков человек, оплачиваемая гораздо выше, чем профессора и академики. По данным 1889/90 г., попечитель Киевского округа получал 7,8 тыс. руб. в год, не считая казенной квартиры; попечитель Харьковского округа имел 8,7 тыс. руб.; Кавказского округа, по разным статьям дохода, — более 11 тыс. руб.; знаменитый обруситель, попечитель Варшавского округа А. Л. Апухтин — более 12 тыс. руб. в год³⁵.

Чиновники-просветители, иногда появлявшиеся в министерстве, были исключением. Таким исключением была, например, кратковременная деятельность известного ученого Н. И. Пирогова в должности попечителя Одесского, а затем Киевского учебного округа. Пирогов был очень далек от радикально-демократических воззрений, но он резко изменил атмосферу учебной жизни, добился фактического прекращения порки в школах, устроил, по выражению современников, «конституционный порядок» в Киевском учебном округе. Он поощрял возникновение первых воскресных школ, пытался защитить студентов, привлеченных к следствию, — участников Харьковско-Киевского тайного общества³⁶.

Деятельность И. Н. Ульянова занимает особое место в истории народного образования. Современники воспринимали как чудо появление в 1869 г. инспектора народных училищ Симбирской губернии, «с первого же шага отдавшего всю свою душу возложенной на него обязанности»³⁷. Симбирские учителя отмечали в 1895 г., что деятельность Ульянова, продолжавшаяся 16 лет, дала губернии 434 хороших народных училища с 20 тыс. учащихся³⁸.

Обратимся к ведомству юстиции, к той части административно-судебного аппарата, работа которой более других приближалась к обслуживанию государственной надстройки.

Ведомство юстиции поглощало значительную часть

получивших юридическое образование. Это ведомство систематически пополнялось прежде всего воспитанниками Училища правоведения. Первые десять выпусков училища влились в состав сенатских канцелярий, где в крепостное время число чиновников с высшим образованием было ничтожно. Правоведы пошли на первые должности реформированного суда, заполнив более ответственные места губернских прокуроров, председателей судебных палат и т. д.

Дерптский университет считал своей заслугой, что из его стен вышло более 800 чиновников с законченным и незаконченным образованием, к концу 80-х годов занимавших должности администраторов и судейских, адвокатов и дипломатов. Из 530 человек, окончивших Нежинский юридический лицей Безбородко в 1860—1876 гг., в судебные учреждения, нотариат и Министерство юстиции пошло 307 человек. Из общего числа 872 юристов Одесского университета, окончивших курс в 1868—1888 гг., имелись данные о службе в судебном ведомстве и занятиях адвокатурой 296 человек. Из юристов Демидовского юридического лицея в 1900 г. по Министерству юстиции служило 406 человек, адвокатурой занималось 100 человек³⁹.

Судебная реформа имела большое значение в создании профессиональной юридической интеллигенции. Новые судебные учреждения реализовались с апреля 1866 г., сначала в Петербурге и Москве, а к 1899 г. охватили уже всю территорию России. Учреждались один за другим округа судебных палат, располагавшихся в крупных центрах. В городах округа создавались окружные суды, для которых судебная палата служила высшей инстанцией. В ведении судебных палат находилась адвокатура, в ведении окружных судов — нотариат. Дела меньшей важности были подсудны мировым судьям. Институт мировых судей содержался органами городского самоуправления: мировые судьи были выборными. Высшей инстанцией для мировых судей были мировые съезды.

С возникновением новых округов судебных палат увеличивалось число судебных должностей. Так, в 1870 г. при 5 округах было 854 чиновника судебного ведомства (не считая судов, находившихся в стадии формирования), в их числе — председатели и члены судеб-

ных палат и окружных судов, судебные следователи, члены прокурорского надзора и проч. В 1880 г. при 7 округах было 2386 судейских чиновников, а в 1890 г. при 9 округах — 2900⁴⁰.

Новый суд должен был отличаться от дореформенного прежде всего уважением к закону. Чтобы чины судебного ведомства не брали взятки, судебные должности оплачивались гораздо выше, чем другие (такими же средствами достигалась честность акцизных чиновников Министерства финансов). Судьи были несменяемы.

Как наиболее демократическое учреждение нового суда современниками воспринимался мировой суд. Мировые судьи, участковые и почетные (работавшие без жалованья), избирались на три года. Находясь в контакте с разными слоями населения, они могли показывать на практике применение новых принципов равенства сословий перед законом.

Однако под новыми формами в судебных уставах содержалась заведомая возможность отступления от принципов демократического суда в области политической юстиции. Один из исследователей объясняет это противоречие как результат компромисса либеральных составителей новых уставов с властью, как уступку с целью провести принципы независимости суда хотя бы для неполитических дел⁴¹.

Это никак не соответствует действительному соотношению сил. Власть игнорировала все пределы этих «уступок» при ближайшем столкновении с революционным движением.

Что касается положения самих судей, то и оно изменилось в период контрреформ: уже в 1885 г. была ограничена их несменяемость и усилено их подчинение председателю судебной палаты и министру юстиции. Судья мог быть уволен без прошения, как любой чиновник, и даже за внеслужебные проступки, а его дисциплинарные дела рассматривались непублично и без права защиты.

Законами 12 июля 1889 г. вместо мировых судей были введены судебно-административные органы местной юстиции в лице земских участковых начальников и городских судей. Земские начальники по назначению административной власти заменили мировой суд в 37 внутренних губерниях России. Мировые судьи были оставлены

только в некоторых городах, в том числе в Петербурге, Москве, Казани, Нижнем, Харькове, Одессе, Саратове.

В первые свои годы судебная реформа была окружена ореолом восторженной идеализации. Эта идеализация хорошо отразилась в статьях известного судебного деятеля, талантливого публициста и мемуариста А. Ф. Кони. «Первое время, — писал Кони, — никто не смотрел на занятие новых должностей как на обычную рядовую службу [. . .] это была первая общественная любовь для многих». В первое десятилетие реформы большинство членов прокуратуры в столице и провинции смотрели на себя не как на обязательного обвинителя, а как на «говорящего публично судью», беспристрастно отыскивающего истину. Очень высоко ценя первых судебных деятелей, А. Ф. Кони оставил много сочувственных портретов и характеристик⁴². «Общее направление мировых судей первого избрания, — писал Кони, — сразу сделало их камеры не только местом отправления доступного народу правосудия, но и школою порядочности и уважения к человеческому достоинству». Особенно он выделял петербургского мирового судью О. И. Квиста, в камеру которого ходили учиться. «Этот маленький, живой, глубоко просвещенный человек, с умным и проницательным взглядом и лукавой усмешкой, стал председателем мирового съезда, устройство которого не раз потом признавалось образцовым»⁴³.

На примере А. Ф. Кони мы видим трудную судьбу человека, боровшегося за честь и независимость судьи. Кони был председателем Петербургского окружного суда во время суда над В. И. Засулич в 1878 г. Правительство, рассчитывая на безоговорочный обвинительный приговор, судило ее судом присяжных за преступление, объявленное уголовным, — покушение на обер-полицмейстера Ф. Трепова. Перед началом процесса Кони был подвергнут сильнейшему давлению со стороны власти, чтобы заставить его обеспечить такой приговор. Он был даже «удостоен» аудиенции у Александра II — из ряда вон выходящий факт нажима на судебного чиновника. Однако Кони вел процесс беспристрастно, как «нелицемерный слуга, а не прислужник правосудия». Когда Засулич была при общем восторге оправдана судом присяжных, негодование власти обрушилось на судью. Его заставляли подать в отставку и просить прощения у царя,

угрожая увольнением, т. е. крахом всей карьеры. Кони не отступил, не желая трусостью запятнать честь судьи, хотя больше всего его мучило, что правительство, не остановившись перед его увольнением, нанесет этим тяжелый удар принципу несменяемости судей.

Дальнейшая судебная служба Кони шла «горестно и трудно», в положении «лишь терпимого, но отчужденного судебного деятеля, которому решались предлагать сложить с себя судейское звание и которого подвергали разным видам служебных аварий — нравственных и даже материальных — до лишения преподавательской кафедры и назначения членом комиссии для разбора старых архивных дел включительно». Но в то же время Кони завоевал «беспрецедентный в истории императорской России общественно-правовой авторитет»⁴⁴.

Из среды пореформенных судебных деятелей вышел ряд представителей буржуазной интеллигенции, отражавших как ее либеральные, так и консервативные группировки. Но надо признать, что большая часть судебных работников оставалась царскими чиновниками. Из среды этих выложенных, бесстрастных, равнодушных молодых юристов выходило немало беспринципных карьеристов, выдвигавшихся своим усердием в политических процессах. Ретивый обвинитель на процессе первомайцев, Н. В. Муравьев стал впоследствии министром юстиции. Блестящая карьера ожидала военного прокурора В. Стрельникова, если б он не был казнен народовольцами.

Чиновники судебного ведомства и прокуратуры, не хотевшие быть пешками в руках реакции, были удаляемы на худшие должности или сами уходили, большей частью в адвокатуру. Так поступили, например, прокуроры В. И. Жуковский и С. А. Андреевский, отказавшиеся выступить обвинителями В. И. Засулич и снятые за это со своих постов.

Адвокатура считалась всегда одной из «свободных», «либеральных» профессий. Но состав адвокатуры тесно соприкасался и переплетался с составом чиновников судебного ведомства. Адвокаты не были чиновниками, но они организационно зависели от судебного аппарата. Объединяла их с судебными чиновниками и общая профессиональная подготовка.

Адвокатура появилась в России как органическая

часть нового судоустройства. В крепостной России не было обычного для буржуазных стран юридического обслуживания населения — нотариусов, адвокатских контор. Гражданские тяжбы вели «ходатаи, крючкотворы и челобитчики с заднего крыльца», по выражению А. Ф. Кони. Специальность «хождения по чужим делам» заключалась в знакомстве с лабиринтом судебной канцелярщины и в умении подсовывать взятки. За взятки решались и уголовные дела. Адвокатская организация существовала только в Царстве Польском (до 1876 г.) и в Прибалтийских губерниях (до 1889 г.), где от адвокатов требовалась высокая юридическая квалификация и присяга. С введением новых судов создавалось «сословие» присяжных адвокатов — защитников, занимавших необходимое место в судебном следствии.

Новая адвокатура — присяжные поверенные — получала свою сословную корпорацию во главе с выборным советом присяжных поверенных в каждом округе судебной палаты. Вступающие в корпорацию должны были иметь специальное образование и практический опыт. В их обязанности входила помимо платной практики защита подсудимых, не имевших адвокатов, по назначению председателя суда и бесплатная консультация для бедных.

Корпорация присяжных поверенных, однако, была слишком малочисленной и, как быстро она ни росла, не могла обслужить и малой доли нуждавшихся в юридической помощи. За недостатком адвокатских кадров был узаконен и пережиток ходатаев старого типа в виде «частных поверенных», от которых не требовалось ни образовательного ценза, ни сословной организации. Кроме того, существовала никак не регламентированная армия уличной адвокатуры — ходатаев по делам, имевших практику среди низших слоев населения.

Задуманная на высоком уровне система адвокатуры была быстро искажена российской действительностью. Уже в 1874 г., когда советы присяжных поверенных успели образоваться только в трех округах Петербургской, Московской и Харьковской судебных палат, их дальнейшее учреждение было остановлено и обязанности совета перешли к окружным судам. Это ущемляло независимость адвокатуры, а также вело к понижению общественного контроля в ее среде и, следовательно, к понижению ква-

лификации. Помощники присяжных поверенных были уравнены с частными поверенными, получив право самостоятельно вести дела. После пяти лет такой практики они переходили в присяжную адвокатуру, т. е. лишались необходимой школы адвокатуры и образовательной подготовки, оставаясь «чистокровными самоучками»⁴⁵.

Какова была численность адвокатуры в изучаемый период? В округе Петербургской судебной палаты за 1866—1888 гг. вступили в адвокатское «сословие» 484 человека; в помощники присяжного поверенного за 1873—1888 гг. вступило 706 человек. Вследствие текучести кадров этой профессии в 1888 г. их оставалось всего около 500 человек. В округе Московской судебной палаты в 1887 г. было 327 присяжных поверенных, а список их за 1866—1890 гг. включал 603 имени. По округу Харьковской судебной палаты в 1875 г. было 66, а в 1888 г. — 172 присяжных поверенных. Число адвокатов постоянно росло, особенно в крупных городах.

В 1892 г. в 10 округах судебных палат Европейской России насчитывалось 1830 присяжных поверенных и 1052 помощника⁴⁶.

Перепись 1897 г. в рубрике «частной юридической деятельности» зарегистрировала по империи 8,9 тыс. нотариусов, присяжных и частных поверенных. В том числе на Европейскую Россию приходилось 5,9 тыс., из которых квалифицированные юристы составляли около половины.

В России адвокатура была выгодной профессией. Адвокаты обслуживали укреплявшееся буржуазное общество, и часть их прямо сливалась с «рыцарями наживы». Многие «светила» за крупные гонорары усердно защищали капиталистов от кары закона. Со страниц либеральной и демократической печати не сходили обличения продажности и беспринципности «молодых» адвокатов.

О доходах адвокатов говорят данные, относящиеся к началу XX в., 2,9 тыс. человек получали доход от 2 до 5 тыс. руб. в год; 770 человек имели от 5 до 10 тыс. Среди узкого слоя наиболее богатых специалистов заработок от 10 до 20 тыс. имели 94 адвоката и от 20 до 50 тыс. — четыре адвоката⁴⁷.

Адвокатура, хотя и была организационно и профессионально связана с государственным аппаратом, составляла один из отрядов буржуазной интеллигенции. Передовые юристы представляли общественное лицо ли-

беральной интеллигенции. Они играли видную роль в среде организаторов печати, публицистов, деятелей научных и общественных организаций. Выдающиеся адвокаты брали на себя защиту революционеров в политических процессах. Назовем В. П. Гаевского, защитника И. А. Худякова по каракозовскому делу, В. Д. Спасовича и К. К. Арсеньева, выступавших на процессе нечаевцев, П. А. Александрова, защитника Веры Засулич, Г. В. Бардовского, защитника на процессе «50-ти», и др.

* *
*

По своим общественным функциям военное командование в целом представляет исполнительный орган государственной власти и так же мало связано с интеллектуальным трудом, как и чиновничество. Но военная интеллигенция проявила свою деятельность во второй половине XIX в. рядом неоспоримых фактов — многосторонней подготовкой военной реформы, научно-исследовательскими работами в области теории военного дела, участием в публицистике, активным участием в общественном и революционном движении своего времени.

Какие исторические условия вызвали к жизни военную интеллигенцию? Прежде всего поражение в Крымской войне. В состоянии армии и всех связанных с нею отраслей управления наглядно сконцентрировались все грозные последствия отсталости крепостнического государства. Если поражение было сильнейшей политической встряской для общественного сознания, то эту встряску остро пережило и офицерство.

Офицеры имели дело с живой человеческой массой. Новая историческая обстановка поставила на первый план важнейший вопрос об изменении положения этой массы, задавленной и скованной крепостническим режимом в армии.

Необходимость коренной всесторонней реформы в армии выдвинула немало людей, отдавших этому делу свой труд и способности. Их труд объективно способствовал улучшению и укреплению одной из важнейших сил государственной надстройки, приспособляя организацию армии к новому буржуазному правопорядку. Напомним, к примеру, о Зыгмунте Сераковском, который

работал в качестве чиновника военного министра над вопросом о преобразовании пенитенциарной системы в армии, стремясь к уничтожению телесного наказания. Наряду с этим он был главою революционного офицерского центра в Петербурге, а окончил свои дни повстанческим командиром в Литве в 1863 г.

Важным звеном военной реформы была реорганизация системы подготовки офицеров, оставшейся от крепостной эпохи. Посмотрим, каково было это наследство.

В 50-х годах имелось 22 кадетских корпуса и технические военно-учебные заведения: Инженерное и Артиллерийское училища с высшими офицерскими классами.

Для подготовки высшего командного состава в 1832 г. бывшее Училище колонновожатых было преобразовано в Военную академию.

Лишь в 1852 г. были созданы двухгодичные офицерские классы при столичных кадетских корпусах. Окончившие их могли поступать в специальные военные училища и в Военную академию. Для повышения уровня оканчивавших провинциальные корпуса их посылали в Петербург в офицерские классы Дворянского полка.

Практические результаты этой системы военного образования далеко не соответствовали потребностям армии.

В среднем 7% общего числа воспитанников военно-учебных заведений оканчивало полный курс, что составляло 500—600 офицеров в год. Перед Крымской войной лишь $\frac{1}{3}$ офицерских вакансий могла заполняться людьми хотя бы с элементарным военным образованием, какое давали кадетские корпуса. Во время войны ускоренный выпуск из военно-учебных заведений дал 2 тыс. офицеров, а до 8 тыс. были произведены из вольноопределяющихся. Таким образом, государство готовило в офицеры детей дворян, но гораздо бо́льшая часть выходила в офицеры из армии — из юнкеров, вольноопределяющихся и выслужившихся нижних чинов.

Особенно острым был недостаток офицеров с высшим и специальным образованием. Из 15—17 тыс. офицеров, выпущенных в армию в 1826—1854 гг., было всего 824 окончивших Инженерное и 843 окончивших Артиллерийское училище. Офицерские классы Артиллерийского училища за тот же срок выпустили 426 человек⁴⁸.

Неотложность преобразований в армии, причем неот-

ложность бесспорная, не противоречившая ничьим классовым интересам, привела к такому, на первый взгляд парадоксальному явлению, что военное и морское ведомства оказались зачинщиками различных прогрессивных начинаний конца 50-х — начала 60-х годов. Обновил программу журнал «Морской сборник», возник журнал «Военный сборник», в редакцию которого был приглашен и вел его в 1858 г. Н. Г. Чернышевский. Позже появился «Артиллерийский журнал». На страницы этих журналов получили доступ критика крепостнических порядков в армии, обличение «солдатокрадства», защита человеческих прав солдата. При военных частях открывались воскресные школы. Разумеется, эта «весна» критических настроений продолжалась недолго, так как правительство больше всего боялось развития революционного движения в армии.

Реформа военного образования, так называемая Милютинская реформа, ставила целью расширить количественно и улучшить качественно подготовку офицерского состава. Для этого военное образование должно было вестись на двух различных уровнях. Высшее и высшее техническое образование отделялись от упрощенного среднего офицерского образования не только по типам военно-учебных заведений, но и по источникам комплектования учащихся. Создавались военные гимназии, дававшие общеобразовательную подготовку для поступления в военные училища. Выпускники военных училищ направлялись офицерами в армию, но часть их шла в военные академии. Одновременно сеть военных прогимназий готовила учащихся для юнкерских училищ, которые выпускали младший офицерский состав.

Военные гимназии с общим курсом реальных гимназий должны были заменить кадетские корпуса. Вначале, в 1862—1863 гг., предполагалось создать 9 военных гимназий со штатом по 300 воспитанников. Они должны были ежегодно давать контингент в 350—400 человек для военных училищ. На правах средних военно-учебных заведений сохранялись, кроме того, общие классы привилегированных корпусов — Пажеского и Финляндского и приготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища. Позже количество военных гимназий увеличилось и штат их расширился. В 1879 г. имелось 18 гимназий, в которых могло учиться 8,2 тыс. человек ⁴⁹.

По сравнению с кадетскими корпусами, где учились одни дворяне, в состав учащихся военных гимназий проникали и дети из других сословий. Так, в 1880 г. на 7157 человек учащихся этих гимназий было потомственных дворян 74%, детей личных дворян и чиновников — 17%, остальные — из других сословий⁵⁰.

К военным училищам принадлежали Артиллерийское, Инженерное и Военно-топографическое и, кроме того, новые, созданные в 1865 г. на базе специальных классов Пажеского и Финляндского корпусов и Николаевского кавалерийского училища. Подготовленные ими офицеры всех родов оружия предназначались на командные должности в специальных войсках — артиллерии и инженерных частях, а также на высшие посты в пехотных частях⁵¹.

Юнкерские училища возникли с 1864 г. К 1879 г. их было 12 пехотных, 2 кавалерийских и 3 казачьих и они успели выпустить около 17,3 тыс. младших офицеров, в основном в пехотные войска.

В результате реформы военного образования офицерские вакансии стали в значительной части заполняться людьми с военным образованием. Улучшение подготовки учащихся сократило процент не оканчивавших полного курса. В 1879 г. в действующих войсках офицеры, выпущенные из военных и юнкерских училищ, составляли около 63% в пехоте, 68 — в кавалерии, свыше 94 — в полевой артиллерии и около 67 — в инженерных войсках, а в общей сложности более 70,4% от 15,6 тыс. офицеров⁵².

Подобная же реформа была проведена и в морском ведомстве: в Петербурге, Кронштадте и Николаеве были созданы гимназии, готовившие учащихся для военных училищ флота. Таких училищ было два — Морское училище (создано в 1862 г. из Морского кадетского корпуса) и Морское техническое училище в Кронштадте (создано в 1872 г. из Инженерно-артиллерийского и Штурманского училищ). Офицеры флота получали хорошее общее и техническое образование.

Высшее военное образование не было обязательным условием для строевой карьеры. Множество штаб-офицеров и генералов достигали высоких чинов, довольствуясь элементарными военными знаниями. Высшие военно-учебные заведения были рассчитаны на небольшой контингент офицеров, которых прикомандировывали со

строевой службы. В 1855 г. на базе офицерских классов Инженерного и Артиллерийского училищ были созданы две новые академии. Вместе с Военной академией, переименованной в Академию генерального штаба, эти академии в короткий срок добились крупного результата в подготовке квалифицированных военных кадров, выпустив за 1855—1862 гг. 1 тыс. окончивших курс (из Артиллерийской академии — 295, из Инженерной — 371 и из Академии генерального штаба — 334 человека). Затем Академия генерального штаба вошла в состав нового Главного управления генерального штаба (позже Главного штаба), в дальнейшем готовя кадры для этого учреждения.

По имеющимся сведениям, Академия генерального штаба выпустила с 1855 по 1882 г. 1274 человека; Артиллерийская академия выпустила в 1855—1909 гг. 1187 офицеров. В военных академиях преподавали крупные научные силы того времени⁵³.

Что касается высшего военно-морского образования, то значение его недооценивалось и кадров готовилось мало. Офицерские классы при Морском кадетском корпусе выпустили в 1830—1862 гг. всего 223 человека (по 6—7 человек в год). На базе этих классов был организован в 1862 г. Академический курс морских наук с механическим и кораблестроительным отделениями, который в 1864—1876 гг. выпустил 76 офицеров. В 1877 г. он был преобразован в Морскую академию. В ее учебной программе отсутствовали военные науки; не было кафедр технических наук, относящихся к флоту, не было профессорских званий, лабораторий, библиотеки. Только в 1899 г. Морская академия стала высшим учебным заведением; комплект ее штатных слушателей был всего 36 человек при приеме раз в два года⁵⁴.

К концу века, по данным переписи 1897 г., в России накопились десятки тысяч учившихся в разное время в средней военной школе (72,4 тыс. — по империи, 56,4 тыс. — по Европейской России). Неизвестно, какая часть из них получила офицерское звание, но и не окончившие курса находили себе применение в огромном административно-полицейском аппарате, тем более что 90% из них были детьми дворян и «чиновников не из дворян».

Учившихся в разное время в высших военно-учебных

заведениях к концу века имелось всего 4,2 тыс. по империи (3,4 тыс. по Европейской России). Офицерский корпус по всем вооруженным силам насчитывал к этому времени до 44 тыс. человек. В основном он состоял из офицеров со средним военным образованием и людей, выслуживших чин на военной службе. В составе офицерского корпуса существовали различные слои, резко отличавшиеся по социальному и материальному положению, по уровню образования и специальной подготовки, по охвату культурных и общественных интересов.

Военное начальство состояло почти сплошь из людей, получивших подготовку при Николае I. В 80-х годах они занимали должности от самых высших до полковых, батальонных и батарейных командиров. Наименьшей образовательной подготовкой, однако, блистали получившие генеральский чин в конце царствования Александра II или в начале царствования Александра III. Прошедших курс академии среди них было меньше половины; многие ограничивались кадетским корпусом, юнкерским или военным училищем, в лучшем случае Пажеским корпусом, а были учившиеся только в «школе офицерских детей», «бригадной школе», «учебной роте»⁵⁵. Уровень военной элиты, поднявшейся на смену николаевским генералам, вполне соответствовал уровню чиновничьей элиты.

Наряду с узким слоем генералов существовал многотысячный слой рядового армейского офицерства. В одной из записок, поданных Александру III, положение этого офицерства рисуется в самом неприглядном свете. «Под общим типом строевого армейского офицера представляется нечто крайне приниженное, робкое и вполне безответное, ежеминутно ожидающее какой-нибудь грозы. С другой стороны, нашего армейского офицера угнетает материальная нужда»⁵⁶.

Более образованное офицерство было, однако, средой, где возникал критический строй мысли и где находил известное применение творческий умственный труд. Интересный вопрос о связи некоторых военных специальностей с творческой работой находим в статье морского офицера, появившейся в 1882 г. Он писал: «Главная цель Гидрографического отделения состоит в том, чтобы снабжать флот офицерами, которые были бы в состоянии *самостоятельно* руководить обширными гидро-

графическими работами». «Нам необходимы лица, которые могли бы сознательно, с научным взглядом на дело, составить общий план работы, руководить ею, усовершенствовать и изменять методы, согласно с обстоятельствами, средствами и целью работы». Здесь выразительно очерчен характер труда военной интеллигенции. Общее образование должно в офицере развить «умственные склонности и потребности, ведущие к интеллектуальной жизни», которая и состоит кроме службы в чтении, обществе людей сведущих, наблюдениях, путешествиях и т. д. «От способности сделаться поверхностным дилетантом его спасает специальность, весьма трудная и многосложная, которая дается лишь при постоянном усиленном труде и практике»⁵⁷.

По профессиональным функциям военную интеллигенцию второй половины XIX в. составляли специалисты в области военного руководства и организации вооруженных сил. В нее входили также преподаватели военных дисциплин, исследователи в области военной истории, военной географии и статистики, картографии, топографии и т. п.⁵⁸

Образованная офицерская молодежь 60—70-х годов была непосредственно связана с освободительным движением эпохи. Революционные кружки начала 60-х годов, из которых выходили и деятели первой «Земли и Воли», и участники польского восстания, создавались в числе других офицерами, проходившими курс в Академии генерального штаба, прикомандированными к Артиллерийской и Инженерной академиям, а также воспитанниками военных училищ. Подпольная офицерская организация в частях армии, стоявшей в Польше, в 1862 г. насчитывала 400—500 участников.

Настроения, типичные для военной молодежи 60-х годов, отразились, например, в поведении артиллерийского офицера Ф. Ф. Павленкова (в будущем известного прогрессивного издателя). Служа в Киевском арсенале, он несколько раз выступал против военных казнокрадов, за что подвергался всяким преследованиям. Он назвал этот свой опыт «первым толчком по голове» со стороны власти. В 1866 г. он вышел в отставку.

В 70-х годах тайные революционные кружки возникали в Морском техническом училище в Кронштадте, в Артиллерийском училище во главе с С. М. Кравчинским

и др. Под руководством А. И. Желябова создавалась военная организация «Народной Воли», объединившая в начале 80-х годов в разных городах России до 400 офицеров.

Военная молодежь была плотью от плоти гражданского общества. В военные училища шли изгнанные из университетов, не окончившие военные училища поступали в гражданские учебные заведения. Младшее офицерство в значительной мере теряло сословные дворянские черты, превращаясь в часть разночинской интеллигенции. Современники отмечали, что новая система военного образования приблизила офицерство к общественной жизни. Офицерство 70-х годов, писала В. И. Засулич, «гораздо больше смешивалось с обществом и разделяло его настроения. В тогдашних военных гимназиях преподавали те же учителя, как и в гражданских, и тут и там читались одни и те же книжки, в старших классах велись те же споры и разговоры. Если военные гимназии и отличались от гражданских, то, скорее, в выгодную сторону»⁵⁹.

«Из милютинских военных гимназий, — писал В. Г. Короленко, — в армию хлынула масса молодежи, хорошо знакомой с Белинским и Добролюбовым. А в казармах они встречались с застаревшими или воскресшими вновь злоупотреблениями, на помощь которым шла военная дисциплина и благонамеренная традиция. Эти два течения ужиться не могли, и милютинская реформа была устранена»⁶⁰.

Атмосфера прогрессивного движения 60-х годов, способствовавшая выделению интеллигентных сил из среды офицерства, к 80-м годам изменилась. Ликвидация милютинской системы была звеном в общей цепи контрреформ. Военные гимназии вновь обратились в кадетские корпуса⁶¹. С 80-х годов связь офицерства с обществом ослабевает: оно все более делается кастовым, стоящим над народом. Военные училища уже не привлекают передовую молодежь. Военная контрреформа сократила и без того незначительный приток недворянских элементов в состав образованного офицерства. В воспитание офицерских кадров все сильнее проникал реакционный дух. Учащихся военных училищ специальными приказами натравливали на революционных «врагов», предостерегали от опасного влияния революционной пропаганды.

В 90-х годах среди офицеров находилась масса желающих попасть в корпус жандармов — эта смена мундира еще не так давно считалась позорящей⁶².

В капиталистической России XIX в. военная среда могла выделять слой интеллигенции — людей, связанных с теоретической работой над профессиональными задачами обороны страны. Слой этот был в то время чрезвычайно узок. Однако нельзя не видеть, что в составе армии было немало развитых, способных к социальной критике и живших общественными интересами людей. Независимо от своих профессиональных, неинтеллектуальных функций они сливались с общей массой буржуазных и демократических интеллигентских сил России.

* *
*

Духовенство, как и чиновники, как и офицерство, было в России опорой государственной надстройки. Его «трансцендентные занятия», совершенно бесполезные для общества, высоко ценились властью, которую они непосредственно обслуживали. Официальная богословская теория — катехизис московского митрополита Филарета, еще в 20-х годах XIX в. толковавший с амвонов, — под заповедь «чти отца и мать» подводила все предержащие власти, из заповеди «не убий» исключала убийство на войне и смертную казнь и т. д. По поводу речи А. П. Щапова на панихиде по крестьянам, убитым карателями в селе Бездне в 1861 г., тот же Филарет заявлял, что «истинно разумящие евангелие никогда не находили и не найдут в нем демократического учения»⁶³.

Несмотря на то что народные массы, а также привилегированные слои общества жили под властью традиционных религиозных обрядов, общественный престиж духовенства стоял низко. Это отмечали еще декабристы и Белинский. Ликвидация крепостного права сопровождалась глубоким падением влияния церкви. Историк церкви пишет о 70-х годах как о «печальном и мрачном времени», когда много церквей упразднялось, а другие нередко пустовали. О всеобщем падении авторитета церкви и падении церковных доходов говорилось с церковных кафедр и в 80-х годах⁶⁴.

Духовенство не было однородным сословием. По социальному положению и материальной обеспеченности оно делилось на резко различавшиеся слои. Верхи церковной иерархии занимали архипастыри из черного духовенства (монашествующие). Они управляли епархиями и выполняли политику, диктуемую обер-прокурором Синода. Они следили за чистотой православия, вели борьбу с сектантами, планировали миссионерские задачи обращения в православие нехристиан в России и за границей, они разрабатывали богословские методы борьбы с материализмом, близко соприкасавшиеся с полицейскими методами. Верхи духовенства располагали огромными богатствами церкви, монастырями и другими прибыльными хозяйственными предприятиями.

Историк русской церкви Е. Е. Голубинский писал о «русском типе архиереев, представляющих собою олицетворение высоковластия и недоступности и обязанных своим происхождением именно обширности наших епархий». В то же время он отмечал «нынешнее рабство, в котором находится Синод у обер-прокурора»⁶⁵. Эти «рабы» приходили в ажиотаж при перспективе получить в ведение Синода руководство народными школами и, конечно, соответствующие средства на это. Вопрос о школах обсуждался в Синоде в январе 1894 г., и некоторые архиереи беспокоились, справится ли духовенство, не имея народных учителей, с такою тяжелою ношею. Но другие пастыри возражали, что не время рассуждать о частностях в такой «великий исторический момент», а «необходимо преследовать только главную цель — вырвать школы»⁶⁶.

Белое духовенство было огромной чиновничьей армией церкви. На него возлагались кроме отправления религиозных треб для населения также регистрация рождений, браков и смертей. «Русский закон делал из духовных лиц агентов для чисто светских и мирских обязанностей»⁶⁷. Священники преподавали обязательный закон божий школьникам и богословие студентам (внефакультетская кафедра богословия была обязательной в каждом высшем учебном заведении). Духовенство использовалось правительством для сыска по политическим преступлениям при помощи исповеди. Попы утешали восстававших крестьян перед расстрелом, они же сопровождали смертников на эшафот и т. п.

По сравнению с более образованным и обеспеченным городским духовенством сельское духовенство представляло собой низший слой. Еще ниже стояли так называемые, в отличие от священнослужителей — священников и дьяконов, церковнослужители, церковный причт, обслуживавший церкви.

Реформа духовных учебных заведений стояла в ряду других реформ 60-х годов в области образования и должна была поднять упавший авторитет духовного сословия. Она проводилась по всем видам этих учебных заведений, система которых соответствовала иерархии духовенства.

Высшими учебными заведениями в этой системе были духовные академии⁶⁸. Из них Петербургская, Московская и Киевская были основаны еще в XVIII в., а Казанская — в 1842 г. При штате казеннокоштных студентов в 120 человек по каждой академии (в Казанской — 100) еще в конце 60-х годов эти штаты оставались незаполненными.

По новому Положению, в 1869 г. духовные академии получили устройство, приближавшее их к университетским факультетам. Были увеличены штаты и оклады профессорско-преподавательского персонала. Из учебных программ академий были устранены физико-математические науки (для преподавания их в духовных семинариях стали использоваться университетские кадры). В 1884 г. в устав духовных академий были внесены изменения, соответствовавшие общему духу контрреформ: усилена власть епархиального начальства и ректоров академий, расширено преподавание богословских наук и т. п.

В результате реформы 1869 г. количество студентов духовных академий повысилось. Если в 1832—1868 гг. обучалось 11,8 тыс. студентов, то в 1869—1891 гг. обучалось уже свыше 16,7 тыс. Почти треть из них падает на самую крупную Петербургскую академию (5,2 тыс.). Число оканчивавших духовные академии, составлявшее до 1870 г. в среднем 90 человек в год, соответственно увеличилось (точных данных у нас нет)⁶⁹.

Студенты духовных академий комплектовались из успешно окончивших духовные семинарии. Реформе духовных академий предшествовала реформа семинарий и духовных училищ⁷⁰. В 1867 г. духовные семинарии были

подтянуты к уровню гимназий. Были увеличены оклады преподавателям и средства на содержание казеннокоштных семинаристов. Учебная программа в первых четырех классах имела общеобразовательный характер. Важнейшими светскими предметами были теория словесности, история литературы, логика, философия и психология. Усилилось также преподавание латыни. Эти предметы давали известное общее развитие. Старшие классы, пятый и шестой, отводились на богословские предметы, нужные для вступления в должности священников и принятия духовного сана. Здесь господствовала в основном зубрежка.

В 1863 г. семинаристы, окончившие четыре общеобразовательных класса, получили возможность поступать без экзамена в университеты (кроме Дерптского). Но в 1879 г. это право было у них отнято.

В 1884 г. в семинариях также усилился реакционный дух и сократились общеобразовательные курсы. Было введено в качестве нового предмета обличение русского раскола, а из прежних предметов исключены космография и тригонометрия.

Количество семинарий росло медленно, их было примерно по одной на епархию, потому что подготовка священнослужителей сообразовалась с потребностями пополнения их штатов. В 1866 г. было 50 семинарий, в 1894 г. — 58. Общее число обучавшихся в них к 1891 г. (за 50 лет) составляло свыше 850 тыс.⁷¹

Число окончивших курс семинарий не учтено. Исходя из имеющихся сведений по отдельным семинариям и принимая средний выпуск из каждой 25 человек в год (большинство семинарий были невелики), можно считать, что за 40 лет, до конца века, духовные семинарии окончили не менее 50 тыс. человек⁷².

Образованность духовенства была, конечно, особого рода. «Умственный уровень наших архиереев в большинстве случаев слишком невысок [. . .] и есть много и много архиереев, которые решительно ничего не читают», — писал библиотекарь Синода А. Н. Львов. Он вспоминал, как «неистовствовали» монахи вместе с Победоносцевым, когда хоронили И. С. Тургенева, и как архиепископ варшавский Леонтий по этому случаю высказался: «Да мало ли ныне развелось у нас писателей, мало ли их помирает? Ужели по каждому и будем так бесноваться?»

«А ведь Леонтий был еще сравнительно интеллигентный архиерей»⁷³.

Как же распределялись эти образованные кадры духовенства?

Из духовных академий выходило высшее духовенство на административные посты. Правда, это пополнение вливалось единицами, потому что численность архипастырей в России была невелика. Она ограничивалась нуждами церковных округов (епархий), которых в 1846 г. было 50, а в 1896 г. — 61. Соответственно епископов было 38, а стало 88. Известный нам «Альманах русских государственных деятелей» Гольдберга насчитывал в 1897 г. 103 особы архиереев (митрополитов, архиепископов и епископов). Всего же, включая высшие административные должности, этих архипастырей было в 1841 г. 128, в 1861 г. — 157, в 1881 г. — 172 и в 1891 г. — 203 человека, не считая небольшого числа «на покое». Высшее духовенство возглавляло монастыри, которых в России было в 1866 г. 614, а в 1890 г. — 724⁷⁴. Выпускники духовных академий заполняли кафедры богословия в высших учебных заведениях и профессорские кафедры в самих академиях. Преподавательский персонал в академиях увеличился с 77 человек в 1850 г. до 101 человека в 1870 г. и до 127 человек в 1890 г. Из окончивших академии выходили в основном также ректоры и преподаватели семинарий. Административно-учебный персонал семинарий после реформы значительно вырос. В 1860 г. он составлял 696 человек, в 1880 г. — 954 и в 1890 г. — 1118 человек⁷⁵. Академики разбирали также лучшие священнослужительские вакансии.

Основные же кадры священников поставляли духовные семинарии. В 1890 г. в России было свыше 40 тыс. церквей, которые обслуживало до 55 тыс. протоиереев, священников и дьяконов. За прошедшие полвека количество церквей увеличилось всего на 2—3 тыс. В огромном большинстве это были сельские церкви. По переписи 1897 г., в Российской империи имелось около 63 тыс. православных священнослужителей, из которых 51 тыс. жили в уездах, т. е. это было сельское духовенство.

Невозможность обеспечить будущее детям духовенства в узких рамках сословия была понята еще в крепостное время: в 1850 г. с духовенства снята была обязанность учить своих детей в духовных учебных заведе-

ниях и предоставлено учить их и воспитывать по их способностям и дарованиям. В 1867 г. был уничтожен существовавший порядок наследования церковных должностей путем женитьбы на дочери предместника. Дальнейший шаг был сделан в 1869 г.: дети всех священно- и церковнослужителей отчислялись от принадлежности к духовному званию, им предоставлялся свободный выбор профессии и право поступления на государственную службу.

Материальное обеспечение рядового духовенства стояло на низком уровне. Олонецкий преосвященный Аркадий писал в 1865 г.: «Своими глазами видел я ныне, что даже исключенные из семинарий и училищ ученики, поступив на службу по гражданскому ведомству, получают жалованье в большем размере, нежели какое получают бывшие их заслуженные наставники и начальники»⁷⁶.

Но церковь стремилась использовать и заставить служить себе всех, кто получал духовное образование. Казеннокоштный семинарист, если не шел на предложенное ему место, то был обязан отслужить учителем в духовном училище или в церковноприходской школе по году за каждые два года своего содержания в семинарии. В противном случае он должен был возратить затраченную на него сумму (по частям). Не имея возможности сразу уйти на другую службу, человек втягивался в обязательную работу, женился и в конце концов принимал духовный сан.

Можно утверждать, что семинарское обучение и воспитание делали большинство семинаристов неверующими уже на школьной скамье. Все лучшее, наиболее способное стремилось вырваться из застойной духовной среды. «Как и что сделать, — размышлял Голубинский, — чтобы хорошие семинаристы не бежали от поповства? Лучших семинаристов никак не удержишь, ибо академию и университет (особенно) с мечтами о карьере они всегда будут предпочитать сельскому поповству»⁷⁷.

Среда сельского духовенства наиболее близко стояла к крестьянству и по происхождению, и по бытовым условиям. Причастность отцов — выходцев из крестьянских масс — к духовному сословию становилась как бы ступенью, облегчавшей их сыновьям проникновение в ряды интеллигентских профессий.

Сыновья духовенства пробивали себе дорогу не только на медицинские факультеты, как в крепостное время, но и к другим специальностям. Особенно много их шло в учителя. В Одесском университете они заполнили, например, весь выпуск историко-филологического факультета 1880 г. Они шли в историко-филологические институты. Дочери духовенства учились в женских гимназиях и на женских курсах. Семинаристов звали учиться в 1877 г. Казанский ветеринарный институт, в 1880 г. — Демидовский юридический лицей⁷⁸.

Поразительны настойчивость и упорство, проявлявшиеся детьми из бедного духовенства на пути к высшему образованию, полном для них трудностей и лишений.

Несмотря на суровый надзор и слежку начальства, семинаристы часто жили теми же интересами, что и развитая учащаяся молодежь светской школы, доставали те же книги. В тайной библиотечке пермских семинаристов, существовавшей преемственно 20 лет, отложились важнейшие произведения русских демократических писателей, публицистов и ученых, переводы популярных тогда биологов, экономистов, историков, социологов. Пробивавшиеся наружу протесты семинарской молодежи постоянно вливались в поток общественного движения эпохи⁷⁹.

Поэтому, когда правительство в 1879 г. заградило дорогу семинаристам в университеты требованием гимназического аттестата зрелости, тут дело было не в «единственном желании удержать в духовном ведомстве лучшие силы, выработанные в этом ведомстве», как объясняет один из духовных авторов⁸⁰. Это была одна из реакционнейших мер против прилива демократических элементов в высшую школу. Но как мы уже знаем, когда это требовалось политикой для комплектования студентов в нерусских или окраинных университетах, семинаристы годились и без аттестатов зрелости.

Могли ли выделяться элементы интеллигенции из рядов духовенства? На этот вопрос можно ответить так. Да, эти элементы могли выделяться, но при неременном условии отхода от профессиональных богословских функций духовенства. Были, например, области, в которых работали ученые-церковники, становясь на почву принятых тогдашней наукой методов, — область истории церкви, истории церковного права, истории древнерус-

ской письменности, археографии старинных памятников. Известно, что богатые библиотеки старых крупных монастырей были переданы духовным академиям. Силами Казанской духовной академии было издано описание рукописей Соловецкой библиотеки⁸¹. Огромный труд по описанию рукописей Синодальной библиотеки был выполнен тружеником науки К. И. Невоструевым. Были церковники, отдававшие свои силы делу народной школы.

Этот вывод подтверждается массовым уходом семинаристов, «лучших сил», вышедших из среды духовенства, стремившихся из сферы церковных функций в разные другие области умственного труда.

4.

ТЕХНИЧЕСКИЕ КАДРЫ

Создание и расширение профессиональных кадров, обслуживающих материальное производство, стало неотложной потребностью развивающейся капиталистической страны. Однако в России второй половины XIX в. расширение технических кадров тормозилось экономической отсталостью, корни которой уходили в крепостную эпоху. В крепостной России развитию технических наук не придавалось большого значения. Николай I заявлял, что «ему ученых не нужно, а нужны исполнители»¹. Интенсивное и ускоряющееся формирование технических кадров стало возможным лишь в самом конце века, на новом этапе промышленного развития.

Взглянем на предысторию создания этих кадров в крепостной России.

Старейшее техническое учебное заведение было создано еще в 1773 г. для пополнения корпуса горных инженеров². Корпус горных инженеров был наиболее привилегированной кастой среди чиновников. Горный инженер не занимал малозначительных должностей, он служил только на командных постах. Так что особой квалификации ему не требовалось. Привилегией горного инженера была бесконтрольная власть на горнорудных казенных заводах и неограниченные возможности личного обогащения.

Нужды горной промышленности привели к преобразованию прежнего учебного заведения в Институт корпуса горных инженеров (в 1834 г.). Институт был предназначен для детей инженеров и высших чиновников Горного ведомства, а с 1848 г. треть вакансий была предоставлена детям недостаточных родителей из неподатных сословий. До нового преобразования в 1865 г. Институт выпустил 424 человека со званиями инженер-поручика и инженер-подпоручика³.

В руках крепостнического государства находилась

подготовка специалистов по лесному делу для огромных лесных массивов на площади государственных земель. Масштабы этой подготовки были ничтожными по сравнению с нуждами лесного хозяйства. В Лесной институт в Петербурге, открытый в 1811 г., принимались преимущественно дети чиновников Лесного ведомства. До 1836 г. институт выпустил около 200 человек, а затем был преобразован в военно-учебное заведение — Лесной и межевой институт, имевший одну лесную и три межевые роты. В межевые роты принимались сплошь разночинцы, но не из податных сословий. Программа обучения для межевых рот была значительно уже, чем для лесной роты. Из института выходили чиновники для лесной службы, землемеры и гражданские топографы для казенных земель. По новому Положению 1847 г. он стал выпускать офицеров для лесной службы и инженеров-топографов для корпуса межевщиков и для Министерства государственных имуществ. В офицерских классах института готовились немногочисленные специалисты высшей квалификации по лесному делу — профессора, преподаватели и ученые чиновники для высоких должностей.

За 1838—1864 гг. Лесной и межевой институт выпустил 892 человека. В среднем оканчивало курс до 1857 г. по 27—28 человек, позже — по 48 человек⁴.

Потребность государства в специалистах по межеванию земель вызвала появление параллельного учебного заведения в Москве. Имевшееся здесь Межевое училище было в 1835 г. преобразовано в Константиновский межевой институт. Состав его учащихся также был разночинским: преимущественно принимались дети землемеров и чиновников Межевого управления. В виде особой царской милости институт был военизирован в 1855 г. и стал давать военные чины со званием межевого инженера. За 1837—1857 гг. в Межевом институте окончило курс 520 человек. В 1867 г. институт перешел в ведение Министерства юстиции и был преобразован в гражданское высшее учебное заведение. Укажем здесь сразу, что Межевой институт до конца века (1858—1897 гг.) выпустил 1094 инженера⁵.

Наряду с некоторой демократизацией кадров горных, лесных и межевых чиновников-специалистов в конце 40-х годов усиливается привилегированное положение

инженеров путей сообщения. В начале XIX в. был учрежден корпус инженеров путей сообщения и для заполнения его специалистами открыт новый Институт корпуса инженеров путей сообщения. С 1849 г. он был превращен в привилегированный кадетский корпус для потомственных дворян. С 1811 по 1864 г. в нем окончило курс с военно-инженерными чинами 1746 человек ⁶.

Дворянское общество стремилось использовать в своих целях и создать привилегированное положение для той технической профессии, которую развитие страны выдвигало на первый план. Наступал период стройки железных дорог в России. Инженерная работа в железнодорожном строительстве была чрезвычайно выгодна, хорошо оплачивалась, сулила побочные доходы.

Несмотря на хорошую подготовку, многие инженеры-путейцы крепостного времени выходили из института «белоручками», незнакомыми с практической частью и с мастерством. Известный инженер А. И. Дельвиг признавался, что не умел ничего делать своими руками с белой и нежной кожей, даже не научился чертить. Он восхищался способностями безграмотного десятника-каменщика, который помогал ему в работах по водоснабжению Воспитательного дома и справлялся с трудными задачами, по мнению Дельвига, лучше, чем приглашенные английские инженеры ⁷.

Потребность в архитекторских кадрах в крепостной России с ее деревянными городами была не так велика. Правительство и имущие классы пользовались услугами иностранных архитекторов. В 1842 г. в Петербурге возникает Строительное училище — закрытое военизированное учебное заведение для детей дворян и чиновников. Оно выпускало «архитектурных помощников» с правом на чины 10, 12 и 14-го класса; в 1843—1859 гг. окончило курс всего 159 человек, причем почти все становились учителями рисования, черчения и чистописания ⁸. Специальность строителя еще не находила спроса и не привлекала учащихся.

Дворяне, чиновники и люди неподатных сословий отдавали детей в техническую учебу в расчете на «чистую» службу, связанную с управлением, надзором и контролем над исполнителями. Совсем другое отношение в крепостной России было к техническим специальностям, связанным с трудом на производстве. Эти специальности

считались уделом мастеровщины, людей низших сословий. Наглядный пример дает предыстория крупнейшего высшего учебного заведения — Петербургского технологического института.

Технологический институт, открытый в 1831 г., назывался Практическим. Целью его было «приготовить людей, имеющих достаточные теоретические и практические познания для управления фабриками или отдельными частями оных». Воспитанников посылала ему городская дума — детей из бедных семей купцов 3-й гильдии, мещан, цеховых и разночинцев, преимущественно сирот, подростков 13—15 лет, умеющих читать и писать. Учение продолжалось 6 лет в двух трехгодичных классах. Окончившие с успехом приобретали звание «ученого мастера», что давало выход из податного состояния (исключение из подушного оклада), освобождение от рекрутчины и телесного наказания. Окончившие с посредственными успехами (но, разумеется, хорошего поведения) получали звание мастеров и подмастерьев; с 1841 г. они также изымались от телесного наказания и могли откупаться от рекрутской повинности⁹.

Начиная с первого выпуска 1837 г. по 1865 г., т. е. до его реорганизации, Технологический институт окончил 730 человек.

Этот институт был большой, хорошо оборудованной технической школой, созданной Министерством финансов для нужд промышленности. В отличие от специалистов, которых готовили в корпусах и институтах и которые за овладение техническими знаниями получали звание и право на чин, такая техническая школа давала своим непривилегированным ученикам за овладение мастерством существенные социальные льготы.

Характерным признаком наступающей капиталистической эпохи было повышение престижа технического образования — уже в 1849 г. звания ученого мастера и мастера были заменены званиями инженера-технолога и технолога-практиканта.

Подобную же предысторию имело Московское техническое училище, одно из лучших высших учебных заведений второй половины XIX в. Его предшественником было Московское ремесленное училище для питомцев Воспитательного дома (возникло в 1832 г.), которое готовило мастеров с достаточными теоретическими знаниями.

ми. Как и в Технологическом институте, учение было рассчитано на 6 лет и окончившие курс получали звание ученого мастера, мастера и подмастерья. Кроме казеннокоштных питомцев Воспитательного дома в училище принимались дети из податных сословий, а также купеческие сыновья. Мастера, окончившие эту школу, ценились очень высоко и занимали ответственные места в промышленности¹⁰.

Для крепостной эпохи была характерна недооценка сельскохозяйственного образования. Земледельческие профессии не входили в число дворянских специальностей. Помещики, хотя и создали несколько обществ для улучшения сельского хозяйства по образцу Вольного экономического общества, но в их представлении ведение хозяйства сливалось с управлением имением, было занятием слуг. Земледельческие школы, открытые в 20-х годах XIX в., предназначались для помещичьих крестьян и готовили из крепостных «ученых и благонадежных управителей имениями»¹¹.

Первым шагом в государственной организации сельскохозяйственного образования было основание в 1836 г. по инициативе министра финансов Канкрин земледельческой школы в местечке Горы-Горки (Оршанского у. Могилевской губ.). Закрепленные за школой 2735 душ государственных крестьян использовались как даровая рабочая сила для сельскохозяйственных работ, связанных с содержанием школы и с ее учебными процессами. Горыгорецкая школа готовила работников двух разрядов: низшего — старост и приказчиков и высшего — управителей имениями. Окончившие высший разряд приравнивались в правовом отношении к выпускникам тогдашнего Практического технологического института, т. е. получали некоторые социальные преимущества¹².

В 1842 г. с переходом школы в ведение Министерства государственных имуществ она была реорганизована, причем наметилось новое отношение к сельскохозяйственному образованию, осознание его важности и «пользы для дворян» и стремление создать новые кадры уже дворянских специалистов. Преобразование состояло в том, что все преимущества и привилегии стали сословными. Низший разряд превратился в Земледельческое училище для всех сословий, в том числе и крепостных крестьян, готовившее сельских управителей, приказчиков и бухгал-

теров. Высший разряд стал Агрономическим училищем только для детей дворян, духовенства и купцов 1-й и 2-й гильдий — средней специальной школой, дававшей окончившим право на чин 14-го класса. В Горыгорецкое агрономическое училище были присланы лучшие семинаристы из всех духовных семинарий для немедленной подготовки из них педагогических кадров по сельскохозяйственным дисциплинам. И уже в 1848 г. Агрономическое училище становится Горыгорецким земледельческим институтом с университетскими правами. Он выпускает «студентов-агрономов» и «агрономов» с правом на чины 12-го и 10-го класса при поступлении на государственную службу.

Приведем сравнительные данные о сословном составе учащихся в Земледельческом институте и Земледельческом училище за 1857/58 учебный год: детей дворян в институте было 58,6%, в училище — 9,8%, из мещан соответственно — 8,3 и 30%; из государственных крестьян — 1,2 и 17%; помещичьи крестьяне учились только в Земледельческом училище — 17% и т. д.¹³

Из Горыгорецкого земледельческого института вышло до 1865 г. 569 образованных агрономов. В нем получили подготовку видные ученые А. В. Советов, И. А. Стебут и др.

Вот почти все специальные учебные заведения, имевшиеся в крепостной России. Их было очень мало, выпущенные ими кадры были малочисленны и успели рассеяться.

Капиталистическое развитие страны властно требовало подготовки новых специалистов. Нужно было коренным образом реорганизовать старые учебные заведения, приспособляя их к требованиям времени, создавать новые, расширять диапазон специальностей. Армию технических специалистов стали заполнять разночинцы. В капиталистической России разночинец «прежде всего специалист — химик, механик, медик, ветеринар и т. п.». Он «пролетарий, хотя бы и дворянского происхождения. Он должен в поте лица зарабатывать хлеб свой», — замечал Г. В. Плеханов в 1888 г.¹⁴

Демократическое студенчество наполнило технические вузы. Формирование технических кадров в каждой области расширялось, темпы его ускорялись. Однако русская монархия унаследовала от крепостной эпохи недооценку технического образования; она скупилась на средства,

задерживала организацию новых учебных заведений. Как увидим ниже, буржуазия Российской империи энергично толкала вперед и финансировала это дело, что было в ее прямых интересах в период развивающегося капитализма.

При все более разветвляющейся и детализирующейся специализации науки, при усиливающемся усложнении и расчленении производственных процессов подготовка технических кадров должна развиваться путем непрерывного широкого разветвления сети специального образования. В этом отношении Россия до конца XIX в. была отсталой страной.

Особенностью учебных программ технических вузов, вырабатывавшихся в период 70 — 80-х годов, был чрезмерный универсализм. Это исторически определялось уровнем тогдашней промышленности, где концентрация производства далеко еще не поглотила массы мелких и средних фабрик. Требовалось, чтобы инженер был мастер на все руки, «умел обращаться с двигателями, приводами, станками, имел бы практические навыки по монтажу, умел бы организовать технологический процесс и ремонтную мастерскую, вести текущий ремонт зданий и воздвигать нужные постройки» и т. д.¹⁵

До какой-то поры это отсутствие более глубокой научной и технической специализации инженеров не ощущалось, но к концу века оно стало признаком технической отсталости.

Наплыв учащихся в технические вузы по сравнению с количеством мест был очень велик. В 1894 г. было подано 2647 прошений в 7 институтов, а принято всего 608 человек. Наибольший процент непринятых падал на столичные институты. Так, в Институт инженеров путей сообщения из 800 человек было принято 17,7%; в Горный институт из 884 — 15%; в Институт гражданских инженеров из 295 было принято 20,7%; в Петербургский технологический из 602 — 24,2% и т. д. В 1896 г. в 11 русских институтах училось 4367 человек. В 1898 г., когда открылось несколько новых специальных институтов, во все высшие специальные заведения было принято 2497 человек из числа 4671 добивавшихся приема¹⁶.

Скудные средства, отпускаемые государством на техническую школу, при постоянном возрастании числа студентов не давали возможности развиваться передовым ме-

тодам специализации образования, поощрению научной работы студентов, углублению производственной практики. Сохранялись энциклопедизм учебных программ и недостаточная подготовленность дипломированных инженеров к практической работе.

Правительством недооценивалось и значение подготовки средних технических кадров. Технические училища исчислялись в России единицами. Задача организации профессионального образования была поставлена еще в 1877 г., однако это дело перебрасывалось из ведомства в ведомство и только через 11—12 лет были выработаны Основные положения о промышленных училищах. Эти училища должны были находиться в ведении Министерства народного просвещения. Устанавливалось три типа училищ — среднее техническое, низшее техническое и ремесленное. Среднее техническое, для поступления в которое нужно было окончить 5 классов реального училища, выпускало техникув. Но это звание давалось после 2—3 лет практической работы. Промышленные училища получили развитие только в самом конце XIX в., когда они перешли в ведение Министерства финансов. К 1902 г. таких училищ всех типов и специальностей имелось около 200. Кроме того, средние и низшие профессиональные училища создавались на свой образец различными ведомствами: Департаментом земледелия (сельскохозяйственные), Министерством юстиции (пять землемерных училищ) и др.

Что собой представляла сеть технических высших учебных заведений во второй половине XIX в.?

Специалистов в разных областях промышленности готовили всего четыре института: Горный, Петербургский технологический, Московское техническое училище и вновь открытый в 1885 г. Харьковский технологический. Только в самом конце XIX в. техническое образование получило новую базу с открытием новых институтов, из которых наиболее крупными были политехнические институты в Киеве и Варшаве (1898 г.), в Петербурге (1902 г.), Технологический институт в Томске (1900 г.) и Высшее горное училище в Екатеринославе (1899 г.). В 90-х годах получил статус высшего учебного заведения и Рижский политехникум.

Горный институт стал открытым высшим учебным заведением гражданского ведомства с общеуниверситет-

ским уставом. От поступающих требовались знания в объеме гимназического курса без древних языков. Этот институт, имевший высокую научную репутацию, давший стране много видных ученых, выпустил с 1866 г. по 1900 г. 1069 горных инженеров¹⁷. Как и в других отрядах технической интеллигенции, среди горняков были и ревностные слуги предпринимателей, и бескорыстные, преданные своему делу ученые и производственники.

«Всего год-другой со студенческой скамьи, — писал В. В. Вересаев в 1890 г. о работавших в Донбассе горняках, — и уже совершенно оформившиеся радетели о хозяйских интересах»¹⁸.

А с другой стороны, с этой же студенческой скамьи в 1889 г. сходит Л. И. Лутугин, основоположник инженерной геологии, исследователь Донбасса. У него нет никакого имущества, кроме геологической библиотеки, на поездку за границу по болезни ему собирают друзья. На похоронах его в 1915 г. возникает фонд на организацию народного университета его имени¹⁹.

Петербургский технологический институт (до 1896 г. он еще назывался Практическим) был превращен в 1862 г. в «специальное высшего разряда учебное заведение, имеющее целью образование искусных и сведущих людей по технической части для устройства фабрик, заводов и вообще промышленных предприятий и для управления оными, а также распространения вообще технических познаний». Он имел механическое и химическое отделения. С появлением реальных училищ в студенты стали приниматься не только гимназисты, но и реалисты, а впоследствии и выпускники технических средних училищ. Институт находился в ведении Министерства финансов до конца 80-х годов.

После ликвидации крепостного права, когда формальные сословные ограничения в системе образования исчезли, состав студентов-технологов продолжал оставаться наиболее демократическим. В. Г. Короленко, поступивший в 1871 г., наблюдал, как центр тяжести студенческой жизни заметно перетягивался с Васильевского острова (т. е. от университета) к Измайловскому и Семеновскому полкам (район института). Студента-технолога легко было узнать на улице по простой дешевой блузе с ремненным кушаком. «Общий вид этой студенческой толпы был демократический. Много длинных шевелюр, очков и пле-

дов». Свою студенческую практику технологи отбывали в качестве кочегаров, помощников машиниста, рабочих, табельщиков, монтеров. Студентов принимали на работу охотно, покровительствовали им, увеличивали ничтожное жалованье умеренными «наградами»²⁰.

Шкала преимуществ, какие давались окончившим Технологический институт, довольно скупой, но подымалась вверх. Окончивший курс удовлетворительно получал звание технолога 2-го разряда и выходил из податного состояния. Окончивший с успехом — технолог 1-го разряда — становился личным почетным гражданином и, кроме того, пользовался правом на соискание звания инженера-технолога по механике или химии. Инженер-технолог, проработавший успешно 10 лет, мог причисляться к потомственному почетному гражданству. Инженер из непривилегированной среды быстро завоевывал место в общественной иерархии. С 1876 г. уже каждый успешно окончивший курс становился инженером-технологом, и это же звание было распространено на выпущенных прежде технологов 1-го разряда. Теперь инженер-технолог мог вступать и в государственную службу на штатные должности, т. е. становиться «чином», получая право на чин 10-го или 12-го класса.

В 90-х годах учет массы студентов-технологов по словному происхождению давал обычно такую картину: дворян — около $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$, других привилегированных сословий — около $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$, мещан и крестьян — около $\frac{1}{3}$, разночинцев — $\frac{1}{13}$ — $\frac{1}{16}$, иностранцев — $\frac{1}{40}$ — $\frac{1}{50}$. Примерно до 60% поступало из реальных училищ с дополнительным классом и до 25% с аттестатами классической гимназии²¹.

Технологический институт выпустил за 1866—1900 гг. 2924 инженера²².

Специализация по механике и химии давала инженерам Технологического института возможность работать в самых разнообразных отраслях промышленности. Как распределялась эта масса инженерных работников? Имеются данные опросов, проведенных в 1878, 1893 и 1902 гг. В 1878 г. сведения были получены всего от 250 инженеров, работавших в основном в свеклосахарной и винокуренной, металлообрабатывающей, хлопчатобумажной и писчебумажной промышленности. В 1893 г. данные были собраны от 1523 инженеров, а в 1902 г. — от

1923 инженеров. Таким образом, можно проследить характер работы значительного большинства (свыше 65%) из числа окончивших курс начиная с 1866 г. (Из окончивших ранее к концу века оставалось только 86 человек.)

Вырисовывается такая картина: на транспорте было занято в 1893 г. 480 человек (31%), а в 1902 г. — 479 человек (25%). Работой на предприятиях металлообрабатывающей и горной промышленности было занято в те же годы 159 и 303, в сахарной и винокуренной промышленности — 122 и 263 человека. В других отраслях промышленности работало гораздо меньше инженеров: в текстильной — всего 41 и 90, в нефтяной — 29 и 43, на химических заводах и в красильнях — 60 и 74, в бумажной промышленности — 44 и 45 человек и т. д. В общей сложности из тех, о ком имелись сведения, на производстве работало в 1892 г. 39,9%, а в 1902 г. — 51,8% инженеров.

Кроме работы на производстве и на транспорте значительная часть инженеров-технологов занималась педагогической работой: в 1893 г. — 128, а в 1902 г. — 130 человек (из них 60 в высших учебных заведениях). Остальные были чиновниками разных ведомств, городскими инженерами, земскими техниками, губернскими механиками, директорами разных правлений и проч. Лишь самая незначительная часть технологов имела «собственное дело», т. е. сливалась с владельцами предприятий. В 1902 г. таких было всего 18 человек²³.

Московское техническое училище было преобразовано в 1868 г. в высшее специальное учебное заведение по западноевропейскому типу: при 9-летнем курсе 3 младших класса соответствовали старшим классам реальных гимназий; в 3 общих классах начиналось техническое образование, а последние 3 специальных класса давали факультетское образование по специальностям инженера-механика, инженера-технолога и механика-строителя. Окончившие курс с успехом вместе с соответствующим званием инженера получали личное почетное гражданство; они могли также, представив самостоятельную работу, добиваться более высокого звания — ученого механика или ученого инженера-технолога. Это звание давало право на чин 10-го класса при поступлении на государственную службу. Сохранявшийся в институте «практический разряд» продолжал выпускать ученых мастеров.

Хорошая постановка преподавания (последние пять лет учебного курса соответствовали примерно математическому факультету университета) привлекала большое количество студентов из детей дворян и богатых купцов. Несмотря на дорогую плату за обучение (300 руб. в год), их становится гораздо больше, чем казенных воспитанников Ведомства императрицы Марии. Директор училища, еще в 1869 г. отмечая, что в числе поступающих встречаются имена, «принадлежащие почетным и знаменитым в промышленных сферах московским фабрикантам и заводчикам», указывал на «осознанную ими утилитарность» технического образования, которое поддержит силу и значение «богатого промышленного сословия».

По социальному составу студенты Московского технического училища принадлежали в основном к крупной и мелкой буржуазии. Из 624 учащихся в 1894 г. было дворян и потомственных почетных граждан 35%, купцов — 12, детей мелких служащих, мещан, крестьян и проч. — 52,2%.

Начиная с 1871 по 1900 г. училище выпустило 1517 инженеров. Наглядно видно ускорение темпа их подготовки: количество выпускников с каждым десятилетием возрастает почти вдвое (в 1871—1881 гг. — 253 человека, в 1881—1890 гг. — 425 человек, в 1891—1900 гг. — 839 человек) ²⁴.

О практическом использовании инженеров, подготовленных Московским техническим училищем, собраны сведения, относящиеся к началу 90-х годов. Сведения дали 803 человека. Из них работали в промышленности (в фабрично-заводской администрации, мастерами, механиками и проч.) 403 человека (50,2%); на железных дорогах (в железнодорожной администрации, начальниками ремонта пути, тяги, депо, участков, помощниками начальников и проч.) — 182 человека (22,7%); служащими разных ведомств, в том числе в фабричной инспекции, — 82 человека (10,2%) — всего свыше 83%. Остальные 136 человек (16,9%) занимались педагогической работой. Среди них были профессора, доценты, начальники училищ, директора, заведующие учебными мастерскими, преподаватели, репетиторы и проч. ²⁵

Харьковский практический технологический институт был открыт в 1885 г. также в составе механического и химического отделений. Проектировавшееся горное от-

деление, очень нужное для начинавшей развиваться на юге России добычи угля и железа и для металлургической промышленности, так и не было открыто Министерством народного просвещения. Харьковский институт был значительно меньше Петербургского. В 1891—1900 гг. он выпустил 652 инженера. В отчетах института отмечалась бедность студентов. Из 641 студента на 1 января 1897 г. было дворян и чиновников 37,3%, купцов 2-й гильдии, мещан и ремесленников — 43, крестьян и казаков — 13,4% и т. д.

Оканчивавшие Харьковский технологический получали места главным образом на фабриках, заводах, паровозах и железных дорогах. Их охотно брали также в акцизные чиновники Министерства финансов как специалистов по производству спирта²⁶.

Рижское политехническое училище, основанное на средства Рижского биржевого комитета с целью «теоретического и практического образования лиц, специально посвящающих себя промышленности во всех ее видах, гражданской архитектуре, инженерному искусству, сельскому хозяйству и торговле», было открыто в 1862 г. Оно являлось первым в России учебным заведением политехнического типа, «техническим университетом». Преподавание велось на немецком языке с участием хороших научно-педагогических сил. Особенностью училища была связь обучения с потребностями жизни, а для учащихся — предметная система, т. е. определенная последовательность при изучении наук. В России такая система применялась впервые.

Училище до 1875 г. содержалось исключительно на общественные средства и, хотя было подчинено попечителю учебного округа, не давало своим выпускникам никаких прав и преимуществ. Первые выпуски были очень малы (от 2 до 8 человек) и только с середины 70-х годов стали расти, достигая в некоторые годы до сотни и выше. Среди учащихся преобладали уроженцы польских и прибалтийских губерний. В 1896 г. училище было преобразовано в полноправное высшее учебное заведение с преподаванием на русском языке.

В 1865—1900 гг. Рижский политехникум выпустил 1,9 тыс. специалистов, из которых больше всего было химиков и механиков, затем специалистов по коммерции, инженеров и агрономов и менее других — архитекторов.

Его питомцы находили работу не только в Прибалтике, но и в других местах²⁷.

В условиях экономического развития пореформенной России подавляющее количество не только мелких, но и средних предприятий обходилось еще рутинными методами производства и не нуждалось ни в инженерах, ни в техниках. Даже в значительной части крупных предприятий от руководителей производства не требовалось технического образования. Если взять общее число промышленных предприятий за 1890 г. (до 22 тыс.), то из 22,3 тыс. заведующих ими всего 1608 человек (около 7%) обладали техническим образованием (не уточнено — высшим, средним или низшим). На таких крупных предприятиях, как пороховые и пистонные заводы, руководители с техническим образованием составляли 64%, на машиностроительных заводах — 55, на сахарорафинадных — 44, на железопередельных — 42%. Одной из причин слабого использования техников была протекционная тарифная система, позволявшая даже самым плохо поставленным предприятиям получать достаточный доход. С другой стороны, русские предприниматели часто предпочитали брать руководителей-иностранцев (хотя и среди них в это время тоже добрая треть не имела технического образования), считая, что у питомцев русских технических школ теоретическая подготовка преобладает над практикой и что им приходится долго осваивать эту практику, чтобы сделаться способными руководить предприятием²⁸.

Русской технической интеллигенции приходилось, таким образом, в известной мере пробивать себе дорогу к техническому руководству промышленностью, так как во многих областях оно находилось в руках иностранных специалистов. В этом сказывался пережиток крепостной эпохи, когда русских инженеров почти не было, а, с другой стороны, это было новым явлением, порожденным ролью иностранного капитала, захватывавшего ведущие отрасли индустрии в России. Но в 90-х годах для современников была очевидна «замена в руководстве промышленными предприятиями иностранцев русскими образованными техниками»; с этим связывались надежды на «усиление деятельности русских изобретателей» в области машиностроения и химического производства²⁹.

Что касается специалистов по транспорту, то их вы-

пускал по-прежнему один Институт инженеров путей сообщения, с 1864 г. превращенный в открытое высшее учебное заведение. Конкурс поступающих в институт всегда был очень велик, так что попадали в него люди с хорошей подготовкой. Из института вышло много выдающихся новаторов строительства железных дорог и мостов — С. В. Кербедз, Д. И. Журавский, Н. А. Белелюбский, строитель знаменитого Сызранского моста через Волгу, и др. Оканчивающие курс получали звание гражданского инженера с правом на чин 10-го или 12-го класса, а позже звание инженера путей сообщения с правом на те же чины и техника путей сообщения. За 1865—1900 гг. курс Института инженеров путей сообщения закончило 2487 человек³⁰.

Железнодорожное строительство приносило огромные доходы концессионерам, и поэтому частная служба инженеров-строителей хорошо оплачивалась. Герой романа Н. Г. Гарина-Михайловского «Инженеры», выйдя из института без всякого практического опыта, попав на постройку железной дороги, очень скоро начинает зарабатывать 200—300 руб. в месяц. С. Ю. Витте, служивший на частных железнодорожных предприятиях, хотя он и не был инженером, получал в должности управляющего Юго-западными железными дорогами гораздо больше, чем позднее, сделавшись министром и председателем Комитета министров³¹.

В период концессионной стройки дорог служебный персонал на них еще замещался ремесленниками, имевшими известный опыт. Во второй половине 70-х годов исключением на таком фоне выглядел персонал службы подвижного состава и тяги Общества Моршанско-Сызранской железной дороги, набранный почти целиком из людей с высшим техническим образованием³².

В 80-х годах путейцы получают работу на изысканиях и на постройке железных дорог, на шоссейных работах и по устройству портов; служат в правлениях железнодорожных округов, в управлениях дорог, в Главном обществе Российских железных дорог, в железнодорожных мастерских, на Русско-Балтийском вагоностроительном заводе, в инспекциях железных дорог, наконец, в Департаменте Министерства путей сообщения³³.

В 1896 г. Министерство путей сообщения открыло новое Инженерное училище в Москве для подготовки прак-

тических работников по железнодорожному строительству — инженеров-строителей. Курс в нем был трехгодичный и права ограниченные. Чтобы получить диплом инженера путей сообщения, надо было сдавать дополнительные экзамены. Только в 1914 г. Инженерное училище стало полноправным Московским институтом инженеров путей сообщения.

Специалистов по гражданскому строительству продолжало выпускать Строительное училище, в 1865 г. перешедшее в ведомство Министерства внутренних дел и ставшее открытым гражданским учебным заведением. В 1882 г. оно было переименовано в Институт гражданских инженеров. Наиболее способные из выпускавшихся «архитектурных помощников» с 1860 г. могли добиваться звания инженера-архитектора, представляя строительные проекты. С 1877 г. окончившие с успехом получали звание гражданского инженера с правом на чин 10-го и 12-го класса, а остальные — техников с правом производить строительные работы.

Состав студентов Института гражданских инженеров значительно демократизировался. Сравнивая происхождение учащихся в 1881/82 и 1891/92 гг., находим дворян 30,5 и 14,8%, детей офицеров и чиновников — 32,3 и 47,3, мещан — 8,0 и 17,5, крестьян — 0,7 и 6,3%. С 1860 по 1900 г. Институт выпустил 1231 человека. Силами этих строителей были обстроены провинциальные города, было возведено много общественных зданий, проложено много дорог³⁴.

В 1886 г. в Петербурге возникло Техническое училище почтово-телеграфного ведомства, в 1891 г. преобразованное в Электротехнический институт. Институт сформировался как высшее учебное заведение в самом конце 90-х годов, когда стал выпускать инженеров-электриков. С 1891 по 1902 г. в нем окончило курс 256 специалистов³⁵.

Какой вывод можно сделать из этого беглого обзора формирования технических кадров в России второй половины XIX в.? Мы видим противоречие, порождавшееся социально-экономическими условиями того времени. Инженеры были крайне нужны крупной индустрии, переходившей к монополистическому производству. Их было явно недостаточно, поэтому квалифицированное техническое руководство на больших предприятиях и на транс-

порте высоко оплачивалось, инженеры занимали высокое социальное положение. В то же время масса отсталых предприятий не предъявляла спроса на инженерный труд. Это тормозило и ограничивало более интенсивную подготовку технических кадров в масштабе, нужном для большой страны. Положение инженеров в России уясняется сравнением с их положением в странах Западной Европы, где констатировался большой избыток инженерных сил. К примеру, французский источник конца XIX в. утверждал, что «государство фабрикует в 10 раз больше инженеров, чем нужно обществу». Из французских политехнических и художественно-промышленных школ выходило ежегодно 800—900 инженеров. Вследствие конкуренции большинство инженеров, за исключением немногих привилегированных лиц из богатых семей, устраивавшихся на лучшие места, получало мизерное жалование, и их средняя зарплата в промышленности иногда уступала зарплате выдающихся рабочих³⁶.

Перейдем к подготовке специалистов по сельскому и лесному хозяйству. Лесоводов готовил на своем лесном отделении вновь открытый Петербургский земледельческий институт, созданный в 1865 г. на базе переведенного сюда из Могилевской губернии Горыгорецкого земледельческого института. Позднее, в 1877 г., он был преобразован, получив имя Лесного института, причем сельскохозяйственное его отделение было упразднено. Лесной институт стал основным центром русской лесоводческой науки. Институт был общедоступным высшим учебным заведением с пониженной платой за учение. Окончившие курс получали звание ученых лесоводов 1-го (за научные работы) и 2-го разрядов. Лесоводов готовила также Петровская земледельческая и лесная академия, организованная в 1865 г. в бывшем имении Разумовских под Москвой. Лесное отделение существовало в ней до 1883 г. Наконец, лесное отделение постоянно существовало в Ново-Александровском институте сельского хозяйства и лесоводства (в Люблинской губ.), созданном в 1869 г. Курс этого института был до 1892 г. трехгодичным, он выпускал агрономов и лесничих, не давая им никаких особых прав. С 1893 г. институт стал высшим учебным заведением с четырехгодичным курсом.

В итоге во второй половине XIX в. было выпущено более 2 тыс. лесоводов (см. стр. 125).

Лесоводы всегда находили работу по специальности. Они занимали многочисленные должности в Лесном департаменте. В 1898 г. здесь числились вице-инспектора, ревизоры лесоустройства, чиновники Лесного специального комитета, учебный персонал Лесного института и т. п. В местных управлениях служило 255 лесных ревизоров (из них 170 заведовали лесничествами), 849 лесничих и проч.³⁷

В подготовке агрономов ярко отразились социально-экономические условия развития сельского хозяйства в России. Явный упадок помещичьего хозяйства после ликвидации крепостного права вызвал попытку дать необходимые научные знания помещикам, повысить их агротехнический уровень и тем помочь им преодолеть надвигающееся разорение. Создается в 1865 г. Петровская земледельческая и лесная академия в ее первом кратковременном варианте, внешне новаторском, либеральном в духе эпохи. По замыслу автора ее первого устава, профессора химии П. А. Ильенкова, она была открыта как своего рода просветительное учреждение для «распространения сведений по сельскому хозяйству и лесоводству». Принимались все желающие без экзаменов, слушали лекции по своему выбору. Слушание полного трехлетнего курса было обязательным только для студентов-стипендиатов. На слушателей смотрели «как на граждан, сознательно избирающих круг деятельности и не нуждающихся в ежедневном надзоре». Сдача окончательных экзаменов на диплом кандидата допускалась в любые сроки.

В этот первый период Петровская академия себя не оправдала в качестве высшего учебного заведения, дающего диплом, потому что при отсутствии необходимой подготовки у слушателей почти никто не сдавал экзаменов. Получили диплом всего 22 человека. Но она оправдала себя в том смысле, что из ее питомцев, отдавших сельскохозяйственной деятельности, огромное большинство «послужило именно интересам помещичьего хозяйства»: наибольший процент «практиков» (управляющих, арендаторов и собственников) академия дала именно за время ее существования по первому уставу 1865—1872 гг.³⁸

В 1873 г. академия была преобразована в высшее учебное заведение обычного типа с пониженной платой

за учение, дававшее звания кандидатов и действительных студентов сельского хозяйства или лесоводства. Состав студентов академии изменился. Исчезли помещики и хозяева с домашним образованием, число дворян сильно упало, нахлынули семинаристы, реалисты. «Петровцы» показали себя активными участниками многих студенческих волнений, поэтому прием студентов то и дело приостанавливался, ограничивался количественно. В 1890 г. прием был окончательно прекращен, и по выпуске последних студентов в 1893 г. академия была ликвидирована. Эта разночинская академия готовила квалифицированных агрономов. Но труд ученых агрономов не находил спроса у помещиков. В России в это время царила отработочная система хозяйства, и от управляющих имениями требовались не знания, а умение выжимать доход из арендаторов-крестьян, дешево нанять рабочих и т. д.

**Кадры лесоводов и агрономов, выпущенные
высшей школой в 1865—1900 гг.³⁹**

Учебные заведения	Годы	Лесоводы	Лесоводы и агрономы	Агрономы
Петровская академия	1865—1886 1870—1893	352		860
Петербургский земледельческий институт	1867—1879		325	—
Петербургский лесной институт	1882—1900	1 218		
Ново-Александровский институт	1872—1892 1896—1900	65	763	216
Всего		1 635	1 088	1 076
		3 799		

Необыкновенная скудость агрономических кадров в аграрной России была одним из признаков отсталости страны, постоянно переживавшей неурожайные и голодные годы.

В министерствах, имевших дело с земледельческим хозяйством, спрос на специалистов с агрономическими знаниями был несоразмерно мал. Профессор А. Ф. Фортунатов отмечал слишком малый процент агрономов в числе русских чиновников.

Однако чиновничья служба поглощала значительную

часть наличных сил этих специалистов. Большая часть агрономов оседала в частном хозяйстве, немалое количество шло на педагогическую работу, и сравнительно немногие использовались земством.

Земства стали привлекать агрономов на службу только с 80-х годов, причем в крайне незначительном количестве. Впервые должность губернского земского агронома была учреждена в Пермском земстве в 1888 г.⁴⁰ Несколько ранее появились уездные земские агрономы — агрономические смотрители. Более широкое развитие агрономической деятельности земств относится уже к XX в.

В 1894 г. закрытую Петровскую академию заменил Московский сельскохозяйственный институт. Он был задуман как интернат, предназначенный преимущественно для помещичьих сыновей. Для студентов с высшим образованием вводилась повышенная стипендия (100—200 руб.). Эта система имела в виду обеспечить «благонадежное и устойчивое ядро» среди учащихся. Однако в 1896 г. дворян в институте было менее 40%.

Московский сельскохозяйственный институт выпускал агрономов и агрономов-техников, т. е. инженеров по землеустройству. Унаследовав профессорские кадры Петровской академии, он стал крупным центром агрономической науки в XX в. Темпы подготовки специалистов по сельскому хозяйству повысились: к 1915 г. институт выпустил уже 1613 агрономов⁴¹.

В 70-х годах в России было обращено внимание и на подготовку специалистов по ветеринарии как отрасли, связанной с сельским хозяйством. В крепостное время ветеринария соседствовала с военной медициной. В 1859 г., по «Российскому медицинскому списку», имелось всего 739 ветеринарных врачей.

Развитию ветеринарии много помогла энергичная деятельность профессора Медико-хирургической академии И. И. Равича. Он добился создания Ветеринарного института при этой академии и утверждения новой учебной программы. По этой программе в 1873 г. были открыты вместо прежних ветеринарных училищ ветеринарные институты в Дерпте, Харькове и Казани, а в 1889 г. и в Варшаве. Эти институты были приравнены по положению к университетам. При каждом из них существовала фельдшерская школа для подготовки сред-

него ветеринарного персонала. Студенты-ветеринары принадлежали к наиболее демократическим слоям студенчества и активно участвовали в студенческом движении. «Неблагонадежностью» студентов объясняется и закрытие Ветеринарного института в Петербурге. За 1867—1882 гг. в нем окончило курс 357 врачей⁴². Ветеринарные институты значительно увеличили кадры ветеринарных врачей. По «Российскому медицинскому списку» их насчитывалось в 1890 и 1900 гг. до 2,5 тыс., а по переписи 1897 г., — 2,9 тыс.

Следует отметить, что в земском хозяйстве труд ветеринарных специалистов первоначально находил слабое применение. Земской ветеринарии ставились исключительно задачи борьбы с эпизоотиями. Наиболее передовые уездные земства с конца 60-х — начала 70-х годов обзаводились 1 ветеринарным врачом и 1 фельдшером на уезд. Постоянная ветеринарная служба в губернском масштабе возникла лишь с конца 80-х годов. Так, Нижегородская губернская земская управа создала с 1888 г. ветеринарный отдел, в котором работали старший ветеринар, 5 ветеринарных врачей и 11 ветеринарных фельдшеров. Только в XX в. земская ветеринария получила более значительные масштабы действия⁴³.

Как уже было сказано, буржуазные круги в России, непосредственно заинтересованные в развитии технического образования, много сделали для помощи ему. Буржуазия второй половины XIX в. была в России поднимающимся классом. Рядом с присущими ей свойствами — хищнической эксплуатацией, жадной наживы — отдельные представители буржуазии проявляли прогрессивные черты, выделяли часть своего богатства на нужды просвещения и культуры. Напомним известные факты передачи обществу накопленных культурных богатств людьми из купечества: пожертвование А. А. Титовым богатой коллекции рукописей Публичной библиотеке, завещание К. Т. Солдатенковым картинной галереи Румянцевскому музею, передача П. М. Третьяковым своей знаменитой галереи вместе с построенным для нее домом в дар городу Москве в 1892 г., передача П. И. Щукиным своего музея Историческому музею в 1905 г., основание ряда музеев и картинных галерей в провинциальных городах на средства собирателей и др.

Еще в 70-х годах XVIII в. П. Д. Ларин, откупщик и

торговец из дворцовых крестьян Рязанской губ., пожертвовал 50 тыс. руб. на устройство школы в родном селе и ссудного банка как источника средств на ее содержание. Когда правительство в 30-х годах XIX в. взыскало этот взнос с наследников, сумма его возросла почти до полумиллиона. На оставшиеся после выполнения воли завещателя деньги была открыта 4-я Ларинская гимназия в Петербурге, построены здание Ришельевского лицея и гимназия в Одессе и проч.⁴⁴

В крепостное время крупные пожертвования дворян на учебные заведения были явлениями единичными, сопровождались прославлением и увековечением имени жертвователей (Строгановское художественное училище, Лазаревский институт восточных языков, Гимназия высших наук князя Безбородко, Демидовский лицей). В период поднимающегося капитализма крупные вклады на дело просвещения стали распространенными фактами. Много данных о подобных частных вкладах приводит А. С. Пругавин⁴⁵.

Большие средства были пожертвованы на клиники Московского университета. Дочь полковника Л. А. Родственная, приехавшая из Сибири в Петербург учиться, передала военному министру 50 тыс. на устройство женских курсов при Медико-хирургической академии.

И. М. Сибиряков в 1892 г. обеспечил П. Ф. Лесгафту возможность оборудовать замечательную биологическую лабораторию⁴⁶. Семья золотопромышленников Сибиряковых дала крупные средства на Томский университет, щедро поддерживала экспедиционные исследования Сибири.

Общество для доставления средств Высшим женским курсам (Бестужевским), возникшее в 1878 г., собрало значительные средства и с помощью пожертвований смогло построить дом для курсов на Васильевском острове.

Городские думы и различные общества ассигновали за 1884—1894 гг. свыше 1,6 млн. руб. на развитие профессионального образования. На пожертвования русских миллионеров были созданы промышленное училище в Костромской губ., ремесленное училище в Иркутске, художественное училище в Пензе и т. п.⁴⁷ Банкир А. Штиглиц основал Центральное училище технического рисования в Петербурге.

В конце XIX в. украинские сахарозаводчики собрали

в помощь казне до миллиона рублей на постройку Киевского политехнического института. На Варшавский политехникум местное общество собрало до 2 млн. руб.⁴⁸

Почетным делом считалось жертвовать на стипендии студентам. Пожертвованные капиталы на частные стипендии студентам Технологического института доходили до 700 тыс. руб., что давало около 33 тыс. годового дохода. Купец 2-й гильдии И. М. Крычевский завещал институту в 1887 г. 167 тыс. руб., на проценты с которых выдавались стипендии студентам старших курсов.

Вот выразительный перечень организаций и лиц, от имени которых технологи получали стипендии: Петербургское биржевое купечество, Общество купеческих приказчиков в Москве, Общество русского пароходства и торговли, служащие на сахарных заводах графа Бобринского — бывшие питомцы института, Астраханская городская дума, профессора и преподаватели Технологического института, директор Российско-Американской резиновой мануфактуры Краускопф и т. д. и т. п.⁴⁹

Связи Технологического института с промышленными кругами укреплялись и тем, что он мог, по Положению 1887 г., отмечать званием почетного инженера-технолога «лиц, приобретших известность своею полезною деятельностью на техническом поприще». В первый же год были награждены этим званием не только выдающийся металлург Н. Н. Новокрепленных, но и крупные фабриканты и заводчики.

Буржуазия создала на свои средства и свою профессиональную среднюю школу, готовившую работников для хозяйственно-административного обслуживания торгово-промышленных предприятий. Коммерческих училищ было в первой половине XIX в. три: Московское коммерческое училище и Московская практическая академия коммерческих наук (частная), основанные в начале XIX в., и Императорское коммерческое училище в Петербурге, бывшее Демидовское, переведенное из Москвы в конце XVIII в. и находившееся в Ведомстве императрицы Марии. В 80-х годах на средства московского и петербургского купечества были открыты еще Александровское и Петровское училища, состоявшие в ведении Министерства финансов.

Сеть коммерческих школ, создаваемых на средства купеческих обществ и других организаций, особенно

быстро выросла в конце XIX — начале XX в., при поощрительной политике С. Ю. Витте. Это были хорошо поставленные школы. Но воспитанники коммерческих училищ не пополняли рядов интеллигентских профессий; они входили в многочисленную армию служащих банковских, кредитных и страховых учреждений, транспортных правлений, торговых и фабрично-заводских контор и т. п.

Перед нами прошли технические кадры, подготовленные высшей школой во второй половине XIX в. и составлявшие основу слоя технической профессиональной интеллигенции. Численность инженеров разных специальностей доходит до 12,5 тыс., агрономов и лесоводов — до 3,5 тыс., ветеринаров — до 2,9 тыс.

Перепись 1897 г. не отражает этой численности. Она зарегистрировала всего 4006 инженеров на всю империю, что, конечно, не соответствует действительности, даже при учете смены поколений. Большая часть инженеров, агрономов и лесоводов вошла в другие рубрики переписи в качестве чиновников, служащих и проч.

Техническая интеллигенция служила капиталистическому развитию России. Положение технических специалистов было положением наемного работника умственного труда. В капиталистическом производстве специалист оставался в положении производительного рабочего, непосредственно создающего прибавочную стоимость для капиталиста. Участие его в административных функциях на производстве не изменяло этого основного положения, хотя сильно повышало оценку его «услуг». Специалист, который не принадлежал к группе воротил и дельцов, не сливался с верхушкой буржуазии, который предпочитал работу по своей специальности равнодушной службе чиновника своего ведомства, оставался тружеником, оставался представителем трудовой интеллигенции.

В то же время высокая оплата, связанная с узостью профессионально-квалифицированных кадров, способствовала укреплению зависимости этого труженика-интеллигента — зависимости материальной, бытовой, морально-политической — от окружавшей его среды буржуазных собственников.

Материальное положение технической интеллигенции в России конца XIX в., особенно людей высшей квалифи-

кации или обладавших большим стажем, соответствовало положению наиболее обеспеченных слоев свободных профессий или высокооплачиваемых чиновников. В столицах такой специалист зарабатывал 175—350 руб. в месяц (2,1—4,2 тыс. руб. в год)⁵⁰.

Технической интеллигенции нередко приходилось решать трудные производственные задачи, руководить разведкой и эксплуатацией природных ресурсов, создавать важные изобретения и т. п. Но, как и для всех работников наемного труда, производственный труд для большинства русских технических специалистов (за редкими исключениями) был лишен творческого характера, права на творческую фантазию, был зависим от корыстных и хищнических расчетов хозяина. При капиталистическом строе специалисты «работали, как мертвые безгласные исполнители предначертаний капиталистов», не имея возможности раскрыть таившиеся в них «интеллигентские силы»⁵¹.

В тогдашней экономической и политической обстановке им были недоступны крупные задачи планового, перспективного развития производительных сил страны, задачи широкой борьбы за технический прогресс. А именно о таких задачах мечтала лучшая часть технической интеллигенции. Ее мечты и надежды были неосуществимы без коренной перестройки общественного строя.

Некоторый выход прогрессивным стремлениям технической интеллигенции давало ее участие в работе различных научно-технических обществ, возникших в России во второй половине XIX в.

Научно-технические общества брали на себя консультацию в разных областях промышленности и строительства, организовывали выставки, участвовали в подготовке всероссийских съездов специалистов, издавали технические журналы, справочники и т. п. Наиболее крупным центром общественной деятельности технической интеллигенции стало Русское техническое общество (РТО), открывшееся в 1866 г. Оно ставило задачу не только разработки знаний, но и популяризации их, расширения научно-технической пропаганды. Оно боролось за независимое промышленное развитие России.

Русское техническое общество существовало на членские взносы и пожертвования, а также получало субсидию правительства на содержание музея, издание «Запи-

сок» и расходы Постоянной комиссии по техническому образованию. Общество содержало своих стипендиатов в Технологическом институте и помогало окончившим инженерам в устройстве на работу. Эту помощь впоследствии, в 80-х годах, взяло на себя возникшее при Технологическом институте Общество взаимного вспоможения технологов⁵². Общества вспоможения создавались и при других крупных технических вузах страны. Они представляли как бы зачаток профсоюзной общественной организации технической интеллигенции.

РТО кроме петербургского центра открывало отделения и в других промышленных городах. К началу XX в. таких отделений насчитывалось до 40, из них наиболее крупные были в Одессе, Киеве, Нижнем Новгороде, Туркестанское и др. К 1893 г. в Петербурге в РТО состояло 627 членов, а в провинциальных отделениях — свыше тысячи⁵³.

Число отраслевых отделов РТО постепенно увеличивалось. Одним из важнейших стал открытый в 1879 г. Электротехнический отдел как по большому значению развивающейся электротехники в народном хозяйстве, так и по исключительной энергии его участников. Руководил отделом выдающийся русский электрик П. Н. Яблочков. Первая выставка по электротехнике в 1880 г. имела большой успех и собрала средства на издание научного журнала «Электричество». Это был один из первых в мире журналов по новой отрасли техники.

Журнал отстаивал свою независимость и, несмотря на тяжелое финансовое положение, решительно отказался от всяких субсидий, предлагавшихся ему тогдашними частными фирмами. Редакционная группа журнала работала безвозмездно.

Через 20 лет, в 1899 г. электротехническая общественность смогла созвать первый Всероссийский электротехнический съезд в Петербурге. На нем присутствовало 650 участников со всех концов России, в том числе представители высших технических школ и технических обществ. Журнал «Электричество» стал органом этих съездов⁵⁴.

В 1881 г. возник Отдел железнодорожного транспорта и его эксплуатации. Еще до этого специальная комиссия РТО занималась вопросами строительства Транссибирской магистрали.

В качестве организационного центра технической интеллигенции РТО устраивало совместно с промышленниками съезды, где обсуждались нужды развивающейся индустрии. В 1870 г. оно участвовало в первом съезде русских фабрикантов и заводчиков, проведя предложение об организации технического образования для рабочих; в 1875 г. — в съезде главных деятелей всех отраслей, связанных с машиностроительной промышленностью, в 1892 г. — в съезде по пожарному делу и др.

Большую работу вела Постоянная комиссия РТО по техническому образованию. Считая одной из своих задач организацию профессионального обучения рабочих, Русское техническое общество создало несколько специальных школ, в том числе электротехническую школу, школы печатного и часового дела и др. В 80-х годах его силами было устроено 18 школ для детей и взрослых рабочих, в которых училось свыше тысячи человек.

РТО привлекло внимание общественности к необходимости расширения сети технического образования, увеличения диапазона специальностей, улучшения методики преподавания. С 1892 г. оно издавало журнал «Техническое образование». После первого съезда деятелей по техническому и профессиональному образованию в конце 1889 г. вскоре был организован второй съезд (в конце 1895 — начале 1896 г.). Материал для него был подготовлен двухлетней работой многих секций, которые рассылали 20 тыс. своих вопросников в школы и другие учреждения и сумели поднять большой интерес к поставленным проблемам: в этом съезде приняло участие 1750 человек⁵⁵.

Техническое общество подымало вопрос о расширении профессионального образования для женщин.

Большое значение приобрели также некоторые другие технические общества, отвечавшие нуждам развивавшейся экономики. Лесное общество, возникшее в 1881 г. в Петербурге во главе с энтузиастами лесного дела, а в 80-х годах получившее самостоятельный центр и в Москве, боролось за сохранение лесов от хищнического истребления, разрабатывало вопросы степного лесоразведения. Общество горных инженеров занималось всеми отраслями горнодобывающей и горнозаводской промышленности, объединяя крупнейшие силы геологической науки, металлургии и т. д. При своем возникновении

в 1887 г. оно имело 204 члена, в 1900 г. — 278, а в 1903 г. уже насчитывало 615 членов⁵⁶.

Крупным центром технической общественности стала Москва, где в 1870 г. возникло Общество распространения технических знаний. В 1877 г. было утверждено Политехническое общество при Московском техническом училище, которое имело цель научной и материальной взаимопомощи и содействия в трудоустройстве окончившим училище. В 1872 г. в Москве открылась первая Всероссийская политехническая выставка, организованная с большим размахом при участии научной и педагогической интеллигенции. Небывалый успех этой выставки показал огромную потребность русского общества в популяризации научных знаний. Построенный вскоре Политехнический музей создал материальную базу для научно-технической пропаганды.

Общество распространения технических знаний было задумано на широких началах. Оно не ограничивало себя рамками технических знаний и развило просветительную деятельность в самом широком плане. «В Москве тогда было слишком мало областей, в которых могла бы находить себе приложение свободная общественная инициатива, и здесь скопился запас просветительных сил, которые хлынули к открывшемуся выходу»⁵⁷.

В первый же год в Общество вошло более 500 членов, в том числе ряд видных ученых, не только представителей физико-математических и естественных наук, но и историков, экономистов, литературоведов, много общественных деятелей, писателей, а также «просвещенных представителей капитала» — Солдатенков, Третьяков, Мамонтовы, фон Дервиз, фон Мекк и др.

Основную просветительную работу вел Учебный отдел общества, организовавший множество лекций в провинции, издавший ряд педагогических пособий. (Эта деятельность, вышедшая далеко за пределы популяризации технических знаний, освещается в девятой главе.)

Техническая интеллигенция много сделала и для экономического, и для культурного развития России. Принадлежа в основном по своему социальному положению к буржуазной интеллигенции, эти специалисты, в большинстве проникнутые буржуазным мировоззрением, как замечает В. И. Ленин, «все-таки двигали культуру, в этом состояла их профессия»⁵⁸.

5.

МЕДИКИ

Медицинская служба в дореформенную эпоху была придатком управленческого аппарата. Врачи — казенные чиновники были подчинены Медицинскому департаменту, а вопросами медицины ведал Медицинский совет Министерства внутренних дел. Имущее население лечилось у частных врачей, а для неимущего городского населения существовали плохие больницы Приказа общественного призрения в губернских и уездных городах; в них лечились также солдаты и арестанты. Перед реформой на 40 слишком миллионов государственных крестьян имелось 900 фельдшерских пунктов и приемных покоев, в общей сложности на 300 кроватей. В некоторых губернских городах фельдшерские школы обучали фельдшеров из детей государственных и удельных крестьян, обучали кое-как, исходя из того, что «в нашем народе бывают лишь простые болезни», которые и лечить надо простыми средствами. На помещичьих крестьян медицинская помощь не распространялась.

Полная несостоятельность этой системы медицины особенно сказывалась во время эпидемий. Врач появлялся на месте после длительной ведомственной переписки и без всяких лекарств. Крестьяне стремились скрывать заразные болезни, чтобы не нести бремя расходов на проезд медперсонала и на лекарства, стоившие дорого и обычно получавшиеся слишком поздно¹.

Врачей готовили все университеты, кроме Петербургского, и Медико-хирургическая академия. Когда Николай I в конце 40-х годов урезал штаты всех университетов до 300 студентов на каждый, это ограничение не коснулось медицинских факультетов: настолько признанной была нужда в медицинских кадрах. По данным 1845 г., в России имелось 8 тыс. всех врачей; в 1852 г. было всего 749 аптек, большей частью в столицах и в Западном крае².

Буржуазное развитие страны расширило задачи медицинского обслуживания населения. Новая организация земской медицины получила начало с 1864—1865 гг., городской — с 1865 г., фабричной — с 1866 г. Профессия врача должна была стать массовой. То же можно сказать о среднем медицинском персонале, на который появился усиленный спрос. При медицинских факультетах умножились в качестве вольнослушателей и «посторонних» фармацевты (в Дерптском университете оформилось даже фармацевтическое отделение), аптекарские помощники, дантисты и т. п., которые, сдав экзамен, получали «практические» служебные звания. Медицинские факультеты, Медико-хирургическая академия, а также специальные школы Ведомства императрицы Марии обучали тысячи повивальных бабок. Эта специальность, дававшая работу женщинам из разночинской среды, значительно расширяла область применения женского труда.

Окончившие курс медицинских факультетов и академии получали степень лекаря или «лекаря с отличием», а по фармацевтическому отделению — звание провизора. По уставу 1884 г. степень лекаря стала присуждаться государственными испытательными комиссиями. Особые экзамены давали служебные звания уездного врача (в некоторых университетах это звание сразу присуждалось успешно окончившим лекарям), инспектора врачебной управы и проч.

Количество медицинских факультетов увеличилось с открытием Варшавского и Томского университетов, но в Одесском этот факультет был открыт лишь в 1900 г., а Томский дал первый выпуск врачей лишь в 1893 г.

Наплыв студентов на медицинские факультеты был очень велик; лишь в некоторые периоды они уступали по численности юридическим факультетам.

Медики были наиболее демократическим элементом среди студенчества. Первые казеннокоштные студенты Медико-хирургической академии в начале XIX в. набирались главным образом из семинаристов. В 1815 г. в академию стали приниматься и учащиеся из податных сословий. Окончившие курс и получившие медицинскую степень при вступлении на государственную службу исключались из податного сословия.

«Современник» в 1861 г. отмечал особый отпечаток, лежащий на медиках из семинаристов: «В былое время

академия и медицинские факультеты при университетах были почти исключительно заняты семинаристами и, следовательно, почти вся медицинская практика в России была в руках врачей из семинаристов». Монополия прекратилась, но, отмечает автор статьи, до сих пор юности, приезжающие из провинциальных семинарий, вносят в факультеты особый характер. Хотя они кажутся смешными для непривычного глаза («непомерно длинный сюртук, резкий местный акцент в разговоре, табакерка с нюхательным табаком в кармане и неуклюжие движения»), но их отличает «элемент нечеловеческого терпения в предпринятом деле, упрямство в достижении определенной цели»³.

В 1880 г. казенные и частные стипендии получало свыше 37% студентов Медико-хирургической академии.

«Большинство студентов находилось в состоянии хронического голодания, — пишет историк этой академии о 60-х годах. — Получавший рублей 10—15 дохода уже считал себя состоятельным и не требовал пособия ввиду того, что у его товарищей доход падал до нуля»⁴.

Приведем некоторые сведения о сословном составе студентов-медиков.

В Медико-хирургической академии в 1857 г. было 26,5% дворян и детей штаб-офицеров, 9% обер-офицерских детей, 25% детей духовенства, 4% детей почетных граждан и купцов, 18% детей мещан и цеховых, 6% из разночинцев и т. д. В 1865 г. уменьшился процент дворян и детей штаб-офицеров (21%), детей духовенства (до 15%), детей мещан и цеховых (до 12,2%), зато вырос процент обер-офицерских детей (до 15,8%), выросло почти втрое число детей почетных граждан и купцов (до 11,6%), почти в 2½ раза — число разночинцев (до 14,6%) и т. д.

В 1880 г. из 3693 студентов медицинских факультетов 6 университетов было потомственных дворян 17,2%, детей личных дворян — 22, детей духовенства — 25,6, детей почетных граждан и купцов — 9, детей мещан и цеховых — 15,7, крестьян — 3,5, из других сословий — 6%. По отдельным университетам эти соотношения изменялись. Например, в Казанском и Харьковском дворян было значительно меньше, в Казанском более половины студентов-медиков было из духовенства, в Варшавском было больше дворян-шляхты.

В конце века (1895 г.) в Томском университете среди 413 студентов-медиков было 61,5% из семинаристов, 16,2 — из дворян и чиновников, 11,3 — из мещан, 4,8 — из крестьян, 2,9% — из купцов и т. д.⁵

Эти данные показывают, что медицинская профессия продолжала в основном оставаться разночинской, недворянской.

Не случайно, что именно в этой области была пробита первая брешь в борьбе русских женщин за высшее образование. Эта борьба, как известно, была тяжелой. В начале 60-х годов женщины в качестве вольнослушательниц посещали лекции Петербургского университета и Медико-хирургической академии. Вскоре это было им запрещено. Добиться высшего медицинского образования в 60-х годах смогли в виде исключения только единицы, проявившие необычайное упорство, как мы увидим на примерах Н. П. Сусловой и В. А. Кашеваровой.

Н. П. Суслова (позже жена Ф. Ф. Эрисмана), дочь крепостного, училась в Цюрихском университете, где получила в конце 1867 г. степень доктора медицины, хирургии и акушерства. Вернувшись в Россию, она выдержала экзамен в Медико-хирургической академии и получила свидетельство на право врачебной практики. Путь Сусловой вдохновлял многих женщин. Пятнадцать русских студенток, учившихся в Цюрихе в начале 70-х годов, получили диплом доктора медицины. Однако добиться права врачебной практики в России смогли далеко не все⁶.

Исключительной была также судьба В. А. Кашеваровой (позже жены профессора М. М. Руднева). Бездомная сирота, взятая в жены богатым купцом, она вскоре расходится с мужем, запрещавшим ей учиться медицине. Кашеварова окончила с отличием Повивальный институт и работала в Калининской больнице, где прошла также курс для акушеров по лечению сифилиса. Но она хотела стать настоящим врачом. Ей удалось стать стипендиаткой Оренбургского войска с обязательством по окончании учения лечить башкирских женщин. С разрешения военного министра Д. Милютина Кашеварова была прикомандирована к Медико-хирургической академии на пятилетний курс. Единственная женщина в академии, несмотря на все препятствия со стороны начальства, получила диплом лекаря с отличием и через 8 лет,

в 1876 г., защитила диссертацию на степень доктора медицины. Однако в Оренбургском крае не было земства и женских больниц, а военно-медицинская служба оказалась недоступной для женщины-врача, имевшей к тому же право на высокий чин, даваемый ее ученой степенью. Вся дальнейшая практика В. А. Кашеваровой — пионера женского высшего медицинского образования в России — свелась к лечению окрестных крестьян⁷.

В 1872 г. при Медико-хирургической академии были открыты четырехгодичные курсы «ученых акушеров». Затем им прибавили пятый курс, и в 1878 г. состоялся их первый выпуск. Но эти женщины-врачи не получали дипломов. Курсы, позже переведенные в Николаевский военный госпиталь, были в 1882 г. упразднены. Из учившихся на них за 10 лет 959 слушательниц окончило курс всего 150 человек⁸.

С ликвидацией курсов образование женщин-врачей прекратилось. В 1888 г. женщины были допущены к фармацевтической практике с правом на соискание звания аптекарского помощника и помощника провизора.

Поддержка общественного мнения и особенно материальная общественная поддержка (к 1895 г. было собрано на это дело до 800 тыс. руб.) привели к открытию в 1897 г. Женского медицинского института в Петербурге. Он существовал на частные средства. Государственный совет находил, что учреждение этого института «не вызывается государственной необходимостью». Оканчивающие курс получали звание женщины-врача, право врачебной практики и занятия врачебных должностей, но без прав, даваемых государственной службой⁹.

Отметим, что закрытие женских курсов, состоявших 10 лет при Военном ведомстве, было непосредственно связано с реорганизацией военно-медицинского образования. Ввиду того что Медико-хирургическая академия с ее демократическим составом студенчества считалась «очагом студенческих беспорядков», уже в 70-х годах вырабатывался проект ее подчинения Министерству народного просвещения. К ее реорганизации приступили в 1880 г., когда был прекращен прием на первые курсы академии и Ветеринарного института, а затем закрыт этот институт.

Академия по настоянию Д. А. Милютина осталась за военным ведомством. С 1881 г. обращенная в Военно-

медицинскую академию, она получила новый режим. Студентам было дано в скромных размерах самоуправление. Большая часть студентов была обращена в стипендиатов, которые считались уже состоящими на военной службе со всеми вытекающими отсюда требованиями военной дисциплины. Такими средствами на некоторый срок, до начала XX в., военные медики были отвлечены от участия в общественном движении. Все эти меры имели непосредственную связь с наступившей политической реакцией 80-х годов.

Количество врачей, выпущенных высшей медицинской школой во второй половине XIX в., можно приблизительно определить следующими данными.

Медико-хирургическая — Военно-медицинская академия за 1857—1896 гг. выпустила более 5,2 тыс. врачей, в том числе за 1857—1866 гг. — 985 медиков и 250 фармацевтов и ветеринаров, за 1867—1880 гг. — 1931 лекаря, за 1883—1896 гг. — 2313 лекарей ¹⁰.

В Московском университете окончило курс в 1856—1869 гг. 860 человек, в 1879—1900 гг. — 4627 человек. В 1870—1878 гг. велся учет «получившим ученые степени и медицинские звания», причем итоговые данные никак не совпадали с числом «выбывших по окончании курса». Поэтому цифру получивших степени и звания по медицинскому факультету за эти годы надо считать завышенной — она достигает 2684 человека. С такой оговоркой о неточности можно дать общую цифру за 1856—1900 гг. — свыше 8,1 тыс. врачей.

В Дерптском-Юрьевском университете с 1859 г. шел раздельный учет студентов медицинского и фармацевтического отделений. С 1859 по 1900 г. он выпустил 1822 лекаря и 1866 провизоров. Варшавский университет с 1870 по 1900 г. окончило 2400 врачей, Казанский с 1858 по 1900 г. — около 1850 врачей. Университеты с неполными данными по учету выпускников дали: Киевский — 2400 врачей, Харьковский — около 1600. Исходя из средних цифр, можно добавить к этому не менее 1—1,5 тыс. врачей из неучтенных выпусков этих университетов. Наконец, Томский университет в 1893—1900 гг. выпустил 335 врачей ¹¹.

Таким образом, общее количество врачей, подготовленных с конца 50-х годов до 1900 г., достигало 25,5—27 тыс. К концу века имелось, по данным переписи 1897 г.,

около 17 тыс. врачей, что более чем вдвое превышало их количество в крепостное время.

Но для огромного населения России врачей, конечно, было мало. По данным Медицинского департамента за 1890 г., в Европейской России приходилось немногим более 9 врачей на 100 тыс. населения.

Это было значительно меньше, чем в странах Западной Европы, где на такое количество населения приходилось в Англии 63,8 врача, в Бельгии — 45,1 врача. В Италии в конце века насчитывалось 22 тыс. врачей, в Германии — около 30 тыс., во Франции — около 13 тыс. Перепроизводство врачей и конкуренция между ними в капиталистических странах вели к безработице, к понижению заработка, к превращению значительного числа врачей в интеллигентных пролетариев, а также к таким явлениям, как борьба немецких врачей против больничных касс для рабочих и т. п.¹²

Положение врачей в России было более благоприятным. Врач всегда находил работу. Большинство врачей состояло на государственной службе: они служили в армии и на флоте, в Министерстве просвещения (врачи учебных заведений), в фабричной инспекции и во множестве других ведомств. Значительная часть врачей занималась частной практикой главным образом в крупных городах. Врачи с хорошей городской практикой принадлежали к состоятельному буржуазному кругу. Вольнопрактикующие врачи составляли добрую половину среди людей высокооплачиваемых «свободных профессий».

В начале XX в. была сделана попытка подсчитать доходы адвокатов, нотариусов, литераторов и врачей. В категории лиц, зарабатывавших от 1 до 2 тыс. руб. в год, врачи составляли половину; среди лиц, имевших доход от 2 до 5 тыс., врачей было свыше 57%; из пользовавшихся доходом от 5 до 10 тыс. было свыше 60% врачей; в небольшой группе получавших от 10 до 20 тыс. врачи составляли 52%; наконец, среди 11 человек, имевших от 20 до 50 тыс. дохода, было 6 врачей. Эти цифры выразительно показывают, что профессия врача хорошо оплачивалась: 6729 врачей зарабатывали от 2 до 5 тыс. в год¹³.

Земские врачи в первые годы организации земской медицины получали меньше (800—900 руб. в год и

квартиру). Женщинам-врачам земства предлагали низшие должности с окладом 480—800 руб. в год. Но к концу 90-х годов участковые земские врачи были хорошо обеспечены, получая 1200—1500 руб. в год, а в некоторых передовых земствах и прибавку за выслугу лет.

В 1875 г., подчеркивая происшедшие за короткий срок изменения в организации врачебного дела в России, один врач писал: «Десять лет тому назад врачи почти не существовали как сословие: вся их деятельность состояла в удовлетворении нуждам частных лиц»¹⁴. Превращению врачей в сословие, сознающее свои общественные обязанности, несомненно способствовала организация земской медицины.

Введение земских учреждений, до конца века постепенно распространенных на 35 из 50 губерний Европейской России (с 1882 г. — на 34 губернии), открыло возможность общественной организации медицинской помощи. Как бы ни было земство вначале проникнуто дворянским духом и далеко от сознания необходимости бесплатно лечить народ, все же оно должно было приняться за улучшение медицинского обслуживания крестьянства.

Земская медицина, постепенно развиваясь, вытеснила прежнюю «разъездную систему», когда на территории всех земских губерний работало всего около 350 врачей-чиновников и около 2 тысяч вспомогательного персонала (фармацевтов, фельдшеров и акушеров). При этой системе крестьян лечили, притом платно, невежественные фельдшера, а врачи только объезжали фельдшерские пункты, не принося почти никакой пользы населению.

К 1890 г. существовало 1422 медицинских участка, было открыто более 700 новых, почти исключительно сельских больниц, свыше 400 амбулаторных и около 2,9 тыс. фельдшерских и акушерских пунктов¹⁵.

Земские врачи проявляли самоотверженность в работе. Их отношение к больным отражало народнические настроения эпохи, а позже перешло в общественную традицию. Историк земской медицины отмечал, что в земской службе «открылось совершенно новое поприще деятельности», — это была «общенародная служба», привлекательная для молодежи в идейном отношении как приближение к народу и помощь ему¹⁶.

Вера Фигнер, в начале 70-х годов работавшая фельдшерницей в уездном земстве Саратовской губ. на деревенском фельдшерском пункте, обслуживавшем три волости, с огромным удовлетворением вспоминала об этой работе. С утра до позднего вечера у ее пункта стоял целый обоз. «Бедный народ стекался ко мне, как к чудотворной иконе», — пишет она. В первый месяц она приняла 800 больных, а в течение 10 месяцев — 5 тыс., столько же, сколько принимал земский врач в городе, при больнице, с помощью нескольких фельдшеров. «...Каждую минуту мы чувствовали, что мы нужны, что мы не лишние. Это сознание своей полезности и было той притягивающей силой, которая влекла нашу молодежь в деревню; только там можно было иметь чистую душу и спокойную совесть. . .»¹⁷

Ф. Ф. Эрисман назвал земскую общественную медицину «сокровищем, подобного которому нет в Западной Европе»¹⁸.

Число земских врачей начиная с 1865 г. быстро росло. К концу века земские врачи составляли около пятой части гражданских врачей.

Важнейшим достижением земской медицины была постепенная передвижка в распределении врачей. Положение, когда врачи сосредоточивались в столицах, а по всей России население было почти лишено врачебной помощи, изменилось. В середине 90-х годов подавляющее большинство земских врачей работало непосредственно среди сельского населения — 60% в деревнях и 28% в небольших уездных городах. Только 12% — врачи земских губернских больниц, заведующие санитарными бюро и проч. — работали в более крупных губернских городах¹⁹.

Передовая медицинская интеллигенция ясно понимала зависимость здоровья народа от социальных условий. Врачи ближе других соприкасались с безвыходными тяготами жизни трудового населения. Характерен рассказ врача, который, приступив к работе на приемном пункте, устроенном благотворительницей-помещицей, сразу столкнулся с массовыми жалобами крестьянок на непонятные ему боли и дурноты; он понял их только тогда, когда убедился, что они являлись симптомами постоянного голода²⁰.

Врачи самоотверженно боролись с эпидемиями, сви-

репствовавшими в России. В 1865—1875 гг. огромную территорию охватила эпидемия холеры; она достигла особой силы в 1871—1872 гг., когда умерло до 280 тыс. людей — около 38% всех заболевших. В 1877—1878 гг. в Россию проникла чума из Персии; эта эпидемия, несмотря на карантинные меры, охватила два уезда Астраханской губернии с центром в станице Ветлянке и продолжалась несколько месяцев до января 1879 г.²¹

Студенты-медики, пишет историк Военно-медицинской академии, посылавшиеся на борьбу с большими эпидемиями, «являлись желанными тружениками, добросовестно работающими, невзыскательными» (т. е. бескорыстными). Немало их переболело от заразы и погибло в тяжелых условиях этой борьбы²².

Именно врачи первыми стали поднимать вопросы санитарии и гигиены на уровень государственных задач. Областные съезды врачей вырабатывали меры борьбы против эпидемий. Врачи-гигиенисты и фабричные инспектора показали обществу ужасные условия работы на производстве. Ф. Ф. Эрисман исследовал ночлежные дома и жилые подвалы Петербурга. Он руководил фундаментальным обследованием фабрик и заводов Московской губернии по поручению Московского земства. Врач Е. М. Дементьев, обработав собранный материал (опубликованный в 17 томах), написал широко известную в свое время книгу «Фабрика, что она дает населению и что она у него берет» (М., 1893).

Врачи стояли на передовых позициях в общественной борьбе, требуя в интересах дела, в данном случае своего, врачебного дела, такой постановки вопросов, выдвигая такие проекты и предложения, которые не считались «с интересами правящих сословий»²³.

Силами врачей были созданы серьезные научно-общественные журналы: «Архив судебной медицины и общественной гигиены» (1865—1871); в 80-х годах — «Врач» и «Земская медицина». Во второй половине XIX в. возникло несколько обществ врачей, связанных с медицинскими факультетами. Некоторые из этих обществ ставили себе крупные исследовательские задачи. Так, общество врачей Казани, насчитывавшее в 1870 г. 144 члена, работало над вопросом изучения местных природных условий с целью отыскания и обезвреживания очагов болезней.

В работах съездов русских естествоиспытателей благодаря активному участию врачей видное место заняли общемедицинские вопросы, особенно на четвертом съезде в Казани в 1873 г. Общероссийский масштаб получила деятельность Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова. Начиная с 1885 г. каждые 2—3 года оно устраивало всероссийские съезды, которые имели большое значение, выражая общественное мнение по многим социальным вопросам. Съезды привлекали тысячи участников. Однако, выступая с критикой санитарно-гигиенических условий жизни трудящихся или положения медицинских работников, Пироговское общество не могло добиться от правительства реализации своих предложений: ответом на них были большей частью отказ или просто молчание²⁴.

В 90-х годах возникает ряд обществ по важнейшим медицинским специальностям, в числе которых отметим Гигиеническое общество под руководством Ф. Ф. Эрисмана.

В первых рядах медицинской общественности стояли земские врачи. Разъединенные в условиях земской децентрализации, они живее других стремились к общению и объединению. Регулярно собирались съезды земских врачей, приуроченные к сессиям губернских земских собраний. Начиная с первого такого съезда в Твери в 1871 г. до 1899 г. было организовано 226 съездов земских врачей, не считая частных собраний и экстренных съездов по случаю эпидемий. Съезды земских врачей по численности занимают первое место среди съездов земского «третьего элемента». С 1871 по 1905 г. врачи собирались 301 раз, ветеринары — 158, агрономы — 87, страховые агенты — 110, техники и инженеры — 44 раза²⁵.

Съезды земских врачей, привлекавшие много участников, давали возможность работникам самых глухих углов быть в курсе текущих общественных задач медицины, способствовали обмену опытом и т. д.

Земские врачи были влиятельной частью «третьего элемента» — так назывались наемные служащие земства, не принадлежавшие ни к администрации, ни к составу земских гласных. В земстве 80-х годов, особенно в уездных земствах, усиливались реакционные тенденции «воротил» земства — крупных помещиков, рассматривавших врачей и других земских служащих как бес-

правных «вольнонаемных», не имеющих права вмешиваться в земские дела. Но вместе с тем усиливалось сопротивление и сплочение «третьего элемента». Земские врачи добивались учреждения санитарных советов — независимой от произвола администрации и земских управ организации, ведавшей врачебно-санитарным делом в местных масштабах. Не раз происходили столкновения уездных управ с врачами, увольнения непокорных врачей, а также бывали случаи ухода земских врачей целыми коллективами со службы в данном земстве. Известны крупные конфликты с врачами в уездных земствах: Екатеринбургском, Свияжском, Миргородском, Мещовском, Суражском, Саратовском, Покровском, Пронском и др., а также в губернских земствах: Пермском, Казанском, Костромском, Тверском и др.²⁶

Созданные земством врачебные учреждения принесли населению значительную пользу в пределах своих возможностей и в 90-х годах оказались достаточно устойчивыми, чтобы дать фактический отпор антиземским реакционным законам и «парализовать сфабрикованные в петербургских канцеляриях уставы», мешавшие их деятельности²⁷.

Своим активным участием в общественной жизни, в борьбе за улучшение условий жизни трудящихся масс медицинская интеллигенция завоевала себе почетное место в передовых рядах русской интеллигенции.

6.

УЧИТЕЛЯ СРЕДНЕЙ И НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Дореформенная средняя школа обычно предстает в воспоминаниях учившихся как собрание учителей — монстров, невежд, деспотов, внушающих ненависть и страх. В массе заурядных, педагогически невежественных учителей были и в крепостной России хорошие, преданные делу и пользовавшиеся огромным уважением преподаватели. Однако школьная система этого времени была глубоко реакционной. Буржуазное развитие России потребовало новых средних школ и впервые поставило проблему расширения народного образования, создания сельских школ. Реформа школы была связана с необходимостью увеличения педагогических кадров, и вопрос об их подготовке приобретал большую остроту. После закрытия Главного педагогического института в Петербурге, который в течение 1828—1859 гг. дал в учебную службу 682 человека (в высшие учебные заведения — 43, в средние — 377, в низшие — 262 человека) ¹, подготовка новых учителей на первых порах шла в слишком ограниченном масштабе, не соответствовавшем потребности в них. При университетах были организованы специальные педагогические двухлетние курсы кандидатов-стипендиатов на должности учителей. На них учились уже окончившие историко-филологический или физико-математический факультеты, проходя практику под руководством профессоров в местных гимназиях. Лучшие по успехам получали право на преподавательские должности в средней школе, остальные — в уездных училищах. Такие кандидаты (было до 300 вакансий) получали стипендию 350 руб. в год. За время своего существования курсы выпускали по 50—70 учителей в год. От этой системы пришлось отказаться. С 1865 г. приготовление учителей легло непосредственно на историко-филологические и физико-математические факультеты.

Для новых военных гимназий учителей готовило Военное ведомство. Его стационарные двухлетние педагогические курсы при 2-й Петербургской Военной гимназии также предназначались для слушателей с высшим образованием. «Кандидаты-педагоги» военного ведомства получали стипендию 500—600 руб. в год, а по окончании им обеспечивалась штатная должность с окладом 900 руб. (т. е. оклад старшего учителя по штатам Министерства народного просвещения). За 1865—1882 гг. из 144 человек, принятых на эти курсы, окончило всего 100 человек. По отношению к общему числу преподавателей военных гимназий, а позже военных корпусов учителя, прошедшие военные педагогические курсы, составляли малую долю. Курсы эти допустили к преподаванию также 273 учителя без высшего образования и без педагогической подготовки, выдержавших испытания в экзаменационной комиссии. Однако в середине 60-х годов люди с высшим образованием составляли более половины учебного персонала средних военных школ². Учителей и воспитателей для военных прогимназий готовила учительская семинария Военного ведомства, открытая в 1863 г. в Москве. До начала 80-х годов она выпустила 360 учителей³.

Историко-филологические факультеты были самыми малолюдными и по числу учащихся, и по числу оканчивающих курс. Классическая система образования в том ее варианте, который существовал в России, не могла привить учащимся интереса к филологии и привлечь студенчество к гуманитарным наукам.

Выдающийся русский лингвист А. А. Потебня, профессор Харьковского университета, писал в 1891 г.: «Печальная судьба филологических знаний в России. Порою кажется, что мы идем не вперед, а назад. У нас в этом году на 1005—32 филолога, в том числе по славяно-русскому отделению, может быть, человек 5—6, да и то не по призванию, а ради хлеба. Теперь у меня (на дому) 3 слушателя»⁴.

В период подготовки классической реформы гимназий в 1867 г. был создан Историко-филологический институт в Петербурге. Он должен был обеспечить выпуск преподавателей древних языков — сторонников классической системы, из которых обычно комплектовались директора гимназий. Из института выходили преподаватели древних языков, русской словесности (до 1884 г.),

истории (до 1875 г.) и истории и географии (с 1884 г.). Все выпускники института должны были служить по Министерству народного просвещения⁵.

В 1875 г. был преобразован в Историко-филологический институт Нежинский лицей князя Безбородко, который стал готовить преподавателей гимназий по гуманитарным предметам.

Одновременно для укрепления кадров преподавателей классической филологии был учрежден семинар при Лейпцигском университете, существовавший с 1873 по 1890 гг. С 1884 г. он назывался Русским филологическим институтом при Лейпцигском университете. Во главе его стоял немецкий филолог Ф.-В. Ритшль. Учащихся — стипендиатов Министерства народного просвещения — должна была привлекать обеспеченная карьера. Однако в этом «мертворожденном институте», как называет его М. М. Филиппов, было мало русских студентов: туда шли учащиеся из славян, из русских немцев (из Дерптской гимназии) и проч. В России не родились филологи-классики, констатировал Филиппов, указывая для сравнения, что в одном Лейпцигском университете в 1883 г. было 14 профессоров по классической филологии, притом корифеев европейской науки; в России столько же преподавателей по этой отрасли науки приходилось на 6 университетов (в том числе 6 доцентов)⁶.

Развитие классической филологии, насаждаемой принудительно, в ущерб другим наукам, принимало часто нетворческий, формальный характер. Так, один из профессоров Нежинского историко-филологического института, Р. Фохт, занимал студентов переводом на латинский «Истории Пугачевского бунта» Пушкина.

Что касается подготовки учителей математики и естественных наук, то университеты выпускали их в достаточном количестве. Число студентов физико-математических факультетов превышало число филологов примерно вдвое, а с 90-х годов — втрое и более.

Стремление к физико-математическому образованию отражало общественный интерес к развивающимся точным наукам, к техническим знаниям, было симптоматическим признаком буржуазного развития страны. Физико-математическое образование не давало такой определенной специальности, как юридическое или медицинское, но оно готовило к широкому диапазону

деятельности — и к научной, и к промышленной, и к административно-организационной работе. Характерно, что молодой С. Ю. Витте, ничего не делавший в гимназии, поняв необходимость учиться, чтобы не «пропасть», выбрал физико-математический факультет. Учительская специальность для «натуралиста» была одной из многих возможностей.

Физико-математические науки наравне с гуманитарными становились необходимыми и в области женского высшего образования. В записке писательницы Е. И. Конради, поданной ею Первому съезду естествоиспытателей в 1867 г., о необходимости высшего образования для женщин подчеркивалась важность распространения естествознания в среде будущих матерей и воспитательниц⁷. В 70-х годах Лубянские женские высшие курсы в Москве приняли именно физико-математический профиль в отличие от гуманитарной программы курсов В. И. Герье. Физико-математическое отделение рядом с историко-филологическим на научном уровне университетского факультета существовало на Петербургских высших женских курсах (Бестужевских).

Социальный состав студентов тех факультетов, которые готовили учителей, не имеет такой определенности, как, скажем, юристов или медиков, но все же имеет свои особенности. Так, по учебной переписи 1880 г., среди студентов-филологов 8 университетов преобладали дети дворян и чиновников (42,6%) и дети духовенства (34,4%). Для «натуралистов» это выражалось в цифрах 52,8 и 20,8%.

В следующие годы число студентов из духовенства падает, как нам известно, вследствие искусственного ограничения доступа семинаристам в университеты, но зато подымается процент детей из городских сословий с преобладанием его низшего слоя. В Петербургском университете в 1888 г. (в скобках ставлю для сравнения данные 1880 г.) среди филологов было детей дворян и чиновников 56,6 (44,3%), детей из городских сословий — 29,2 (14,7)%. Среди «натуралистов» по тем же группам — 64,0 (52,7) и 25,5 (21,5)%. В Московском университете в 1890 г. среди филологов находим 45,9 (51,5)% детей дворян и чиновников и 32,7 (19,2)% из городских сословий. Для «натуралистов» по тем же группам — 53,4 (56,2) и 28,0 (22,8)%.

Представляют интерес также данные о сословном составе выпускников Петербургского историко-филологического института. До 1890 г. он принимал семинаристов. Из окончивших в 1871—1893 гг. свыше 57% приходилось на детей духовенства и преподавателей духовных школ. Детей дворян и штаб-офицеров было 7,3%, детей чиновников — 14,9, из мещан — 6,7, из крестьян — 5% и т. д.

Разночинцы преобладали и среди выпускников Одесского университета. Из 270 окончивших в 1868—1890 гг. историко-филологический факультет было 59,3% из духовенства, 17,4 — из дворян и штаб-офицерских детей, 7,1 — из обер-офицерских детей, 5,9 — из мещан, 3% из крестьян и проч. На 542 окончивших физико-математический из духовенства вышло 23,8%, из дворян и штаб-офицеров — 28, из мещан — 15, из обер-офицерских детей — 13,1, из купцов и почетных граждан — 7,8% и проч. Можно говорить об определенно демократической среде учащихся, выбиравших себе эти специальности.

Попытаемся выяснить тот численный контингент, из которого во второй половине XIX в. могли выходить учителя средней школы, имея, впрочем, в виду, что окончившие курс в университетах не обязательно вступали на это поприще.

Оба историко-филологических института дали стране: Петербургский за 1871—1900 гг. — 562 и Нежинский за 1875—1900 гг. — 321, всего — 883 учителя гимназии⁸.

Университетские факультеты выпустили:

Университет	Годы	Историко-филологические	Физико-математические
Петербургский	1859—1900	989	3 520
Московский	1860—1900	1 211	2 759
Юрьевский	1859—1900	639	665
Одесский	1868—1900	638	1 213
Варшавский	1870—1900	246	437
	По неполным данным		
Киевский	1859—1899	498	635
Казанский	1873—1898	213	386
Харьковский	{ 1858—1900 1891—1900	Около 270	238
Всего		более 5,5 тыс.	около 9,9 тыс.

К числу окончивших курс по обоим университетским факультетам следует добавить еще примерно 300—400 человек из тех выпускников, которые в отчетности Варшавского, Казанского и Харьковского университетов остались не распределенными по факультетам.

Не уточнено также количество окончивших различные женские курсы с программами высшего образования. Одни Бестужевские курсы выпустили за 1882—1903 гг. 2229 человек⁹.

Можно считать, что во второй половине XIX в. было подготовлено до 20 тыс. людей с высшим образованием, более или менее пригодным, чтобы стать учителями средней школы. Но разумеется, далеко не все они шли на учительскую работу: Диплом высшей школы открывал и многие другие служебные дороги. В средней школе, как увидим ниже, значительная часть преподавательских мест заполнялась недипломированными кадрами. Для масштабов большой страны учителей в России было недостаточно.

Сравним положение учителя в России с положением педагогических кадров средней школы, например, во Франции, где имелся большой излишек специалистов по филологическим и естественноведческим наукам по сравнению с наличием преподавательских мест. В конце века примерно 3,3 тыс. учительских мест в коллежах и лицеях были заполнены не только выпускниками университетов (кандидатами), но и людьми с высшими учебными степенями — приват-доцентами и докторами наук. Кандидатам приходилось брать и низшие места — репетиторов: они составляли четвертую часть среди 2,6 тыс. репетиторов средней школы. Не нашедшие службы пополняли большую дипломированную армию домашних учителей, воспитателей, а также журналистов¹⁰.

Попробуем выяснить численность учителей средней школы в России. Обратимся к школьной статистике. Ценнейшим материалом является перепись учебных заведений, произведенная в марте 1880 г. Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел по Европейской России и польским губерниям. Перепись зарегистрировала и номинальное количество учительских должностей, и действительное число учителей — несколько меньшее, так как некоторые должности совмещались. Общее число должностей по мужским и жен-

ским средним школам всех ведомств составляло 10,133, в том числе на школы Министерства народного просвещения приходилось 6323 места. Учителей было меньше почти на 1880 человек — всего 8256 (6236 мужчин и 2020 женщин). Значительная часть учителей преподавала два предмета и более или занимала должность классного наставника. Директора и инспектора гимназии также преподавали в основном древние языки.

По специальным учебным заведениям (педагогическим, медицинским, техническим, ремесленным, художественным и проч.) перепись зафиксировала 3673 номинальные педагогические должности. Действительное количество преподавателей в них было меньше примерно на 800 человек. За вычетом учебного персонала высших специальных заведений на специальные школы приходилось около 2 тыс. учителей¹¹.

Можно определить число занятых в 1880 г. учителей средних и средних специальных учебных заведений примерно в 10,2 тыс. человек. Такой численности армия учителей достигла постепенно за два десятка пореформенных лет, причем она не только росла количественно, но и обновляла свои кадры. Д. И. Менделеев в 1901 г. насчитывал около 10 тыс. преподавателей средней школы по всем ведомствам, из них по Министерству народного просвещения — около 6 тыс. Он указывал, что для сохранения такого числа при среднем сроке службы в 15 лет требовалось ежегодно до 600 новых учителей¹². Таким образом, за 20 лет с 1880 г. армия работающих учителей средней школы возросла всего на 20%, но вместе с тем произошло полное обновление ее состава, возрастная смена кадров. Если допустить, что эти кадры до конца века могли обновиться два-три раза, то количество учителей средней школы, работавших во второй половине XIX в., можно предположить порядка не менее 25—30 тыс.

Каков был образовательный ценз учителей средних школ? По данным переписи 1880 г., люди с высшим образованием составляли примерно половину среди учителей и почти отсутствовали среди учительниц. Из 5680 учителей, работавших в Европейской России, 40,8% имело университетское образование, 3,5 училось в других высших учебных заведениях и 7,3% — в духовных академиях, т. е. с высшим образованием было 51,6%. В сред-

них учебных заведениях училось 13%, в духовных семинариях — 19, в заграничных учебных заведениях — 8,3, остальные 7,5% имели низшее и домашнее образование.

Обращает внимание большое количество учителей с заграничным образованием. Это были учителя древних языков, намербованные Д. Толстым в 1873 г. среди австрийских славян — чехов, галичан, среди познанских поляков и проч. В Петербурге был даже создан Учительский институт славянских стипендиатов, а в 1878 г. на правах «славян» стали приглашаться австрийские и прусские немцы. Это «памятное нашествие» на русские гимназии классиков из славян было одним из средств укрепления классической системы образования¹³.

Кроме того, на должности учителей древних языков допускались кандидаты духовных академий.

Учительницы в основном имели среднее образование. Из 1849 учительниц в институтах, гимназиях и прогимназиях училось 62,7%, в духовных училищах — 4,6%, низшее и домашнее образование имело 29%, в заграничных школах училось 3,9%.

К концу века с увеличением выпуска педагогических кадров образовательный ценз учителей средней школы — обширной группы педагогической интеллигенции, — конечно, повысился. Но конкретные данные об этом процессе у нас отсутствуют.

По социальному составу учителя средней школы были в основном разночинцами. В 1880 г. 7530 учителей Европейской России распределялись по сословию родителей следующим образом: потомственных дворян было 11,7%, личных дворян и чиновников — 25, духовенства — 32,4, почетных граждан и купцов — 6, мещан и цеховых — 8,4, крестьян — 3,4, нижних чинов и других сословий — 12%.

Педагогическая профессия имела много градаций. Даже в рамках средней школы преподаватели делились на разные разряды по значимости преподаваемого предмета и соответственно этому оплачивались. На первом месте стояли учителя «наук», т. е. основных общеобразовательных предметов — русского языка, математики, физики, естествознания, истории и древних языков. «Науки» должны были преподаваться учителями с высшим образованием.

Преподаватели общеобразовательных дисциплин находили себе места также в лицеях, институтах и высших специальных технических учебных заведениях.

Получение звания учителя гимназии обставлялось рядом испытаний и формальностей. Свидетельство о звании выдавал попечитель учебного округа. В конце 80-х годов были объявлены правила для лиц, «желающих получить свидетельство на звание учителя гимназии или реального училища». Будущий учитель должен был дать два пробных урока (в младших и старших классах) в одной из правительственных гимназий в присутствии преподавателя предмета, директора или инспектора гимназии, окружного инспектора и приглашенного специалиста из университета. Эта комиссия проводила затем коллоквиум по поводу данного урока и протокол представляла попечителю округа¹⁴. Учитель должен был чувствовать себя допускаемым в ответственную чиновничью корпорацию, дорожить своим положением и вести себя как покорный исполнитель «предначертаний» начальства.

В средних школах обычно складывался коллектив с основным костяком из учителей «наук», включавший также учительский персонал низшей градации. Во-первых, сюда входили учителя новых языков, обычно иностранцы, со средним образованием. Сюда входили также учителя так называемых искусств. Некоторые из них имели педагогическую квалификацию, как, например, учителя рисования, которых издавна выпускали Строительное училище, Строгановское училище технического рисования, а также Центральное училище технического рисования барона Штиглица (открытое в 1878 г.). Звание «ученого рисовальщика», которое получали особо успевающие, освобождало от податного оклада и давало право на должность учителя рисования в реальных и уездных училищах. Другие «искусства», как пение, музыка, танцы, рукоделие, гимнастика, верховая езда и проч., не требовали ученых учителей.

В закрытых учебных заведениях служил многочисленный вспомогательный персонал — воспитатели и репетиторы в военных школах и лицеях, классные дамы и надзирательницы в женских институтах и проч. Часть его участвовала в учебном процессе, часть выполняла только надзирательские обязанности.

Различные градации педагогической профессии отражались обычно в городских переписях населения. В отдельные группы выделялись школьное начальство, надзирательский персонал, собственно учащие, в том числе учителя языков и учителя «искусств» и проч. Можно видеть значительное преобладание административного персонала над учебным. Так, по Московской переписи 1882 г., на 231 учителя общеобразовательных предметов «директоров, воспитателей, инспекторов» приходилось 643. Некоторые переписи отделяли штатных педагогов от внештатных и живущих частными уроками: в Москве в 1882 г. последних оказалось в $2\frac{1}{2}$ раза больше, чем штатных, — 3,5 тыс. (в том числе 2,8 тыс. женщин). Петербургские переписи 1881—1900 гг. выделяли в особую группу домашних учителей и гувернеров, их оказалось в 1881 г. более 4,6 тыс. (из них 3,4 тыс. женщин), а в 1900 г. — более 5,5 тыс. (в том числе 4,0 тыс. женщин).

Всеобщая перепись 1897 г. кроме 79,5 тыс. «начальников и учащихся в учебных заведениях» по империи насчитала еще 68,2 тыс. домашних и частных учителей, около 6 тыс. «учителей искусств и ремесел», а также «гувернеров у частных лиц» — 11 тыс.

Возникает вопрос, можно ли всю эту массу работников разных градаций отнести к категории педагогической интеллигенции? Прежде всего представляется правильным выключить низший надзирательский состав учебных заведений, затем значительную часть учителей «искусств», поскольку их профессиональная квалификация не связана с педагогическим трудом. Вызывает сомнение также значительная часть «начальников» школ, которые являлись либо простыми чиновниками-исполнителями, либо частными предпринимателями.

Но участники основного учебного процесса в средней, специальной средней и низшей школах, выполнявшие общественную функцию школьного просвещения и умственного развития молодежи, должны быть отнесены к кадрам педагогической интеллигенции. В ее состав кроме квалифицированных педагогов входило большое число домашних учителей и учителей низшей школы.

Домашнее учительство долго существовало в России как определенная профессия, необходимая обществу. Домашнее учительство постепенно вытесняло обычай

держат иностранцев (часто сомнительной квалификации) «при детях» в дворянских семьях. Оно способствовало распространению учебных и культурных навыков в более широких социальных кругах. Наконец, это была в течение долгого времени основная доступная женщинам сфера педагогического труда.

Из женских институтов и училищ Ведомства учреждений императрицы Марии выходили домашние учительницы, попросту говоря, гувернантки, проходившие педагогические классы, которые возникли в некоторых учебных заведениях этого ведомства еще в 30—40-х годах. С начала 50-х годов им стали выдаваться дипломы на право домашнего преподавания, которые давали хлеб многим сотням девушек. Система педагогических классов постепенно распространялась в 80—90-х годах, а в начале XX в. была введена в 10 столичных женских институтах Ведомства императрицы Марии. Педкурсы Мариинской гимназии в Петербурге, возникшие в 1859 г., впоследствии были преобразованы, уже в начале XX в., в Женский педагогический институт.

В 1868 г. право на звание домашних учительниц было распространено на воспитанниц епархиальных училищ Духовного ведомства. Наконец это право было утверждено и за гимназистками женских гимназий Министерства народного просвещения: по Положению 1870 г., оканчивавшие курс получали звание первоначальных учительниц и учительниц начальных народных школ. Те же, кто оканчивал дополнительный педагогический класс «с отличием», получали звание домашней наставницы, «с успехом» — звание домашней учительницы¹⁵.

Появились и общественные начинания в области подготовки домашних учительниц. В 70-х годах в Москве возникли педагогические курсы Общества воспитательниц и гувернанток, где читали лекции передовые ученые. Высшие научные курсы воспитательниц и руководительниц, открытые П. Ф. Лесгафтом в Петербурге в 1896 г., много сделали для внедрения новых методов дошкольного воспитания.

Низшим по квалификации и социальному составу слоем педагогической интеллигенции было сельское учительство — учителя народной школы.

Обратим внимание на появившееся в 1870 г. звание

учительницы начальных народных школ. С конца 60-х годов создание педагогических кадров для низшей школы стало самой насущной и острой общественной задачей. «Боже мой, сколько нужно школ, школ и школ для всего этого народа, возрожденного к гражданской жизни», — писал К. Д. Ушинский в 1861 г.¹⁶ Вышедший из крепостной зависимости народ был почти сплошь неграмотен, но передовые люди хотели для него не только «школ грамотности», а настоящих полезных знаний.

Народной школы в дореформенной России не было, хотя насчитывались десятки тысяч сельских школ. В отчете Министерства народного просвещения о состоянии народных училищ за 1863 г. перечисляются сельские школы, содержавшиеся за счет крестьянских общин и находившиеся в ведении Министерства государственных имуществ, Удельного ведомства и Министерства внутренних дел (для крестьян Горного ведомства). В этих тысячах школ училось в среднем от полутора до трех десятков учеников. Практически из них готовились писари для соответствующих ведомств.

В такой сельской школе за вознаграждение, как паству теплой печкой и куском хлеба, обучали детей все «за неспособностью уволенные, всевозможные исключенные и стоящие уже вне жизни», полные рабы своих нанимателей¹⁷. И самые школы возникали там, где находился такой учитель.

Насчитывались также тысячи так называемых приходских школ, в которых бывало в среднем по полтора десятка учеников и где крестьянских детей учили между делом начаткам грамоты члены церковного причта, их жены и проч.

В итоге, хотя получалась внушительная цифра и школ, и учащихся¹⁸, на деле это была сеть микроскопических неустойчивых классов, вкрапленных в многомиллионную толщу крестьянского населения и не повышавших его грамотности.

Создание начальной народной школы в основном силами земства было важнейшим достижением в общественном развитии пореформенной России. Необходимая реформа низшей школы должна была превратить ее в систему устойчивых учебных заведений.

Задача подготовки учителей народных школ вызвала большой общественный отклик, потому что отве-

чала демократическим просветительским стремлениям передовой интеллигенции и учащейся молодежи. Роль народного учителя-просветителя рисовалась в виде идейного руководителя крестьянства и помощника в его борьбе за лучшую жизнь. Дело обучения и воспитания тысяч учителей для крестьян и в значительной мере из крестьян манило и привлекало общественные силы. Без этого общественного подъема такая огромная задача в бюрократической царской России никогда не могла бы быть выполнена.

Реформа начального образования, проведенная правительством в 70-х годах, предусматривала создание нескольких типов начальной школы и соответственно подготовку народных учителей разной квалификации. Повышенным типом школы становились городские училища «по Положению 1872 г.», предназначенные для низших слоев городского населения, готовившие конторщиков, почтовых служащих и проч. Эти училища могли иметь от одного до четырех классов. Они не служили связующим звеном между низшим и гимназическим образованием, а, напротив, резко разделяли их вследствие несовпадения учебных программ. Правительственная политика состояла в том, чтобы закрыть доступ к среднему, а тем самым и к высшему образованию для детей неимущих слоев. Городских училищ в 1898 г. было всего 824.

Учителей для сети городских училищ должны были готовить учительские институты, создававшиеся в учебных округах (кроме Дерптского и Варшавского), рассчитанные на 75 мест каждый. Практические занятия будущих учителей проводились в двухклассном городском училище, состоящем при институте. В 1877 г. 7 новых институтов выпустили 46 учителей. К концу XIX в. было создано 10 учительских институтов.

Для крестьянского населения реформа (Положение 1874 г. о начальных народных училищах) устанавливала два вида школ: одноклассную с элементарным курсом не менее трех лет и двухклассную с пятилетним курсом, который включал русскую грамматику, вторую часть арифметики, историю и географию России и иногда начальные сведения по естествознанию и геометрии и начальные упражнения в рисовании. Подавляющее большинство сельских школ было одноклассными: их строи-

тельство было более доступно земству и крестьянским плательщикам.

Для подготовки учителей народных училищ с 1871 г. был открыт ряд учительских семинарий: к концу 70-х — началу 80-х годов их насчитывалось 52 (разных ведомств, но в основном Министерства народного просвещения)¹⁹. Вместе с тем в учителя народных училищ допускались лица и с меньшей квалификацией, державшие экзамен на звание сельского учителя, по Правилам 1870 г., в объеме курса городского приходского училища. Недостаток в учителях первоначально был так велик, что еще в 1875 г. Министерство народного просвещения готово было принимать в учителя отставных и бессрочно-отпускных унтер-офицеров²⁰.

Учительские семинарии выпускали сельских учителей с общеобразовательной, педагогической и методической подготовкой. При семинариях имелись начальные училища, в которых проводились практические занятия. Тип сельского учителя, окончившего учительскую семинарию, постепенно наложил отпечаток и на учителей с меньшей квалификацией. «В силу уже установившейся практики от претендентов на это звание требуется такая степень умственного развития, которая выделяет народного учителя из полуграмотной среды в круг официально признанных деятелей на поприще народного образования», — писал либеральный педагогический журнал в 1892 г.²¹

Однако народная школа требовала педагогического пополнения в самые короткие сроки и поэтому должна была использовать и неквалифицированный учебный персонал. Только что созданные земства, взяв на себя заботу о сельской школе, уже в 1868—1872 гг. провели огромную работу по приготовлению учителей на краткосрочных педагогических курсах. Эти курсы имели специальное назначение — поднять низкий уровень сельских учителей, — и они выполнили свою временную нелегкую задачу, «дали учителям новой нарождающейся земской школы необходимую педагогическую подготовку, без которой не может быть народного учителя»²². На таких курсах для подготовки сельских учителей преподавала в 1872 г. в Ставрополе Софья Перовская.

В 1872—1875 гг. для учителей народных школ организовались многочисленные губернские съезды. В 1872 г.

при Политехнической выставке в Москве был устроен первый всероссийский съезд-курсы для народных учителей, на который съехалось до 700 человек. Лекции по методике преподавания на этом съезде читали лучшие педагоги — Евтушевский, Бунаков и др.

Н. Ф. Бунаков, замечательный передовой педагог своего времени, участник «Земли и Воли» 60-х годов, был руководителем съездов учителей народных школ в 1873—1874 гг. в Костроме, Херсоне и Пскове. В 1875 г. он был приглашен на съезды еще в 4-х губерниях, однако ни один съезд под его руководством уже не был разрешен²³.

Эти съезды как явление современной общественной жизни высоко ставил Глеб Успенский. Он хотел описать по подлинным документам съезд сельских учителей в городе. «Теперь этих съездов нет, — писал он, — а прежде на них говорили решительно обо всех народных нуждах[...], так что эти общие публичные разговоры влияли и на губернскую публику, и на земских людей, присутствовавших на съездах, и живой обмен мыслей связывал разные роды деятельности; теперь учитель чахнет один с учебником. . .»²⁴

Известно, что реакционное Министерство народного просвещения ставило задачу подчинить власти своих чиновников быстро развивавшуюся земскую школу. Такое проявление земской инициативы в деле образования, как губернские учительские съезды 70-х годов, было вскоре взято под контроль и запрещено — съезды потеряли свой общественный характер и были заменены краткосрочными педагогическими курсами уездного масштаба.

Многочисленным стеснениям и преследованиям подвергалась и инициатива земств по регулярной подготовке народных учителей. Открывавшиеся земствами учительские школы рассматривались как частные школы, их самостоятельное существование приходилось отстаивать. Министерство народного просвещения постоянно стремилось забрать их в свое ведение, при этом требуя, чтобы земства продолжали нести расходы по их содержанию. Основанная Тверским губернским земством Новоторжская учительская семинария была в 1875 г. передана министерству; учительская школа Московского и семинария Черниговского земства после нескольких лет борьбы были закрыты самими земскими собраниями. Учительская школа Петербургского земства много лет

подвергалась нападкам земцев-реакционеров, требовавших ее закрытия или передачи правительству. Министерство лишало ее выпускников обычной льготы по воинской повинности²⁵.

Тверское земство поддерживало передовую учительскую школу земского гласного П. П. Максимовича. Но когда оно попыталось защитить эту школу от преследования директора народных училищ, то министерство обвинило земство во вмешательстве в учебно-воспитательный строй частной школы и предложило губернатору принять меры к устранению влияния земства на школу Максимовича, т. е. фактически лишило школу материальной поддержки.

Несмотря на такие условия, земские учительские школы, открытые в начале 70-х годов, все же держались довольно долго. Вятская, в которой велись сельскохозяйственный и технический курсы, существовала до 1880 г.; Костромская — до 1886 г.; Новгородская — с 1869 до 1880 г.; Курская — до 1890 г.²⁶ Всего их было до десяти. Часть земских учительских школ продолжала работу и в XX в.

В 1880 г. на десять учебных округов имелось всего 64 педагогических заведения, готовивших народных учителей. Задача создания народных учителей была в тогдашних условиях нелегкой. Так, Самарская земская школа сельских учительниц подготовила за 1872—1897 гг. 428 учительниц, а училось в ней 1516 человек. Большой отсев объясняется трудностью условий учения и бедностью крестьянских слушательниц²⁷.

Надо отметить, что получившие образование народные учителя нередко выбирали себе другие занятия. Казенную учительскую семинарию в Воронеже окончило с правами учителей городских и сельских училищ с 1875 по 1910 г. 618 человек. Среди них было до 70% крестьян и казаков, из городских сословий — 14,4%, детей дворян и чиновников — 4,7%. Однако педагогическое поприще выбрало из них всего 57%, не считая еще 10%, которые продолжали учение²⁸.

В некоторых земских школах прививалось более ответственное отношение к избранной профессии. Школу Максимовича в Твери, например, окончило за 1872—1882 гг. 116 воспитанниц, из которых 100 стали учительницами. После перехода школы в ведение земства

с 1882 до 1913 г. она дала еще 879 хорошо подготовленных учительниц для начальных школ, доведя средний выпуск до 40 человек²⁹. Одна из лучших учительских школ — школа Петербургского земства — в 1874 — 1897 гг. выпустила 387 учителей и 645 учительниц. Из ее воспитанников (мужчин и женщин) огромное большинство работало учителями в Петербургской губернии и лишь 17% ушло из учительской среды. Среди учителей, обученных в этой школе, крестьян было 29%, детей мещан и ремесленников — 25, детей дворян и чиновников — 18,6%; среди учительниц преобладали дочери дворян и чиновников — 43,9%, мещан и ремесленников — 21,1, из крестьян было всего 8,5%³⁰.

Рассматривая данные о социальном составе учителей народных школ, мы отметим, что по сравнению с педагогами средней школы подавляющее большинство их выходило из разночинцев и низших сословий. По данным переписи 1880 г., среди народных учителей было 36% крестьян, 36% детей священников и церковнослужителей, 10% мещан; среди учительниц находим еще значительный процент (22) дочерей личных дворян, 8% потомственных дворян, 44% дочерей духовенства и всего 7% из крестьян³¹.

Более поздние данные, относящиеся к концу 90-х годов, по отдельным земствам подтверждают эту картину. Так, в Псковской губ. из 203 опрошенных учителей 54,5% происходило из крестьян и мещан (поровну), 18,1 — из духовенства, 15,7 — из детей дворян и чиновников и 11,7% — из почетных граждан и купцов. В Рязанском уезде в составе земских учителей обоего пола было 37% из духовенства (в том числе среди учительниц более половины), 31% — из крестьян (в том числе из учителей — 58%). Из дворян было 4,5% учителей и 16,7% учительниц³².

По этим немногим, но типичным данным, отобран-ным нами из массы сведений, разбросанных в земских изданиях по народному образованию, можно видеть, что к концу XIX в. в среде народных учителей сложился значительный массив учителей из крестьян и из детей сельского духовенства. В среде народных учительниц наиболее значительную группу составили дочери священников, а также дочери мелких чиновников. Такой социальный состав народного учительства отразился и в данных

об его образовательном цензе, т. е. об источниках полученного им образования.

Вопрос об образовательном цензе народных учителей имеет большое значение. Именно образовательный уровень определял способность людей, составлявших эту низшую группу педагогической интеллигенции, к выполнению своей общественной функции. Мы увидим постепенный подъем этого образовательного уровня, что было связано и с общим расширением просвещения в стране и с непрерывным педагогическим пополнением, вливающимся в среду народных учителей.

Данные 1880 г. и конца 80-х годов показывают уже некоторое повышение образовательного ценза народных учителей. Перепись 1880 г. зарегистрировала более $\frac{2}{5}$ не подготовленного к делу преподавания учительского персонала. Среди учителей 26% имели педагогическую подготовку в учительских семинариях и школах; 17,8% училось в духовных семинариях, 3,5 — в гимназиях и прогимназиях, т. е. в средней школе — 21%; в духовных училищах училось 12,5%, в повышенных начальных училищах — 13,6, т. е. в низшей школе 26%; свыше 27% ограничивалось низшим и домашним образованием. К тому же 16% из общего числа учителей не окончило курса.

Образовательный ценз учительниц выглядел несколько иначе. В учительских школах из них училось 7,6%, но зато в гимназиях — 23, в прогимназиях — 11,7, в епархиальных училищах — 28,1% — эти женские средние школы (всего 63%) также давали некоторую педагогическую подготовку. Остальные получили низшее и домашнее образование. Не окончивших курса среди учительниц было только около 5%.

В конце 80-х годов было проведено обследование по образовательному цензу, охватившее 3159 учителей и помощников учителей земской школы обоего пола. Из них оказалось: с высшим образованием — 18 человек (0,6%), в том числе 16 женщин; со специальным педагогическим образованием — 39%, со средним — 27 и 32% — с неоконченным средним, низшим и домашним образованием³³. Подъем образовательного ценза учащихся начальных школ виден также из данных за длительный период, имеющих по Симбирской и Вятской губерниям.

Приводимые ниже таблицы относятся к учащим светских школ и не включают законоучителей.

**Образовательный ценз в процентном отношении
к составу учащихся школ Симбирской губернии ³⁴**

Год	Учителя			Учительницы			
	специальное педагогическое	среднее	низшее с правом преподавания	Высшее	Специальное педагогическое	Среднее	Низшее с правом преподавания
1871	2,8	13,7	79,0	—	—	8,9	42,9
1875	15,0	31,9	50,0	—	—	35,2	32,4
1885	40,6	3,2	55,6	1,4	2,7	57,4	31,1
1895	52,5	5,7	40,0	0,4	6,6	57,6	33,3
1900	51,8	3,8	43,7	—	8,2	51,6	38,8
			(включая домашнее с правом преподавания)				(включая домашнее с правом преподавания)

**Учащие со средним и специальным образованием в процентном отношении
к составу учащихся начальных школ Вятской губернии ³⁵**

Годы	Учителя	Учительницы
1875—1880	34,6	42,2
1881—1886	42	54,4
1887—1892	48,9	57,2
1893—1899	58	80,8

В этих таблицах ярко отражено общее повышение образовательного уровня учителей народных школ, рост специально-педагогического образования у мужчин и среднего — у женщин. Но этот рост был далеко не одинаков в разных местах России. Если в 1895/96 г. учащие с образованием не ниже среднего или педагогического составляли в петербургских земских школах 86% (в 1873 г. их было здесь всего 45%), в московских — 69, в рязанских — 68, в саратовских — 66, в тверских —

65,5%, то в калужских этот процент понижался до 38,8, в тульских — до 33,7³⁶.

Образовательный ценз земских учителей непосредственно отражал уровень народного образования в каждом данном земстве и был в самой прямой взаимозависимости от материального обеспечения народных учителей.

Мы подходим к вопросу о численности народных учителей в России второй половины XIX в. Простой подсчет, однако, не сможет нас удовлетворить. В исторической обстановке того времени далеко не вся масса учителей, связанных с народной школой, принадлежала к педагогической интеллигенции. Это касается главным образом учителей церковных школ.

Старая церковноприходская школа, в значительной мере вытесненная в 70-х годах земской школой, вновь ожила в период реакции 80-х годов. Стремясь подавить определившийся характер земской школы как школы общественной, а не государственной, реакционное правительство под руководством Победоносцева поставило ставку на церковную школу. Положение 1884 г. о церковноприходских школах превращало эту элементарную школу (где бесплатные учителя-дьяконы учили грамоте, счету, закону божьему, церковному пению и чтению церковнославянского текста) в государственную школу.

Церковноприходские школы стали быстро размножаться. Характерно, что духовное ведомство спешило искать себе новых учителей прежде всего среди питомцев учительских семинарий, определяя их при этом штатными дьяконами. Духовное ведомство захватило в свои руки также частные сельские школы грамоты. Если в 1883 г. в стране было 5,5 тыс. церковноприходских школ, то в 1893 г. вместе со школами грамоты их стало уже почти 30 тыс. с 930 тыс. учащихся. К 1899 г. насчитывалось уже более 40 тыс. начальных училищ церковного ведомства с числом учащихся около 1,5 млн. В это же время начальных училищ ведомства Министерства народного просвещения было 37 тыс., и в них было 2 млн. 650 тыс. учащихся³⁷.

Вопрос о том, какую часть народных учителей мы вправе причислять к кадрам педагогической интеллигенции, не может быть разрешен одними теоретическими соображениями, а конкретный материал слишком мало

изучен. Во всяком случае можно с полным основанием не включать в эти кадры персонал церковных школ ввиду низкого уровня этих школ, а также многочисленную армию законоучителей в начальных школах.

О росте кадров народных учителей дают представление следующие данные (цифры округлены): в 1880 г. было по 60 губерниям России 24,4 тыс. сельских учителей (19,5 тыс. мужчин и 4,9 тыс. женщин). Из них подавляющее большинство (19,6 тыс. — 80%) работало в школах с одним учителем, т. е. в низшей группе народных училищ. К 1899 г. в начальных школах Министерства народного просвещения по всей империи работало 57,2 тыс. учителей (32,1 тыс. мужчин и 25,1 тыс. женщин) и в общеобразовательных начальных школах других ведомств, кроме церковного, еще 2,5 тыс. учителей. Примерно такая общая цифра — 60 тыс. сельских учителей — фигурировала в публицистике начала 90-х годов, у не раз упомянутого нами А. М. Тютрюмова.

Количество народных учителей выросло более чем вдвое, но распределение их по группам школ почти не изменилось. Теперь в одноклассных училищах работало в городах 9 тыс., в деревнях — 36,3 тыс. учителей. В двухклассных училищах в городах работало 1,7 тыс., в селах — 2,9 тыс. учителей. В училищах повышенного типа работало более 3,6 тыс. учителей об. п.³⁸

Земские начальные школы к началу XX в. составляли около половины школ, состоявших в ведении Министерства народного просвещения. Историк земства Б. Б. Веселовский насчитывал их в 1894 г. 13,1 тыс., в 1896 г. — 16,4 тыс. и в 1902 г. — 18,7 тыс. Следовательно, земские народные учителя составляли примерно половину тогдашней армии учителей, притом ее лучшую, наиболее подготовленную и сознательную часть.

* *
*

Общественное положение и материальная обеспеченность разных слоев педагогической интеллигенции были далеко не одинаковыми. На высшей ступени стояла администрация учебных заведений — директора и инспектора гимназий, директора реальных училищ, шестиклассных прогимназий, учительских институтов и учительских

семинарий и разных специальных средних школ. Директора гимназий получали обычно 2000 руб., инспектора — 1500 руб. в год и казенные квартиры. Столько же получали ректоры и инспектора духовных семинарий. Для учителей средней школы разных ведомств существовала детально дифференцированная оплата. В столичных школах оклады были выше, чем в губернских. (Однако в духовных семинариях окраинных епархий платили больше.) Среди учителей «наук» имелись свои градации, но они получали гораздо больше, чем учителя «искусств». Оклады исчислялись из 12 годовых уроков с учетом добавочных уроков. Различия в зарплате учителей видны на примере 1-й Московской гимназии, где в 1871 г. два учителя получали по 1500 и 1250 руб., шестеро — по 900 руб., четверо — по 750 руб. в год. Учителя «искусств» получали по 250 руб. Воспитатели при гимназическом пансионе получали по 700 руб. и квартиру, школьному библиотекарю полагалось 120 руб., школьному врачу — 300 руб. в год.

Дирекция и педагогический персонал средних школ имели чины и получали пенсии по выслуге лет: за 25 лет службы — полную пенсию (директору — 800 руб., преподавателю «наук» — 550 руб. и т. п.), а за 20 лет — половинную.

С этим обеспеченным положением педагогического персонала средней школы, обслуживавшей в основном имущие классы, несравнимо положение учителей народной школы в капиталистической России. Их материальное и правовое положение было ярким свидетельством ретроградности самодержавной власти, для которой народное образование стояло на самом последнем месте. Труд сельского учителя оплачивался очень низко. Хотя этот труд имел характер службы, но он был лишен существенных условий коронной службы — неувольняемости без достаточных оснований, права на пенсию и т. п. Сельский учитель работал без всяких перспектив на повышение. Служба в образцовых училищах Министерства народного просвещения давала более или менее определенное положение (330 руб. в год и квартира). Но земские учителя были в огромном большинстве совершенно не обеспечены.

В первые годы деятельности земств (1865—1871), когда квалификация земских учителей была очень низка,

они получали 30—120 руб. в год. Затем их оплата стала повышаться в зависимости от условий и средств местных земских управ. В 1876 г. в земских школах Тверской губ. (где в дореформенных сельских школах учителям платили 75—100 руб. в год) учителя получали от 100 до 300 руб. в год. В Черниговском уездном земстве в конце 90-х годов учителям без педагогического образования на четвертый год службы жалованье повышалось с 200 до 250 руб., а учителям с педагогическим образованием оно повышалось с 200 до 300 уже на второй год службы³⁹. Каждое уездное земство имело свою шкалу оплаты учителей, свои нормы прибавок за выслугу лет и т. д.

Труд учительниц оплачивался ниже учителей и поэтому охотно использовался земством.

Некоторые уездные земства с 1884 г. стали лучше обеспечивать учителей — особенно южные и столичные. Херсонское земство платило вновь поступающим 350 руб., увеличивая оплату через пять и десять лет до 400 и 450 руб. Московское платило по 300 руб., прибавляя за каждое трехлетие по 50 руб.; после 12 лет службы учитель получал 500 руб. Петербургское земство установило минимальную оплату в 480 руб., а для окончивших курс в гимназиях, учительских семинариях и на высших педагогических курсах — 600 руб. Каждые пять лет прибавлялось по 80 руб., так что высшие оклады — 720 и 840 руб. достигались через 15 лет службы. Но такие условия были исключительными⁴⁰. Многие земские учителя оплачивались ниже, чем земские фельдшера.

Съезд народных учителей в Новгороде в 1882 г. подтвердил интересный документ — минимальный бюджет расходов сельского учителя. Чтобы кормиться на 45 коп. в день, платить прислуге по 2 руб. в месяц, тратить на одежду и обувь 70 руб. в год, иметь газету за 9 руб. и на 3 руб. книг в год, съездить на родину за 15 руб. и проч., едва хватало 380 руб.⁴¹

Правовое положение сельского учителя соответствовало положению выходца из народа, человека податного сословия, получившего некоторые преимущества путем учения. Учащиеся в учительских семинариях и, конечно, окончившие курс и получившие должность народного учителя освобождались от всех личных повинностей. Но все эти неопределенные и незначительные права уступали в сумме даже званию личного почетного гражданина,

которое, как мы знаем, приобретал каждый чиновник 14-го класса на службе. Народный учитель считался по должности чиновником 14-го класса, но получить действительный чин мог только после 12 лет службы; если он не выслуживал этого чина, то возвращался в то податное сословие, откуда он вышел.

Учителя могли переместить на другое место по произволу, причем переселялся он на свой счет. Во всем, что касалось материального снабжения и обстановки школы, он полностью зависел от местной власти — волостного старшины и сельского старосты, для которых школа была лишней обузой.

Учитель, 12 лет работавший в Воронежском уезде, писал в газете в 1890 г.: все школы в большинстве случаев «ощипанные, обобранные, загрязненные, дымные, смрадные, с удушливой атмосферой здания; крайнее неряшество, пыль, сырость, а в зимнее время угар, а вместе с тем холод — необходимая принадлежность почти каждой школы». Школа распространяет заразные болезни. Но учитель не может возвысить голос перед сельской властью. «Деревенский учитель — это существо крайне бесправное, забитое, загнанное, приниженное мощною рукою сельского мироеда». Другой корреспондент рисовал невыносимую жизнь учителя, перебивающегося со дня на день, теряющего здоровье, не имеющего возможности создать семью, изолированного от всякого образованного общества, без книг и, главное, лишенного всякой возможности воздействия на взрослое население, стоящего в общественном мнении «ниже всякого»⁴².

Сельский учитель всегда мог быть уволен по неблагонадежности: эта причина не требовала никаких доказательств.

При таком шатком, необеспеченном, ничего не сулящем в будущем положении многие учителя не выдерживали продолжительных сроков службы. Наибольшая текучесть была среди учителей из духовных семинарий, которые всегда могли найти другую работу. Дольше держались выпускники учительских семинарий, потратившие время на педагогическую подготовку. Более постоянным элементом были учителя из крестьян, которым не надо было ассимилироваться в окружающей среде.

Немецкие публицисты, посетившие голодающие районы России в конце 90-х годов, рядом с крестьянскими

страданиями увидели постоянно голодающих сельских учителей. «Чтоб быть в России народным учителем, надо много идеалистического самопожертвования», — писали они ⁴³.

Учителя в капиталистической России считались чиновниками и должны были являться опорой буржуазного строя. Педагогическая профессия — сочетание обучения с воспитанием, передачи знаний с передачей мировоззрения — делала значительную часть учителей, тех, кто дорожил своими служебными «преимуществами» и «респектабельным» социальным положением, слугами власти и опорой консервативной идеологии. Отсюда тип учителя — «человека в футляре», чуждого всему новому в общественной жизни, враждебного стремлениям молодежи. Но причастность к идеологическим функциям воспитания создавала в то же время и нового независимого учителя, руководившегося идеями передовой педагогики, способного на общественную инициативу, связанного с освободительным движением своего времени.

Профессиональная работа учителя часто осознавалась передовыми людьми как одна из форм общественного служения. Уже в 60-х годах, в новой атмосфере, созданной падением крепостного права, у интеллигенции возникала сильная тяга к педагогической работе. Известно, что неожиданный поворот к педагогике испытал К. Д. Ушинский. Став выдающимся проповедником демократического воспитания, он внушил массе своих последователей серьезное и ответственное отношение к делу учителя. В. Я. Стоюнин, в молодости мечтавший совсем о другом призвании, стал учителем из нужды, но затем понял общественную роль «даровитого наставника» и отдал все силы педагогическому поприщу.

Известный деятель народного образования В. Я. Абрамов оставил университет и Институт инженеров путей сообщения и с 1871 г., став народным учителем в дер. Волково Петербургского уезда, всю жизнь посвятил организации народных школ, в том числе воскресных школ 90-х годов.

Идейная, бескорыстная основа учительской работы как служения народу постоянно привлекала часть пере-

довой молодежи. В России было немало прекрасных учителей, оказавших глубокое влияние на окружающую среду, развивавших общественное сознание учащихся. Упомянем, к примеру, директора Тульской гимназии И. Ф. Гаярина, воспитавшего учительский коллектив в духе независимости. Он поощрял таланты развитых учеников и мало ценил казенные добродетели прилежания и исполнительности⁴⁴.

В биографиях известных русских учителей — Стоюнина, Басистова, Малинина, Шереметьевского, Корелина, Поливанова и многих других — перед нами встают неутомимые труженики, ведшие большую общественную работу. Многие из них, надорвавшись, умерли молодыми⁴⁵.

В царской России наиболее одаренные педагоги устранялись и выживались реакционными силами. К. Д. Ушинский должен был оставить Смольный институт в 1862 г., обвиненный в подборе «безнравственных» учителей. Вслед за ним из института ушло большинство новых преподавателей. Опытный методист, преподаватель русского языка В. В. Водовозов был уволен в 1866 г. из 1-й Петербургской гимназии за распространение «либеральных софизмов». Начальник женских гимназий Ведомства императрицы Марии Н. А. Вышнеградский должен был уйти в 1868 г., обвиненный в том, что ввел в преподавание естественных наук на педагогических курсах неподходящие предметы — анатомию и физиологию. В. Я. Стоюнин был выжит в 1874 г. из Николаевского института в Москве, где служил инспектором, и т. д.

Педагогу Ф. Ф. Резенеру, который пользовался огромным авторитетом, в 1866—1869 гг. была запрещена педагогическая деятельность.

В первых рядах педагогов-новаторов стоял Н. Ф. Бунаков, очень рано охваченный «страстной жадой педагогического труда». Он сделал исключительно много в обучении и воспитании сельских учителей на их съездах и курсах. Он создал образцовую начальную школу в Воронеже, существовавшую 17 лет (1867—1884 г.). Бунаков подвергался бесконечным преследованиям вплоть до того, что в конце жизни он был лишен права преподавания в им же основанной сельской школе в с. Петино, которую он превратил в культурный центр для крестьян.

Преследования за независимость и новаторский дух дополнялись преследованиями учителей по политическим

мотивам. Вот некоторые примеры: учитель истории и географии Н. Н. Блудоров за речь на публичном акте в Сергачском уездном училище на тему о характере русских царей от Петра I до Николая I был уволен и просидел год и восемь месяцев в смиренном доме. Учитель русской литературы в Ларинской гимназии Ф. И. Дозе в 1862 г. был арестован, лишен права преподавания и выслан в Кострому, где много лет тянул канцелярскую ляжку и застрелился⁴⁶. В начале 70-х годов в связи с подъемом народнического движения было уволено много учителей. Учителя Пензенской гимназии Полевого уволили как сторонника «головнинского направления». (А. В. Головнин был министром до Д. Толстого.) Учитель Владимирской гимназии Соколовский был арестован за переписку с московскими студентами о намерении издать полезную книгу для народа; учитель Екатеринбургской гимназии Обреймов был выслан под надзор за руководство кружком учащихся. В 1880 г. директор Ростовского реального училища Е. С. Каменский, высоко поднявший это училище, был уволен за то, что реалисты старшего класса готовили петицию об уравнивании реалистов с гимназистами при поступлении в университет⁴⁷. Эти примеры можно умножить.

Педагогическая интеллигенция второй половины XIX в. выдвинула немало передовых мыслителей и практических деятелей — просветителей, руководителей молодежи.

7.

РАБОТНИКИ НАУКИ

Во второй половине XIX в. базой для развития науки в России были университеты и технические и народнохозяйственные вузы. «Современные русские университеты, — писал Д. И. Менделеев в 1882 г., — снабжены достаточно обширным рядом избранных лиц, могущих далее развивать начавшееся уже в России учение дело»¹. В это время много первоклассных ученых и изобретателей уже работало в тех важных отраслях, от которых зависела экономическая зрелость страны: в области геологии, разведки и эксплуатации запасов полезных ископаемых, переработки нефти, металлургии и металлографии, теории сопротивления материалов, автоматической регулировки, в новой области электротехники и радиосвязи, в области теории авиации, теории навигации, а также в областях лесоведения, почвоведения, агрохимии и проч. Появились крупные исследователи в области историографии, литературоведения, лингвистики, истории национальной культуры.

Но наука почти не имела доступа к практическим задачам государственной политики. Немногие отдельные специалисты включались в состав бюрократических ученых комитетов при каждом министерстве. Непосредственных организационных связей ученых с производством также было очень мало при отсутствии специализированных научных институтов и лабораторий. Расходы государства на организацию науки были ничтожны.

Ученые в пореформенной России были такой численно незначительной величиной, что для них даже не существовало отдельной рубрики в переписях. В Петербургской переписи 1869 г. они были объединены с музыкантами, библиотекарями, лаборантами; в переписях 1881, 1890 и 1900 гг. они входили в одну рубрику с литераторами.

Ученые в основном сливались с профессурой (разных ученых званий), задача которой состояла в подготовке кадров образованных специалистов и учителей средних школ, в передаче им достигнутого наукой уровня теоретических и методологических знаний. В задачу профессуры входило также воспроизводство научной смены — небольшого количества выдвинутой для высшей квалификации молодежи.

В среде ученых, которые считались чиновниками государственных высших учебных заведений и к которым предъявлялось откровенное требование благонадежности и распространения охранительной идеологии, шла, как и в других слоях интеллигенции, острая борьба реакционных и либерально-демократических элементов.

Посмотрим, как складывалось «ученое сословие» и что оно собой представляло перед реформой. В начале XIX в. в новые университеты (Харьковский, Казанский) еще приходилось набирать профессоров из иностранцев. Но вскоре началась подготовка отечественных профессоров за границей, в Дерпте и Петербурге. Основанный при Дерптском университете Профессорский институт, заполнявшийся кандидатами из разных университетов, за 10 лет подготовил 22 профессора в русские университеты (в их числе были хирург Н. И. Пирогов, историк М. С. Куторга, профессор политической экономии В. С. Порошин и др.). (Дерптский университет вообще был в крепостное время рассадником профессоров: из его студентов, окончивших до 1860 г., вышло около 170 профессоров русских университетов и членов Академии наук².)

Главный педагогический институт в 1835, 1838 и 1845 гг. выпустил на профессорские кафедры 37 человек.

В 1835 г. кафедры русского права заняли 14 новых профессоров из студентов духовных академий, получивших солидную подготовку сначала в Петербургском, а затем в Берлинском университетах³.

С 30-х годов русские университеты сами стали присуждать ученые степени доктора и магистра (такой порядок двойного испытания на высшую степень сохранялся только в России).

Значительная часть диссертаций была защищена при Петербургском университете, причем многие диссертан-

ты выходили из его студентов. За десятилетие до 1864 г. университет присвоил высшие ученые степени 60 с лишком соискателям; в числе диссертантов были филологи Н. Булич, М. Сухомлинов, А. Пыпин, славист В. Ламанский, юрист В. Спасович, историк М. Стасюлевич, математик П. Чебышев, химик Д. Менделеев и многие другие⁴. Здесь же в 1855 г. блестяще защищал свою магистерскую диссертацию Н. Г. Чернышевский.

Государственная подготовка ученых в дореформенное время не была регулярной, ограничивалась эпизодическими мерами. Молодые ученые нередко брались за службу домашним учителем в богатых семьях, что давало средства для самостоятельной подготовки к научной карьере (С. М. Соловьев, Ф. И. Буслаев, К. Н. Бестужев-Рюмин, М. Н. Катков и др.).

С введением устава 1863 г. открылось большое количество новых профессорских вакансий и это вызвало посылку за границу большой группы (84 человека) кандидатов и магистров под наблюдением Н. И. Пирогова. Командировка за границу большой группы окончивших курс Петербургского технологического института (25 человек) понадобилась также в 1870—1873 гг. для будущего Харьковского технологического института⁵.

При Медико-хирургической академии еще в 1858 г. был основан институт врачей для усовершенствования, рассчитанный на 21 вакансию и ежегодно выпускавший 7 человек. К 1886 г. из числа оставленных при академии 222 врачей и 8 ветеринаров 52 человека занимали профессорские кафедры в самой академии и в университетах, 25 человек преподавали в качестве приват-доцентов, трое были прозекторами⁶.

По уставу 1863 г. вошла в силу система оставления при факультетах стипендиатов (а также без стипендии) для подготовки к профессорскому званию. Количество оставленных при университетах, постепенно повышаясь, дошло к концу века до 200 (в 1899 г. — 184, в 1900—206) человек.

Дореформенная система подготовки и комплектования ученых, имевшая свои традиции еще в XVIII в., несомненно способствовала демократизации этого слоя; положение ученого не давало особых выгод и доходов, требовало большого труда и не притягивало имущую молодежь. Было бы очень интересно выяснить, как изме-

нился социальный состав слоя ученых в результате новой системы комплектования.

Известное представление о том, из кого складывалась пореформенная профессура, позволяют составить имеющиеся данные по Московскому университету. Эти данные подводят нас к интересным выводам, а именно: в 1861 г., когда университеты были переполнены хлынувшей в них молодежью, среди московских профессоров оказывается относительно гораздо больше демократических элементов, чем среди студенчества. На 1653 студента в 1861 г. приходилось детей дворян и чиновников 65%, детей духовенства — 10,7, из купцов — 7,5, из мещан и цеховых — 11,6, из крестьян — 1,6, из разночинцев — 1,8% и т. д. Профессоров же в 1861 г. было 41 человек, из которых дворян — 39%, из духовного звания — 24,4, из обер-офицерских детей — 12,2, из мещан — 10%, из разночинцев — 2 человека (почти 5%), из крестьян — 1 человек (почти 2,5%).

Мы воспользуемся также сведениями переписи учебных заведений 1880 г. Перепись дает хорошо разработанные данные о распределении по сословиям родителей учащихся 8 университетов, а также о сословном составе студентов тех же университетов. Сопоставление опять-таки получается очень интересное.

На 8193 студента 8 университетов в 1880 г. приходилось: 23% потомственных дворян, 23,5 — детей личных дворян и чиновников, 23,4 — детей духовенства, 9,1 — из почетных граждан и купцов, 12,2 — из мещан и цеховых, 3,2 — из крестьян и 5,2% — из других сословий.

Что касается 519 учащихся 8 университетов (оговариваем, что в переписи имеются несовпадения в итоговых цифрах общего количества учащихся и их сословного распределения; мы используем только данные об учащихся основных четырех факультетов, опуская восточный и богословский факультеты), то их родители распределяются по сословиям следующим образом: потомственные дворяне — 33,7%, личные дворяне и чиновники — 12,5, духовного звания — 13,7, почетные граждане и купцы — 9,6, мещане — 7,5, крестьяне — 1,1, другие сословия — 10, иностранцы — 11,5%.

Таким образом, социальный состав студенчества и профессуры как бы уравнивается, резких отличий между ними нет. Дети дворян и чиновников, дети почет-

ных граждан и купцов примерно составляют одинаковую долю в обеих группах. Но среди студентов больше выходцев из духовенства, из мещан и из крестьян.

Вернемся теперь к Московскому университету и сопоставим данные 1861 г. и середины 90-х годов. Кадры профессуры в 1896 г. частично обновились и выросли до 92 человек. Из них уже 45% вместо 39% дворян, 20,6% вместо 12,2% — из обер-офицерских детей, т. е. фактически из разночинцев, — эти категории повысились по сравнению с 1861 г. Из духовенства — 14% вместо 24,4%, из мещан — 8,6% — эти категории понизились. Те же самые 2 разночинца и 1 крестьянин составляют теперь по сравнению с прежним только 2,1 и 1,0%.

Состав студенчества Московского университета, по данным 1895 г., также изменился по сравнению с 1861 г. На 4293 студента детей дворян приходится 40,8% вместо прежних 65,6, мещан и разночинцев стало много больше — 38,5% вместо прежних 14,4, больше крестьян — 7% вместо 1,6. Детей духовенства и купцов стало меньше — 5,6 и 5,4% вместо прежних 10,7 и 7,5% ⁷.

Мы видим в студенческой среде продолжающийся процесс демократизации, а в профессорской среде этот процесс задерживается. Эта задержка была результатом социальной обстановки, в которой из массы учащихся могли подняться к верхам ученой профессии лишь малочисленные элементы, наиболее обеспеченные или наиболее энергичные и способные (из разночинцев). С другой стороны, эта задержка несомненно была связана с реакционными политическими тенденциями в подборе и комплектовании ученых кадров, которые ярко проявлялись в 80-х годах.

К сожалению, у нас нет обработанных данных более широкого масштаба о социальном составе ученых. Существующие биографические словари университетов дают слишком неполные сведения по этому вопросу. Между тем данная группа интеллигенции, численно весьма ограниченная, могла бы быть конкретно изучена в этом отношении. Как оживают сухие цифры, когда мы вспомним, что из среды духовенства вышли С. М. Соловьев и В. О. Ключевский, И. П. Павлов, А. И. Чупров, И. В. Цветаев, внуком священника и сыном директора гимназии был Д. И. Менделеев, из мещан вышел Н. С. Тихонравов, из обер-офицерских детей — Ф. И. Буслаев, из питомцев

воспитательного дома вышел Г. И. Щуровский, из старинного купеческого рода — А. Г. Столетов, из потомственных почетных граждан — Н. Н. Любавин, из крестьян — А. П. Богданов и т. д.

Попытаемся выяснить вопрос о численности ученых кадров в России изучаемого периода по такому источнику, как штаты высших учебных заведений.

Университетский устав 1863 г. значительно расширил кадры профессорско-преподавательского персонала по сравнению с уставом 1835 г. Количество штатного учебного персонала возрастало с 265 до 443, т. е. на 67%⁸. К этому персоналу надо прибавить штаты новых университетов (из которых Варшавский имел по особому уставу меньше кафедр, чем другие) и штаты Дерптского университета, который также существовал по особому уставу и в 1865 г. получил 50 профессоров и доцентов. Общее число штатных профессорских и доцентских мест в 8 университетах к 80-м годам превышало 600. В действительности почти всегда были пустующие вакансии, а с другой стороны, каждый университет по своему усмотрению и по своим средствам мог привлекать внештатных преподавателей и приват-доцентов. Приват-доценты оплачивались только за читаемый ими курс.

По данным переписи учебных заведений 1880 г., в 8 университетах насчитывалось 574 учащихся (штатных); по данным А. Г. Неболсина, в 1880/81 учебном году в них было на 561 штатного еще 120 человек сверхштатных и приват-доцентов.

Варшавский университет по соображениям русификаторской политики царизма был лишен приват-доцентуры. В основе этого ограничения лежало опасение, что польские приват-доценты перетянут слушателей из аудиторий русских профессоров. В 1894 г. он имел 80 человек учебного персонала, в том числе 59 профессоров и 9 доцентов⁹.

Устав 1884 г. внес некоторые изменения в распределение кафедр по факультетам и в профессорские штаты. Количество кафедр было сокращено с 12 до 10 на физико-математическом, с 13 до 12 — на юридическом и увеличено с 15 до 23 — на медицинском факультетах. Звания профессоров и доцентов были заменены званиями ординарных и экстраординарных профессоров. Количество профессоров уменьшено по всем факультетам, особенно

на юридическом (15 вместо 19) и на медицинском (23 вместо 33), где, впрочем, добавлено 12 прозекторов и их помощников (должность прозектора соответствовала штатному доценту). Каждый университет должен был иметь 49 ординарных и 23 экстраординарных профессора. Но сокращение штатной профессуры компенсировалось значительным ростом приват-доцентуры. Через эту ступень проходило большинство молодых и наиболее талантливых ученых, представлявших собою новые кадры развивавшейся науки. В 1902 г. в 10 университетах (включая Гельсингфорсский) профессорско-преподавательский состав вместе с приват-доцентами, лекторами по языкам и лаборантами составлял около 830 человек¹⁰. Количество ученых, привлекаемых в порядке приват-доцентуры, росло и к концу века явно догоняло и даже обгоняло, особенно в крупных университетах, неподвижные штатные кадры. В Казанском университете в 1890 г. на 65 профессоров имелось 43 приват-доцента, в Московском в 1896 г. на 93 профессора — 130 приват-доцентов¹¹. Этот процесс еще усилился в дальнейший период.

Университетские кадры составляли наиболее значительную часть научной интеллигенции. В специальных вузах, по переписи 1880 г., насчитывалось около 530 человек учащихся всех категорий. Мы не включаем в это число учащихся духовных академий — 118 человек¹². К концу века это количество немного увеличилось. В крупных институтах, как Петербургский технологический, Горный, Институт инженеров путей сообщения, Рижский политехникум, было примерно по 30 человек профессорско-преподавательского персонала. В Военно-медицинской академии по штатам 1890 г. числилось 34 профессора и 11 прозекторов. В других институтах научных сил было меньше.

Московское высшее техническое училище имело в 1884 г. 17 профессоров и адъюнкт-профессоров, Харьковский технологический в 1896 г. — 12 профессоров и адъюнкт-профессоров, в Петербургском лесном институте в 1880 г. преподавали 16 профессоров, доцентов и лекторов, в Ново-Александровском институте сельского хозяйства и лесоводства в 1893 г. числилось 22 человека профессорского персонала, в Московском сельскохозяйственном в 1894 г. работали 18 профессоров и адъюнкт-профессоров и т. д.

Но количество профессорско-преподавательских служебных должностей не дает еще представления о действительной численности научных сил в капиталистической России XIX в. Состав научных коллективов должен был обновиться не менее одного-двух раз за 40 с лишком лет, беря за исходный период конец 50-х годов, когда началась первая смена дореформенного персонала новыми кадрами.

Профессорско-преподавательские коллективы — это не только статистическое обобщение, это реальные, жизнеспособные организации, существовавшие длительные сроки, создававшие внутренние традиции учебного заведения. Об этих коллективах, объединявших преподавателей всех рангов, можно судить по обширным биографическим словарям, изданным некоторыми университетами.

Вот, к примеру, численность некоторых преподавательских коллективов в период между 1858 и 1900 гг. В Петербургском университете (в 1869—1894 гг.) работало 359 человек, в Казанском — 352, в Харьковском — 341, в Киевском (в 1857—1883 гг.) — 171, в Одесском (в 1865—1890 гг.) — 143, в Юрьевском — 252 человека (в том числе 129 немцев) ¹³.

Можно добавить сведения о наиболее значительных педагогических коллективах, существовавших в специальных вузах в те же сроки — 1858—1900 гг. В Петербургском технологическом институте работало 164 человека (не считая служивших не более года и технического учебного персонала), в Горном институте — 45, в Институте гражданских инженеров (в 1842—1892 гг.) — 175, в Академии генерального штаба — 48 человек (не считая учителей), в Демидовском юридическом лицее (в 1870—1886 гг.) — 36, в Нежинском историко-филологическом институте (в 1875—1900 гг.) — 49 человек и т. д. ¹⁴

Эти сведения далеко не полны. Многие специалисты работали в разных педагогических коллективах, даже в разных учебных округах, и могли по несколько раз попадать в профессорские списки. Но, даже учитывая это обстоятельство, завышающее числовые итоги, мы все же можем утверждать, что в России второй половины XIX в. имелось не менее 3 тыс. людей, принимавших участие в преподавательской работе в высших учебных заведениях.

Особняком стояла Императорская академия наук, члены которой могли заниматься «чистой наукой», не связанной с обязательной профессорской службой. Во второй половине XIX в. Академия отступила на второй план и в научном отношении, и по относительной малочисленности своих кадров. Прежняя, важнейшая для своего времени задача Академии — быть центром подготовки ученых — теперь выполнялась сетью высших учебных заведений. Задача, составлявшая смысл существования Академии, — научное исследование страны в области географии, природных богатств, этнографии, изучение исторического прошлого и проч. — теперь ей была не по силам в тех новых масштабах, каких требовало развитие России. Утратив прежние обязанности, Академия превратилась в бюрократическое, неповоротливое учреждение, полностью подчиненное реакционному руководству и притом сохранявшее привилегированное положение для замкнутой кучки ученых.

В конце 60-х годов Академия наук имела 42 действительных члена (32 ординарных академика, 9 экстраординарных и одного адъюнкта). Состав ее почти не расширялся, так как она жила по старому положению. По уставу 1836 г., который с незначительными изменениями уцелел до 1927 г., число штатных ученых ограничивалось 21 академиком и 10 адъюнктами. Число экстраординарных академиков устав не фиксировал. Второе отделение академии, учрежденное в 1841 г. на базе бывшей Российской академии, занимавшейся историко-литературными и филологическими вопросами, выбирало особых академиков и адъюнктов, не вполне равноправных с остальными в отношении оплаты и прав на пенсию. Академия избирала почетных членов, которые не несли никаких обязанностей, а также большое число членов-корреспондентов. К началу 70-х годов на 43 действительных члена в Академии было 66 почетных (в том числе 9 иностранцев) и 192 члена-корреспондента (в том числе 127 иностранных ученых). С 1860 по 1900 г. в действительные члены было избрано вновь всего 70 ученых¹⁵.

Разумеется, слой научной интеллигенции не исчерпывался дипломированными кадрами. Этот слой складывался как известная общественная среда из множества связанных с наукой работников библиотек, архивов, музеев, издательств и проч., без которых научная деятельность

не может развиваться. В Академии наук, располагавшей сетью научных учреждений, обсерваторий, станций и т. п., воспиталось за длительный срок немало квалифицированных, опытных научных и научно-вспомогательных работников. Правда, штат этих работников был весьма ограничен. В 1912 г. по новым штатам Академия получила на все свои нужды лишь 153 штатные единицы¹⁶.

Научная интеллигенция работала в таких научных и культурных центрах, как Публичная библиотека в Петербурге, Румянцевский музей в Москве, Российский исторический музей, основанный в Москве в 1883 г., Русский музей, основанный в Петербурге в 1898 г., и многие другие.

Своеобразной школой научных работников — археологов и специалистов по архивному делу — стал Археологический институт, открытый в 1878 г. историком права и сенатором Н. В. Калачовым. Институт содержался на частные средства и пожертвования, а с 1882 г. стал получать казенную субсидию в 6 тыс. руб. Институт должен был готовить опытных архивистов, крайне нужных при тогдашних примитивных порядках архивного дела. В первые годы в число учащихся допускались только люди с высшим образованием, затем, в качестве вольнослушателей, и с меньшим образовательным цензом. Прошедшие двухгодичный курс получали звание действительных членов, а вольнослушатели — звание членов-сотрудников. Не давая никаких прав и привилегий, этот частный институт был рассчитан на своего рода энтузиастов, склонных к такого рода работе. До середины 90-х годов слушателей было мало, не более 10—50 человек, а оканчивали институт единицы.

С конца 90-х годов институт получил новое Положение и штаты, увеличенную втрое субсидию, а с 1905 г. превратился в казенное учреждение. Вплоть до 1904 г. число его слушателей благодаря вечерним занятиям быстро росло, увеличившись со 100 человек в 1896 г. до 1000 с лишком в 1904 г.; оканчивало ежегодно 13—20 человек.

Археологический институт был задуман одновременно и как научный центр, ведающий под руководством Академии наук работой вновь создаваемых губернских ученых архивных комиссий. Эти комиссии должны были разрабатывать местные исторические архивы, описывать

древности и т. п. Набрать членов архивных комиссий предполагалось из провинциальной интеллигенции. Калачов, хорошо знавший провинцию, был уверен, что там всегда найдется «несколько безвозмездных тружеников на пользу науки». Но характерно, что эти энтузиасты науки находились под неперменным попечительством местного губернатора¹⁷. Сочетание общественной деятельности с чиновной иерархией не могло содействовать успешной работе архивных комиссий, с середины 80-х годов открывшихся во многих городах России.

Каково было социальное и материальное положение научных кадров? Вместе с возрастанием роли интеллигенции в капиталистическом обществе повысился и ранг «университетского сословия». Прежде даже академики — «первенствующее ученое сословие Российской империи» — не очень высоко стояли по чинам: ординарный академик и ректор университета были не более как чиновниками 6-го класса — коллежскими советниками; экстраординарный академик и ординарный профессор были надворными советниками (чин 7-го класса). Устав 1863 г. поднял чины ученых на два ранга выше: теперь ректор имел чин 4-го класса (действительный статский советник), ординарный профессор был статским советником (5-го класса), экстраординарный профессор был коллежским советником, доцент — надворным советником и даже лектор имел чин коллежского асессора (8-го класса)¹⁸.

Показное покровительство науке становилось делом приличия для членов царской династии: почти все они были покровителями или почетными председателями всевозможных научных обществ. Двоюродный брат Александра III Константин Константинович возглавил в 1889 г. Академию наук.

В 1863 г. штатное содержание преподавателей высшей школы было увеличено почти вдвое вследствие повышения цен в стране, и эти штаты сохранялись до конца века. Ординарный профессор получал 3 тыс. в год, экстраординарный — 2 тыс., доцент — 1,2 тыс. руб. В эти суммы входили полагавшиеся им крупные квартирные и столовые добавки. Без этих добавок оклады профессоров мало отличались от окладов директоров и инспекторов гимназий, а оклад доцента — от оклада учителя. Вакантные места доцентов в университетах замещались с трудом, потому

что они оплачивались хуже, чем, например, старшие учителя гимназий или технические должности.

Лектор получал 1 тыс. руб. в год (вместе с квартирными и столовыми), но лекторы языков всегда имели дополнительные уроки в других учебных заведениях.

Прозектор медицинского факультета получал 1,5 тыс. руб. в год, лаборант — 800 руб., библиотекарь университета — 1,5 тыс. руб. в год. Такое же жалованье получали 12 библиотекарей Публичной библиотеки¹⁹.

По этим штатам с разными вариантами равнялись и специальные вузы. Так, профессора и адъюнкт-профессора Технологического института получали денежные оклады как ординарные и экстраординарные профессора университета, но без их квартирных и столовых добавок. Профессора Лесного института получали столовые надбавки, но меньшие, чем университетские, зато доценты и лекторы имели здесь по 1200 руб. (400 руб. столовых), библиотекарь — 1200 руб. (600 руб. столовых).

Военно-медицинская академия платила своим ординарным профессорам 2352 руб. и 294 руб. столовых, экстраординарным — 1568 руб. и 196 руб. столовых и т. д.

Члены Академии наук получали оклады, соответствующие их ученому званию. Как и в университетах, добавочно оплачивалась работа по выборным должностям. Кроме того, за разные заслуги перед правительством академики могли получать добавочное жалованье, прибавку в виде так называемой аренды и проч. В. Я. Буняковский получал по должности вице-президента — 1,5 тыс. руб. в год, по званию ординарного академика — 1,8 тыс. руб., столовых — 900 руб., добавочного жалованья — 285 руб., пенсии — 1715 руб., аренды — 2500 руб., всего — 8,7 тыс. руб. в год и казенную квартиру. К. С. Веселовский по должности неперменного секретаря получал 1170 руб., а в общей сложности более 8,5 тыс. руб. Я. К. Грот по званию председательствующего в Отделении русского языка и словесности получал 3 тыс. руб. в год, по званию члена комитета правления Академии — 228 руб., пенсию за службу по Александровскому лицей — 1428 руб., пенсию за обучение сыновей Александра II — 3 тыс. руб., аренды — 2 тыс. руб., всего — свыше 9,6 тыс. руб. в год. Для некоторых академиков и профессоров их научные оклады были только небольшой добав-

кой к жалованью за службу в различных ведомствах — военном, горном, железнодорожном и др.

Большие оклады получали также директора специальных высших школ: Технологического института — более 8 тыс. руб. в год, Лесного института — 5 тыс. руб., Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства — 6,5 тыс. руб., Харьковского ветеринарного института — 4,4 тыс. руб. в год и т. д.

Профессорская служба давала пенсию через 25 лет, а в качестве заслуженного профессор мог продолжать ее и дальше. Приват-доценты, читавшие необязательные параллельные и специальные курсы, получали очень мало. В 1890 г. факультеты Петербургского университета представили в Совет университета свои ходатайства о гонораре приват-доцентам от 400 до 1200 руб. в год. В 1896 г. 78 петербургских приват-доцентов не получали даже 300 руб. в год, 11 получало более 600 руб. и только 5, читавших основные курсы, получали более 4 тыс. Гонорары эти оплачивались из денег, вносимых студентами за право сдавать данный курс²⁰.

Здесь надо указать, что система дополнительных гонораров, введенная уставом 1884 г., вызывала много споров, отражавшихся даже в печати. Прогрессивная профессура осуждала систему гонораров по этическим соображениям, а также потому, что она значительно повышала студенческие расходы на учение.

Утвержденная уставом 1863 г. автономия в смысле прав профессорской корпорации, выборности ректоров и деканов, самостоятельного пополнения профессорского корпуса, самостоятельного университетского суда, свободы организации учебного процесса и проч. была относительной, непрочной, и тенденция власти к ее ограничению, все усиливаясь, привела к уставу 1884 г., уничтожившему эту автономию.

Но политический гнет над высшей школой сам был следствием того, что в жизни демократического студенчества и передовой профессуры отражалась общественная борьба, кипевшая вне стен школы. Непрерывные конфликты передовых ученых с миром реакционных чиновников от науки, преследование и выживание лучших ученых из высшей школы, забаллотирование их в члены Академии наук и т. п. говорят об оппозиционности широкого слоя ученых. Оппозиционные настроения проникают,

например, в дневник А. В. Никитенко, известного профессора русской словесности и цензора, работавшего еще в начале 60-х годов. Никитенко был «представителем обывательской философии приспособляемости», он действовал как бюрократ, писал о нем А. И. Богданович. «А между тем нельзя придумать более злой критики на бюрократию, чем критика Никитенко», острая, обильная фактами и уничтожающая. От его характеристики людей «веет холодом отчаяния изверившегося в добро и правду человека и жгучая скорбь оскорбленного до глубины души гражданина»²¹.

Ученые были весомой группой в рядах буржуазной интеллигенции. Их высокое положение в обществе должно было оплачиваться ценой служения интересам господствующих классов и подчинения реакционной политике правительства.

Общественная борьба создавала не только ученых-либералов, но и ученых — зубров, мракобесов, шовинистов, доносчиков и т. п.

Реакция имела верных слуг в лице таких, например, «ученых», как П. Д. Юркевич, декан историко-филологического факультета Московского университета, прославившийся ожесточенной борьбой против материализма и демократических идей. Сопратник Каткова, профессор Московского университета Н. А. Любимов откровенно требовал отстранения «бедных классов» от высшего образования. Высшее образование, по его мнению, не должно служить орудием к достижению чиновничьих мест, порождая недовольных из тех, кто их не получил. «Бремя государственного управления, — заявлял он, — должно разлагаться преимущественно на тех, для кого жалованье не есть единственное средство к жизни и кому достаток и общественные связи дают известную независимость положения»²².

Позорную славу заслужил профессор гражданского права Одесского университета П. П. Цитович, выступивший в конце 70-х годов с грубой руганью против Чернышевского, Сеченова, против высшего женского образования.

М. И. Владиславлев, профессор философии и психологии Петербургского университета, после покушения на Александра III в 1887 г. поспешивший подать проект полицейской чистки и увольнения всех подозрительных

студентов и за это рвание назначенный ректором, проповедовал «нравственное воспитание» молодежи. В свое время этот психолог написал исследование о «количественном анализе» чувствований. Он доказывал, что главную роль в отношениях между людьми играет их имущественное положение, вызывающее «возрастание чувств уважения, удивления, грандиозности». Директор департамента получает в три раза меньше, чем министр, его чувства к министру — «уважение, граничащее с удивлением». Младший делопроизводитель получает в семь раз меньше, чем директор, его чувства к директору — «удивление с высокими степенями уважения», а чувство директора к нему «родственно презрению». Помощник делопроизводителя получает в 46 раз меньше министра — он должен питать к нему «чувство, близкое к грандиозности, должен чувствовать величие его» и т. п.²³

Гнездом реакционной профессуры был Киевский университет. В 1896 г. он торжественно праздновал столетие со дня рождения Николая I.

Научная среда в капиталистической России была, однако, прежде всего оплотом буржуазного либерализма. Оппозиционные элементы в среде профессуры составлялись в огромном большинстве из людей умеренных политических взглядов, буржуазных либералов. Левые течения, так обильно представленные в студенческой среде, отражались в ученой среде очень слабо.

Эта среда выработала свои этические эталоны личной «порядочности», «независимости». Общественное служение здесь понималось как способность стать выше личных, частных интересов. Общественный деятель, размышлял П. П. Семенов-Тянь-Шанский, — это всякий «интеллигентный человек, когда он, стряхнув с себя прозу обыденной жизни, с самоотвержением действует на пользу человечества, науки или ближнего»²⁴.

Либеральные ученые высоко ценили принципиальность в сфере научных отношений. Так А. А. Потебня, известный лингвист, глубокий исследователь психологии языка, был для своих современников идеалом принципиального ученого, «охранителем научных интересов и общих нравственных университетских принципов». Добрый и отзывчивый в жизни, Потебня был «суров в принципиальных вопросах». Он открыто презирал тех, кто исполнял обряды религии напоказ, страха и карьеры ради. Он

не выносил лицемерия, угодничества, заискивания и подслуживания и с коллегой, прегрешившим в этом направлении, моментально прекращал знакомство. В 80—90-х годах Потебня протестовал против вмешательства в жизнь университета харьковского архиепископа Амвросия²⁵.

Моральные принципы либеральной профессуры совмещались, однако, с выполнением тех политических функций, которые от нее требовались: с удерживанием студенчества от беспорядков, внушением молодежи компромиссной линии поведения, отвлечением ее от революционных требований. Это делали даже лучшие люди либерализма, по выражению В. И. Ленина, «наиболее идейные, наиболее образованные, наиболее бескорыстные, наиболее свободные от непосредственного давления интересов и влияний денежного мешка»²⁶.

Но в ходе общественной борьбы того времени надо учитывать и то небольшое, что эта профессура все-таки делала для защиты достоинства своей научной корпорации и для защиты студенчества от беспощадных политических расправ.

История русской высшей школы знает ряд принципиальных выступлений либеральной профессуры и даже отдельных честных консерваторов, уходивших в отставку вследствие несогласия с политической линией правительства по отношению к университетам.

В 1861 г., протестуя против полицейских репрессий над Петербургским университетом, вышли из него В. Спассович, К. Кавелин, А. Пыпин, Б. Утин и др.

В 1866 г. среди профессоров Московского университета произошел резкий конфликт, связанный с нарушением университетской автономии. Группа молодых ученых во главе с Б. Н. Чичериным и С. М. Соловьевым опротестовала избрание одного из профессоров. Однако министр Д. Толстой утвердил его, заставив Совет университета отвергнуть их протест. После этого 5 профессоров юридического факультета покинули университет²⁷.

В 1876—1877 гг., когда профессор физики Московского университета, упомянутый выше Н. А. Любимов, усердствовал в собирании политически тенденциозных материалов против университетов и студенчества (он был членом правительственной комиссии по пересмотру устава 1863 г.), его деятельность вызвала суровое осуж-

дение. 35 профессоров, послав ему коллективное письмо, прервали с ним все внеслужебные отношения, студенты бойкотировали его лекции. Любимов ответил на это доносом на либеральную профессию на страницах «Московских ведомостей». Правительство потребовало от ректора подробного донесения об авторах коллективного письма, а также строгих предупредительных мер против возможных по этому делу студенческих демонстраций и беспорядков. Тогдашний ректор С. М. Соловьев в ответ на это ушел в отставку, оставив ректорство и профессию. По единогласному избранию историко-филологического факультета он продолжал, однако, читать лекции как внештатный преподаватель.

В разгар студенческих волнений 1878 г., охвативших несколько университетских центров, Совет Петербургского университета заступился за студенческую молодежь, составив записку о причинах волнений. Настроение молодежи рассматривалось в этой записке как «отголосок настроения общества, вызываемого теми или другими явлениями общественной жизни», связывалось с политической атмосферой в стране. Петербургские профессора осуждали взгляд правительства на молодежь как на неблагонадежный элемент и указывали, что полицейские меры приводят к сплочению молодежи «в нечто целое», к широкому распространению «беспорядков»²⁸.

Когда в 1879 г. были изданы Временные правила об инспекции для студентов, то, по свидетельству А. И. Георгиевского, председателя Ученого комитета Министерства народного просвещения, вдохновителя и деятеля университетской контрреформы, «все университетские власти и большая часть профессоров отнеслись к этим правилам с нескрываемой враждебностью». Правила об инспекции были прямым ударом по автономии университетов, предвещавшим ее близкое уничтожение. Прогрессивная профессура ответила резкой критикой правил, бойкотированием института инспекторов.

Профессор Одесского университета А. С. Посников писал в официальном докладе, что при реализации этих правил положение молодежи в обществе станет совершенно невозможным, ближе всего похожим на положение поднадзорного, подозреваемого в политической неблагонадежности, от которого все сторонятся²⁹.

Записка Совета Петербургского университета об инспекции, представленная попечителю в конце декабря 1879 г., была одновременно напечатана в подпольной типографии с хвалебным предисловием от издателей, а университетский акт 8 февраля 1880 г. начался необычным возгласом: «Студенты приветствуют Совет».

В 1894 г. профессора Московского университета вступились за студентов, высланных из Москвы Охранным отделением в связи с их демонстрацией: аудитория освистала В. О. Ключевского, после того как он прочитал похвальную речь об умершем Александре III. Делегация от 42 московских профессоров, подписавших петицию, в составе К. А. Тимирязева, Ф. Ф. Эрисмана, В. Ф. Миллера, Д. Н. Анучина и В. И. Герье вручила эту петицию московскому генерал-губернатору в. кн. Сергею Александровичу, добиваясь возвращения всех высланных. Однако попечитель Капнист обвинил этих профессоров в том, что они поддерживают нелегальную студенческую организацию — Союзный совет, и административные меры остались в силе³⁰.

В ряде случаев советам университетов удавалось забаллотировать навязываемых им реакционных кандидатов. В этом также проявлялась борьба за автономию. Так, в Московском университете не был избран филолог-классик П. М. Леонтьев, соратник Каткова, рьяный защитник классической системы образования; в Одессе провалился Цитович, который, уйдя из университета в 1879 г., вновь захотел туда вернуться в 1884 г.; не был допущен в Московский университет реакционный юрист Л. Е. Владимиров в 1895 г.

Одним из интересных явлений в борьбе профессуры за научную самостоятельность было, по словам историка С. А. Жебелева, «игнорирование» духа устава 1884 г. На историко-филологическом факультете Петербургского университета, наиболее чувствительно затронутом предписаниями нового учебного плана, отводившего большую часть учебного времени на древние языки, продолжал царить «строго-научный, а не менторско-дидактический дух»; профессора-классики оставались «превосходными учеными». А историки, историки литературы, словесники, слависты, историки искусства «просто-напросто игнорировали» реформу, «остались стойкими борцами за научное знание»³¹.

Нужно представить политическую обстановку, в которой работали ученые, чтобы правильно оценить общественное значение немногочисленных корпоративных выступлений либеральной профессуры. Наиболее популярными и любимыми были ученые, передававшие молодежи не только свои знания, но и свое демократическое и материалистическое мировоззрение. Связь научной мысли с общественной мыслью выделяла этих ученых из чиновничьих рядов и навлекала на них политические и служебные преследования.

Лишением права преподавать, изгнанием ученых, многие из которых были гордостью не только русской, но и мировой науки, царизм глубоко дискредитировал себя, обнажая свое пренебрежение к национальной культуре.

Академия наук была послушным орудием в руках реакционного руководства. Она собралась почтить избранием в члены-корреспонденты Каткова «именно только тогда, когда он восстал против Герцена». Стараясь спасти общественный престиж Академии, академик П. С. Билярский писал Я. К. Гроту, что Академия не должна обнаруживать политических тенденций, в противном случае «будут правы те, которые ненавидят Академию именно за отсутствие в ней всякого сочувствия к современному движению»³². Позже Академия пополнилась крупными учеными, но ее общественное лицо определяла чиновничья верхушка.

Историк литературы А. Н. Пыпин, написавший первую в России книгу о Белинском, был в 1871 г. избран в адъюнкты Академии, но ввиду сопротивления министра Д. Толстого вынужден был «отказаться» от избрания. Он вошел в Академию только через 25 лет. Академия приняла в свои ряды А. О. Ковалевского, И. И. Мечникова, К. А. Тимирязева (последних только членами-корреспондентами), но ее руководство не допустило избрания А. Г. Столетова (1893 г.). Оно опозорило Академию в 1880 г., организовав забаллотирование Д. И. Менделеева. Этот «подвиг» Академии вызвал протест в печати всех направлений и был осужден выступлениями академиков А. М. Бутлерова, А. С. Фаминцына и др. Отвергнутый Академией Менделеев был демонстративно избран членом нескольких научных обществ. Столетову была устроена приветственная орация 9-м съездом естествоиспытателей и врачей.

Постоянно действующей пружиной, вызывавшей репрессии над учеными, как и над другими представителями интеллигенции, была полицейская оценка их поведения как «неблагонадежного». Под эту оценку подводились самые разнообразные поступки. Одной из первых расправ с учеными была ссылка казанского историка А. П. Шапова. Арестованный за речь на студенческой панихиде по крестьянам, убитым в с. Бездне при введении Положения 19 февраля 1861 г., он был после недолгого заключения в Петербурге освобожден. Но в 1864 г. Шапов был административно выслан в Иркутск, где и прожил в крайне бедственных условиях остаток своей жизни.

В 1871 г. профессор агрохимии и декан Петербургского земледельческого института А. Н. Энгельгардт за участие в студенческих сходках был уволен без права преподавания и выслан; он жил под постоянным надзором полиции в своем имении в с. Батищеве (Смоленской губ.), хорошо известном народнической интеллигенции, учившейся там работать на земле.

Когда в 1871 г. профессор медицинского факультета Казанского университета П. Ф. Лесгафт выступил в печати с критикой незаконных действий попечителя округа, а также с осуждением пренебрежительного отношения администрации к условиям работы студентов («Русские ведомости», 1871, № 262), он был уволен с запрещением служить по Министерству народного просвещения. Крупного ученого, встречу с которым Вера Фигнер, занимавшаяся в его казанской аудитории, считала великим счастьем в жизни, начальство третировало как чиновника, осмелившегося критиковать свое ведомство. После этого семь профессоров в знак протеста покинули Казанский университет³³.

В 1875 г., протестуя против реакционной обстановки, ушел из Киевского университета доцент по кафедре политической экономии Н. И. Зибер, крупный ученый, признавший одним из первых в России общественно-экономическую теорию Маркса. В это время был уволен по политическим мотивам историк М. П. Драгоманов. Он дважды отказался подать в отставку, чего добивался Д. Толстой, обвинивший его в проповеди отделения Украины от России и присоединения ее к Польше. Тогда историк был уволен без прошения, что закрывало ему

доступ к государственной службе, а затем лишен права проживать в украинских губерниях и столицах. Оба ученых продолжали свою работу за границей³⁴.

Царское правительство и воспитанная в реакционном духе академическая среда третировали и травили крупнейших ученых-материалистов — зоолога И. И. Мечникова, физиолога И. И. Сеченова. Еще в 1870 г. профессура Медико-хирургической академии провалила избрание Мечникова. Выдвинувший его кандидатуру Сеченов также покинул эту академию. В Одесском университете, куда Мечников привлек многих передовых ученых, в начале 80-х годов создалась тяжелая атмосфера «гнезда профессоров-доносчиков», и ряд профессоров в 1882 г. покинул его. Мечников, не найдя условий для научной работы в России, перешел в Парижский институт Пастера, где стал мировым авторитетом в области микробиологии. Сеченов, великий ученый и труженик науки, работал в нескольких университетах и на курсах, постоянно в неблагоприятных научных условиях, которые создавало ему положение опального. Министерство народного просвещения не утвердило его даже в звании заслуженного профессора и сняло его кандидатуру в члены Академии наук в 1886 г. В начале XX в. Сеченов был устранен из числа преподавателей Пречистенских рабочих курсов.

Молодой ученый А. С. Посников в 1871 г. не был принят на пустующую кафедру политической экономии в Петровской сельскохозяйственной академии. Позже в Одесском университете он стал крупнейшим исследователем общинного землевладения. Подвергаясь травле со стороны реакционных юристов, вроде Цитовича, Посников вместе с другими в 1882 г. ушел из Одесского университета и смог возвратиться к профессуре только через 17 лет и не в системе Министерства народного просвещения.

Когда началось быстрое проникновение в Россию идей марксизма и в курсах молодых экономистов стала проявляться положительная оценка экономического учения Маркса, это вызвало беспокойство университетского начальства. В Харьковском университете велось негласное следствие по поводу лекций Г. М. Цехановецкого, читанных в 1880/81 г.: он подозревался в одобрении Маркса. В Петербургском университете «необычайную, поч-

ти молниеносную популярность» завоевал приват-доцент Н. Н. Коссовский, который читал теорию денежного обращения и подробно излагал учение Маркса и его место в развитии политической экономии. Аудитория Коссовского была битком набита студентами всех факультетов и даже других институтов. Коссовский был уволен в 1885 г. до окончания учебного года³⁵.

Развитие «легального марксизма» в России прекратило эти преследования. В 1896 г. даже Главное управление по делам печати констатировало, что выводы «Капитала» о прибавочной стоимости рабочего труда «вошли ныне во все читаемые курсы по политической экономии»³⁶.

Философ-идеалист В. С. Соловьев в конце марта 1881 г., заканчивая публичную лекцию о ходе просвещения в России XIX в., поднял голос за помилование первомагистров, осужденных на смертную казнь. На этом профессорская деятельность Соловьева закончилась навсегда.

Молодой историк В. И. Семевский разработал для магистерской диссертации тему по истории крепостного крестьянства и выступил со статьей «Не пора ли написать историю крестьян в России?» («Русская мысль», 1881, кн. 2). Однако после 1 марта политическая обстановка изменилась, и факультет Петербургского университета не допустил диспута. Семевский блестяще защитил диссертацию через год в Московском университете, но не был допущен ни в Харьковский, ни в Одесский университеты. В Петербургском университете он прошел в приват-доценты и с конца 1881 г. стал читать курс русской истории. Вступительная лекция Семевского собрала массу студентов и профессуру. Он призывал молодежь изучать судьбу русского народа, социально-экономические условия его жизни, считая это «обязанностью интеллигенции, ее неоплатным долгом перед русским народом». Характерная для эпохи демократическая идея о долге перед народом разделялась всеми передовыми учеными. Большой успех Семевского вызвал в начале 1886 г. распоряжение Делянова о прекращении его курса. Семевский тотчас же прервал свои лекции и в других учебных заведениях, но продолжал их для студентов у себя дома³⁷. Эти лекции в числе многих студентов посещали Александр и Анна Ульяновы. Расставшись на-

всегда с кафедрой, В. И. Семевский стал крупным ученым, специалистом по истории крестьянства и истории русской общественной мысли первой половины XIX в.

Репрессиями над передовыми учеными густо насыщено время 80—90-х годов — время разгрома народо-вольческого движения, время реакционных контрреформ, внедрения в высшую школу устава 1884 г. и деляновских методов чистки профессуры.

Новый университетский устав должен был полностью вступить в действие с осени 1886 г. По этому поводу профессор истории западной литературы Н. И. Стороженко передавал В. И. Семевскому: Георгиевский выразился, «что пока не переколеют все профессора, прошедшие в университет на основании устава 1863 г., до тех пор новый устав не будет применен во всех подробностях. Значит, мы все намечены, все дело только в очереди»³⁸.

В дело увольнения ученых активно вмешивалась полиция. По настоянию товарища министра внутренних дел Оржевского в 1884 г. был уволен профессор Московского университета по кафедре римского права, известный либеральный деятель С. А. Муромцев (впоследствии председатель первой Государственной думы). Муромцев до 1898 г. был лишен профессуры. Был уволен и выслан из Киева доцент Киевского университета по кафедре греческой словесности Ф. Г. Мищенко, обвиненный в украинофильстве. Мищенко также не мог вернуться к профессуре при жизни Делянова. Из Харьковского университета был уволен за неблагонадежность доцент И. С. Сыцяно, дочь которого за два года до того подверглась аресту. В 1885 г. был внезапно уволен профессор Харьковского университета по кафедре русского права И. И. Дитятин, друживший со студентами. У него была найдена при обыске карикатура, изображающая борьбу Салтыкова-Щедрина с «гадами» (на закрытие «Отечественных записок») ³⁹.

Скандалным для правительства было увольнение профессора Московского университета М. М. Ковалевского, читавшего государственное право западноевропейских держав. В его лекциях также были «найжены» конституционные идеи. Инспектор Брызгалов после стычки со студентами во время полукурсовых репетиционных занятий Ковалевского засыпал все власти доносами на

профессора. Делянов приказал уволить Ковалевского за «развращение студентов» и поселение в них «ненависти против существующего в России строя». Однако было сочтено неудобным уволить его немедленно: по мнению попечителя округа, «это создаст Ковалевскому ореол мученика и жертвы интриги, который усилит его престиж в глазах молодежи», а с другой стороны, возбудит ненависть и подозрительность к инспекции и подорвет ее влияние и значение среди молодежи. Спору нет, предвидя усиление престижа изгоняемого правительством учебного, попечитель был прав, но его заботы об инспекции были напрасны: она никаким престижем не обладала. Ковалевскому дали окончить чтение курса и уволили в июне 1887 г. В дальнейшем Ковалевский уехал из России и его большая научная работа проходила за границей. В таких случаях, как с Ковалевским или Семевским, устранение талантливого и популярного ученого вызывало протест, превращалось в событие общественного значения.

В 1887 г. был уволен историк русской литературы профессор Петербургского университета О. Ф. Миллер. Он был председателем Научно-литературного студенческого общества, и отставка его была предрешена вместе с закрытием этого общества: в составе его членов оказались студенты — участники покушения на Александра III. Но Миллер вызвал гнев начальства и по другой причине. Он осудил на лекции со своих славянофильских позиций реакционную деятельность умершего Каткова, а вместо потребованных от него объяснений опубликовал свою лекцию в газете («Русский курьер», 1887, № 267), за что и был немедленно уволен.

В марте 1890 г. из высшей школы ушел Д. И. Менделеев. Он принял от студентов и переслал Делянову петицию, с которой студенты хотели обратиться к министру. Студенты требовали возвращения автономии университетам, признания студенческих корпораций, уничтожения полицейских функций инспекции, равноправия для поступающих в университет, снижения платы за учение и т. п. Для царского правительства Менделеев был и оставался не ученым с мировым именем, а, несмотря на его политическую умеренность, беспокойным оппозиционным элементом. Делянов отослал студенческую петицию обратно Менделееву с замечанием, что никто из состоящих

на коронной службе не имеет права принимать подобные бумаги. Оскорбленный Менделеев заявил министру, что оставляет службу. Совет университета за подписью 50 профессоров, студенты и товарищи — все просили его не покидать университета. Но Делянов ничего не сделал, чтобы его удержать.

Крупной потерей для русской науки был уход из Московского университета Ф. Ф. Эрисмана. Знаменитый гигиенист, воспитавший целое поколение русских врачей, стоявший во главе медицинской общественности, Эрисман был «олицетворенный энтузиазм, энергия, ораторский талант, знаток Западной Европы и научный авторитет». Он рассматривался как неблагонадежный, вокруг него была создана обстановка враждебности, против которой он не смог бороться. Уволенный в 1896 г., Эрисман вернулся в Швейцарию⁴⁰.

Приводимые нами примеры можно умножить. Они показывают условия деятельности профессиональной научной интеллигенции, которая в лице своих передовых представителей видела в развитии высшего образования и в углублении научного исследования живое общественное дело, а не чиновничью службу.

Нельзя не отметить, что кроме ученых, работавших в системе высших учебных заведений, в России существовала категория «частных ученых» (термин старых переписей). Эти люди науки, самостоятельно и бескорыстно, вне служебной иерархии, выполняли свои крупные научные замыслы, разрабатывали избранные темы. Таких людей встречаем среди лексикографов, как В. И. Даль, составитель «Толкового словаря русского языка»; среди литературоведов, как С. А. Венгеров, десятки лет трудившийся над необъятным материалом «Словаря русских писателей»; как И. Ф. Масанов, работавший над единственным в своем роде «Словарем псевдонимов», и др. Встречаем их и среди библиографов, как Н. А. Рубакин, «лоцман книжного моря», талантливый публицист и просветитель, учивший разумно пользоваться книжным богатством; как В. И. Межов, откликавшийся выпуском библиографических указателей по каждому актуальному вопросу, и др. Такие самоотверженные ученые были среди собирателей фольклора и этнографов: А. Н. Афанасьев, П. В. Шеин, П. Н. Рыбников, И. А. Худяков и др.

Для повышения научно-культурного уровня интеллигенции много сделали научные общества, дававшие выход общественной инициативе в области науки. Создание этих обществ сопутствовало росту высшего образования и разработке новых отраслей науки. Большую роль научных обществ отмечал Д. И. Менделеев. «Из-за дела педагогического, из-за дела жизненного, науки требующего, и из прямого интереса к чистому знанию, представляющему здоровую и питательную пищу, к науке в настоящее время идет совершенно свободно масса людей», — писал Менделеев в начале 80-х годов, подчеркивая, что ученые общества учреждаются по частной инициативе и нередко существуют на средства своих членов⁴¹.

История этой общественной научной инициативы интересна для нас не только с точки зрения большого вклада, внесенного ею в развитие науки, но и как одна из форм участия интеллигенции в общественном деле. Научные общества не могли полнокровно существовать силами одних профессиональных ученых, их опорой была поддержка разных слоев интеллигенции. Как только в деятельности научных обществ терялся общественный интерес, они хирели или оставались предприятием избранной кучки организаторов.

Ряд научных обществ перешел в пореформенную эпоху из прошлого, другие были созданы во второй половине XIX в. Одни существовали при университетских факультетах, другие самостоятельно. Имея утвержденные уставы, получая некоторые субсидии от государства, обычно «покровительствуемые» высокими лицами или членами династии, эти общества часто сохраняли полуофициальную структуру. Они отличались по характеру деятельности: в области естественных и этнографических наук научные общества сделали очень много для изучения страны; в области истории и литературоведения на их деятельность накладывали печать политические условия этого времени. Характер научных обществ отражался в их популярности, в количестве и составе членов и т. п. Из большого числа научных обществ мы остановимся лишь на самых крупных и имевших не узкоспециальный, а общедоступный характер⁴².

Выдающимся общественно-научным центром было Русское географическое общество (РГО), созданное в

1845 г. Толчком к его организации был огромный интерес, вызванный в среде ученых экспедициями на Север и Дальний Восток академика А. Ф. Миддендорфа. Основанное учеными энтузиастами, Общество вобрало в себя наиболее энергичную и образованную часть интеллигенции. Уже к 1849 г. в нем было около 350 членов (включая почетных членов, членов-сотрудников и иностранных членов-корреспондентов).

В первые же годы его существования после некоторой борьбы с малоподвижной академической группой в Обществе утвердилось его основное направление — практическое экспедиционное исследование России в области географии, этнографии и статистики. Однако независимо от этих уставных рамок в Обществе господствовал интерес к экономическому состоянию и перспективам экономического развития страны.

К 70-м годам РГО открыло свои провинциальные отделы на Кавказе, в Западной и Восточной Сибири, Оренбурге, северо-западной и юго-западной России, привлекая активные силы местной интеллигенции. Экспедиции, организованные силами РГО, значительно обогатили изучение окраин России, особенно Сибири и Средней Азии. Бессменным руководителем РГО был П. П. Семенов-Тянь-Шанский, знаменитый русский географ-открыватель, стоявший во главе таких фундаментальных работ, как «Географо-статистический словарь Российской империи» (5 томов, 1863—1885), как разработка методов переписи населения и проч.

Средства для деятельности РГО составлялись кроме членских взносов из государственной субсидии в 10 тыс. руб. в год, а также из пожертвований богатой буржуазии, за которые Общество награждало дипломом члена-сопернователя. Общество и его отделы издавали свои «Записки», журналы, например интересный этнографический журнал «Живая старина».

РГО имело много членов. К 1874 г. их было 1179 (включая иностранных), в 1895 г. — 720 действительных членов и 208 членов-сотрудников. В составе Общества были представители высшей бюрократии (министерские чиновники, губернаторы, председатели правлений железных дорог, члены Государственного совета, сенаторы, придворные чины, высшее духовенство, генералы, начальники военных училищ и академий и т. п.), которые

видели в этом членстве респектабельный титул; председателями Общества были великие князья, среди почетных членов имелись лица царской фамилии и королевские особы и т. п. Основную массу членов составляла интеллигенция: инженеры, врачи, научные сотрудники Академии наук, профессора, статистики, историки, философы, редакторы и издатели, библиотекари и проч.⁴³

Настоящими же активистами, участниками экспедиций, научных наблюдений и исследований были члены-сотрудники.

В создании и работе отделов Географического общества принимали большое участие политические ссыльные, разбросанные по отдаленным окраинам страны. Группы ссыльных участвовали также в экспедиционных походах, предпринимавшихся РГО, Академией наук и другими организациями. Крупнейшие из этих экспедиций проходили под руководством таких замечательных ученых, как Н. М. Ядринцев, Д. А. Клеменц и др. Политические ссыльные, находившие в научной работе применение своим знаниям и способностям, были как бы резервом новых сил, выступавших наружу всякий раз, когда в них оказывалась нужда. Об этом далее будет сказано подробнее. Некоторые ссыльные по ходатайству РГО получили амнистию за свою самоотверженную научную работу (Г. Н. Потанин, ссыльные поляки и др.). Вопреки своему почти казенному облику РГО «оставалось именно обществом и сумело опереться на прогрессивные силы русской общественности», писал С. А. Токарев⁴⁴.

В истории развития естествознания известную роль сыграло Московское общество испытателей природы, основанное при Московском университете в 1805 г. и объединявшее натуралистов еще в дореформенную эпоху. Оно, однако, не удовлетворяло новым потребностям, сохраняя свой замкнутый, узкоакадемический характер. В 1886—1887 гг. Общество, подчиняясь реакционному курсу правительства, забаллотировало ряд крупных ученых, после чего из него демонстративно вышли корифеи русской науки К. А. Тимирязев, А. Г. Столетов, Н. Е. Жуковский и др.⁴⁵

Большую притягательную силу для научной интеллигенции имело возникшее при том же Московском университете в 1863 г. новое Общество любителей естествозна-

ния, антропологии и этнографии. Его отличала широта научных интересов и стремление к популяризации науки. Это — «до некоторой степени академия, предметы деятельности которой обнимают не только все естествознание, но и также географию и топографию, антропологию и этнографию, некоторые отрасли педагогики, некоторые медицинские науки», — писал Д. Н. Анучин⁴⁶. Руководителем Общества много лет был профессор зоологии А. П. Богданов. По его инициативе в 1867 г. была устроена Всероссийская этнографическая выставка, показавшая быт народов, населяющих Россию, и славянских стран. Экспонаты этой выставки легли в основу Этнографического музея (в Румянцевском музее). Просветительская, лекционная и экскурсионная деятельность Общества была связана с Политехническим музеем. Первые публичные курсы в помещении Политехнического музея читали профессора Ф. А. Бредихин, В. Я. Цингер и др.

По образцу Московского были созданы общества естествоиспытателей и при других университетах: в 1867 г. — в Петербурге, в 1869 г. — в Киеве, Казани, Харькове, Одессе. Много сделало для объединения научных сил Русское физико-химическое общество при Петербургском университете, которое сложилось из двух обществ: Химического, основанного в 1867 г., во главе с академиком Н. Н. Зининым, и Физического, основанного в 1872 г., во главе с Ф. Ф. Петрушевским. Большую роль в этом Обществе играл Д. И. Менделеев. В 1873 г. оно имело свыше 150 членов⁴⁷.

Важнейшее значение в общественной жизни России приобрели съезды естествоиспытателей, собиравшиеся регулярно каждые 2—3 года, начиная с 1867 г. В этих съездах принимали участие тысячи представителей интеллигенции; съезды не только служили целям науки, но выступали в защиту общественных интересов, поднимали и обсуждали разнообразные вопросы — от необходимости высшего образования для женщин и до необходимости объединения сил земского «третьего элемента».

В 80-х годах было основано Московское психологическое общество по инициативе выдающихся естественников и социологов. Интересное по замыслу дело вскоре попало в руки реакционной профессуры. Редактор журнала «Вопросы философии и психологии» Н. Я. Грот

ставил целью отвлечь русское общество «от пустой политической борьбы», вернуть его к религии и «здоровым государственным идеалам» и «помочь примирению интеллигенции с национальным началом жизни»⁴⁸.

Из новых исторических обществ, возникших в пореформенное время, наиболее активным и привлекавшим широкий круг участников было Московское археологическое общество. Оно было основано в 1864 г. по инициативе группы историков и литературоведов, в том числе археолога А. С. Уварова. Одной из задач Общества ставилась пропаганда ценности памятников национальной культуры. Общество выделило комиссию охраны древних памятников, которая по мере своих возможностей следила за памятниками старинной архитектуры и вмешивалась в случае сломки, переделки и реставрации древних церквей, давая консультации, инструкции и т. п. При участии Общества были реставрированы соборы Кремля, некоторые дворцы. Комиссия также занималась описанием археологических объектов — городищ, курганов, пещер и проч. Общество подняло вопрос об охране остатков древнего Херсонеса под Севастополем.

Большой научной заслугой Общества была организация регулярно собиравшихся всероссийских археологических съездов. Раз в три года, начиная с 1869 г., собирались эти съезды в Петербурге и Москве, а также в старинных городах. До конца XIX в. они прошли в Киеве, Казани, Тифлисе, Одессе, Ярославле, Вильне, Риге, затем в Харькове, Екатеринославе, Чернигове, Новгороде. Проведение многолюдных съездов бывало торжественным событием в жизни этих городов. Съезды широко популяризовали необходимость собирания памятников старины, научной постановки археологических раскопок, способствовали развитию местного краеведения.

Членами Московского археологического общества становились не только специалисты-археологи, архивные работники, краеведы, музейные работники, библиотекари, художники, архитекторы, искусствоведы, историки, статистики и проч. Среди них были также деятели городского и земского самоуправления, земские служащие, священники, купцы-благотворители, жертвовавшие на восстановление старины, особенно церковной, и т. п. Наконец, Общество привлекало любителей из педагогов,

военных, помещиков и др., среди которых оказывались нумизматы, собиратели фольклора, коллекционеры — усердные корреспонденты Общества. В 1890 г. в Обществе насчитывалось около 300 членов всех разрядов, в том числе 72 заграничных.

Биографический словарь членов Общества, изданный в 1915 г., включает 839 имен; из них до 1900 г. вступило 699 человек (в среднем ежегодное пополнение составляло около 20 человек). В изданиях Общества, помещавших огромное количество статей по специальным вопросам, сотрудничало 635 авторов: активность членов Общества, как ученых, так и любителей, была очень велика.

Значительно уступало Московскому и по активности, и по результатам деятельности Русское археологическое общество в Петербурге, основанное еще в 1846 г. Состав его был, скорее, чиновничий, чем ученый, хотя в него входили академики и профессора, учителя, инженеры, архитекторы и проч. За 50 лет (1846—1896 гг.) оно имело 518 членов (в 1890 г. их было 260, в том числе 50 иностранцев), но практических следов своей деятельности почти не оставило⁴⁹.

Русское историческое общество (РИО) возникло в Петербурге в 1866 г. по инициативе и в значительной мере на средства миллионера А. А. Половцева. Оно оставило богатое наследство в виде сборников РИО (до 1918 г. вышло 148 томов, содержащих в основном документальные источники) и почти законченного «Русского биографического словаря». Однако это Общество было только замкнутой группой историков и археографов. Они даже решили не выбирать новых членов до напечатания первого «Сборника РИО», «чтобы дать возможность первому составу Общества самому проявить свою деятельность». К 1871 г. насчитывалось всего 28 действительных членов и 1 член-корреспондент. Программа Общества определялась как активное противодействие демократической историографии с ее критикой «неприглядной картины слабостей и недостатков» в прошлом России и всемерное возвышение монархической власти под лозунгом «восстановления исторической правды». За 1866—1900 гг. Общество имело 50 членов⁵⁰.

Лучшие силы науки и просвещения объединяло Историческое общество при Петербургском университете,

основанное в 1889 г. К концу века оно насчитывало 162 действительных члена⁵¹.

Литературоведческие, открытые для публики общества, так же как и исторические, были стеснены в своем развитии. Старинное (и собственно единственное) Общество любителей российской словесности (ОЛРС), основанное при Московском университете еще в 1811 г., возродилось в конце 50-х годов в руках славянофилов, в 60—70-х годах издало «Песни, собранные П. В. Киреевским» и «Толковый словарь русского языка» В. И. Даля. В 80-х годах Общество возглавляли руководители славянофильствующей «Русской мысли» С. А. Юрьев и В. А. Гольцев. Не имея возможности заниматься литературой современности, Общество посвящало юбилейные и поминальные заседания давно умершим или второстепенным писателям. Правительство зорко следило, чтобы волнующие вопросы не проскользнули в тематику его занятий. Намеченное публичное заседание в память умершего И. С. Тургенева, на котором должен был выступить Л. Н. Толстой, под давлением властей было объявлено отложенным на неопределенное время⁵². В 1892 г. было запрещено читать на заседаниях Общества произведения Льва Толстого и Владимира Соловьева. В конце XIX в. Общество чествовало в либеральном духе память Белинского, собрав много материала для выставки, и организовало юбилейное торжество — 100-летие со дня рождения Пушкина. Историк В. Е. Якушкин (внук декабриста), выступивший с речью об общественных идеалах Пушкина, был административно выслан в Ярославль на 8 месяцев под гласный надзор полиции. Количество членов ОЛРС было невелико. С 1858 по 1900 г. было избрано всего 286 действительных членов⁵³.

Ученые-юристы и деятели адвокатуры создали свою форму научного общения — юридические общества при университетах. Первым возникло Юридическое общество при Московском университете (в 1865 г.). Оно издавало «Юридический вестник», существовавший четверть века (1867—1892 гг.). Юридическая общественность была рупором буржуазной идеологии, обсуждаемые ею вопросы касались существенных сторон социальной действительности. В 1875 г. в Москве был созван съезд русских юристов, а в 1877—1878 гг. были открыты юридические общества при Петербургском и Казанском университетах.

В работе обществ принимали участие экономисты и статистики. В 1882 г. при Московском обществе было создано статистическое отделение, которое руководило разработкой методов земской статистики и статистическими исследованиями в разных областях.

Юридические общества были по существу органами либеральной оппозиции: во главе Московского общества 20 лет, вплоть до его закрытия правительством в 1899 г., стояла такая колоритная фигура, как С. А. Муромцев. «Юридический вестник» прекратился, не пожелав стать подцензурным изданием. Поводом к закрытию Общества было выступление Муромцева на торжественном заседании памяти Пушкина в Московском университете: он прославлял Пушкина как борца за свободу личности, «могучего провозвестника русского возрождения».

Чтение публичных лекций, часто для сбора средств на просветительные или благотворительные цели, преподавание на бесплатных курсах, активная поддержка высшего женского образования и проч. — в таких формах обычно шла общественная работа педагогической и научной интеллигенции. Харьков, Одесса, Саратов, Воронеж выделялись в этом отношении особой активностью. При Одесском университете ежегодно читалось по несколько обширных публичных курсов по истории, истории литературы, физике и т. д. И. И. Мечников читал курс по истории развития низших животных, И. М. Сеченов — по физиологии глаза. В 1873 г. читались лекции в пользу голодающих Самарской губ., в 1875—1876 гг. — в пользу населения борющейся Герцеговины. За 1866—1890 гг. около 50 преподавателей университета участвовало в этих чтениях.

В Харьковском университете читались еженедельные общедоступные лекции по химии и технологии. В 90-х годах были организованы курсы для женщин. Харьков славился в 80—90-х годах как «южнорусские Афины» обилием своих просветительных организаций, в которых неутомимое участие принимали профессора. К примеру, физиолог В. Я. Данилевский в конце 80-х годов неоднократно читал лекции на публичных курсах Харьковского общества учительниц и воспитательниц, на курсах для рабочих в городском ремесленном училище, в Народном доме Харьковского общества грамотности, работал в Харьковской общественной библиотеке и т. д.⁵⁴

В Саратове в 1894—1896 гг. еженедельные многолюдные собрания с рефератами и дебатами устраивало Общество изящных искусств, вскоре закрытое властями.

Во второй половине XIX в. получила распространение работа в разных областях краеведения. Интерес к краеведению поддерживался и демократической литературой, и деятельностью научных обществ. Появлялись местные краеведы, добровольцы и любители, — историки, литературоведы, фольклористы, наблюдатели природы. Представители провинциальной интеллигенции работали в ученых архивных комиссиях, издавали сборники документов, участвовали в организации местных музеев.

Минусинский аптекарь Н. М. Мартьянов собрал ценнейшие научные коллекции, на основе которых городская дума открыла музей, один из лучших в Сибири, получивший мировую известность. Мартьянов усердно привлекал к работе политических ссыльных, что стали делать и другие музеи.

Имена ссыльных связаны с основанием и деятельностью музеев во многих сибирских городах: А. К. Кузнецов — с Читинским, М. О. Маркс — с Енисейским, Д. А. Клеменц — с Минусинским и Иркутским музеями и др. К концу XIX в. в Сибири насчитывалось 18 музеев, возникших при участии политических ссыльных⁵⁵. Д. А. Клеменц был выдающимся ученым-краеведом, изучавшим археологию, геологию и этнографию Сибири; он участвовал и сам организовал экспедиции в Монголию, Якутию (Сибиряковская экспедиция 1894—1896 гг.), Забайкалье и др.

Следует отметить долголетнюю работу Э. К. Пекарского в якутской ссылке, создавшего первый якутско-русский словарь. Многие ссыльные отдавали свои силы этнографическому изучению народов Сибири, исследованию вопросов экономики Сибири и Средней Азии. Десятки авторов-ссыльных оставили исследования о Якутии, начиная от И. А. Худякова, собиравшего якутский фольклор в 60—70-х годах, — В. Г. Богораз-Тан, В. М. Ионов, В. И. Иохельсон, В. Л. Серошевский, И. И. Майнов, Ф. Я. Кон и многие другие⁵⁶. Положение крестьянских хозяйств в Алтайском крае изучал С. П. Швецов. Марксист И. А. Гурвич написал книгу «Персисские крестьяне в Сибирь» (1888 г.).

С задачами краеведения тесно соприкасалась область

статистического изучения состава населения, экономики и производительных сил.

Государственная статистика в России находилась в ведении Министерства внутренних дел. Центральный статистический комитет возглавлял много лет выдающийся ученый П. П. Семенов-Тянь-Шанский. В 1860 г. были учреждены губернские и областные статистические комитеты, в которых накапливалась масса статистического материала. Но методы его собирания часто ограничивались письменными запросами, которые проводились в административно-полицейском порядке.

Однако развитие страны требовало научной, хорошо поставленной статистической службы. В 1870 г. был созван первый (и до революции 1917 года единственный) статистический съезд, в котором участвовали секретари губернских статистических комитетов. С этого же времени ведет свое начало и земская статистика.

Земская статистика имела ближайшую цель — упорядочить сведения об имуществе, подлежавших обложению земскими сборами, о составе и экономическом положении населения — налогоплательщиков, о местном сельском хозяйстве, промышленности и торговле, о санитарном состоянии края. Передовые земства — Вятское, Тверское, Московское, Полтавское, Уфимское и др. — создавали свои статистические бюро; силами специалистов вырабатывались обширные программы многостороннего изучения губернии, уточнялись методы описаний, переписей, статистической регистрации. В этих работах принимали участие ученые (например, в Полтавском земстве — А. С. Посников, И. В. Луцицкий, П. С. Ефименко и др.)⁵⁷. Земские статистики издавали многотомные оценки, обзоры, описания, сборники материалов, текущие отчеты по всем отраслям земского дела.

Развитие земской статистики в XIX в. шло во многих случаях далеко не гладко, встречая сопротивление правых земцев. Она создавалась в значительной мере помимо и даже иногда вопреки господствовавшему в земствах помещицкому элементу, который отказывал в нужных ассигнованиях и не признавал, что статистические исследования требуют «специальных научных познаний и применения надежных научных приемов». Одной из причин «сословной или классовой оппозиции» правых земцев развитию статистики было также опа-

сенис, что правильная переоценка земель усилит их обложение⁵⁸.

Но, несмотря на резкие конфликты в нескольких земских собраниях, когда работа статистических бюро обрекалась на уничтожение (в Рязани, Курске), несмотря на случаи ликвидации статистических бюро (в Чернигове, Херсоне), земская статистика успешно развивалась.

Земские статистики получали довольно высокие оклады. Так, в 90-х годах заведующие статистическими бюро в Полтавском и Черниговском земствах получали 1500—1800 руб. в год, статистики — по 900—1500 руб., их помощники и счетчики — по 480—720 и по 600 руб.; уездному статистику Херсонское уездное земство платило 1550 руб., его помощникам — по 800 руб., счетчикам — по 380 руб.⁵⁹ Должность уездного статистика прочно установилась, однако, только с начала XX в.

При малочисленности статистического персонала в земствах для статистических работ привлекались добровольцы из более или менее культурных местных элементов. В подворных переписях за небольшую плату участвовали «регистраторы», в основном из сельского учителя. Организовалась сеть «корреспондентов», собиравших сведения по вопросникам и получавших награждение книгами и журналами. В 1902 г. Вятское губернское земство раздало такие награды 3,8 тыс. «корреспондентов»⁶⁰.

С 1882 г. земские статистики получили руководящий центр в виде статистического отделения Московского юридического общества. Председателем отделения был А. И. Чупров — «отец русской земской статистики», по выражению А. Ф. Кони. В этом отделении работали лучшие силы либерально-народнической статистики того времени.

В 90-х годах земские статистические бюро впервые стали вести текущую статистику по народному образованию, медицине и другим областям земской работы. Стали применяться новые методы обследования — экспедиционный способ, когда статистики непосредственно встречались с населением, вели словесный опрос. В записках С. М. Блеклова описаны приемы подворной переписи и живо изображено, как умелым подходом к крестьянам статистические работники приобретали доверие и уважение настороженных вначале хозяев⁶¹.

Русские земские статистики, писал В. И. Ленин, «относились к предмету своих занятий не рутинно, не с одним фискальным или казенно-административным, а с известным научным интересом». Земская статистика всегда была «оазисом в пустыне крепостнической темноты, бюрократической рутины и всяческой тупой канцелярщины»⁶².

Работая в губернских земствах, земские статистики постепенно становились организующей силой земских служащих — «третьего элемента». Ряды их пополнялись бывшими политическими ссыльными и находящимися под надзором полиции — политическая ссылка и здесь оказывалась необходимым резервом интеллигентских сил. «Земская статистика, — писал М. Н. Лядов, — представляла из себя прибежище для всех поднадзорных, высланных из столиц. Громадное большинство поднадзорных были, конечно, народники». В конце 1886 г. Департамент полиции предписал проверить состав земских статистиков и «немедленно отстранить от занимаемых должностей и впредь не допускать к ним лиц политически неблагонадежных», потому что статистики имеют «непосредственное, вне всякого контроля, сношение с сельским и фабричным населением»⁶³.

К фактам преследования прогрессивных ученых в 80-х годах можно добавить увольнение весной 1887 г. Н. А. Каблукова, заведовавшего статистическим отделением Московской губернской земской управы.

Неискоренимое недоверие царского правительства к земским статистикам проявилось в полном устранении земства от проведения Всеобщей переписи населения 1897 г. Это и привело к крупным недостаткам переписи, проведенной кабинетными чиновниками⁶⁴.

Профессиональные статистики составляли немногочисленный, хорошо квалифицированный отряд демократической интеллигенции. По происхождению многие из них выходили из среды духовенства, многие были участниками революционного движения, работниками печати. Исследования русских статистиков оставили ценный материал по истории экономического развития отдельных районов, по истории здравоохранения, школьного дела, накопили объективные данные для научного пересмотра народнических теорий и подтверждения капиталистического развития деревни.

Попытка учесть количество статистиков в России

была сделана в конце XIX в. С. Н. Велецким. Земских статистиков на службе он насчитал 142 человека, бывших земских статистиков и отдельных деятелей — 35, профессоров и членов статистических отделов ученых обществ — 37, чиновников центральных правительственных учреждений — 18 человек и т. д. Кроме названных им 230 имен автор указывает на существование ряда должностей, персонал которых ему не известен ⁶⁵.

Участие интеллигенции в просветительской, научной и краеведческой работе, в развитии местной печати отразилось в повышении интереса к деятелям местной культуры. С 80-х годов в большом количестве разрабатываются различные словари, посвященные местным уроженцам. Такие словари появляются по Харьковской, Саратовской, Пензенской губерниям, по Нижегородскому краю, Казанской, Костромской, Ярославской, Орловской, Владимирской, Рязанской, Тамбовской, Вологодской, Пермской и другим губерниям. В этих фактах проявляется новая входящая в общественное сознание высокая оценка общественной работы ⁶⁶.

Мы видим, что в России второй половины XIX в. помимо профессиональных работников науки было уже немало людей, преданных интересам науки и по мере сил помогавших всестороннему изучению своей страны.

8.

ЦЕХ ЛИТЕРАТУРЫ

Литература и публицистика — это наиболее непосредственная форма идеологической надстройки, выражающая и отражающая духовный мир, общественные настроения, историко-философские представления и этические установки различных групп общества на разных этапах его развития. Это — одна из специфических областей профессионального интеллектуального труда. Нам придется иметь дело с основными направлениями литературы, за которыми стояли различные общественные группировки, соответствовавшие классовому делению общества. Но нашей главной задачей остается изучение слоя интеллигенции, связанной с литературным делом, условий ее труда, ее общественного положения и других сторон ее жизни.

Работники пера стояли вне обычных форм и условий профессиональной подготовки. Осознание своего литературного призвания, выработка профессионального умения писать, та или иная литературная судьба были делом глубоко индивидуальным. Вместе с тем широкое распространение литературных профессий, несомненно, отражало общественную потребность и было необходимым общественно обусловленным процессом.

Численность литературных работников не изучена. Однако рост этого слоя становится очевидным при выяснении масштабов издательской работы в России второй половины XIX в., и в частности печатной продукции в области литературы (художественной, общественно-политической и проч.).

Статистические данные отражают рост печатной продукции по сравнению с дореформенным временем. За 15 лет (1833—1847 гг.) в России было издано около 142 тыс. экземпляров книг, примерно по 9—9,5 тыс. экземпляров в год. По числу названий в 1847 г. вышло, не

считая изданий в Царстве Польском, 835 оригинальных и 82 переводных издания¹. Получаются абсолютно ничтожные тиражи. Несомненно, литературных произведений среди этих изданий было крайне мало. Поэтому библиографические отделы тогдашних журналов могли охватывать почти целиком все книжные новинки.

В 1857 и 1858 гг. выходило уже свыше 1,4—1,5 тыс. оригинальных и свыше 200—280 переводных изданий. Но гораздо больше, чем издавалось в России, привозилось книг из-за границы. Они учитывались по количеству томов. В 1845 г. их было ввезено свыше 700 тыс. томов, в 1847 г. — свыше 826 тыс. (кроме ввезенных в Царство Польское около 37 тыс. томов). В 1857 и 1858 гг. в Россию было доставлено из-за границы около 1,3 и 1,6 млн. томов².

Из этих данных следует простой вывод: в крепостной России было мало и книг, и читателей; образованные слои общества читали иностранную книгу. Как изменилось это положение в капиталистической России?

По абсолютным данным, выпуск книжной продукции сильно повысился. В 1860 г. вышло свыше 2 тыс. названий на разных языках, в 1867 г. — около 3,4 тыс., в 1877 г. — более 5,4 тыс., в 1887 г. — 8,7 тыс., в 1895 г. — свыше 11,5 тыс., в 1904 г. — уже 15,8 тыс. названий. На русском языке выходило примерно $\frac{3}{4}$ этих изданий. За 1887—1893 гг. на русском языке вышло почти 45 тыс. названий тиражом, близким к 148 млн. экземпляров. Особенно высокий темп роста начался в 90-х годах, когда появился массовый читатель из народа. В 1895 г. было издано 8,7 тыс. названий тиражом 35,5 млн., в 1898 г. — 9,5 тыс. тиражом 40,8 млн., в 1901 г. — 10,3 тыс. тиражом 58,5 млн. экземпляров³.

Среди них на первом месте стояли школьные учебники, т. е. книги утилитарного назначения. Далее шли издания, выпускавшиеся духовным ведомством (молитвенники, жития святых и проч.), выходившие в огромных тиражах. Значительная часть печатной продукции относилась к так называемой смеси — справочному, отчетному, рекламному материалу. Миллионные тиражи приходится, таким образом, сбрасывать со счета тех изданий, которые могут служить показателем культурного развития страны.

Возьмем из разделов книг, систематизированных по

содержанию М. Н. Куфаевым, книги, предназначенные для более образованных читателей, а именно: книги по естественным наукам (в том числе по медицине, технологии, сельскому хозяйству, математике, географии и проч.); книги по общественным и гуманитарным наукам и художественную литературу (не считая художественных произведений, входящих в раздел «народных» книг). Мы увидим, что по отношению к общему числу изданий эти книги, все вместе взятые, составляли по названиям: в 1887 г. — всего 34 %, в 1895 г. — 54,3, в 1901 г. — 53,3%. Тираж этих книг по отношению к общему тиражу всех изданий за те же годы: 9,5, 26,2 и 17,6%. Таким образом, по количеству названий книги для образованных читателей превышали треть или половину всей продукции (на русском языке), но по тиражам они составляли не более 10—26%. Очевидно, что большая часть книг писалась для образованных читателей. При этом, как отмечает М. Н. Куфаев, наибольшим спросом пользовались книги «неодобренные»: они печатались и расходились в большем количестве (10—20 тыс.), чем «одобренные» (3—6 тыс.). Но для читателей серьезных книг и новой художественной литературы предназначалась в лучшем случае лишь $\frac{1}{4}$ всего книжного тиража. Остальные $\frac{3}{4}$ тиража, потреблявшиеся грамотными рабочими и крестьянами, в значительной мере до конца века приходились на литературные суррогаты.

Передовая интеллигенция начиная с 60-х годов стремилась создать литературу для народа, художественную, научную и общественно-политическую, чтобы заменить и вытеснить эти обильно распространяемые суррогаты. Об их изобилии говорит распределение тиражей. Если на научную книгу в среднем приходился тираж 870 (1887 г.) и 1600 экземпляров (1901 г.), на беллетристику — 4,0 и 2,5 тыс., то на книгу по разделу «Лубочные, народные, детские» приходилось по 7,5 и 13,7 тыс., на духовно-богословскую книгу — по 3,9 и 13,5 тыс. экземпляров⁴.

Сведения о тысячах ежегодно издаваемых книг не говорят еще о том, что книг было много, что книга была общедоступна. Н. А. Рубакин еще в 1893 г. отмечал парадоксальное явление, что русский читатель из привилегированных классов воспитывается в отсутствии книг, растет на почве книжного оскудения: на него приходится не более 3—5 книг в год. Не только в «глубине России»,

но и в столицах читают старых авторов, которых издают в виде дешевых приложений журналы «Родина» и «Нива», находят удовольствие в Ломоносове, Фонвизине, Карамзине. Русских классиков, которых издают дорого и тиражом всего 6—7 тыс. экземпляров на все сотни городов России, миллион грамотных людей «неоткуда и узнать». В провинции отсутствует самая возможность читать, достать книгу. Отсюда «рецидивизм невежества» у тех, кто прошел среднюю и даже высшую школу. Но и в столицах имеются семьи из «чистой публики», которые «обретаются в какой-то книжной Сахаре, живут без книг и вдали от книг»⁵.

Для нас становится реально ощутимой та обстановка, когда каждый новый кружок гимназистов, студентов, рабочих начинал прежде всего с составления своей библиотеки, которую тщательно собирали и подбирали, бережно хранили, передавали преемникам. Отсюда огромное культурное и общественное значение ходивших по рукам запрещенных рекомендательных каталогов, в которых отложилась память о лучших произведениях революционно-демократической публицистики начиная с 60-х годов. Знакомство с ними становилось необходимым минимумом для самообразования интеллигенции, в том числе и рабочей интеллигенции.

В крепостной России было очень мало библиотек и книжных лавок. В 1847 г. было 46 городских библиотек. В 1858 г. в Петербурге имелось 10 частных библиотек (кроме 33 «казенных», т. е. учрежденческих). В 60-х годах появились библиотеки с просветительными, а не коммерческими целями (например, библиотека Н. А. Серно-Соловьевича в Петербурге, ряд библиотек в провинции), которые быстро принимали характер общественных клубов и поэтому нередко закрывались местными властями.

В 1887 г. насчитывалась на 659 городов Европейской России 591 библиотека, в Привислянском крае — 68, на Кавказе — 56, в Сибири — 12, в Средней Азии — 11. Даже если удвоить это количество библиотеками офицерских собраний и разных клубов, все равно «бедность библиотеками остается во всей красе»⁶.

Платные библиотеки не посещались ни людьми из городских низов, ни рабочими. По наблюдениям Н. А. Рубакина, в начале 90-х годов наиболее усердными читате-

лями во всех обследованных им библиотеках были учителя и учительницы, врачи и фельдшерицы, хотя главный доход библиотеки получали от читателей — дворян и чиновников. Из числа 4738 посетителей, ходивших в 1900 г. в Румянцевскую библиотеку в Москве, основную массу составляли учащиеся — 64,2%; 6,5% приходилось на преподавателей, по 3,3% — на работников литературы и искусства и на чиновников и очень мало на остальные категории читателей⁷.

Центральные книгоиздательства и книжные магазины находились в столицах. В пореформенной провинции началась также книжная торговля: в 1868 г. торговали книгами в 224 местах, в 1874 г. — уже в 611. В конце 70-х годов правительство разрушило прежнюю систему торговли книгами вразнос, требуя от деревенских офеней свидетельства о благонадежности и губернаторского разрешения на право торговли книгами. Возникли книжные лавки, склады и магазины. По данным Главного управления по делам печати, в 50 губерниях Европейской России их было: в 1883 г. — 1377, в 1885 г. — 1543, в 1887 г. — 1271. Последняя цифра включает 460 предприятий в Петербурге и Москве и 811 предприятий на все остальные 650 с лишком городов. Кроме того, 46 лавок было на Кавказе (почти в каждом городе) и 6 лавок на сотню городов Сибири и Средней Азии⁸.

Главным источником духовной пищи для читателя была периодическая печать. В крепостное время дворянская и чиновничья Россия читала «Отечественные записки», «Библиотеку для чтения» и проч. Газеты были тогда только правительственные. В пореформенное время увеличилось число журналов. Прибавились новые газеты, в том числе и провинциальные, что было очень большим шагом в развитии страны.

К концу века с расширением читательских кругов все большее место стали занимать «тонкие» журналы и газеты.

Сколько же периодических изданий выходило в России? В 1855 г. на русском языке выходило 139 изданий, в 1859 г. — 220, в 1872 г. — 378, в 1882 г. — 554, в 1888 г. — 637, в 1895 г. — 841, в 1900 г. — 1002⁹.

По сравнению с другими капиталистическими странами в России газет и журналов было ничтожно мало и по их количеству, и по распределению на число жителей.

В конце 80-х годов в Соединенных Штатах Америки при вдвое меньшем населении, чем в тогдашней России, имелось более 14 тыс. периодических изданий, в Германии было 5,5 тыс., во Франции — более 4,3 тыс., в Англии — 3 тыс., в Австрии и Италии — по 1,5 тыс. и т. д. В России одно периодическое издание приходилось на 140 тыс. жителей, тогда как в Швейцарии — на 6,5 тыс., в США — на 3 тыс. жителей. По тиражам в России на каждого жителя приходилось всего по одному номеру в год¹⁰.

Если же взять не огульные цифры, а выделить периодические издания общего характера, т. е. не ведомственные и не специальные, а литературно-политические, интересные и доступные по содержанию для массы читателей, то их окажется еще меньше.

Заметим при этом, что рост изданий общего характера шел неравномерно. Сначала быстрый подъем: в 1859 г. — 55 изданий, в 1882 г. — 154 — рост почти в три раза, тогда как число всех периодических изданий за этот срок выросло всего в 2,5 раза. Но затем начинается задержка, вызванная реакцией 80—90-х годов, и она прежде всего отражается на изданиях общего характера: в 1888 г. — 138, в 1890 г. — 149, в 1895 г. — 171, в 1900 г. — 212. Рост менее чем в полтора раза, а общее число за этот срок увеличилось почти в два раза. В этих данных отражена и ликвидация ряда изданий.

Те же исторические условия сказываются в темпах развития газет и журналов общего характера.

Годы	Газеты	Журналы
1871	36	14
1881	83	35
1882	86	30
1888	72	24
1895	93	36
1900	125	36

Частных политических газет, в которых отражалась общественная борьба, было еще меньше. К концу века, когда значительно выросла не только столичная, но и провинциальная печать (особенно в южных губерниях и в Поволжье, на Украине и в Прибалтике), ежедневных частных газет на русском языке выходило всего 88¹¹.

За этими цифрами стоят живые борющиеся силы. Демократические и даже либеральные органы возбуждали страх и ненависть реакционной власти, на них падали запреты и преследования. Вот, например, в 1882 г. обер-прокурор Синода Победоносцев не допускает в библиотеки духовных семинарий «Отечественные записки» Салтыкова-Щедрина, «Русскую мысль» и «Вестник Европы», а из политических газет разрешает выписывать всего одну, но только не «Голос». Реакционные органы вызывали острое презрение передовой общественности. В конце 70-х годов почти во всех поволжских городах общественные собрания и клубы бойкотируют выписку в свои библиотеки «Русского вестника» и «Московских ведомостей»¹².

Попробуем выяснить соотношение сил и влияние наиболее значительных печатных органов, представлявших главные общественные направления и притягивавшие основные литературные кадры.

Четверть века (1863—1887 гг.) во главе реакционной печати стоял разночинец М. Н. Катков, когда-то принадлежавший к кружку Белинского, бывший магистр философии в Московском университете. Каткова подняла вверх первая революционная ситуация и особенно польское восстание 1863 г., когда он от умеренно-либеральных позиций «Русского вестника» повернул к реакции, избрав себе роль «пса самодержавия» (по собственной характеристике). «Московские ведомости», попав в его руки, сразу вдвое увеличили подписку (с 6 тыс. подписчиков в 1862 г. до 12 тыс. в 1865—1866 гг.)¹³.

Позиция ультрамонархиста, демагогическая пропаганда национализма, шовинизма, полонофобства, травля нового суда и земских учреждений, защита ненавистной обществу системы классического образования, идеологическая подготовка контрреформ 80-х годов — все это сделало Каткова незаменимым авторитетом в правительственных кругах. Статс-секретарь Александра II А. А. Половцев писал в дневнике: «Рядом с законным государевым правительством создавалась какая-то новая почти правительственная сила в лице редактора «Московских ведомостей», который окружен многими пособниками на высших ступенях управления, как Делянов, Островский, Победоносцев, Вышнеградский, Пазухин. Весь этот двор собирается у Каткова [. . .], нахально издает свои веления,

печатает осуждения и похвалу и в конце концов достигает своих целей»¹⁴. Положение Каткова было настолько устойчивым (так как он был необходимым элементом опоры дворянской власти), что над ним были бессильны даже цензурные кары. В 1866 г. он отказался принять цензурное предостережение «Московским ведомостям» и из этого поединка с министром внутренних дел Валуевым вышел победителем, найдя личную поддержку у царя. Покушение Каракозова окончательно укрепило его позиции. В 1887 г. Александр III приказал дать Каткову цензурное предостережение за выступление по внешней политике, но и этот конфликт был быстро улажен. «Сегодня хотели покарать его как самого дюжинного газетчика, а завтра не его вызывали в Петербург, а к нему посылали гонцом начальника Главного управления печати, чтобы вести переговоры от высочайшего имени»¹⁵, — удивлялся Е. М. Феоктистов.

Реакционная печать была ориентирована не на интеллигенцию, а на официозные и чиновничьи круги. Лжепатриотическая и «православная» газета «Гражданин», с 1872 г. издававшаяся В. П. Мещерским, имела около 1800 подписчиков в среде духовенства и высшей бюрократии.

Бульварного типа печать вроде «Московского листка», издававшегося Н. И. Пастуховым, бывшим репортером, была рассчитана на необразованные городские слои, тянувшиеся к печатному слову и поглощавшие дешевое чтение, и шла в русле «Московских ведомостей»¹⁶.

К концу 70-х годов реакционная печать получила новое пополнение в «Новом времени» А. С. Суворина. Купив захудалую газету, имевшую менее 3 тыс. подписчиков, Суворин уже в 1877 г. увеличил подписку до 11,4 тыс. Суворин также выдвинула вверх реакция после революционной ситуации 1879—1881 гг. Он, как и Катков, совершил поворот от либерализма к национализму, оголтелому шовинизму, «к беспардонному лакейству перед властью имущими». Он был учителем уездного училища, служил секретарем предводителя дворянства, давал частные уроки у богатых крепостников, затем стал фельетонистом «Петербургских ведомостей», обличавшим дореформенные порядки, подвергался суду за свою книгу «Всякие» (1865 г.). В. И. Ленин в статье «Карьера» проследил путь Суворина, находя его типичным для массы

«образованных» и «интеллигентных» представителей так называемого общества (Ленин всегда брал такую интеллигенцию в кавычки). «Бедняк, либерал и даже демократ в начале своего жизненного пути, — миллионер, самодовольный и бесстыдный хвалитель буржуазии, пресмыкающийся перед всяким поворотом политики власть имущих в конце этого пути»¹⁷.

Свои доходы Суворин вложил в книгоиздательство, в том числе в выпуск прибыльных серий «дешевых библиотек» под разными названиями, а также в издание «Исторического вестника» С. Н. Шубинского. Этот журнал (1880—1916 гг.) пропагандировал реакционные идеи в форме соответственно обработанных исторических мемуаров и исторической беллетристики. Допускалась также «умеренная публицистика», не будившая «общественных страстей» и не создававшая «политических инцидентов», т. е. не задевавшая никаких живых общественных вопросов. «Исторический вестник» имел в 1914 г. 13 тыс. платных подписчиков.

«Плодотворную работу» «Нового времени» в 40-летний юбилей газеты приветствовали начальник Главного управления по делам печати, министр внутренних дел и шеф жандармов¹⁸.

Реакционные органы печати приближались к типу коммерческой прессы, имели большие тиражи и много сотрудников, но эта печать как бы выключалась прогрессивной общественностью из настоящей литературы. «Настоящий литератор стеснится идти работать» в эти органы, «где он был бы и не у места», писал либеральный народник Я. Абрамов. П. Д. Боборыкин писал в 1876 г. в итальянском журнале: «Ретроградный лагерь русской печати не имеет решительно никакой будущности», так как он «лишен самостоятельных идей и талантов, которые могли бы серьезно влиять на общественное мнение»¹⁹.

Подавляющее большинство органов печати принадлежало к либеральному направлению — господствующей идеологии буржуазной России. Либерализм второй половины XIX в. еще был идеологией умеренной буржуазной демократии. При наличии множества оттенков он имел общие основы, которые в разных органах проявлялись более или менее робко или открыто: полное одобрение буржуазных реформ и их защита от «искажения» реак-

цией; критика политического режима с подтекстом (в цензурных условиях) или с открытой пропагандой (в нелегальных условиях) буржуазной конституции — представительной формы правления с сохранением ограниченной монархии; в известных рамках демократического приличия осуждение революционной борьбы радикальных и социалистических течений и стремление ее ликвидировать.

В «эпоху реформ» окраска в казенный либерализм стала наиболее ходкой для множества бесцветных и беспринципных органов коммерческой печати; одним из таких органов была газета «Голос», издаваемая А. А. Краевским в 1863—1884 гг. Эта газета имела большой успех. Ее тираж вырос с 4,4 тыс. в 1865 г. до 22 с лишком тыс. в 1877 г. (в том числе уже 6,3 тыс. шло в розничную продажу)²⁰. «Голос», лидером которого являлся профессор права А. Д. Градовский, был хорошо информированной богатой газетой, имевшей много своих корреспондентов (она посылала, например, корреспондентом Боборыкина на Брюссельский конгресс I Интернационала). Газета получала субсидию от Министерства народного просвещения. На зависимость либеральных органов от правительства прозрачно намекала карикатура «Искры» «Журнальные фокусы» (№ 4, 1863): фокусник с весами демонстрировал, что убеждения «стоят всегда выше подкупа». В запрещенном варианте этой карикатуры («Совесь выше подкупа») вся сцена была увешана правительственными и либеральными газетами. «Либерализм «Голоса» был слишком двусмыслен», — писал В. Г. Короленко²¹.

В период, когда капиталистическая печать в России только начала развиваться, зависимость печатного органа от чьих-то частных интересов представлялась демократической общественности непривычным и позорным делом. В 1875 г. скандальную сенсацию в литературном мире вызвала покупка аренды на либеральную газету «С.-Петербургские ведомости» не конкурирующими журналистами, а банкирской конторой Ф. Баймакова.

Независимой либеральной газетой были «Русские ведомости». Под этим названием в 1863 г. в Москве возникла дешевая газета для крестьян при поддержке министерств государственных имуществ и внутренних дел. Но после смерти ее редактора Н. Ф. Павлова новый ре-

дактор Н. С. Сковрцов превратил газету в орган либеральной интеллигенции. С начала 70-х годов ведущую роль в ней играла группа молодых ученых (в том числе Н. И. Зибер, А. И. Чупров, А. С. Посников и др.), которые, съехавшись в Гейдельберге осенью 1873 г., поставили целью борьбу за политическую свободу.

Политическую позицию «Русских ведомостей» 70-х годов ярко рисует объяснение Сковрцова с московским генерал-губернатором Долгоруковым в апреле 1878 г. по поводу редакционной статьи газеты, возмущавшейся избиением студентов, которое устроили мясники-охотнорядцы на улицах Москвы. Сковрцов считал нужным «отучить от эксцессов городскую чернь». Действительный народ Москвы — это десятки тысяч фабричных, и если, видя безнаказанность зверского буйства мясников, поднимутся фабричные, то они будут разносить «целые улицы, выбирая при этом наиболее зажиточные дома»²².

В 1883 г. после смерти Н. С. Сковрцова газету взяло в руки издательское товарищество из одиннадцати участников — профессоров, земских деятелей, издателей. В их числе были А. И. Чупров, А. С. Посников, Д. Н. Анучин, Г. А. Джаншиев, В. Ю. Скалон и др. Бессменным редактором газеты стал В. М. Соболевский. «Это единственная газета, которую взять в руки не стыдно», — отзывался о «Русских ведомостях» М. Е. Салтыков-Щедрин в 1885 г.²³

В феврале 1886 г., когда московский генерал-губернатор запретил газетам отмечать 25-летию отмены крепостного права, «Русские ведомости» ответили тем, что газета в юбилейный день не вышла. «Протестующее молчание в условиях реакции приобрело значение публицистического приема, которым пользовались не одни «Русские ведомости», — пишет историк газеты²⁴.

Газета много раз подвергалась цензурным репрессиям: до конца XIX в. ей 9 раз воспрещалась розничная продажа, обычно на несколько месяцев; она получала предостережения, была приостановлена с дальнейшим подчинением на несколько лет предварительной цензуре и т. д. Однако в некоторых случаях газета шла на компромисс с цензурой, как было со статьей об умершем Чернышевском. В этой статье говорилось, что Чернышевский, хотя и был государственным преступником, но свои-

ми долговременными страданиями искупил свою вину. Редакции пришлось объяснять свои цензурные затруднения московским студентам, возмущенным такой осторожностью, переходящей в трусость²⁵. В этом компромиссе ярко проявилось то внушение «рабской морали и рабской политики», которое исходило от либеральной общественности и которое так зло заклеил В. И. Ленин в кадетских «Русских ведомостях» XX в.²⁶ И все же «Русские ведомости» — газета, существовавшая десятки лет с определенным направлением и со сплоченным редакционным коллективом, писал В. Г. Короленко, «сложилась как некая бытовая традиция русской общественности и литературы»²⁷.

Из либеральных газет следует отметить также еженедельную газету «Неделя», выходящую с конца 60-х годов и превратившуюся в прибежище правого народничества и теории «малых дел». К своему 25-летию в 1892 г. «Неделя» имела 11 тыс. подписчиков²⁸.

Из толстых журналов либерального направления наибольший престиж имел «Вестник Европы», издававшийся историком и общественным деятелем М. М. Стасюлевичем с 1866 г. Современная «Галерея знаменитостей» рекламировала журнал как «единственный орган высшей русской интеллигенции», обладающий «необычайным богатством сил и чрезвычайной солидностью содержания»²⁹. Журнал был центром петербургской либеральной общественности, его связи поддерживались — как это ни комично звучит для нас — редакционными обедами. Сотрудники «Вестника Европы» были видными учеными и общественными деятелями своего времени. В журнале велась борьба против классической системы образования, неославянофильства и подымавшегося национализма (статьи В. С. Соловьева), против дворянских контрреформ. После закрытия «Отечественных записок» в журнале печатался М. Е. Салтыков-Щедрин. В конце века Департамент полиции характеризовал главных вдохновителей и сотрудников журнала — М. М. Стасюлевича, А. Ф. Кони, К. К. Арсеньева, Л. З. Слонимского, А. Н. Пыпина, В. Д. Спасовича и С. А. Венгерова — как «наиболее влиятельных и популярных представителей идеи конституции». «Чуждаясь нелегальности, конспиративности, они делают свое дело открыто на страницах «Вестника Европы», нисколько не скрывая своих стремлений добиться

конституции путем воздействия на правительство и на образованные классы населения»³⁰.

В оценке «Вестника Европы» либералы подчеркивали его демократизм, то, что, «расходясь с левыми в выборе средств действия, он был во многом близок к ним по целям» и не полемизировал с революционерами, «обреченными на вынужденное молчание»³¹. В. И. Ленин оценивал направление журнала как «плохое, жидкое, бездарное», но вместе с тем отмечал его как «приличное», объединяющее «определенные круги профессорской, чиновничьей и так называемой интеллигенции из «приличных» (желающих быть приличными, вернее) либералов»³².

С 1885 г. в орган либеральной общественности превратилась московская «Русская мысль», до того несколько лет имевшая славянофильский оттенок. Во главе журнала стал В. А. Гольцев. Журнал привлек значительную часть оставшихся не у дел сотрудников «Отечественных записок» и «Дела», в том числе Н. В. Шелгунова, Н. К. Михайловского, печатал (без подписи) статьи Чернышевского. В нем увидели свет произведения Короленко, Чехова, Горького. Полиция в 1886 г. признавала журнал «новым революционным центром», а Гольцева — «крайним радикалом»³³.

Перейдем к литературной общественности, представлявшей в России революционную идеологию буржуазной демократии в 60—80-х годах. Мы должны рассматривать ее как единый лагерь, несмотря на разнообразие теоретических течений и внутренних конфликтов, характеризующих искания правильной революционной теории. В рамки этого лагеря включается, конечно, не только легальная, но и нелегальная бесцензурная печать, получившая огромное значение в русской общественной жизни. Одновременно с «Современником» и «Русским словом» существовал «Колокол»; в период народнических «Отечественных записок» существовал зарубежный «Вперед», а затем выходившие в России органы «Земли и Воли» и «Народной Воли».

Русские журналы, представлявшие интересы крестьянской демократии, отличались по сравнению с либеральной печатью иным «цветом» своего буржуазного демократизма. Перед этой буржуазной демократией, указывал В. И. Ленин, были «поставлены историей цели действительно революционные по отношению к «старому по-

рядку» в России». Эта демократия была революционной, потому что она была *«вынуждена бороться против самых основ помещичьей власти»* и связанного с ней самодержавия³⁴. Для революционных демократов 60-х годов буржуазные реформы были «мелочью, вздором», несколько не изменявшими положение вещей, когда за право жить и работать крестьянин по-прежнему будет платить подать частному лицу — землевладельцу. Глубокое презрение к «усладительному концерту русских либералов» высказывали Чернышевский и Добролюбов. Писарев вставал против «сладенького оптимизма», удовлетворяющегося фразами и жестами, и видел в «очищении нашего сознания от этого тупого оптимизма [...] самую живую и интересную сторону в развитии наших литературных идей».

Работа писателя и публициста революционно-демократического лагеря была сама по себе в какой-то мере частью революционного движения. Очень хорошо выразила это Вера Засулич, говоря о народниках 70-х годов: «Обладать думами этого революционного поколения, вероятно, не мог бы ни один писатель, оставаясь на почве легальной литературы»³⁵.

Число демократических журналов во второй половине XIX в. было крайне ограничено. Демократических газет вообще не существовало, за исключением в конце века некоторых провинциальных газет, попадавших на какой-то срок в руки политических ссыльных.

В этих условиях нас поражает живучесть, непрерывная преемственность демократической печати, несмотря на то, что почти каждый журнал неизбежно падал жертвой репрессий. Необходимость борьбы с цензурой вырабатывала в журналистах особый опыт, умение входить в контакт с читателями, воспитывать их подцензурными методами. Читатель правильно понимал, писал В. И. Ленин, «полное условной лжи аллилуйя» «великим реформам» под пером демократических публицистов, ибо иначе подцензурный писатель не мог «выразить своего стремления к политическим преобразованиям»³⁶.

Концентрация лучших публицистических сил в немногих радикальных журналах 60-х годов — «Современнике», «Русском слове», сатирическом еженедельнике «Искра» — обеспечивала их огромное влияние. В 1862 г. «Современник» имел 7 тыс. подписчиков (в 1859 г. — 5,5 тыс.),

«Русское слово» — 4 тыс.; у «Искры» в 1862—1863 гг. их было 7—10 тыс. Сатирический журнал «Заноза» в 1863 г. имел 5 тыс. подписчиков³⁷.

«Искра», в которой цензура пропускала не более трети представляемого материала, пользовалась большой популярностью. «Это был своеобразный фольклор тогдашней разночинной интеллигенции, — писала Н. К. Крупская, — авторов не знали, а стихи знали [...]. Эти стихи входили как-то в быт [...]. Поэты «Искры», их сатира имели несомненное влияние на наше поколение»³⁸.

«Современник» продержался, считая с начала сотрудничества Чернышевского, более 10 лет (1856—1866 гг.), продолжавшие его «Отечественные записки» — более 16 лет (1868—1884 гг.). Некрасов, Салтыков и Елисеев, редакторы «Отечественных записок» с 1868 г., были «опытные и горячо преданные своему делу журналисты, убежденные в возвышенности задач журналистики», — писал Н. К. Михайловский. «От этих людей и от руководимого ими дела веяло спокойною, сознающею себя силою. Примыкая к ним, вы чувствовали, что вступаете на какую-то [...] во всяком случае прочную, смею сказать, историческую дорогу»³⁹.

На страницах «Отечественных записок» окрепли творческие силы народнической беллетристики и публицистики. «Отечественные записки», в 1862 г. имевшие 4 тыс. подписчиков, увеличили свою подписку под новой редакцией с 5,9 тыс. в 1868 г. до 10—12 тыс. в 1881 г.⁴⁰

Цензор Ф. П. Еленев (Скалдин) писал об эпохе 60—70-х годов: «У нас, где на самом деле не существует никаких политических партий и не допускается никакая оппозиция правительству, на деле существовала оппозиция гораздо более обширная и деятельная, чем в каком бы то ни было конституционном государстве, оппозиция, захватывавшая в свои сети всю читающую Россию и доходившая в некоторых изданиях до отрицания государственной власти и частной собственности [...]. В России взамен западноевропейских парламентских партий образовались партии «Современника», «Русского слова», «Слова», «Голоса», «Отечественных записок» Некрасова и т. д.»⁴¹.

Оценку демократической легальной литературы как грозной и объединенной революционной силы находим

в записке товарища министра внутренних дел В. Плеве Д. Толстому в августе 1883 г. «Литературный кружок», руководящий журналами и газетами, представлялся ему состоявшим «почти исключительно из людей, вся литературная деятельность которых составляет непрерывный протест против законного порядка». Правительству противостоит не только «кучка извергов» — революционеров, но и «враг великой крепости и силы, не имеющий плоти и крови, т. е. мир известного рода идей».

Когда «Отечественные записки» были закрыты, Н. Любимов писал Каткову: «Легальное и нелегальное, действительно, оказывается одно и то же»⁴². Реакционный профессор имел в виду сотрудничество в демократической легальной печати участников революционных организаций. Но он невольно высказал более глубокую правду об общих корнях революционного движения 70—80-х годов.

Основные проблемы легальной и нелегальной журналистики были связаны с крестьянской революцией, которую в конце концов совершит своими силами народ.

Издание нелегальной публицистики в России требовало создания подпольных типографий. Они неоднократно подвергались полицейскому разгрому. Литературный труд партийных публицистов неразрывно соединялся с трудом работников тайных типографий. Даже в таких тяжких условиях «Земля и Воля» (шесть номеров в пяти выпусках), а также «Народная Воля» (двенадцать номеров в десяти выпусках) и «Листок Народной Воли» (шесть номеров) выходили почти регулярно. «Земля и Воля» выпускала свои издания с 25 октября 1878 г. до 14 июня 1879 г., «Народная Воля» — с октября 1879 по октябрь 1885 г. В органы «Народной Воли» ответственные статьи писали 20—25 авторов и вложили свой труд более 70 сотрудников, в том числе и те, кто работал в тайных типографиях. Многие из них погибли в революционной борьбе. Средний тираж «Народной Воли» достигал 2500 экземпляров, и продажа этой нелегальной газеты вполне покрывала издержки издания⁴³.

Окончательный разгром остатков народовольческих групп, массовое настроение разочарования в народнических кругах, потерявших веру в революционность крестьянства, рост рабочего движения и быстрое распространение научного социализма — все это способствовало

размежеванию буржуазно-демократической и пролетарской идеологии и также соответствующих кругов литературной интеллигенции. Народники объединились в начале 90-х годов вокруг «Русского богатства», возглавлявшегося Н. К. Михайловским. Журнал стал органом либерального народничества. В 1895 г. тираж его был 7 тыс., в 1899 г. — 11 тыс.⁴⁴

Марксистское течение в России имело свой литературный центр в зарубежной «Группе освобождения труда». С середины 80-х годов она издавала и переправляла в Россию много переводов трудов Маркса и Энгельса и теоретические работы русских марксистов.

Положение изменилось в середине 90-х годов. «Конец 1894 и начало 1895 годов были периодом крутого поворота в нашей легальной публицистике, — писал В. И. Ленин. — Впервые пробрался в нее марксизм... Оживление в литературе и горячие споры марксистов с старыми главарями народничества, которые до тех пор почти безраздельно господствовали (напр., Н. К. Михайловский) в передовой литературе, было преддверием подъема массового рабочего движения в России»⁴⁵.

Русские марксисты во главе с В. И. Лениным стремились создать рабочую нелегальную печать. Первые нелегальные газеты появились в 1897 г. в Петербурге и Киеве. «Легальные марксисты» (в это время основные силы «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» находились в сибирской ссылке) взяли в свои руки журналы «Новое слово» (в 1897 г., при этом журнал увеличил подписку до 4,5 тыс.), «Начало» (в 1899 г.), очень скоро ликвидированные цензурой, «Жизнь» (в 1899 г.). В 1896—1897 гг. редакционный коллектив из марксистов в течение пяти месяцев руководил «Самарским вестником», пока цензура не приостановила газету. При этом интересно, что подписка на эту газету, обычно имевшую не более 400 подписчиков, резко поднялась до 2000: на нее подписывались явно не местные читатели⁴⁶.

Центральным партийным органом Российской социал-демократической рабочей партии стала ленинская «Искра», с декабря 1900 г. издававшаяся за границей и нелегально распространявшаяся по всей России. «Искра» вырастила плеяду одаренных высокообразованных публицистов-большевиков, для которых литературная рабо-

та была партийным делом профессиональных революционеров.

Большой интерес представляют некоторые журналы конца 90-х — начала 900-х годов, тянувшиеся к марксизму. Тяготение к марксистской теории проявляли руководители журналов «Мир божий» и «Научное обозрение». Бывший народник, затем участник группы «Народное право» А. И. Богданович в статье «На переломе» (1897 г.) анализировал крах народничества и выступил в защиту экономического материализма. К середине 90-х годов редактируемый им «Мир божий» имел тираж 13—15 тыс. М. М. Филиппов — философ и ученый, «редкий образец ученого-энциклопедиста», возглавлял «Научное обозрение» (1894—1903 гг.). Сначала журнал был специально-научным, с 1897 г. — научно-философским, а потом и литературно-общественным. Филиппов рецензировал второй (в 1885 г.) и третий тома «Капитала» (в 1895 г.), написал статью о социологическом учении Маркса (ее отдельное издание было запрещено цензурой в 1897 г.), выступал против ревизии марксизма «легальными марксистами» и против «экономистов». В «Научном обозрении» печатались Плеханов и В. И. Засулич, в 1899 г. были помещены две статьи В. И. Ленина (Ильина). В журнале увидела свет работа К. Э. Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами» и др.⁴⁷

«Научное обозрение», начав с 1,5 тыс. подписчиков, к 1901 г. имело их уже около 3,8 тыс.

Самый беглый обзор публицистических лагерей в России второй половины XIX в. раскрывает перед нами напряженную общественную борьбу. Деятельность писателей и публицистов имела огромное объективное значение, формируя умственные интересы различных общественных групп в рамках определенных общественно-политических направлений.

Теперь попробуем выяснить хотя бы приблизительную численность литературных кадров, которые в общей сложности составляли значительную часть интеллигенции.

Армия работников пера состояла не только из тех, кто имел литературное имя и вошел в историю литературы, но и из массы незаметных «сотрудников печати», без участия которых не может существовать ни периоди-

ческая пресса, ни сколько-нибудь крупное издательское предприятие. Редакторы, корреспонденты, репортеры, обозреватели печати русской и иностранной, библиографы, рецензенты, переводчики, популяризаторы, составители энциклопедических словарей и проч. — это все работники интеллектуального, а не исполнительского труда.

Н. А. Добролюбову писатели его времени представлялись «тысячей людей, которые пишут для удовольствия читающих». Цифру эту нельзя брать как статистическую величину, но в устах человека, стоявшего в центре современной журналистики, она не могла быть случайной, имела фактическое основание. Петербургская перепись 1869 г. учла 302 писателя, журналиста, переводчика и издателя, в том числе 40 женщин (журналистов среди женщин не было). В Московской переписи 1882 г. литераторов, корреспондентов, редакторов, переводчиков и проч. было зарегистрировано 220 человек, из них 54 женщины. В переписях Петербурга, объединяющих литераторов и ученых, занесены в эту рубрику: в 1881 г. — 334 мужчины и 72 женщины, в 1890 г. — 443 мужчины и 65 женщин, в 1900 г. — 523 мужчины и 171 женщина. По Всеобщей переписи 1897 г., ученых и литераторов насчитано 3296 человек на всю империю. Правда, объясняет Н. А. Рубакин, число пишущих людей в России гораздо больше, но эти цифры более или менее соответствуют «числу тех, кто считает литературу и науку своим главным занятием»⁴⁸.

Работники пера, объединявшиеся вокруг органов печати, составляли коллективы литературных сил, более или менее последовательно представлявшие известное направление. Коллективы эти, складывавшиеся иногда в течение многих лет, бывали довольно крупными.

Как своеобразное явление в литературном мире в период подъема освободительного движения 60-х годов наблюдался прилив в периодическую печать корреспондентов-добровольцев из провинции, самоотверженных обличителей крепостнических порядков, часто рисковавших не только служебным положением, но и собственной безопасностью. Таких корреспондентов много было в «Искре». Редактор «Искры» Г. З. Елисеев отметил также появление в литературе «русской богемы 60-х годов»: это были «первые ряды добровольцев из разночинцев», «немедленно превративших литературу в боевое оружие

для общественных целей». Эта бескорыстная, преданная делу литературная молодежь со всею неутомимостью преследовала общественные пороки, защищая эксплуатируемых, притесняемых, обижаемых⁴⁹.

Явлением того же порядка было участие офицеров во вновь созданном в 1858 г. «Военном сборнике», редактором которого Военное ведомство пригласило Н. Г. Чернышевского. Журнал заполнялся статьями, обличавшими крепостнические отношения к солдату, «солдатокрадство» и казнокрадство в армии. За год своего руководства «Военным сборником» Чернышевский создал в журнале актив, включавший более сорока постоянных авторов⁵⁰.

«Колокол» и другие периодические издания Герцена и Огарева, выходившие за границей в 50—60-х годах, привлекали множество корреспондентов из России, которые и сами писали, и поставляли документальный материал. Список сотрудников Герцена, раскрытый М. М. Клевенским, содержит сто имен. В него включены также и работники Вольной типографии. Огромное количество добровольных корреспондентов Герцена показывает, как много людей в России готовы были служить своим пером делу свободной печати⁵¹.

В «Современнике» Некрасова за 1847—1866 гг., по сохранившимся гонорарным ведомостям, работало 505 авторов и переводчиков, очень многие — постоянно.

По «Отечественным запискам» Некрасова, Салтыкова и Елисеева, к сожалению, нет таких полных данных. Сохранившаяся гонорарная ведомость за 1871 г. содержит 53 имени авторов и переводчиков. Кроме того, расшифровано 69 авторов, писавших без подписи или под псевдонимами. Большинство из них были постоянными сотрудниками журнала в 1868—1877 гг.⁵²

Большими коллективами литературных сил располагали журналы «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство» и др. На обеды вскладчину, которые устраивала редакция «Русского богатства» для взаимного ознакомления сотрудников, собиралось 25—30 человек.

Заккрытие журнала «Слово» в 1881 г., издававшегося группой народников, должно было лишить заработка по крайней мере 50 человек⁵³.

Газета «Русские ведомости» предоставляла свои

страницы помимо своих профессиональных сотрудников сотням авторов разных специальностей, в статьях которых отражалась общественная жизнь страны, — ученым, земцам и «третьему элементу», врачам, инженерам, экономистам, статистикам, этнографам, педагогам, юристам, литературоведам, искусствоведам и проч. Она имела своих корреспондентов по всей России и за границей. Она печатала под псевдонимами статьи политических эмигрантов. Много людей, оставляя волей или неволей свои прежние разнообразные профессии, избирали себе профессию публициста.

За время с 1863 по 1900 г. газета напечатала статьи 429 авторов, в их числе было 28 женщин. (Мы не учитываем авторов, написавших всего одну статью.)

Газета «Голос» за первые 15 лет своего существования (1863—1877 гг.) имела около 260 сотрудников; кроме того, до 440 авторов поместили в ней отдельные статьи. В газете «Петербургский листок» за 1873—1885 гг. работало около 80 постоянных сотрудников; ежегодно печаталось также 100—160 статей других авторов⁵⁴.

Большими литературными коллективами, соединяющими литераторов и ученых, обладали энциклопедические словари. Неоконченный энциклопедический словарь, который издавал А. А. Краевский в 1861—1863 гг., обещал в своем программном объявлении сотрудничество 208 писателей и ученых. Энциклопедический словарь издательства Брокгауза и Ефрона, выходявший в конце века под редакцией И. Е. Андреевского, а затем К. К. Арсеньева, в 1900 г. насчитывал 326 авторов. В Новом энциклопедическом словаре того же издательства под редакцией К. К. Арсеньева в 1914 г. перечислялось 387 авторов, причем почти весь их состав оказывался обновленным⁵⁵.

Не имея возможности точно определить численность «пишущей братии» за изучаемый период, мы все же можем считать, что она достигала нескольких тысяч.

* *
*

Каково было материальное и общественное положение работников литературного труда? Этот вопрос надо расчленить. Материальное положение писателя было свя-

зано с его профессиональным трудом, с оценкой современниками его таланта, а также с различными градациями многочисленных литературных специальностей. Социальное положение писателя, его место в обществе были связаны с его социальной ролью идеолога, с его общественно-политическими позициями и с оценкой его деятельности как его единомышленниками, так и его противниками.

Литературная профессия как трудовая профессия, дающая средства к существованию, сложилась в России всего за 2—3 десятилетия до падения крепостного права. Превращение литературного творчества в оплачиваемый гонораром труд было связано с развитием книгоиздательского и журнального дела, требовавшего расширения литературных кадров. До того литературная работа, не связанная со службой (или с изданием журнала), не могла прокормить человека и рассматривалась как любительское занятие ⁵⁶.

Еще в 1845 г. Белинский должен был защищать принцип вознаграждения литературного труда. Писатели, жившие на один литературный заработок, обычно бедствовали, как сам Белинский.

Соединение писательской работы со службой продолжалось и в пореформенной России. Так, среди членов Общества любителей российской словесности находим 59 писателей и исследователей, служивших чиновниками или по дворянским выборам, 85 писателей-педагогов и профессоров, 6 писателей-юристов и всего 67 писателей-профессионалов, к которым можно причислить также и 27 женщин-писательниц.

Отношение писателя, продавца «рукописи», к издателю (тема, занимавшая еще Пушкина) К. Маркс определял как форму, переходную к капиталистическому производству, — работу писателей на «совокупный торговый капитал книготорговцев». Именно в этих переходных формах эксплуатация труда достигает наивысшей степени, указывал К. Маркс ⁵⁷. Эти новые производственные отношения создавали «литературный пролетариат». Уже в 1861 г. Н. В. Шелгунов изображал журнальное дело как «чистую фабрикацию», где литературный труженик ничем не отличается от фабричного рабочего. «Кто же не знает, — писал Шелгунов, — что в России существует только четыре-пять журналов [...] с определенными на-

правлениями, с ясно сознаваемыми принципами, и только эти журналы можно признать вполне честными, служащими делу»; все остальное, кроме специальных изданий, — это «исключительно коммерческие предприятия», «чистые литературные фабрики, где грамотные поденщики поставляют работу по заказам», на вкус публики⁵⁸.

В последние 20 лет, отмечал С. С. Шашков в 1876 г., при небывалом развитии русской литературы «литературная профессия развилась окончательно и большинство литераторов живут единственно литературным трудом».

Возможность существовать литературным трудом открыла дорогу в литературу множеству разночинцев, в том числе бывшим семинаристам, из которых вышли, как известно, корифеи демократической литературы и публицистики 60-х годов. Передовая мысль эпохи высоко поднимала и облагораживала задачи литературы как общественного служения. Литературное дело, в особенности повременная печать, было сильнейшей потребностью буржуазного развития страны. Услуги печати хорошо оплачивались ее «подписчиками», что приносило большие доходы организаторам и собственникам печатных органов. Вместе с тем оплата литературного труда постепенно стандартизовалась: на вершине стояли признанные писатели, поэты, драматурги, ниже шли литературные работники разных градаций. В России не было такого большого разрыва между писательской верхушкой и рядовыми писателями и журналистами, какой создавался на Западе. Как отмечал С. Шашков в 70-х годах, при малочисленности пишущих людей журнальные работники могли зарабатывать сравнительно больше, чем, например, в Германии, где благодаря сильной конкуренции журналист получал за лист примерно столько, сколько в России переводчик (разумеется, хороший переводчик)⁵⁹.

К 70-м годам по сравнению с временем до 50-х годов литературные гонорары поднялись примерно в 3 1/2 раза; но это было связано с еще более высоким ростом цен и реальным повышением не стало⁶⁰. Характерно, что за статьи в энциклопедиях плата поднялась всего вдвое, а за научные статьи в литературных журналах осталась почти на прежнем уровне. Вот некоторые данные о градации литературных гонораров в журналах 60—90-х годов.

Крупные писатели в 60—70-х годах получали за автор-

ский лист: А. Н. Островский — 150—175 руб., М. Е. Салтыков-Щедрин — 100—125, в 80-х годах — 250 руб., В. А. Слепцов — 125 руб., Глеб Успенский — 120 руб. за лист, Н. А. Некрасов — 75 коп. за строчку, другие поэты — по 50 коп., В. Г. Короленко в 90-х годах — 150 руб. и больше. Выше всех оплачивались произведения И. С. Тургенева (400 руб.) и Л. Н. Толстого (за «Войну и мир» он получал по 300 руб. за лист).

Второстепенные писатели получали в «Отечественных записках» по 75 руб., в «Русском богатстве» в 90-х годах — по 100 руб. П. Д. Боборыкин в 90-х годах получал 300 руб. за лист.

Сотрудники публицистического отдела получали за обозрения в «Отечественных записках»: Н. А. Демерт — 75 руб., Г. З. Елисеев и Шассен (парижский обозреватель) — по 60 руб. за лист. Литературным критикам в «Отечественных записках» платили: 80—100 руб. — А. М. Скабичевскому, 75 руб. — В. А. Зайцеву (эмигранту, писавшему под псевдонимом) и 60 руб. — молодому Н. К. Михайловскому. В «Русском богатстве» 90-х годов Михайловский получал 150 руб., а критик П. П. Перцов — 60 руб. За библиографию платили 60—80 руб.

Ученые статьи оплачивались тоже по-разному: Н. И. Костомарову платили 75—80 руб., Мордовцеву — 50—60 руб. Наконец, переводчики в соответствии с литературными требованиями к переводу получали 15—25 руб., и больше, и меньше. За статьи для энциклопедического словаря платили 75—120 руб. за двойной лист.

Кроме полистной оплаты за постоянную работу, редакционные сотрудники получали жалованье. В «Отечественных записках» Н. С. Курочкин, Н. Михайловский, П. Боборыкин получали 75 руб., а редакторы Салтыков и Елисеев — по 250 руб. в месяц. Михайловскому и А. И. Иванчину-Писареву в «Русском богатстве» платилось жалованье 250 и 150 руб.

Таким образом, редакторы частных журналов получали «профессорское» жалованье — не менее 3000 руб. в год. Редакторам ведомственных казенных журналов в 60-х годах платили 2000—2800 руб. в год с казенной квартирой. Чернышевский, главный редактор «Военного сборника», зарабатывал в 1858 г. 2400 руб., а двое его товарищей по редакции — по 1200 руб. Редактор «Морского сборника» в 80-х годах получал 3200 руб. Но авто-

рам в ведомственных журналах платили меньше, чем в частных⁶¹.

Хорошо оплачивались ведущие газетные сотрудники. В. А. Гольцеву предлагали за постоянное сотрудничество в «Голосе» 360 руб. в месяц. А. С. Суворин в «Петербургских ведомостях» в первой половине 70-х годов получал сначала 2 тыс. руб., а потом до 4,5 тыс. руб. в год.

Редакционная и публицистическая работа в провинциальных газетах оплачивалась гораздо хуже — обычно 50—70 руб. в месяц. В «Самарском вестнике» в 90-х годах редакционные сотрудники получали 40—60 руб. в месяц.

Характерной чертой литературных предприятий второй половины XIX в. стало широкое участие женщин в литературном труде. Женщины раньше добиваются самостоятельного положения в среде литературной интеллигенции, чем в среде врачей или учителей средней школы. Они пишут критические статьи, издают книги и создают самостоятельные издательства, работают и на скромных должностях редакционных сотрудников. Среди окончивших Бестужевские курсы мы найдем не один десяток женщин, занимавшихся литературным трудом. Кроме работавших в области беллетристики и детской литературы здесь имелись прекрасные профессиональные переводчицы, авторы публицистических статей и научных книг по педагогическим вопросам, по истории, истории литературы, истории культуры, искусствоведы, составительницы исторических биографий, библиографы и проч.⁶²

Всю жизнь с 20-летнего возраста отдала литературному труду Е. Н. Цевловская-Водовозова. Первым ее шагом в печати была критическая статья о женском образовании по поводу «Что делать?» Чернышевского. Она писала педагогические статьи, популярные книги для юношества и для народного чтения, издала прекрасную серию «Жизнь европейских народов» и т. д. Исследование о литературе для народа написала Е. С. Некрасова. Большой труд по истории женского образования в России опубликовала Е. И. Лихачева, В. В. Тимошук работала переводчицей с трех языков, долго была редакционным сотрудником «Русской старины». Т. Л. Щепкина-Куперник прославилась переводами классиков драматургии.

Материальное положение писателя, человека «сво-

бодной профессии», которого литературный труд хорошо кормил, было положением обеспеченного буржуазного интеллигента, который создавал бытовые вкусы и стиль жизни культурного общества.

В то же время представление о крайней нужде, в которой жили русские демократические писатели, с трудом зарабатывая на хлеб и изматывая силы на литературной работе, основано на реальных фактах и трагических судьбах многих писателей, переносивших лишения и преждевременно умиравших. Некрасов писал, что даже могила такого бедняка отличается от других:

А где нет ни плиты, ни креста —
Тут, должно быть, и есть сочинитель.

Разночинец-писатель, заявлял Н. В. Шелгунов в 70-х годах, — это «писатель-бедняк, писатель-пролетарий, писатель, которому прежде всего нечего есть». Литературная интеллигенция живет в России не только хуже западноевропейской, но хуже, чем крестьяне: ее расходы относительно выше, чем у крестьян, но она должна еще оплачивать необходимые культурные потребности — книги, театры и проч.

«Умственный труд, ставший ремесленным трудом, понижает и сам себе плату до ремесленной поденщины», — писал Шелгунов. Одинокая интеллигентная переводчица, чтоб заработать 30 руб. в месяц, должна перевести 10 печатных листов. «Аристократия этого рынка» и переводит, и компилирует, и составляет книги для детского чтения, и пишет оригинальные рассказы и романы по 20—30 руб. за лист⁶³.

Между тем заработок до 2 тыс. руб. в год считался высоким заработком для многих категорий чиновников, врачей, учителей. Характер материальной нужды литературных работников в России второй половины XIX в. уясняется при сравнении с положением этого слоя в странах Западной Европы. Перепроизводство работников интеллигентских профессий привело здесь к чрезвычайно низкой оплате литературного труда как не требующего даже специальной подготовки. В Италии, во Франции только корифеи литературы жили безбедно, а некоторые даже получали огромный доход от своих изданий. Но другие литераторы, особенно журнальные работники, репортеры, зарабатывали очень мало. Французские литераторы и

журналисты при усиленном труде могли иметь заработок на уровне преподавателей коллегей — от 3 до 5 тыс. франков в год. «Трудно себе и представить, каким нищенским вознаграждением довольствуются защемленные жизнью литературные пролетарии», — писал один из французских публицистов. Полная необеспеченность газетных пролетариев обращает их в продажных писателей. Такие же условия конкуренции господствуют в среде художников, актеров, создавая категорию опустившихся на дно интеллигентов, «бывших людей»⁶⁴.

В России также шла конкурентная борьба за литературный заработок, но она имела свои особенности. Здесь массовое предложение литературного труда исходило не из рядов образованных специалистов, не нашедших себе другой работы. «Вечная нужда» большинства «пишущей братии» объяснялась, конечно, и узостью литературного рынка, отмеченной нами выше, и условиями изматывающего напряжения литературной работы. Но она была также связана с характером складывающейся литературной среды. С развитием периодической печати и появлением спроса на «черную литературную работу» кажущаяся доступность и «легкость» такой работы вызвала прилив к литературной профессии множества неквалифицированных сил. Они не могли обеспечить свое существование литературным трудом, но тем не менее оставались в рядах пишущих, составляя их значительный контингент. Литературный фонд еще в 1861 г. отметил «огромную и часто вопиющую нужду», царившую среди «тружеников второстепенных и мелких журналов». Эти литературные рабочие, которых Я. Абрамов с оттенком снобизма назвал в газете «Неделя» «неудачниками или, точнее, бездарностями», все же были частью литературной среды.

Бедность была также уделом начинающих писателей, пробивавшихся из неимущей среды. К этому надо прибавить неприспособленность многих к условиям борьбы за существование в капиталистическом обществе, чувство непрочности, психическую ранимость, обостренную политической обстановкой.

В 60-х годах, в тяжелой атмосфере разгрома передовой журналистики и торжества злорадствующей реакционной прессы, часто гибли от нужды и пьянства не только «остатки и полуталанты людей сороковых годов,

людей старого воспитания», но и молодые, недавно выдвинувшиеся писатели. В это время, как с горечью свидетельствует Глеб Успенский, «пьянство было почти чем-то неизбежным для тогдашнего талантливоего человека»⁶⁵.

Причиной неустроенности судьбы писателей были во многих случаях постигавшая их политическая репрессия, ссылка, надзор полиции, обычно затруднявшие литературную деятельность, лишавшие возможности печататься легально и т. п.

Здесь мы подходим к вопросу о социальном положении писателя. Оно всегда было связано с его местом в общественно-политической борьбе и с его социальной ролью выразителя определенной идеологии. Среди русских писателей любимыми, широко признанными «властителями дум» были только писатели-демократы по своим идейным позициям или даже по своему этическому облику (как Лев Толстой и Достоевский).

Писатель-демократ всегда был не зрителем, а борцом. Писатели, отдавшие себя революционной работе, были по существу профессиональными революционерами: Чернышевский, Герцен, Плеханов. Подлинными профессиональными революционерами были В. И. Ленин, признававший себя журналистом по профессии, и выращенные ленинской «Искрой» публицисты.

Между современными русскими писателями, отмечал Г. В. Плеханов в 1889 г., «редко можно встретить независимого человека, не побывавшего под надзором полиции или в местах различной степени отдаленности»⁶⁶. При этом кара по закону собственно за литературную деятельность почти не применялась. Обычно писатель обвинялся или подозревался в связях с революционным движением, революционным подпольем. Если достаточных улик не было, то их заменяли фальшивками, как это было в деле Чернышевского.

В 1871 г. высочайшим повелением было запрещено издание произведений политических эмигрантов — «изгнанных из отечества и тайно покинувших его» — и государственных преступников. Поэтому сочинения Чернышевского, Герцена, Бакунина, Лаврова, Плеханова и других не появлялись в России легально до революции 1905 г., а если эмигрантам и бывшим политическим каторжанам удавалось проникнуть в легальную печать, то

лишь негласно и под псевдонимами. Беспрецедентна судьба Чернышевского, писателя и ученого, который провел в заключении 21 год и был освобожден правительством Александра III в 1883 г. лишь в виде уступки за временное прекращение революционного террора народовольцами.

За причастность к революционному движению был сослан на каторгу М. И. Михайлов, отбывал тюремное заключение Д. И. Писарев, долгие годы провел в административной ссылке Н. В. Шелгунов, неоднократно высылался и жил под надзором П. И. Якушкин. Глеб Успенский был под надзором полиции около 20 лет, Г. З. Елисеев — 14 лет. В. Г. Короленко находился под надзором свыше 40 лет. В 80-х годах были сосланы в Сибирь К. М. Станюкович, Н. И. Сведенцев (Иванович), Г. И. Мачтет, Н. Е. Петропавловский (Каронин) и др. В 1889 г. была сослана на Север писательница М. К. Цебрикова за «Открытое письмо Александру III».

Характерно, что многие видные писатели и публицисты вступили на литературный путь именно в ссылке или после ссылки. Так пришли в литературу чиновник Министерства юстиции В. В. Берви-Флеровский, земский врач С. Я. Елпатьевский, не окончившие курса студенты В. Г. Короленко, А. И. Богданович, А. С. Пругавин, А. С. Попов-Серафимович, поляк В. Л. Серошевский и многие другие.

Ссылная интеллигенция служила резервом сил также и для развития провинциальной демократической печати. «Российский неблагонадежный скиталец» (выражение В. Г. Короленко) оказался в этом смысле животворным элементом. Еще в 1860—1862 гг. появилась первая частная газета в Сибири — «Амур», основанная в Иркутске по инициативе М. В. Бутаевича-Петрашевского и других ссыльных. Широкое развитие провинциальной прессы в 80—90-х годах отражало экономическое и культурное развитие Приволжья, Украины, Кавказа, отчасти Сибири. Выдвижение и формирование в этой прессе ряда новых писателей было участием литературной интеллигенции в общественной жизни страны. Несмотря на цензурные репрессии, провинциальная печать росла, привлекая новые силы и таланты, так как «газетная трибуна являлась единственной формой прямого обращения к обществу». «Неблагонадежный, опальный скиталец, — пи-

сал Короленко, — вносил в нее весь яд своего озлобления и всю идеологию своих задавленных мечтаний»⁶⁷. Газетные номера с какой-нибудь удачной заметкой, выбившейся сквозь цензурные ущелья, ходили по рукам, замусоливались и зачитывались в клочки.

Три года (1872—1874) продержалась в Казани «Камско-Волжская газета», обладавшая хорошими литературными силами и занявшая очень видное положение, «в особенности пылким, настойчивым, горячим и обстоятельным выяснением памятного самарского голода в 1873 г.». В 1874 г. цензура этой газеты была перенесена в Москву, что фактически привело к гибели газеты.

В середине 70-х годов провинциальная печать была уже значительной силой в русской жизни. Это обнаружилось ее громким протестом против мнения, высказанного Д. Л. Мордовцевым, будто бы печать всегда будет тяготеть к центрам. В этой полемике с горячей защитой провинциальной прессы выступил пионер областной печати, нижегородский краевед и общественный деятель А. С. Гацкий⁶⁸.

Непочатая целина общественного дела лежала перед публицистами в русской провинции. Ф. Ф. Павленков, сосланный в Вятскую губ., сумел издать в 1877—1878 гг. три выпуска «Вятской незабудки». Под видом «памятной книжки» губернии здесь был собран сатирический материал на местную бюрократию. Книжки вызвали сенсацию в печати, а спохватившийся Петербургский цензурный комитет (они печатались в Петербурге) характеризовал последний выпуск как «полнейший, доходящий до цинизма, пасквиль на все без исключения лица и места правительственные и общественные в Вятской губернии». Книга была изъята и уничтожена по постановлению Комитета министров⁶⁹.

Общественную жизнь Нижнего Новгорода в 1886—1896 гг., во время пребывания там ссыльного В. Г. Короленко, М. Горький охарактеризовал как «эпоху Короленко». Вместо нескольких журналистов, которых здесь застал Короленко, через 10 лет в городе работали десятки литераторов. В. Г. Короленко и А. И. Богданович подняли в печати вопрос о темных финансовых делах Нижегородского дворянского банка. Когда за это корреспонденты не были допущены в дворянское собрание на обсуждение банковского отчета, «крамольная кучка кор-

респондентов» с торжеством встретила эту меру. Полетели телеграммы, сомнительное положение банка стало в центре внимания всей русской печати. Вместе с крахом банка, с раскрытием миллионной растраты рухнуло и влияние губернских воротил-крепостников.

Писатели и публицисты были исследователями социальных условий жизни народных масс, историками народных движений, защитниками угнетенных национальных меньшинств.

Сильно затронул русскую общественность Л. Н. Толстой своим описанием голода в Самарской губернии в 1873 г.

Короленко много сделал для опровержения изуверского навета на крестьян-удмуртов, обвиненных в человеческом жертвоприношении (так называемое Мултанское дело). Разоблачающие статьи Короленко об этом процессе привлекли внимание не только широкой публики, но и юридической общественности. Сенат отменил обвинительный приговор; заключение по этому делу в уголовно-кассационном департаменте давал А. Ф. Кони. Во время последнего судебного разбирательства, в 1896 г., Короленко выступил уже вместе с другими в качестве защитника. Борьба, направленная против всемогущего Победоносцева, обер-прокурора Синода, закончилась разоблачением методов следствия и оправданием невиновных крестьян⁷⁰.

Журналистом, посвятившим 30 лет работы общественным вопросам, связанным с Сибирью, «жившим Сибирью и для Сибири», был Н. М. Ядринцев. Для развития сибирской печати сотрудничество политических ссыльных имело особенно большое значение. «Сибирская газета», существовавшая в Томске в 1881—1888 гг., была полностью в руках ссыльных, которые постепенно заполнили весь редакционный коллектив. Ссыльные Г. Ф. Зданович и Д. А. Клеменц писали в ней передовицы, Д. А. Клеменц и Ф. В. Волховской вели обличительный фельетон, С. Л. Чудновский и П. А. Голубев освещали вопросы народной жизни, секретарем редакции был народоволец А. И. Иванчин-Писарев. «Это поистине был орган политической ссылки, — писал С. Швецов, — вызвавший к себе злобу и ненависть всех темных дельцов Сибири служебного и партикулярного звания», включая генерал-губернаторов и томского епископа Макария⁷¹.

Бесцензурная газета «Восточное обозрение» под редакцией Н. Ядринцева, имевшая очень большое влияние на общественную жизнь Сибири, после перенесения ее из Петербурга в Иркутск в конце 80-х годов много лет редактировалась бывшим народовольцем И. И. Поповым; в ней сотрудничали не только ссыльные народники, но и марксисты. Нелегальные корреспонденты из ссыльных марксистов писали также в газетах «Сибирская жизнь» (Томск), «Степной край» (Омск), «Амурский край» (Благовещенск), «Енисей» (Красноярск).

Редакционный коллектив из ссыльных в течение двух с половиной лет руководил омской газетой «Степной край» (1895—1897 гг.), а в 1901—1902 гг. эта газета была целиком взята в руки ссыльными марксистами⁷².

В. Г. Короленко отмечал, что «непритязательные» (в смысле оплаты труда) провинциальные публицисты нередко протестовали и коллективно выходили из редакций «при первых же попытках со стороны издателей к сделкам с совестью, с влиятельными воротилами, с местной властью». Такой факт имел место в середине 90-х годов в томской газете «Сибирская жизнь», где, разорвав с редактором-предпринимателем П. И. Макушиным по политическим мотивам, все ссыльные ушли из газеты.

В литературе пореформенной России отразилась широкая картина действительности, охватывавшая жизнь не только помещиков, чиновников, дворянской интеллигенции, но и малодоступный прежде мир купечества, духовенства и особенно крестьянства. Литература обогатилась жизненным опытом новых писателей-разночинцев. Среди этих тем большое место заняла и психология нового человека, разночинца-интеллигента.

Тема о новых людях отразилась в литературе также негативно — потоком антинигилистических романов, появлявшихся в 60—70-х годах.

С. М. Степняк-Кравчинский показал жизнь революционеров. Его книга биографий «Подпольная Россия», появившаяся на итальянском языке отдельным изданием в 1882 г. и переведенная на многие языки, и роман «Андрей Кожухов» (1889) о революционерах конца 70-х годов, строго запрещенные в России, но тем не менее хорошо известные, внесли в мировую литературу тип русских революционеров.

Отметим замечательную черту в профессиональной деятельности литературной интеллигенции второй половины XIX в. — стремление осваивать темы, требующие глубокого контакта с жизнью народных масс, личного участия в ней. Писатели берут на себя трудные задачи, ездят по стране, выбирают неизученные пласты жизни народа.

Эта исследовательская деятельность новых писателей отвечала потребности общества в более близком знакомстве с народом. С другой стороны, сама эта деятельность была одной из форм общественного служения интеллигенции.

Исследователь этих новых пластов жизни главным образом разночинец. Г. В. Плеханов отмечал: разночинец «знакомится с городским ремесленником и мещанином, изучает обычное право крестьян, наблюдает поземельную общину и кустарные промыслы, записывает народные сказки, песни и пословицы, ведет богословские беседы с сектантами, собирает всевозможные статистические данные, сведения о санитарном положении народа, — словом, вникает во все и всем интересуется»⁷³.

Выше рассказано о деятельности интеллигенции в области этнографического изучения России, собирания богатств фольклора и т. п. Характерна фигура писателя П. И. Якушкина, который в одежде коробейника исходил в 60-х годах 9 губерний, собирая народные песни.

Интерес к этнографии и фольклору в сущности был интересом к социальным условиям жизни народа. Н. М. Астырев, прослуживший в 80-х годах 5 лет волостным писарем, написал яркие и правдивые «Очерки крестьянского самоуправления. (В волостных писарях)» (1887).

В литературу входит тема рабочего класса, вернее, крестьян, уходящих из голодающей деревни и постепенно превращающихся в пролетариев. В 1860 г. В. А. Слепцов проходит пешком по поручению Этнографического отдела Русского географического общества от Москвы до Владимира. Он описывает губительные условия работы русских грабарей-землекопов, работающих на постройке Московско-Нижегородской железной дороги, рядом с удобной и сытной жизнью квалифицированных рабочих, выписанных из Франции французскими инженерами-строителями («Владимирка и Клязьма»).

Ф. М. Решетников пишет о горнорабочих, рабочих соляных промыслов. А. П. Голицынский пишет «Очерки фабричной жизни», Н. А. Благовещенский ярко изображает труд рабочих литейного завода. Бывший крепостной Ф. Д. Нефедов в 1871 г. изучал фабрики Владимирской губ. и показал историю превращения села Иванова в крупный промышленный центр.

О рабочих и кустарях села Павлова писали В. Г. Короленко, Н. Н. Златовратский, П. Д. Боборыкин. О шахтерах Донбасса в 90-х годах писал В. В. Вересаев, о железнодорожных и поисковых рабочих — Г. И. Мачтет.

Тема жизни рабочих утвердилась в русской литературе одновременно с ее появлением в литературе других стран, в том числе в славянских литературах, где ее поднимали Иван Франко, Стефан Жеромский и др.

Острое внимание писателей привлек вопрос о переселенцах. Они обследовали партии шедших в Сибирь малоземельных крестьян, бросавших родные места в надежде на лучшую жизнь. Переселение, проводимое в бюрократическом порядке, превратилось в конце 80-х годов в настоящее бедствие, разорение и гибель переселявшихся крестьянских семей, для которых царские чиновники не подготовили элементарных условий транспорта и снабжения. О переселенцах писали Н. И. Наумов, Н. М. Ядринцев, Н. Д. Телешов и др. Очень много сил отдал этому вопросу Г. И. Успенский. Он энергично протестовал также против такой меры, измышленной и статистически «обоснованной» в чиновничьих кабинетах, как передача пастбищных земель, принадлежавших кочевникам-киргизам (казахам) под земледельческие хозяйства переселяющихся в Среднюю Азию крестьян.

Новой темой в капиталистической России становится судьба людей из народа, выбитых из колеи, превратившихся в деревенскую «бродячую Русь» и в городское «дно» опустившихся люмпенов. Над этой темой много работал в 60-х годах И. Г. Прыжов, вышедший из разночинцев оригинальный, талантливый и рано погибший писатель (осужденный по нечаевскому делу в 1871 г.). Он работал над многими историко-публицистическими исследованиями, но из его произведений увидели свет только несколько книжек, в том числе «Нищие на святой Руси» (1862), «История кабаков в России в связи с историей русского народа» (1868). Другие его работы были не

пропущены цензурой и им уничтожены, лишь часть их уцелела в рукописи⁷⁴.

С. В. Максимов, беллетрист и этнограф, автор книги «Крылатые слова», писавший на все острые темы, какие интересовали разночинского читателя, издал книгу «Бродячая Русь» о нищих. Он собирал также материал о бродячих ремесленниках, рабочих, торговцах и о бродягах «ради самой идеи бродяжничества»⁷⁵, т. е. о характерных типах разоренного, лишенного экономической опоры слоя народа.

Талантливый писатель А. И. Левитов, сын сельского дьячка, в полном смысле литературный пролетарий, умерший от туберкулеза, писал о «горе сел и городов», о людях городского дна. Боборыкин признавал Левитова инициатором «этого усиленного сочувствия к мелкому, темному, порочному, бьющемуся люду». Та же тема привлекала М. А. Воронова, который вместе с Левитовым издал книгу «Московские норы и трущобы» (1866). Интерес общества к миру люмпен-пролетариата использовал также Всеволод Крестовский, позже автор антинигилистических романов. Он проникал в тюрьмы и притоны с разрешения петербургского генерал-губернатора А. А. Суворова, собирая материал для сенсационной книги «Петербургские трущобы» (1862—1863)⁷⁶.

Тема городского дна была хорошо изучена В. А. Гиляровским, который был знатоком московского Хитрова рынка — приюта нищих, босяков, отщепенцев, не нашедших себе места в тогдашней жизни. Книга Гиляровского «Трущобные люди» была сожжена в 1884 г. «Хитровка любила Гиляровского, как своего защитника, как человека, который не гнушался бедностью и понимал всю глубину хитрованского горя и безрадостной жизни»⁷⁷, — писал К. А. Паустовский.

В пореформенную эпоху в русской литературе впервые была поднята тема о положении народа в царских тюрьмах. Первые очерки о каторжной тюрьме написали бывшие петрашевцы Ф. Г. Толль, Ф. Н. Львов и Ф. М. Достоевский. «Записки из мертвого дома» с их выводом, что в тюрьмах гибнет наиболее энергичная, талантливая часть народа, произвели огромное впечатление на общество. По цензурным условиям петрашевцы писали о заключенных-уголовниках, но всем известная судьба авторов делала их очерки рассказом о политической тюрьме.

Н. А. Некрасов отзывается на эту тему поэмами «Русские женщины» и «Несчастные». С. В. Максимов пишет исследование «Сибирь и каторга». Отметим наиболее крупные из множества публицистических очерков о каторге и ссылке, отражавших личный опыт и переживания политических заключенных и появившихся не только в нелегальной, но и в легальной печати. Книгу «Русская община в тюрьме и ссылке» (СПб., 1872) написал Н. М. Ядринцев, три года проведший в Омском остроге; П. Ф. Якубович написал замечательную книгу «В мире отверженных» (1897—1898); С. Я. Елпатьевский — «Очерки Сибири» (1893). О жизни политических ссыльных писали Г. И. Мачтет, С. А. Приклонский, В. Л. Серошевский. Статья А. С. Пругавина «Вне закона. Очерки административной ссылки» не была пропущена цензурой в начале 80-х годов. Вклад русских писателей в изучение этой области жизни народа и ознакомление с нею общества очень велик. В 1890 г. в Лондоне вышла книга Джорджа Кеннана «Сибирь и ссылка» по материалам, собранным им в России. Таким образом, этот вопрос получил и международный отклик и был отражен на Международном тюремном конгрессе в том же году.

К этому конгрессу особую тему из истории русских тюрем крепостной эпохи разработал А. Ф. Кони: он написал биографию «святого доктора» Ф. Гааза, врача московских тюрем первой половины XIX в., который упорно боролся за облегчение условий жизни арестантов.

Историю монастырских тюрем, тюрем в Шлиссельбургской и Петропавловской крепостях изучал А. С. Пругавин.

Русские писатели, отдавая свои силы, чтобы показать обществу нечеловеческие условия жизни трудящихся, становились таким путем в ряды борцов за лучшую жизнь для народа. Настоящим подвигом надо признать работу А. П. Чехова, писателя и врача, который в одиночку отправился в 1890 г. на Сахалин, чтобы обследовать Сахалинскую каторгу. Он не только все изучил и описал, но составил индивидуальные карточки на всех заключенных, чтобы обосновать свои выводы. Поставленную себе задачу он рассматривал как ответственное общественное дело. «Сахалин может быть ненужным и неинтересным только для того общества, которое не ссы-

лает на него тысячи людей и не тратит на него миллионов», — писал он.

Власти наложили ограничения на его работу, запретив касаться положения политических ссыльных и каторжан и изолировав его от всякого общения с политическими. Чехов не имел права ничего печатать о Сахалине без просмотра Главного тюремного управления. Поездка на Сахалин — «это непрерывный полугодовой труд, физический и умственный», — писал Чехов. Тяжелое путешествие от Урала до Амура неизлечимо подорвало его здоровье⁷⁸.

К этой трудоемкой области писательского исследовательского труда вполне применима та характеристика, которую дал Плеханов творчеству писателей-разночинцев: «Враг всяких прикрас и искусственности, разночинец должен был создать, и действительно создал, глубоко правдивое литературное направление». Эти писатели служили делу русского общественного развития, «изображая быт своего народа. Никакие специальные исследования не могут заменить нарисованной ими картины народной жизни»⁷⁹.

Передовая литература никогда не была творчеством писателей-одиночек. В литературной среде постоянно поднимался вопрос об объединении сил в борьбе за идейное влияние на общество. Практическими органами такого сплочения были прежде всего редакции радикальных журналов — «Современника», «Русского слова», «Искры». Н. Г. Чернышевский подбирал сотрудников-единомышленников, которым он полностью доверял. В 1862 г. группа писателей во главе с М. Е. Салтыковым и А. М. Унковским проектировала создать новый журнал, объединяющий московских и петербургских писателей. Г. З. Елисеев писал Унковскому по этому поводу: «...материально будут заинтересованы в успехе журнала и Петербург, и Москва, и вместе с тем соединятся для действия к одной цели и моральные силы, однородные, того и другого города. [...] Только стянув к себе читающие массы, можно облегчить проведение полезных идей в обществе»⁸⁰.

Организационной формой для сплочения литературных сил признавались литературные и издательские артели. Идея ассоциации была очень популярна в передовых кругах 60-х годов.

Одна из таких артелей — «Общество переводчиц и издательниц» — возникла в 1863 г. по инициативе М. В. Трубниковой и Н. В. Стасовой. Хотя устав артели не был утвержден, она существовала до конца 70-х годов, объединяя более 30 участниц, и выпустила ряд книг. Такие артели приобретали характер защиты интересов литературных работников от эксплуатации издателей. Вопрос о борьбе с «торгашеством» в журнальном деле ставился многими публицистами 60-х годов и принципиально, и практически. Сотрудники «Русского слова» Н. В. Соколов и В. А. Зайцев поставили издателю-редактору Г. Е. Благосветлову ряд условий: они требовали не только независимого положения, но и публичной материальной отчетности издателя журнала перед подписчиками, которые признавались хозяевами журнала. Когда Благосветлов не выполнил этих условий, они покинули журнал.

В 1859 г. было учреждено Общество Литературного фонда для помощи нуждающимся литераторам и ученым. Литературный фонд был делом общественной инициативы, но это Общество не было профессиональной писательской организацией. Оно принимало в члены всех «сочувствующих отечественной литературе и просвещению» (взнос был не менее 10 руб. в год или 100 руб. единовременно), и задачей его был сбор средств и распределение пособий. Ни защитой прав писателей, ни организацией их взаимопомощи Литературный фонд не занимался. Его возглавлял выборный Распорядительный комитет из 12 членов, который ежегодно обновлялся на одну треть. В первый Распорядительный комитет вошли либеральные писатели и ученые, в том числе И. С. Тургенев, К. Д. Кавелин, А. П. Заблочкин-Десятовский, Е. И. Ламанский. Вошел в него и Н. Г. Чернышевский. Сначала было проявлено много энергии, устраивались литературные вечера, спектакли с участием писателей, было собрано 35 тыс. руб. за первый год. В 1869 г. Общество насчитывало платящих членов 302 человека, в 1889 г. в нем числилось более 600 человек. Поступление средств, однако, вскоре снизилось, не превышая до 80-х годов 13—21 тыс. руб. в год. В конце 80-х годов новые средства фонд получил от издания сочинений Гаршина и Надсона. Капитал Общества, приносивший ему доход, дошел к 1880 г. до 120 тыс. руб.⁸¹

Деятельность Литературного фонда — благотворительной организации, стоявшей над писателями, — не удовлетворяла литературную общественность. С. С. Шашков в 1876 г. критиковал Литературный фонд как «богательное учреждение», не только редко и скудно поддерживающее писателей, но и бездеятельное, не заботящееся о выполнении своих задач. Фонд ничего не сделал, указывал Шашков, для пробуждения в обществе сознания, что оно обязано помогать литературе. Он требовал реорганизации фонда с тем, чтобы во главе его стояли литературные работники, которым будут гораздо ближе тревоги и заботы своих собратьев. Напоминая, что литераторы 30—40-х годов создали литературную профессию и сделали правилом вознаграждение литературного труда, Шашков призывал литераторов 70-х годов «расширить свои права на жизнь и вознаграждение своего труда», ставя таким образом перед писателями задачу защиты своих профессиональных интересов⁸².

С резкой критикой выступил также Г. З. Елисеев в 1877 г. Литературный фонд представил на утверждение министра Д. Толстого проект устава ссудо-сберегательной кассы для литераторов (который так и не дождался утверждения). Елисеев заявил, что обсуждение такого устава никак не могло быть внутренним делом Общества Литературного фонда, поскольку его членами «состоят по преимуществу не литераторы и так как даже незначительная часть литераторов, в нем участвующая, принадлежит к верхним слоям литературы и имеет самое темное представление о средних и низших слоях ее, которые между тем и будут более всего нуждаться в проектируемой кассе»⁸³.

Касса взаимопомощи литераторов и ученых была открыта при Литературном фонде только в 1890 г. Однако принцип взносов делал ее кассой для немногих: в 1891 г. в ней было всего 55 человек, в 1895 г. — 83, в 1896 г. — 65 человек⁸⁴.

При всех недостатках, Литературный фонд, как общественная организация, помогавшая в трудные минуты представителям национальной культуры, вызывал сочувствие и вошел в быт литературной интеллигенции. Благодаря пожертвованиям более обеспеченных слоев интеллигенции и сборам, устраиваемым в память известных писателей, фонд мог в известной степени поддержи-

вать остро нуждающихся писателей. С. Надсон и В. Гаршин завещали фонду свои авторские права; издание их сочинений принесло к концу века свыше 175 тыс. руб. На средства, завещанные В. О. Михневичем (дом с усадьбой) и инженером В. Ф. Голубевым (150 тыс. руб.), был построен, уже в XX в., Дом литераторов в Петербурге, на Карповке, с дешевыми квартирами для одиноких писателей и ученых. Г. З. Елисеев завещал фонду все свое состояние, скопленное на посту редактора «Отечественных записок», — свыше 50 тыс. руб., Ф. Ф. Павленков завещал 30 тыс., Н. Ф. Бунаков оставил фонду 34 тыс. (в том числе 24 тыс. на учреждение в русских и заграничных высших школах стипендий имени Чернышевского, Добролюбова и Ушинского), А. Н. Плещеев — 25 тыс., наследники К. Д. Ушинского — 19 тыс. и т. д.

Значительные средства давали сборы в память писателей, шедшие в основном на учреждение стипендий для студентов — детей писателей. В том числе сбор в память Чернышевского дал свыше 20 тыс., Салтыкова — свыше 17 тыс., Тургенева — свыше 14 тыс., Михайловского — около 9 тыс., Е. П. Ковалевского — свыше 10 тыс. и т. д. На фоне этих пожертвований выделяется жалкое ежегодное пособие фонду от Александра II — 1000 руб. и от членов царской семьи — 700 руб.

Даже в дело помощи литераторам вмешивалась царская полиция. Когда московская интеллигенция в 1884 г. хотела помочь литераторам, лишившимся работы с закрытием «Отечественных записок» и «Дела», Департамент полиции усмотрел в этом учреждение «негласного общества». Это послужило также поводом для увольнения из Московского университета юристов С. А. Муромцева и А. А. Дриля. Известен также факт ареста за участие в организации вечера в пользу Литературного фонда: либеральный публицист И. П. Белоконский в 1889 г. просидел за это 9 месяцев в Орловской тюрьме⁸⁵.

В передовых литературных кругах не угасало стремление к более прочному и ответственному объединению, которое могло бы представлять общественное лицо русской литературы. В 1879 г. Г. З. Елисеев писал: «Бесчисленные безобразия происходят теперь в литературе именно оттого, что литературный персонал находится в полном разъединении, подобно песку морскому. Пусть он соединится в общество, хотя бы с одной только це-

лью блюсти за чистотой литературы [...], и литература примет немедленно другой вид»⁸⁶.

Когда демократический фронт литературы был сильно ослаблен закрытием «Отечественных записок», группа умеренных либеральных деятелей, взяв инициативу в свои руки, добилась утверждения в 1886 г. новой организации — Русского литературного общества. Общество ни в какой мере не представляло русскую литературу в целом. Об этом свидетельствуют и характер его деятельности, и его замкнутый состав. Начав существование с полусотней действительных членов, через 10 лет оно имело 44 члена (в списке членов за 1886—1896 гг. их насчитывалось всего 71), а число членов-сотрудников колебалось в пределах 80—90⁸⁷. Еженедельные закрытые собрания Общества были доступны только для членов и иногда, за плату, для гостей. Протоколы собраний не велись. На публичных вечерах Общества отмечались юбилеи поэтов, чуждых общественному движению, — Я. Полонского, А. Майкова, А. Фета или давно пережившего свою славу Д. Григоровича.

Наконец, при воцарении Николая II Общество выступило с верноподданническим адресом, самозванно объявив себя «центром, объединяющим деятелей русской литературы».

Н. К. Михайловский назвал Литературное общество «кружком самоизбранников, тайным от остальной литературы». Общее дело литературы, заявлял Михайловский, состоит «в поддержании достоинства литературы, как таковой»⁸⁸.

По инициативе Михайловского и В. Д. Спасовича в 1894 г. группа петербургских литераторов разработала проект пересмотра законов о печати с целью уничтожения цензурного произвола и подчинения дел о печати судебным нормам. Этот проект предполагалось направить новому царю вместе с петицией, в которой заявлялось, что профессия литератора стоит в России «вне правосудия». Петицию подписали около 80 человек. В случае если бы эти документы не дошли до адресата, предполагалось обратиться к посредничеству короля Дании.

Николай II предупредил это выступление литературной интеллигенции, поспешив ассигновать ежегодную сумму в 50 тыс. руб. для пособия нуждающимся ученым

и литераторам. Однако пособие шло не через Литературный фонд, а через Академию наук и распределялось без участия общественности.

Эта акция правительства обсуждалась 16 января 1895 г. на собрании в редакции «Русского богатства». Редактор «Научного обозрения» М. М. Филиппов заявил, что литераторы «оскорблены этой подачкой», которую правительство пробует зажать им рот и задобрить их, «пронюхав», что они собираются просить свободы печати⁸⁹.

В этой обстановке в середине 90-х годов возник первый Союз русских писателей. Решение создать такой союз было принято в 1894 г. на литературных вечерах у Н. А. Рубакина по предложению Михайловского⁹⁰. Но в условиях русской действительности нашелся только один легальный путь для реализации этого плана, и новая писательская организация была официально открыта в конце 1896 г. как Союз взаимопомощи русских писателей при Русском литературном обществе.

Союз писателей, как его называли современники, был самостоятельной организацией. Уже летом 1897 г. группа сотрудников «Русского богатства» и «Вестника Европы» обсуждала возможность негласного съезда литераторов для организации «синдиката» борьбы с Главным управлением по делам печати. В этой переписке (перлюстрированной полицией) участвовали Михайловский, К. Арсеньев, Мордовцев, Гольцев, Засодимский, Короленко, Л. Слонимский и другие, договорившиеся принять окончательное решение после очередного общего собрания «Литературного союза» (т. е. Союза писателей)⁹¹.

Весной 1898 г. Союз взаимопомощи русских писателей представил министру внутренних дел ходатайство о нуждах печати, выступив, таким образом, как действительный представитель буржуазно-демократической литературной общественности.

9 марта 1901 г. общее собрание членов Союза писателей единогласно протестовало против расправы полиции над демонстрацией студентов на Казанской площади 4 марта. Протест писателей был направлен и против политических условий, которые вызывают такие демонстрации (петербургские студенты выступили против репрессии над киевскими студентами, отданными в солдаты). За этот протест, подписанный 155 писателями, министр

внутренних дел немедленно закрыл Союз взаимопомощи русских писателей⁹².

Первый Союз писателей возник в преддверии новой революционной эпохи, когда усилилось влияние демократической литературы на народные массы и возросла политическая роль передовой писательской общественности. Но и в изучаемом нами периоде огромная роль демократической публицистики, художественной литературы, драматургии (а вместе с нею и театра) в общественном развитии России делала работников литературного труда важнейшим отрядом интеллигенции.

9.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Яркой чертой профессиональной интеллигенции 60—90-х годов было ее стремление к просветительской работе. Работа по просвещению масс, проходившая в условиях самодержавия при сопротивлении власти, часто в нелегальных формах, была одним из важнейших проявлений освободительного движения эпохи. Она отражала различные цели, программы и направления этого движения.

Мы уже отмечали эту работу, говоря об общественной инициативе различных групп интеллигенции, людей различных профессий. Остановимся на просветительской деятельности интеллигенции в области распространения знаний, политического просвещения и популяризации духовных богатств демократической культуры.

Дело народного просвещения привлекало много общественных сил. Первыми шагами в этой области было создание воскресных и бесплатных школ. Эти школы не имели регламентированных форм. Возникшие в Киеве в конце 50-х годов в виде общественной помощи начальному образованию и даже одобренные правительством, они быстро распространились повсеместно. Их могли открывать учителя, студенты, офицеры, частные лица и учреждения и даже военные части. Они были рассчитаны на самый разнообразный состав учащихся: мужчин и женщин, детей и взрослых, рабочих. Основной чертой, которая делала эти школы общественными, был бесплатный труд их преподавателей.

Число воскресных школ быстро возрастало, и в июне 1862 г. их было по всем учебным округам 316: по 61 школе в Петербургском и Московском округах, 46 — в Казанском, 44 — в Киевском, 36 — в Одесском, 32 — в Харьковском и 16 — в Сибири¹.

Большинство школ были малы по составу учащихся, имели от трех до пяти учителей. Но были и крупные, например Владимирская в Петербурге, имевшая до 350 учащихся. Учителями в этих школах работали кто хотел и мог, но им помогали педагоги-методисты, как Ф. Ф. Резенер, писатели, как Н. Г. Помяловский, и др. Начиная с элементарного обучения, учителя стремились расширить кругозор своих взрослых учеников. «Это было не дело филантропии и благотворительности,— вспоминал В. В. Стасов о воскресных школах 60-х годов,— а собственное свое дело, наполняющее всю мысль и заботу, вызывающее наружу все силы и непоколебимую, горящую огнем деятельность. Цель их деятельности была прежде всего освободительная, стремящая других к свету и уничтожению предрассудков и невежества»².

Воскресные школы просуществовали недолго. Почти с самого начала их деятельности правительство увидело в них подрыв казенного порядка, верным чутьем ощутило в них элемент освободительного движения. Начальник III Отделения В. Долгоруков уже в декабре 1860 г. докладывал царю: «Правительство не может допустить, чтобы половина народонаселения была обязана своим образованием не государству, а себе или частной благотворительности какого-либо отдельного сословия. Средний слой общества и рассчитывающие на силу одного невидимые двигатели стали произвольно во главе сего важного дела»³.

Н. Г. Чернышевский с горечью писал в статье «Научились ли?»: «Десятки воскресных школ[...] Воскресные школы в империи, имеющей более 60 млн. населения, действительно считаются только десятками. А их нужны были бы десятки тысяч[. . .]. Отчего же их только десятки? Оттого, что они подозреваются, стесняются, пеленаются, так что у самых преданных делу преподавания в них людей отбивается охота преподавать»⁴.

Воскресные школы пали первой жертвой начавшегося в 1862 г. реакционного поворота. Поводом к их повсеместному закрытию послужили попытки политической пропаганды, обнаруженные в некоторых из петербургских школ для рабочих. Воскресные школы 60-х годов были элементарной формой непосредственной просветительской работы интеллигенции среди масс, лишенных образования. Они оставили глубокий след, дав направ-

ление общественной инициативе в области народного образования.

Это направление продолжили многие энтузиасты педагогического дела, которые создавали новаторские начальные школы или распространяли новые методы воспитания. Новаторской была Яснополянская свободная школа Л. Н. Толстого, созданная им еще в 50-х годах. Вкладом в создание нового типа земской начальной школы были педагогические методы, разработанные в 60-х годах Н. А. Корфом, земцем Екатеринославской губ. Много усилий вложили в организацию сельской школы «культурные одиночки» разных направлений, создававшие деревенские школы и другие культурно-просветительные учреждения для крестьян. Назовем в их числе В. С. Серову, жену композитора и мать художника, работавшую в деревне в 90-х годах⁵. А. Я. Герд впервые создал школу для малолетних преступников, основанную не на принуждении, а на воспитании привязанности к товарищескому коллективу⁶.

Просветительское движение, связанное с обучением народа, имело свой левый фланг, ставивший себе задачи революционной пропаганды. Так, члены тайного кружка «Рублевое общество», возникшего в Москве в конце 60-х годов, собирались стать «кочующими учителями», чтобы в то же время вести просветительные беседы, выясняя, «насколько простой народ доступен антиправительственной пропаганде»⁷.

К концу века, когда экономическое развитие страны выдвинуло задачу повышения образовательного уровня индустриальных рабочих, эту задачу также взяли на себя общественные организации и частная инициатива. Предполагалось начать с устройства сети воскресно-вечерних классов для рабочих с общеобразовательной программой, чтобы подготовить в дальнейшем специальные курсы и школы.

Начало общеобразовательным школам для рабочих было положено Русским техническим обществом, которое до 1896 г. устроило кроме специальных технических училищ, курсов и школ для детей рабочих еще 15 воскресно-вечерних классов для рабочих и 2 класса для работниц. Это были обычного типа классы, содержавшиеся за счет предпринимателей.

Возрождаются и формы общественной школы, без-

возмездно обслуживаемой учителями-добровольцами, — воскресные школы 80—90-х годов.

В 80-х годах существовало уже несколько воскресных школ (7 мужских и 9 женских) в разных городах, открытых по частной инициативе. В их числе были школы, созданные Н. А. и В. П. Варгуниными на Шлиссельбургском тракте (фабрично-заводской пригород Петербурга). Эти деятели из богатой семьи фабрикантов основали начиная с 1883 г. четыре школы, пользовавшиеся популярностью у рабочих. Много лет существовала женская воскресная школа Х. Д. Алчевской в Харькове; известна женская школа в Тифлисе, открытая О. В. Найденовой (женой В. В. Берви-Флеровского), и др.

Петербургское городское управление открывало воскресные школы с 1879 г. Их было до 20 в 1898 г. с числом учащихся свыше 1,1 тыс., а окончило к этому времени 848 человек. В школах Шлиссельбургского тракта в 1883—1893 гг. получили образование 5042 человека. В Москве за 1888—1898 гг. было открыто 12 воскресных школ. На Всероссийской промышленной выставке в Нижнем в 1896 г. был даже устроен особый отдел воскресных школ, которым заведовала ветеран этого дела Х. Д. Алчевская. Правительственная статистика зарегистрировала в 1898 г. 528 воскресных школ, 404 повторительных класса и 446 воскресных и вечерних курсов для рабочих⁸.

От школ 60-х годов новые вечерне-воскресные школы отличались и большим количеством преподавателей и более высокой их квалификацией. Во главе московских школ стояли известные деятельницы в области народного образования. В школе Алчевской число учительниц росло вместе с ростом числа учениц, которых в 1878/79 г. было 377, а в 1896/97 г. — более 700. Учительниц же первоначально было 25, а в 90-х годах — более сотни. Они работали здесь бесплатно, сверх обычной своей службы, уделяя любимому делу урывки своего времени.

В составе педагогического персонала школ Шлиссельбургского тракта за 1883—1893 гг. перебивало 223 человека⁹. Во время работы Н. К. Крупской в одной из этих школ в с. Смоленском в 1891—1896 гг. 50 учителей обучали в трех школах около тысячи рабочих.

Во второй половине 90-х годов стали распространяться технические курсы для рабочих, необходимость кото-

рых была признана 2-м съездом деятелей по техническому и профессиональному образованию. На этих курсах допускалось чтение общеобразовательных лекций, которые также использовались преподавателями для расширения умственного кругозора рабочих. «Учителя по мироведению ставили своей задачей разрушить у учащихся рабочих суеверия и предрассудки, познакомить их с научной теорией мироздания. Учителя по географии знакомили рабочих с жизнью Западной Европы, с политическими партиями и с борьбой рабочего класса западноевропейских стран. Учителя по литературе знакомили рабочих с жизнью помещиков, крепостных, подводя таким образом к пониманию классовой структуры царской России» и т. д. Учителя умело выходили за рамки элементарной программы, допускаемой инспекцией Министерства народного просвещения.

Социал-демократы 90-х годов смотрели на воскресную школу как на подготовку культурной рабочей среды, необходимой для успеха рабочего движения. Поднадзорный московский студент, возражая против мнения, что воскресные школы очень мало дают народу, что из них рабочий не выйдет готовым к революционной борьбе, отмечал: «Прежде чем воспитать общественных деятелей, людей партии, способных к выдержанной политической борьбе, нужно создать для них известную культурную среду[. . .]. Воскресные школы дают возможность общения интеллигенции с народом, общения на почве хорошего, необходимого общественного дела». Член московского «Рабочего союза» Д. Д. Солодовников, работавший в вечерних школах, писал в 1895 г. о своих учениках: «В общем это все симпатичный народ. Чем больше я их узнаю, тем более прихожу к мысли, что единственное спасение для России в образовании рабочей интеллигенции и посвятить свои силы этому делу — значит воспользоваться ими производительно»¹⁰.

В педагогических коллективах школ практиковалась иногда замена утвержденного преподавателя другим, который оказывался членом марксистской подпольной организации. Опытный учитель легко мог найти наиболее развитых, наиболее чутких к социальной несправедливости рабочих, а затем обеспечить им связь с социал-демократическими кружками. Об этом очень хорошо рассказано в воспоминаниях Н. К. Крупской. Иногда на

занятия в группы воскресных школ приходили подпольные работники, «чтобы послушать, кто из учеников и как реагирует на тот или иной вопрос. Затем с наиболее подходящими учениками заводилось знакомство и велась дальнейшая работа». Это делали И. В. Бабушкин, В. А. Шелгунов, иногда В. И. Ленин, являясь «если не инспекторами народных училищ, то во всяком случае инспекторами от революции»¹¹.

В начале XX в., особенно в 1905 г., эти так называемые Смоленские классы превратились в один из центров революционной пропаганды.

Замечательным достижением педагогической общест-венности стали Пречистенские курсы для рабочих, открытые в Москве в октябре 1897 г. группой прогрессивной интеллигенции. В Пречистенском районе было много фабрик и заводов. Курсы пользовались большим успехом, здесь читали лекции выдающиеся ученые-материалисты, например И. М. Сеченов, прочитавший курс анатомии и физиологии в 1904 г., и молодые представители марксистской науки. Курсы получили огромное значение, особенно после революции 1905 г., и были непосредственно связаны с московской организацией большевиков¹².

Из первых 49 преподавателей Пречистенских курсов полиция считала неблагонадежными 13 человек. В конце 1899 г. из 90 преподавателей подозрительными в политическом отношении считались уже 34 человека¹³. Когда в конце 90-х годов Департамент полиции пересмотрел преподавательский состав всех воскресных школ и курсов, значительное число преподавателей было отстранено от работы. По двум школам с. Смоленского из 37 преподавателей было уволено 17 человек, по Гаванской школе (в Петербурге) из 21 — 12 человек. По 36 школам Русского технического общества из 329 преподавателей 45 человек было не допущено к педагогической работе, 30 человек допущено при условии надзора начальства¹⁴.

Конечно, далеко не все воскресные школы были связаны с революционными организациями. Рядом с варгунинской Смоленской школой хозяин суконной фабрики Торнтон завел свою воскресную школу, чтобы его рабочие не посещали варгунинской. Там учили студенты духовной академии, снабжая рабочих жителями святых,

«Хождением богородицы по мукам» и проч. Характерно, что многие рабочие не удовлетворялись такой школой, где «ненужным наши мозги законопачивают». Рабочая среда выделяла своих лекторов-учителей, распространителей книг.

С 70-х годов демократическая общественность находит приложение своим силам и в области внешкольного просвещения. Просветительская деятельность направлялась по двум руслам — для интеллигенции и для народа. Работа для интеллигенции, лекционная и издательская, ставила целью помощь самообразованию, дополняя скудный запас знаний, выносимый из школы, и расширяя общественно-политическую информацию, даваемую текущей печатью. Эта работа, какой бы она ни казалась скромной по масштабам, имела в свое время большое значение для культурного развития общества.

Одним из центров просветительской работы для интеллигенции и учащихся стал Учебный отдел Общества распространения технических знаний, открытый в 1871 г. под председательством В. Я. Стоюнина. Отдел должен был разрабатывать не только вопросы технического образования, но и общепедагогические проблемы. Он объединил лучшие силы московского городского учительства и либеральной профессуры. Заседания Отдела привлекали много народа. Число его членов выросло со 150 в 1880 г. до 235 в 1892 г. и до 397 в 1897 г.

С 1885 г. Учебный отдел организовал в Москве публичные чтения для учащихся по истории литературы, истории, географии и естественным наукам. Эти чтения в 1896 г. были запрещены.

В начале 90-х годов в Учебном отделе возникли предметные комиссии по русскому языку и словесности, истории, математике, естествознанию, а также по вопросам физического воспитания и организации домашнего чтения. Эти комиссии развили интенсивную издательскую деятельность. Редакционная коллегия из видных ученых выпускала серию «Библиотеки для самообразования» в издательстве И. Д. Сытина, составившую ряд солидных трудов.

Комиссия по организации домашнего чтения вела особую работу в помощь самообразованию. Ее члены принимали на себя заочное руководство учебным про-

цессом провинциальных читателей — людей самого разного возраста, уровня образования и общественного положения. В Комиссию входило около 170 преподавателей высших и средних учебных заведений. В 1894 г. была издана «Программа домашнего чтения», рассчитанная на 4 года самостоятельных занятий. Выпуски этой программы не раз переиздавались, и к 1902 г. их разошлось около 75 тыс. экземпляров¹⁵.

Насколько велика была нужда в такого рода пособиях, показывает одновременный выпуск «Программ чтения для самообразования» (СПб., 1895) комитетом Педагогического музея, которые также выдержали несколько изданий.

В середине 90-х годов Учебный отдел организовал Лекционное бюро, которое рассылало своих членов в провинциальные города с лекциями по истории, истории русской и западной литературы, политическим и экономическим вопросам, биологии и космографии и проч. В числе лекторов-историков были Милюков, Кизеветтер, Новгородцев, Кареев, П. Виноградов и др. Таких лекций и лекционных серий было организовано в разных городах в 1895—1900 гг. около 90.

Лекционная просветительская деятельность вошла в обиход культурной жизни общества, но, к сожалению, она еще никак не изучена. Проведение публичных лекций, особенно в провинции, нередко вызывало сопротивление местных властей и становилось событием общественного значения. Отметим, например, лекции по истории Сибири, в 60-х годах прочитанные С. С. Шашковым в сибирских городах. Они имели огромный успех, знакомя слушателей с положением сибирских рабочих и злоупотреблениями сибирской администрации, что и вызвало запрещение этих лекций.

Большое значение для целей самообразования имело составление рекомендательных библиографий, ориентировавших и направлявших читателя. Обычно такая работа делалась большим авторским коллективом. Так, «Учебно-воспитательная библиотека», изданная Учебным отделом (М., 1876—1878), была трудом 68 авторов (профессоров и преподавателей Петербурга, Москвы и других городов) под главной редакцией Л. И. Поливанова. С позиций передовой педагогической методологии в ней было критически разобрано свыше тысячи книг. Упомя-

нем изданный в пользу голодающих «Толковый указатель для выбора книг по важнейшим отраслям знания» — «Книга о книгах» (М., 1892) — предназначенный для интеллигенции и университетской молодежи. В составлении книги участвовал коллектив московских ученых (131 автор), в том числе И. М. Сеченов, А. Г. Столетов, К. А. Тимирязев и др.

Однако рекомендательные каталоги и указатели были не только полезным просветительским трудом, но и неизбежно являлись одной из форм пропагандистской работы. В условиях, когда лучшие произведения революционно-демократической литературы и публицистики уничтожались и обрекались на забвение, интеллигенция создавала свои указатели, запрещенные и полуполюгальные, в которых подрастающему поколению передавались традиции демократической культуры. Такие указатели (к примеру так называемый Челябинский и др.¹⁶) играли огромную роль в умственном развитии общества, определяли круг чтения, обязательный для мыслящего человека, служили основой для подбора литературы во множестве нелегальных ученических библиотек, кружков самообразования, в библиотеках студенческих и революционных кружков, наконец, начиная с 70-х годов в тайных библиотеках рабочих кружков и организаций¹⁷. Даже в народнических указателях на первый план среди общественных вопросов выделялись рабочий вопрос и учение Маркса.

Н. А. Рубакин имел возможность видеть в начале XX в. многие «вольные библиотеки», собранные рабочими вскладчину, словно подобранные по списку запрещенных книг, составленному Главным управлением по делам печати. Ходят по рукам, писал он, десятки тысяч рекомендательных каталогов. Чтение по программе — явление далеко не редкое среди рабочих¹⁸.

Так, инициатива педагогической интеллигенции в деле подбора книг для самообразования интеллигенции нашла продолжение и развитие в кружках революционной молодежи и в кружках передовых рабочих, в которых формировалась рабочая интеллигенция 90—900-х годов.

К области общественной просветительской работы для интеллигенции мы отнесем и деятельность некоторых передовых издательств. Были, конечно, и коммерче-

ские издательства с прогрессивными тенденциями, принесшие большую пользу развитию демократической культуры. Например, издательство К. М. Солдатенкова, созданное им вместе с Н. М. Щепкиным еще в конце 50-х годов. Оно издавало русский фольклор, сочинения демократических публицистов и т. п. Издательство И. Д. Сытина, оформившееся в начале 80-х годов, привлекало к сотрудничеству в своих отделах крупных ученых и шло навстречу общественной инициативе в разных областях знания. «Библиотека для самообразования», которую Сытин стал издавать с 1895 г., включала 47 книг по истории, философии, экономическим наукам и естествознанию.

Издательство В. О. Ковалевского, известного палеонтолога, в середине 60-х годов предприняло издание переводов книг европейских ученых. Оно было тесно связано с литературными работниками — переводчиками, редакторами — и с типографщиками и книготорговцами — людьми демократического лагеря того времени. В короткий срок Ковалевский, начав с издания многотомной «Иллюстрированной жизни животных» Брэма (под ред. В. А. Зайцева и А. Д. Путяты), выпустил ряд книг по биологии, химии, физике, геологии, физиологии, медицине, ботанике, антропологии, истории, социологии, истории философии. Он издал «Происхождение видов» Дарвина почти одновременно с появлением оригинала на английском языке: русский перевод вышел под общей редакцией И. М. Сеченова в начале 1872 г. и вскоре был переиздан книжным магазином А. А. Черкесова. Надо отметить, что еще в 1866 г. Ковалевский издал без имени автора повесть Герцена «Кто виноват?», но ее второе издание в 1871 г. было уничтожено цензурой¹⁹.

С 70-х годов существовало издательство Е. Н. Водовозовой, выпускавшее педагогические, научно-популярные и детские книги. В числе ее изданий была широко распространенная этнографическая серия «Жизнь европейских народов». Водовозова издала книгу В. И. Ленина «Развитие капитализма в России».

В конце 70-х годов появилось издательство Л. Ф. Пантелеева, бывшего землевольца 60-х годов. Он издавал сочинения античных и новых философов, сочинения Д. Рикардо, книги русских ученых И. М. Сеченова, А. Н. Бекетова, В. А. Манасеина, Ф. Ф. Эрисмана,

М. М. Ковалевского, сочинения русских демократов Н. А. Добролюбова, В. А. Зайцева и т. д.

Но в ряду этих прогрессивных издательств были и такие, которые посвящали свою работу всецело пропаганде демократических и революционных идей.

В середине 60-х годов появилось издательство Н. И. Полякова. Оно оставило заметный след в истории русской демократической и революционной мысли. Поляков издавал книги для кружка чайковцев, предназначенные для революционной пропаганды в разных слоях интеллигенции: «Положение рабочего класса в России» и «Свободу речи» В. В. Берви-Флеровского, сочинения Н. А. Добролюбова, П. Л. Лаврова, А. П. Щапова. Ф. Лассалья. Издатель хорошо платил авторам, поддерживал материально ссыльных и эмигрантов, поручая им переводы. В 1872 г. Поляков издал первый том «Капитала» в переводе Г. Лопатина и Н. Даниэльсона тиражом 3 тыс. экземпляров (первый перевод этого труда К. Маркса на другие языки). Характерно, что цензура не задержала его, убежденная, что книга, трудная для чтения и специальная по теме, не найдет распространения в России. Кроме 38 книг, которые были изданы Поляковым, подготовлялось к печати еще около 50. Но, не осилив убытков, нанесенных ему цензурными репрессиями (были уничтожены сочинения Вольтера, Дидро, Гоббса и др.), издательство ликвидировалось в 1873 г.²⁰

Среди идейных издательств выделяется по масштабу деятельности издательство Ф. Ф. Павленкова. Он начал свою деятельность в 60-х годах изданием сочинений Писарева. За выступление на похоронах Писарева Павленков, просидев 10 месяцев в Петропавловской крепости, был сослан в Вятку, как «личность с зловредным направлением». Павленков пробыл в ссылке 9 лет, затем был вторично сослан в Тобольскую губ. на год и всю жизнь находился под негласным надзором полиции. В 80-х годах его издательская деятельность, непрерывно продолжавшаяся, приняла небывалый размах. Никакого капитала у Павленкова не было, хотя он был одним из крупных русских издателей. В книге И. Н. Потапенко «Не герой» (СПб., 1896) принципы Павленкова высказывает идейный издатель Калымов, который говорит: «Я смотрю на дело так, что у меня нет своего капитала. Это ка-

питал моих книг, моих изданий. Каждая вышедшая в свет и распроданная книга кормит следующую книгу. Сам же я только приказчик при моих изданиях и получаю от них жалованья ровно столько, сколько мне нужно на мою довольно скромную жизнь».

«При других обстоятельствах и в другой стране Павленков стал бы неувядаемой славой своей страны», — писал о нем Лорис-Меликову литератор В. О. Португалов²¹.

Из выпущенных Павленковым изданий отметим собрание сочинений Д. И. Писарева (в 10 томах), Глеба Успенского (в 8 томах), Ф. И. Решетникова (в 2 томах), В. Г. Белинского (в 4 томах), Н. В. Шелгунова (в 2 томах). В 1894 г. он приобрел право собственности на издание сочинений А. И. Герцена, которое по цензурным условиям смогли реализовать только его преемники после революции 1905 г.

Особенно интересны павленковские серии. Из серий для интеллигенции отметим «Библиотеку полезных знаний» (в 10 книгах), «Популярную научную библиотеку» (в 40 книгах), выдержавшую 7 изданий, «Популярную юридическую библиотеку» (в 11 книгах) и др. Большую просветительную роль сыграла павленковская серия «Жизнь замечательных людей». С 1890 по 1901 г. вышло 190 книжек этой серии (продолжавшейся и далее) тиражом свыше 1,5 млн. экземпляров. Это были прекрасно написанные биографии выдающихся деятелей науки, литературы, искусства и национально-освободительного движения. Для серии писали квалифицированные авторы, историки литературы, критики и публицисты — А. М. Скабичевский, Е. А. Соловьев (Андреевич), М. М. Филиппов и многие другие. В серию включались и биографии знаменитых реакционеров, однако цензура их задерживала: так, не была выпущена книжка об австрийском дипломате Меттернихе, а биография Каткова (1898 г.), которую удалось напечатать в Дерпте, была изъята из продажи.

В общем итоге издательством Павленкова и его преемников (после 1900 г.) было выпущено более 750 изданий тиражом свыше 3,5 млн. экземпляров. Об его изданиях для народа будет сказано ниже.

Отметим также изданный Павленковым в 1899 г. Энциклопедический словарь, предназначавшийся преиму-

ственно для учителей народных школ. Он не раз переиздавался с дополнениями. Большую пользу демократической интеллигенции принес также трехтомный научный Энциклопедический словарь М. М. Филиппова, прилагавшийся к его журналу «Научное обозрение» (СПб., 1901).

В 90-х годах возникло издательство О. Н. Поповой, выпускавшее книги по общественным вопросам.

Крупнейшая роль в деле политического просвещения интеллигенции принадлежала нелегальным и эмигрантским издательствам. Их деятельность была неотъемлемой частью развивающегося революционного движения.

Первым надо назвать издательство А. И. Герцена. Огромный литературный талант Герцена и ведущая роль в общественном движении 60-х годов часто заслоняют эту сторону деятельности его и Н. П. Огарева. А они были не только публицистами, но и умелыми издателями: в изданиях Вольной русской типографии было опубликовано множество общественно-политических документов, «Записок», неизданных мемуаров, запрещенных и рукописных произведений русской поэзии, которые с тех пор стали достоянием русской литературы.

Еще студенты 60-х годов нелегально литографировали и распространяли переводы западноевропейских материалистов, произведения Герцена и Огарева. Эмигрантские издательства 70-х годов печатали произведения Чернышевского и других запрещенных русских публицистов. Особо надо отметить издательскую деятельность М. К. Элпидина в Женеве, продолжавшуюся сорок лет (1867—1907 гг.). Элпидин издал около 180 книг и брошюр, а его книжный магазин широко распространял нелегальные издания. Элпидин напечатал 14 выпусков из серии сочинений Н. Г. Чернышевского, причем первым из них в 1867 г. появился роман «Что делать?» тиражом в тысячу экземпляров²².

Исключительную важность имела издательская деятельность женевской группы «Освобождения труда» во главе с Г. В. Плехановым. С 1883 г. группа систематически выпускала переводы основных работ Маркса и Энгельса²³.

В 1891 г. русскими эмигрантами в Лондоне было создано во главе с С. М. Степняком-Кравчинским издательство «Фонд вольной русской прессы», которое имело

свой книжный склад, издавало и переправляло в Россию запрещенную литературу — сочинения русских писателей и публицистов, сочинения Маркса и Энгельса и т. п.

* *
*

Обратимся теперь к просветительской деятельности интеллигенции в области внешкольного просвещения народа. Потребность народных масс в знаниях была велика. Но стремление передать им эти знания встречало активное противодействие. Реакционные круги создавали собственные формы внешкольного просвещения, пытаясь набить головы крестьян и рабочих монархическо-религиозной трухой. Так было и в лекционной работе, и в издании литературы для народа, и в создании народных библиотек. Борьба за внешкольное просвещение была в отведенных ей легальных формах непрерывной борьбой демократической и реакционной идеологий за влияние на народ.

Лекционная работа для народа возникла в Петербурге в начале 70-х годов в форме популярных лекций естественнонаучного и технического содержания, организованных для солдат и низших слоев городского населения в Педагогическом музее прикладных знаний. Этот музей принадлежал Военному ведомству. Лекции издавались и широко распространялись в виде брошюр по школам, казармам и даже тюрьмам. К 1880 г. их разошлось до 1 млн. экземпляров²⁴.

Лекционная работа постоянно шла в Политехническом музее в Москве: проводились экскурсии и читались популярные лекции по различным вопросам естествознания и техники, приспособленные к пониманию широких масс посетителей. Политехнический музей в этом смысле был первым народным университетом.

К. А. Тимирязев, посетив его в 1884 г., восторженно отзывался, что ни в Лондоне, ни в Париже он не встречал «картины более утешительной». Он видел «толпу самую пеструю, какую по старой привычке могли бы себе представить где угодно, но уже никак не в аудитории. А между тем это факт: эта толпа в аудитории, она составляет аудиторию, внимательно, жадно ловящую слова не сказки, не потешного рассказа, а ставшего доступным ее пониманию научного вопроса»²⁵.

Однако те же аудитории и Педагогического, и Политехнического музеев использовались и казенными «просветителями». Уже в 1872 г. возникла правительственная Постоянная комиссия по устройству народных чтений в Петербурге и его окрестностях, которую целиком назначало Министерство народного просвещения. Она имела целью «внешкольное образование народных масс в религиозно-нравственном и патриотическом направлении», устраивала множество чтений и издала до 1897 г. более 200 книг и брошюр в числе 3,4 млн. экземпляров²⁶. В том же духе энергично действовало Московское общество распространения полезных книг. Оно проводило с 1874 г. не только официальные чтения, но и неофициальные — в казармах, больницах, тюрьмах, на фабриках и заводах; в год — по 400—500 «духовных бесед» и по 600—700 общеобразовательных чтений.

Правительство стремилось подчинить себе такое сильно действующее средство просвещения, как публичные чтения произведений художественной литературы. В декабре 1876 г. были изданы «Правила об устройстве народных чтений» во всех губернских городах: допускались к чтению лишь сочинения, одобренные для этой цели Ученым комитетом министерства. Хотя подобные чтения получили распространение в ряде городов, их культурное значение было весьма ограниченным.

Большой интерес представляет работа интеллигенции в области снабжения народных масс литературой. Деятельность либеральной интеллигенции по распространению литературы для народных школ и созданию бесплатных библиотек возглавлялась комитетами грамотности. Наиболее крупным среди них был Петербургский комитет грамотности, возникший еще в 1861 г. как общественная организация при Вольном экономическом обществе. Создание этого комитета было встречено в либеральных кругах с большим сочувствием. Один из проектов его устава был составлен И. С. Тургеневым. С 1847 г. существовал также и Московский комитет грамотности при Московском обществе сельского хозяйства. Комитеты печатали и рассылали дешевые книжки и брошюры — произведения классиков и частью современных писателей. До 80-х годов они оставались малоподвижными получиновничьими организациями.

С усилением реакции в 80-х годах внимание либе-

рально-народнической общественности притянула легальная просветительная работа. «Распространение народных изданий сделалось как бы святым долгом интеллигентных людей», — писал публицист того времени ²⁷.

К 1885 г. относится открытие первой бесплатной читальни имени И. С. Тургенева в Москве. В Петербурге первые бесплатные читальни открылись в 1887 г.

В конце 80-х годов в члены Петербургского комитета грамотности вошли писатели, педагоги, адвокаты, молодая профессура, либеральные земцы. Число членов комитета возросло со 130 в середине 80-х годов до 1025 в конце 1895 г. Членский взнос повысился до 5 руб.; устраивались концерты и лекции, увеличивавшие капитал общества. В 1880—1895 гг. Петербургский комитет издал и переиздал 126 книг общим тиражом около 2 млн. экземпляров. Оживилась деятельность и Московского комитета грамотности. В 1894 г. он имел 418 членов ²⁸.

Петербургский комитет провел кампанию по сбору средств на сельские библиотеки. Были разосланы десятки тысяч воззваний, привлечена печать, и к концу 1895 г. оказалось собрано свыше 34 тыс. руб. По соглашению с земствами, которые вкладывали и свои средства в эти библиотечки, было направлено на места 110 комплектов книг, по 30 руб.

Инициатива комитетов грамотности привела к тому, что Петербургский и Московский комитеты в 1896 г. были переданы из Министерства государственных имуществ в ведение Министерства народного просвещения. «Московские ведомости» поспешили объявить весьма скромную деятельность комитетов «стремлением нашей интеллигенции захватить, по возможности, в свои руки народную школу и направить ее сообразно своим идеалам и политическим целям» ²⁹. Эта репрессия вызвала массовый уход членов из Петербургского комитета. Оба комитета перестали существовать.

Устройство библиотек в деревне в конце XIX в. было трудным делом. То, что в этой области делалось, было каплей в море. Вятское земство было единственным, которое решило в 1894 г. создать сразу 3 тыс. бесплатных библиотек во всех селах губернии и ассигновало на их первоначальное обзаведение по 5 руб. В некоторых зем-

ствах, особенно в Вятском и Саратовском, имелись книжные склады; в конце века в деревнях было до 700 книжных складов, из них свыше 480 земских³⁰.

Но через народные библиотеки хорошая книга все же не могла дойти до крестьянина и рабочего. За этим строго следило царское правительство. Состав пришкольных библиотек контролировался Учебным комитетом Министерства народного просвещения, а публичные в том числе народные, библиотеки-читальни подчинялись Министерству внутренних дел в лице губернаторов. В 1884 г. губернаторы получили право устранять библиотекарей «несоответствующего образа мыслей», а министр мог указывать местному начальству вредные книги. Министр внутренних дел мог таким образом воспрещать обращение книг и журналов, дозволенных цензурой.

Секретные правила 15 мая 1890 г. устанавливали для народных библиотек специальный ограничительный каталог. Каталог книг, допущенных в бесплатные читальни, включал 3,8 тыс. названий и был наполнен не только низкопробной трухой, но и специальными изданиями, совершенно недоступными для масс. В нем не было ни одного произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского. Н. А. Некрасов и В. Г. Короленко были представлены единичными произведениями.

Официальный, но секретный «Алфавитный указатель произведений печати, с 1884 г. запрещенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях» (СПб., 1903) включал все собрания сочинений или отдельные издания Герцена, Добролюбова, Писарева, Помяловского, Решетникова, Левитова, Нефедова, Благовещенского, Мордовцева, Слепцова, Шашкова, Шелгунова, Златовратского, Каронина-Петропавловского, Короленко, Станюковича, Ивановича (Сведенцева), Брви-Флеровского, Лаврова, Михайловского, Шапова, Сеченова, Л. Толстого, указатель «Книга о книгах», а также Дж. С. Милля с примечаниями Чернышевского, сочинения Спенсера, Луи Блана, Прудона, разумеется, оба тома «Капитала» и многое другое. Под запрет попали старые журналы — «Современник», «Отечественные записки» Некрасова, «Дело», «Русская мысль» (1880—1884 гг.), «Русское слово», «Устой» и др. Одним словом, народу запрещалось читать все то, что составляло в свое время

душу живу передовой литературы и публицистики, все, что было умственной пищей передовой интеллигенции.

Полицейско-цензурные препоны не смогли изолировать рабочих и крестьян России от демократической культуры. Такая изоляция могла держаться только на темноте народных масс. Но к концу века вырос массовый читатель из народа, появилась и доступная для него литература, созданная усилиями передовой интеллигенции. Это были взаимосвязанные процессы.

Создание просветительной литературы для народа было осуществлением давнего заветного стремления демократической интеллигенции. Такая литература должна была открывать глаза трудящимся на мир эксплуататоров, будить протест и звать на борьбу. Создать агитационные произведения, предназначенные для крестьян и солдат, пытались еще петрашевцы. Это дело продолжали революционеры 60-х годов в первых своих прокламациях. В 1860 г. С. С. Рымаренко, вскоре ставший одним из руководителей «Земли и Воли» 60-х годов, проектировал издание легальных книг для народного чтения и устройство специальной лавки для их продажи. Но немногие книги для народа, которые удалось выпустить в это время, сразу вылавливались цензурой. Был уничтожен «Самоучитель для начинающих обучаться грамоте» И. А. Худякова (1865 г.) как «колеблющий в народе религиозные и политические убеждения». Уничтожается «Сборник рассказов», выпущенный в 1863 г. группой педагогов, пытавшихся создать издательскую артель: подозрение возбудил большой тираж и ничтожная цена этой книжечки. «Рассказы о старинных людях», выпущенные издательской артелью переводчиц (стоившие по 10, 15 и 20 коп.), обращают внимание цензуры своим направлением против религии, монархии и основ существующего строя и т. д. В Главном управлении по делам печати в 1866 г. учреждается особый цензурный надзор за книгами, предназначенными для «простолудинов». Возможность легального появления литературы для народа, какой хотела революционная интеллигенция 60-х годов, полностью пресекается.

В то же время изданиями для народа занималось множество искателей наживы. На рынок сыпалась масса лубочных суррогатов литературы, лился поток псевдонародных дидактических произведений в монархическо-

религиозном духе, бесталанных и фальшивых. Коммерческие издательства, вроде «Общества распространения полезных книг» и Товарищества «Общественная польза», выпускали тенденциозные ремесленные поделки, не доходившие до крестьянских масс ни по содержанию, ни по форме³¹.

Издание литературы для народа пыталось взять в свои руки революционное подполье 70-х годов. Народническая пропагандистская литература была замечательным явлением для своего времени. Она выработала свой стиль, приемы подхода к народному сознанию и смогла проверить свое влияние в непосредственном общении с крестьянами и рабочими.

В своем исследовании В. Ф. Захарина выяснила, что расцвет этой литературы падает на 1873—1874 гг., период «хождения в народ», когда было издано 15 нелегальных брошюр, а, кроме того, остались неизданными еще 13 брошюр и прокламаций подобного рода. В 1875—1877 гг. поток этих нелегальных изданий постепенно иссякает. О серьезных задачах, которые ставила народническая пропагандистская литература, свидетельствует, например, С. М. Кравчинский, автор известной «Сказки о Мудрице Наумовне». Используя сказочную форму, доступную для понимания самого широкого читателя, Кравчинский пытался пропагандировать «Капитал» Маркса³².

В письме землевольца Степана Ширяева к П. Л. Лаврову, написанном в декабре 1876 г., высказан интересный взгляд на народную «социально-революционную литературу». Народу такая литература нужна, писал Ширяев, и это доказывается ее широким распространением, причем влияние ее гораздо сильнее, чем влияние прежних прокламаций.

Большинство читателей, писал С. Ширяев, требует краткости, простоты, образности и содержания, непосредственно затрагивающего жизнь. Для них самые подходящие книги — «Хитрая механика», «Сказка о четырех братьях», «Внушителя словили». Дело такой литературы — «помочь вылиться существующим чувствам». Для читателей, имеющих большее развитие и больший досуг, Ширяев проектирует создать литературу по разным отраслям знаний, удачными образцами которой он считает «Древнюю Русь» Худякова и некоторые исторические

монографии Костомарова и Мордовцева. Подобная литература «может прекрасно способствовать созданию в России лучшего, драгоценнейшего типа социально-революционного деятеля — людей народа, могучих, кроме своей кровной, самой близкой связи с народом, — знанием»³³.

Революционные народники не имели возможности создать широкую литературу для народных масс. Но развитие России, разрушавшее неподвижность крестьянского быта, создавало условия для расширения книжного рынка народных изданий. Появились издательства нового типа, завоевавшие этот рынок доброкачественной содержательной книгой.

Первые и очень успешные шаги в этом деле принадлежали издательству «Посредник», которое возникло в 1885 г. и пользовалось издательской базой Сытина. Во главе «Посредника» стояли толстовцы В. Г. Чертков, потом П. И. Бирюков, а с конца XIX в. — И. И. Горбунов-Посадов. «Посредник» стремился распространить моральные принципы, по мнению толстовцев, совпадавшие с духовными запросами народа. Л. Н. Толстой написал более двадцати народных рассказов, имевших большой успех в крестьянской среде. «Посредник» издавал произведения Гаршина, Эртеля, Засодимского, Лескова и многое другое, близкое ему по направлению. Но Г. И. Успенский, например, не дал своих произведений этому издательству, не согласившись на исправления в духе толстовства.

Большое значение деятельности «Посредника», как отмечала Н. К. Крупская, было в том, что он «бросал широкими пригоршнями семена знания в рабочие и крестьянские массы», когда знание было запретным плодом для трудящихся. «И потому издательство «Посредник» привлекло к себе всеобщее внимание. У молодежи «Посредник» будил стремление работать в области популярной литературы»³⁴. Современники могли наблюдать, как книга «Посредника» шаг за шагом вытесняла прежнюю лубочную книгу. Копеечные книжечки «Посредника» попадали в самые дальние углы России, читались и детьми, и взрослыми, поднимали в умах читателей мировоззренческие вопросы³⁵.

Толстовский дух «Посредника» отступал на задний план по сравнению с культурно-просветительским влия-

нием этих книг. Успех «Посредника» дал толчок и другим издательствам. Массовые дешевые издания художественной литературы стали выпускать журналы «Русское богатство» и «Русская мысль». Фирма Сытина также значительно переработала и улучшила свои прежние лубочные издания.

Вместе с тем читатель-рабочий, пользовавшийся народными библиотеками, к концу века перерос «литературу для народа». «Пусть не подумают, что я скептически отношусь к народным изданиям «Посредника», — писал в 1901 г. социал-демократ С. Шестернин, учитывая опыт пяти народных библиотек в Иваново-Вознесенске, — нет, я только утверждаю, что специально народная литература в настоящее время не удовлетворяет ивановского рабочего: он уже перерос эту литературу»³⁶.

В середине 90-х годов цензор Ф. П. Еленев должен был признать, что демократическая литература дошла до народа. Он писал в 1896 г.: «В особенности сильно расходятся и производят вредное влияние небольшие рассказы и повести из народного быта, написанные в социально-демократическом духе (как писали, например, Нефедов и Левитов), и романы того же направления, как оригинальные, так и переводные [...]. Они проникают в самую глубь народа, в деревню, на фабрики, доходя до таких читателей, которые вовсе не читают газет. В этих повестях и романах в живых образах и сценах выражаются популярным языком идеи, которые в газетах и журналах разбрасываются лишь крупными и в изложении, не всегда понятном для народа»³⁷.

Политический уровень рабочего читателя виден из обычного круга чтения рабочих кружков. Здесь кроме русской художественной литературы нарасхват читали нелегальные брошюры: «Объяснение закона о штрафах», написанное В. И. Лениным; «Речи рабочих 1-го мая 1891 г.»; «Царь-голод» — книга, составленная А. Н. Бахом на основе его занятий с рабочими; «Кто чем живет» С. Дикштейна; «Ткачи» Г. Гауптмана; «Речь рабочего Петра Алексеева»; «Наемный труд и капитал» К. Маркса и многие другие. «Рабочие постоянно имеют свои тайные библиотеки, где мало книг, но зато все книги на подбор и постоянно читаются», — писал И. В. Бабушкин в «Искре»³⁸.

Наконец, с конца 90-х годов впервые стала издавать-

ся полноценная научно-популярная литература для народа. Здесь на первом месте стоит издательство Ф. Ф. Павленкова; в 1899 г. оно выпустило «Научно-популярную библиотеку» для народа, серию из 40 книг по всем отраслям естествознания, под редакцией В. В. Лункевича, ценой от 8 до 30 коп. До революции серия эта выдержала 5 изданий.

До 200 популярных книг для народа написал Н. А. Рубакин.

Огромное дело — начало приобщения широких народных масс к культуре и науке — было сделано во второй половине XIX в. силами русской интеллигенции.

10.

ДЕЯТЕЛИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

Революционной интеллигенцией обычно называют более или менее широкую среду интеллигентов, охваченных революционными идеями и настроениями. Это — категория идеологическая. По принятому нами делению интеллигенции на группы, мы отнесем к этой группе людей, выполнявших важнейшую общественную функцию, отвечавшую исторической задаче демократизации общественно-политического строя России во имя интересов трудящихся масс, — функцию борьбы против самодержавия. Эту борьбу вели те, кто работал практически ради этой цели. Практическая деятельность революционеров охватывала и выработку революционных теорий, и пропаганду революционных идей в массах, и организационную работу по умножению и сплочению революционных сил. Эта деятельность в русских условиях была необходимо связана с обстановкой, опытом, навыками революционного подполья.

И теория, и практика освободительного движения в России отражали поиски правильной, целесообразной, действенной стратегии и тактики революционной борьбы. Неизбежен был горький опыт «блужданий и шатаний, ошибок и разочарований революционной мысли в России... Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала...*»¹, — писал В. И. Ленин.

Во второй половине XIX в. Россия пережила две революционные ситуации, две, по выражению В. И. Ленина, «волны революционного прибоя». Первая революционная ситуация, хотя и не достигла достаточной глубины и мощи, чтобы перейти в революцию, стала исходным пунктом буржуазных реформ. Вторая революционная ситуация привела к новой ступени развития освободи-

тельной борьбы. За нею наступил период коренного перелома в идеологии революционной интеллигенции и передовых рабочих — зарождение новой идеологии пролетарского движения, опирающейся на революционную роль рабочего класса. Изменявшаяся историческая обстановка порождала новых революционных деятелей.

Становление революционера — процесс глубоко индивидуальный, но в то же время общественный процесс. Противоречия социальной действительности дают основной материал для созревания революционной мысли. Но осознанию этих противоречий препятствует консервативное мировоззрение, которое воспитывается всей системой надстроечных институтов господствующего класса. Первым необходимым шагом в идейном развитии революционера становится освобождение от традиционного мирозерцания, разрыв с ним. На этом пути огромную роль играет передовая общественная мысль эпохи, властно входящая в жизнь современников.

Интеллигент в России становился революционером, когда его восприятие социальной действительности сливалось с общественной теорией, защищавшей интересы угнетенных классов, и когда он принимал сознательное решение лично участвовать в революционном деле. Подобный психологический процесс много раз был описан в мемуарной литературе.

Перейдем к характеристике основных этапов идейного формирования революционной интеллигенции второй половины XIX в. Прежде всего следует указать на крупнейшее значение, какое имело студенческое движение в общественной обстановке того времени. Студенческое движение было для молодежи школой политического воспитания. Из среды участников студенческого движения вышли многие замечательные революционеры. В капиталистической России это движение было непосредственным симптомом общественного недовольства и отражало борьбу общественных группировок. Оно получало немедленный резонанс и превращалось в существенную часть широкого демократического движения в общерусском масштабе.

Ленин видел в студенчестве самую отзывчивую часть интеллигенции и поэтому признавал «необходимой и неизбежной» наличность «в студенчестве тех групп, какие есть в обществе»².

Студенческая среда в целом не была единой. В студенческих волнениях почти до конца века участвовало меньшинство учащихся. Значительная часть студенчества была политически инертной, а небольшая часть — и явно реакционной. Тем не менее именно в этой среде зарождались и получали развитие элементы революционного протеста и революционной активности. Среди студентов были «белоподкладочники», искавшие только карьеры, академисты, отгораживавшиеся от жизни вопросами «чистой науки», и т. д. Но созданный реакционной печатью стереотип «студента» обозначал именно «бунтовщика» против власти. Русские университеты, писал Г. В. Плеханов, «создавая карьеристов... создают, между прочим, и революционеров». В. И. Засулич признавала революционным русское общество в целом, поскольку часть его молодежи становится революционной. Наиболее впечатлительные и правдивые юноши, писала Засулич, которым противны гражданская скорбь и негодование на правительство на словах и заботы о «частном довольстве» на деле, «разрывают с обществом, составляют себе идею общего блага и идут бороться за нее, не считая ни жертвы, ни сил, отбросив всякие помышления не только о выгодах, но и о самой жизни». Общество, «бессознательно толкая на опасность и бесчисленные страдания своих собственных детей», тем самым выполняет одну из своих революционных задач³.

Радикальная молодежь — передовой отряд «широкой, не вполне еще определенной в классовом отношении, но бесконечно угнетенной и эксплуатируемой народной, особенно крестьянской, массы», — писал В. И. Ленин в 1905 г.⁴ Зарождение стихийного протеста в инертной студенческой массе наблюдал и описал В. Г. Короленко. «Не вопросы о столовых или землячествах, не частные вопросы академического быта, а полное отсутствие уважения к основам строя — вот что периодически потрясает нашу молодежь», — писал он⁵.

Студенческое движение 60—90-х годов отражало все повороты освободительного движения, было необходимой частью революционного процесса. В потоке студенческих волнений можно проследить два часто сливающихся русла: движение в защиту студенческих прав и интересов, связанное с внутренней жизнью высшей школы, и участие в широком демократическом движении,

все более открыто принимающем характер борьбы с самодержавием.

Студенческие выступления, в дореформенной России обычно направлявшиеся против отдельных представителей профессуры, в период первой революционной ситуации приняли ярко политический оттенок. Первой из таких политических демонстраций была устроенная казанскими студентами панихида по крестьянам, расстрелянным в с. Бездне при введении Положения 19 февраля 1861 г.

Волнения 1861 г. в Петербургском и Московском университетах, стычки студентов с полицией и войсками, массовые аресты студентов, проявления солидарности с арестованными товарищами, горячее сочувствие общества студентам — все это создавало высокую оценку силы студенческого движения как начала какого-то нового этапа «открытых действий». Передовая общественность видела в студентах «молодое поколение» — будущую руководящую силу ожидаемой крестьянской революции.

Для первой революционной ситуации характерным признаком были также коллективные формы протестов в среде учащихся высших военных училищ и военных академий.

Студенческое движение приучало к участию в общественной борьбе. Студенчество было не «посторонним посетителем» университетов и институтов, а полноправным участником своих, легально не допущенных, но фактически весьма активных организаций. Оно создавало и объединения землячеств, и общестуденческие объединения, выпускавшие свои нелегальные журналы.

В Горном институте, например, принятые студенты давали подписку не вступать ни в какие сообщества, но для них сразу же становилась доступной нелегальная библиотека, а после Нового года первокурсников вводили во все их нелегальные «права». Студенты устраивали свои балы и концерты в пользу «недостаточных», но часть собранных средств обычно передавалась для помощи политическим заключенным. Одесские студенты в начале 80-х годов посылали газеты и журналы из своей читальни сибирским ссыльным, а студенческий комитет при кухмистерской посылал в одесские тюрьмы еду для политических, не имевших помощи от родных. Когда

в декабре 1882 г. в одесской тюрьме вспыхнула голодовка политических заключенных, продолжавшаяся десять дней, студенты засыпали общество своими прокламациями по поводу этого «голодного бунта»⁶.

По мере роста студенческого движения его характерной чертой становилась все большая солидарность, проявлявшаяся во взаимной поддержке не только различных вузов, но и разных городов. Эта солидарность проявилась особенно сильно в конце 70-х годов, в период второй революционной ситуации, когда волнения студентов широко разлились по университетам и институтам. Так, в марте 1878 г. волновались киевские студенты, а в начале апреля высланных киевлян встречала и провожала по Москве демонстрация московских студентов. У Охотного ряда студенты были зверски избиты торговцами-мясниками, и это вызвало новые волнения в университете и возмущение в обществе. В ноябре того же года волнения в Харьковском университете и Ветеринарном институте нашли отклик в Петербургском университете и Медико-хирургической академии.

В Петербургском университете на сходках в 1878 г. замечается небывалое до того явление — присутствуют рабочие с фабрики Торнтон. В письме за границу Степана Халтурина, организатора Северного союза русских рабочих, отражен большой интерес рабочих к студенческому движению. Халтурин подробно описывал тогдашние события в Харькове, разгон сходки ветеринаров казаками, избиение больного студента и вызванное этим негодование, обращение харьковских студентов за поддержкой к петербургским медикам и путейцам. Халтурин сообщал о готовившейся в Петербурге студенческой демонстрации с участием рабочих, не состоявшейся, однако, вследствие того, что студенты университета «убоялись войск и объявления с угрозами выдать университет полиции»⁷. Подробные описания этих событий и текст адреса наследнику, поданного студентами, появились в нелегальной газете «Земля и Воля».

С осени 1879 г. началась энергичная борьба студенчества против вводимых правил об инспекции. Петербургские студенты собрали более 1300 подписей под своим протестом. Студенты университета и Технологического института договорились о взаимной поддержке. Бурные сходки с протестами против инспекции сотря-

сали Московский университет в конце 1880 г. На университетском акте 8 февраля 1881 г. петербургские студенты поддержали выступление, организованное народо-вольцами, против «лживой и подлой политики правительства». Министр народного просвещения Сабуров получил пощечину от студента П. П. Подбельского. В следующем году на университетском акте студенты освистали министра Николаи.

В мае 1882 г. одесские студенты послали ректору Ярошенко письмо за 95 подписями, требуя его ухода, так как при нем лучшие профессора, составлявшие гордость университета, вынуждены были оставить университет.

Сильные волнения петербургских студентов осенью 1882 г. были связаны с их отказом благодарить миллионера-хищника С. Полякова, который подарил университету студенческое общежитие. Одновременно волнения охватили Лесной институт, университет и Ветеринарный институт в Казани, университет в Харькове. В 1883 г. волновались агрономы и лесники Ново-Александрийского института и студенты Варшавского университета. В Киеве в 1884 г. студенты напали на дом ректора, по доносу которого был выслан профессор Мищенко. Университет был закрыт.

В 1884 г. Московский центральный кружок Общественного союза распространил обращение «К русскому обществу» по поводу закрытия «Отечественных записок», призывая выразить сочувствие «великому писателю-гражданину Салтыкову и его сотрудникам» и протест и негодование русскому правительству. Адрес Салтыкову, посланный студентами разных вузов, собрал более 600 подписей. В том же году московские студенты устроили враждебную демонстрацию против Каткова, который вдохновлял и поддерживал реакционную политику Министерства народного просвещения.

Новая волна протеста охватила студенчество осенью 1887 г. против устава 1884 г., против инспекции и реакционного начальства. Сигнал был дан в Москве: 22 ноября студент-юрист А. Синявский публично ударил ненавистного инспектора Брызгалова, чтобы вызвать его увольнение. 26 ноября на улицах Москвы произошло побоище студентов с полицией. Волнение немедленно перекинулось в другие города. В Одессе студенты тре-

бовали отмены устава. Получив гектографированное письмо о московских событиях, студенты Казанского университета и Ветеринарного института присоединились к протесту. Студенты Петербургского университета организовали протест против нового ректора, реакционера Владиславлева.

Крупнейшие волнения охватили высшую школу в конце 80-х годов. Сигналом послужил протест одесских студентов в ноябре 1889 г. против исключения и высылки евреев, участвовавших в посылке венка от студентов на могилу Чернышевского. Студенты обратились к другим университетам с воззванием о поддержке. Студенческое центральное бюро, возникшее в Москве в связи с нелегальным съездом студенческих кружков и землячеств, выработало и широко распространило единую программу студенческих требований, которую в дальнейших выступлениях и выставляли отдельные университеты.

Одновременные выступления студенчества в разных городах начались с марта 1890 г. В Петровской академии, где в это время вводился новый устав, студенты просили об уничтожении единоличной власти директора и смещении тогдашнего директора. За арестованных петровцев вступились студенты Московского университета, в свою очередь подвергшиеся массовым арестам. В Петербурге волновались студенты Технологического и Лесного институтов. Студенты Петербургского университета при посредстве Д. И. Менделеева отправили свою петицию-программу Делянову. Волновались студенты Харьковского университета и Ветеринарного института, студенты Ново-Александровского института.

Следует отметить такие выступления студенчества, как организация демонстрации в 1896 г. в память погибших в ходынской катастрофе при коронации Николая II. Союзный совет студентов в Москве призывал москвичей принять участие в панихиде на Ваганьковском кладбище. Демонстрация, в которой приняло участие около 600 студентов, не была допущена на кладбище полицией, и в результате многочисленных арестов около сотни студентов было выслано из города.

В марте 1897 г. все студенчество было потрясено самоубийством бестужевки М. Ф. Ветровой в одиночке Петропавловской крепости. В демонстрации, собравшейся с целью организовать панихиду по Ветровой

в Казанском соборе, приняли участие студенты и курсистки 14 высших учебных заведений столицы.

Большой организованности достигло движение в 1899 г., обнаружив силу сложившейся солидарности студентов. 8 февраля студенты Петербургского университета, сорвав университетский акт, вышли на демонстрацию и были жестоко избиты полицией. По этому поводу все высшие учебные заведения Петербурга организовали забастовку — новая форма протеста, явно связанная с влиянием поднимающегося рабочего движения, — требуя расследования и наказания виновных. В каждом учебном заведении города возникли студенческие организационные комитеты, выпускавшие информационные бюллетени о ходе забастовки. Регулярные бюллетени выпускали университет, Бестужевские курсы, Технологический, Горный институты, Институт инженеров путей сообщения, Лесной институт. К забастовке присоединились высшие учебные заведения других городов — Москвы, Киева, Одессы, Харькова, Дерпта, Риги, Томска, Казани, Варшавы, между ними поддерживалась постоянная связь. В забастовке приняло участие около 25 тыс. студентов 30 высших учебных заведений России.

В июне 1900 г. в Одессе нелегально собрался первый общестуденческий съезд, поставив задачу организовать все русское студенчество для выражения «протестов по поводу явлений академической, общественной и политической жизни»⁸. Студенческое движение конца XIX в. характеризовало начало новой революционной ситуации, когда лидером освободительного движения становится уже рабочий класс. Но этот период выходит за рамки данного исследования.

Наряду с участием в студенческом движении революционная молодежь оказывалась в первых рядах во всех публичных выступлениях демократической интеллигенции, которые наполняли общественную жизнь того времени. Молодежь бросала цветы стоявшему на эшафоте Чернышевскому, приветствовала долгушинцев на месте их гражданской казни, с радостным торжеством встречала оправдание Веры Засулич. Она превращала в политические демонстрации похороны товарищей, погибших в тюремном заключении и умерших в ссылке. Крупными общественными событиями становились похороны

любимых писателей — Писарева, Некрасова, Достоевского, Тургенева. На похоронах Тургенева (1883 г.), тело которого было привезено из-за границы, полиция с ног сбилась, чтобы не допустить демонстраций по пути, а тем более в Петербурге.

17 ноября 1886 г. широкие круги петербургской интеллигенции чествовали память Добролюбова — 25-летие со дня его смерти. (В 1861 г. его провожало всего полсотни единомышленников.) Теперь у Волкова кладбища собрались сотни людей. Полиция не пропустила их на кладбище, разрешив только делегациям положить венки на могилу. У ворот кладбища возник митинг с пением революционных песен, а затем огромное шествие двинулось в город к Казанскому собору. Оскорбительные действия полиции, задержавшей сотни людей, которые не подчинились приказу расходиться поодиночке, последовавшая высылка многих участников демонстрации — все это усилило настроения политического протеста. В прокламации по поводу событий Добролюбовской демонстрации студент Петербургского университета А. И. Ульянов писал: «Итак, всякое чествование скольконибудь прогрессивных литературных и общественных деятелей, всякое заявление уважения и благодарности им даже над их гробом есть оскорбление и враждебная демонстрация правительству». Но такие манифестации «поднимают дух и бодрость общества, указывая ему на его силу и солидарность, они вносят в его серую обывательскую жизнь проблески общественного самосознания»⁹.

С большой скорбью отзывалось общество на смерть испытанных борцов революционной демократии — Чернышевского, Салтыкова, Шелгунова. На похороны Чернышевского в Саратов были посланы студенческие делегации. Похороны Н. В. Шелгунова в Петербурге 15 апреля 1891 г. приняли характер публичного протеста против самодержавия. В них участвовало 6—7 тыс. человек. Из Петербурга были высланы писатели П. В. Засодимский, выступавший у могилы, и Н. К. Михайловский. Из Москвы были высланы десятки студентов, пытавшихся организовать панихиду по любимому публицисту.

Надо отметить, что во всех этих выступлениях демократической общественности начиная с 80-х годов уча-

ствовали передовые рабочие, внося свои усилия в борьбу против реакционного гнета. Более ста рабочих шло за гробом Н. В. Шелгунова с венком «Указателю пути к свободе и братству от петербургских рабочих». «От рабочих — защитнику угнетенных» — такой венок был принесен в числе других на могилу писателя Н. Е. Петропавловского-Каронина, умершего в Саратове в 1892 г.

Студенческое движение было для молодежи непосредственным опытом политической жизни. Студенческая среда становилась благоприятной почвой для зарождения и развития революционных кружков и выделяла выдающихся деятелей революционного движения. Из студентов, сидевших в Петропавловской и Кронштадтской крепостях за участие в волнениях 1861 г., вышли многие деятели «Земли и Воли» 60-х годов. Из кружков военных училищ 60-х годов вышли многие участники освободительного движения, люди, сочувствовавшие и помогавшие польскому восстанию. Из кружка студентов Медико-хирургической академии, под руководством М. А. Натансона распространявших в 1869—1870 гг. общественно-политическую литературу, вышли будущие чайковцы и землевольцы. Студенческая молодежь разных вузов деятельно участвовала в «хождении в народ».

Складывавшиеся революционные организации неизменно стремились охватить студенчество своим влиянием и создать себе опору в его среде. Так, «Народная Воля» имела сильную группу в Петербургском университете, которой руководили А. И. Желябов и С. Л. Перовская. Члены народовольческой группы организовали демонстрацию на акте 1881 г., о которой упоминалось выше. Выступавший тогда с речью Л. М. Коган-Бернштейн и ударивший министра П. П. Подбельский были сосланы на каторгу. В конце марта 1881 г. народовольцы подготовили выступление в Московском университете на докторском диспуте И. И. Иванюкова, защищавшего диссертацию об экономическом учении К. Маркса. Студент П. П. Викторov подчеркнул революционное значение теории Маркса и вместе с тем подробно обосновал программу «Народной Воли». Викторov был немедленно исключен и сослан в Сибирь.

Первые марксистские организации в России встречали поддержку среди передового студенчества главным

образом технических вузов. Созданная Д. Н. Благоевым в конце 1883 г. «Партия русских социал-демократов» охватила около 30 студентов Петербургского университета, Технологического и Лесного институтов и Военно-медицинской академии и имела много сторонников среди студенчества.

Студенты деятельно участвовали в издании и распространении революционной литературы. Возникшая в 1882—1884 гг. в Московском университете нелегальная организация «Общество переводчиков и издателей» под видом литографирования лекций выпустила ряд переводов Маркса и Энгельса. Она издавала также находившие большой спрос произведения Лассалья и Луи Блана, речь Мышкина на процессе «193-х», «Исторические письма» Лаврова, «Подпольную Россию» Степняка-Кравчинского и т. п.

Сложившаяся в 1889—1892 гг. «Петербургская социал-демократическая организация» (группа М. И. Бруснева) объединила участников студенческих кружков, тяготевших к марксизму (среди них наиболее видная роль принадлежала студентам-технологам М. И. Брусневу, Л. Б. и Г. Б. Красиным и др.), и участников существовавших в это время рабочих кружков. Группа вела на высоком уровне пропаганду марксизма среди передовых рабочих. Из этой группы, как из интеллигентов, так и из рабочих, вышли многие деятели ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Социал-демократический кружок под руководством В. В. Воровского, активно связанный с рабочими кружками Москвы, имел опору и среди студентов Московского технического училища. По некоторым сведениям, в 1894 г. студенты этого училища братья Масленниковы и инженер Ганшин печатали на мимеографе рукопись В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов»¹⁰. Студент А. А. Ванновский был делегатом Московского союза борьбы на I съезде РСДРП в Минске в 1898 г., а затем три студента училища вошли в состав Московского комитета РСДРП. Особенно заметную роль играли социал-демократы училища в революционный период 1905 г.

Марксистские кружки возникли среди студентов Рижского политехнического института (с 1899 г.), Дерпт-

ского университета (с 1894 г.), в числе которых был В. Л. Шанцер (Марат) ¹¹.

Деятельное участие студенческой молодежи в общественной борьбе своего времени навлекало на нее непрерывные репрессии. В расправах со студенчеством главный упор делался на массовость наказаний. Заметная роль студента на сходках и на демонстрациях влекла исключение из высшего учебного заведения, иногда без права поступления в другие, и обычно административную высылку из университетского города под надзор полиции. Более серьезное выступление вело к ссылке в Сибирь. Студент, поднявший руку на начальство, немедленно, по высочайшему повелению, отдавался в солдаты в дисциплинарный батальон.

Напомним некоторые наиболее крупные репрессии над студенчеством. В 1887 г., по правительственным преуменьшенным данным, были исключены 261 студент из университетов и 133 студента из специальных вузов. Универсанты в числе исключенных преобладали, но по соотношению уволенных к числу учащихся, т. е. по степени общественной активности, на первом месте стояли обычно технологи, ветеринары, агрономы. Около половины уволенных приходилось на мещан и другие «низшие классы».

В марте 1890 г. было исключено из высших учебных заведений 316 человек ¹², в том числе из маленького Ново-Александровского института 120 человек. Во время студенческих забастовок 1899 г. практиковалось поголовное увольнение студентов. При обратном приеме начальство проводило тщательный отбор. Студенты, исключенные университетскими властями, попечителями и министром, попадали во власть полиции. Московская профессура собрала сведения о выбывших из этого университета с ноября 1887 по март 1899 г. В общей сложности по постановлению правления университета было уволено 1394 человека, а вследствие ареста и административной ссылки было 508 человек ¹³.

Отметим здесь одну из характерных черт, связанных с ролью интеллигенции в революционном движении: несмотря на абсолютный рост числа репрессированных студентов, удельный вес студенчества среди репрессированных к концу века неизбежно понижался по мере вовлечения в движение демократических масс. Об этом

дают представление материалы биобиблиографического словаря «Деятели революционного движения в России», а также некоторые правительственные источники¹⁴.

За 60-е годы в указанном словаре учтено 1256 репрессированных (мы считаем только тех, о которых имеются документальные архивные сведения). Среди них учащихся и недавно окончивших высшие и средние учебные заведения, т. е. еще не имевших трудовых занятий, насчитывается 762 человека — более 60%. За 70-е годы из 5664 лиц, включенных в словарь, студенты и вольнослушатели высших учебных заведений составляют 2023 человека — свыше 35%. Из них на первом месте стоит Медико-хирургическая академия, затем Технологический институт, Петербургский университет, Киевский и Московский университеты, Петровская академия и т. д. По данным о привлеченных к дознанию за 1884—1890 гг., учащиеся всех видов составляют 1095 человек — всего 25,4%.

Вернемся к вопросу об этапах идейного формирования революционеров. В изучаемое нами время в России было несколько периодов, когда появлялись более или менее значительные группы интеллигенции с революционным мировоззрением. Основные из этих периодов были связаны с первой революционной ситуацией (конец 50-х — начало 60-х годов), «хождением в народ» (первая половина 70-х годов) и появлением марксизма в России как новой научной теории социализма (середина 80-х годов).

Первая революционная ситуация глубоко всколыхнула общественную жизнь России. С падением крепостного права критически переоценивалось наследство дворянской культуры, складывались новые формы общественного быта. Передовая мысль создала идеал «нового человека», сбросившего груз религиозных и сословных «предрасудков», строившего свое поведение на принципе «разумного эгоизма», выше всего ценившего «развитие». Передовые люди этой эпохи осознавали, что крестьянская реформа была обманом народа, и напряженно ожидали взрыва народного гнева. В этой обстановке и было найдено решение вопроса, что делать для народа. Революционеры 60-х годов определили свою главную задачу как пропаганду революционных идей народу и подготовку интеллигенции к этой пропаганде.

Об этом говорили все подпольные прокламации 60-х

годов. В первой же из них («К молодому поколению», 1861 г.) Н. В. Шелгунов учил молодежь «говорить с народом и солдатами», объясняя им силу народных масс по сравнению с немногочисленной кучкой угнетателей, и звал интеллигенцию готовиться к своей революционной роли: «Составляйте кружки единомыслящих людей, увеличивайте число прозелитов, число кружков, ищите вожаков, способных и готовых на все».

Революционная деятельность в России вплоть до 1905 г., по выражению В. И. Ленина, «совпадала с деятельностью «политических преступников»...». Умением работать в подполье во многом определялось различие между «борьбой с самодержавием», которую вела «легальная оппозиция» — «земства, либеральные общества вообще, либеральная печать», и «борьбой против самодержавия», за ниспровержение самодержавия, которую вели лишь революционеры¹⁵.

В 60-х годах во весь рост была поставлена задача создания подпольных организаций и их объединения. Попытка организации тайного общества «Земля и Воля» (1861—1863 гг.) во всероссийском масштабе была огромным шагом вперед в развитии освободительного движения. «Земля и Воля» объединила разрозненные мелкие кружки, дав им практическую цель пропаганды самых насущных революционно-демократических идей: земля крестьянам и участие во власти народу. «Всю силу организации мы видели прежде всего и больше всего именно в пропаганде, исходя из ужасной темноты народной массы, немногим меньшей — начавшего оформляться рабочего и минимального политического развития чиновничества и служилого класса вообще», — писал А. А. Слепцов, один из организаторов «Земли и Воли»¹⁶.

Чернышевский поднял на большую высоту образ профессионального революционера. Изображая Рахметова, он предугадывал появление в России в недалеком будущем многочисленных революционеров-интеллигентов, посвящающих свою жизнь подготовке народной революции. В чертах Рахметова были обобщены убеждения и стремления революционеров-демократов 60-х годов. «Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь», — отзывался В. И. Ленин о романе «Что делать?». «Под его влиянием сотни людей делались революционерами[...] он меня всего глубоко перепахал». Величайшую заслугу Черны-

шевского В. И. Ленин видел в том, что писатель «не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером», но показал и «каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления»¹⁷.

Тип общественного деятеля — профессионального революционера, подпольщика — появлялся в немногих европейских странах лишь в обстановке национально-освободительной борьбы народа, поработанного чужеземным завоеванием. Он был чужд капиталистическим странам с парламентарным строем и более или менее развитыми конституционными правами. В России тип профессионального революционера складывался исторически вместе с эволюцией общественных и классовых целей революционного движения. Как реальный элемент в общественной жизни России профессиональный революционер появился в 60-х годах. Это были немногие, кто посвятил себя целиком революционной пропаганде и организации революционных сил. Соответственно этой цели они строили свою жизнь. К ним относились, конечно, Чернышевский и выдающиеся деятели «Земли и Воли»; ни тюрьмы, ни ссылки не могли заставить их отказаться от революционной работы. Таковы П. Заичневский, М. Муравский, Я. Бекман, Н. Серно-Соловьевич и др.

Профессиональным революционером был молодой офицер Андрей Потебня. Он был одним из создателей и руководителей подпольной офицерской организации в частях русской армии в Польше, предназначенных для подавления назревавшего в крае восстания. Армейская организация, охватившая несколько сот участников (по «Словарю деятелей освободительного движения в армии» В. А. Дьякова — 539 человек)¹⁸, влилась в общество «Земля и Воля». Она должна была поддержать польское восстание, с тем чтобы в дальнейшем перенести революционную борьбу против царизма в Россию. Потебня погиб в рядах польских повстанцев в первые недели восстания, и армейская организация не смогла развернуть свои действия.

Важно отметить, что в отношениях деятелей «Земли и Воли», в том числе Герцена и Огарева, к национально-освободительной борьбе польских революционеров про-

явилось понимание интернациональной общности революционных целей. Вместе с тем опыт практического действия польской партии красных в период восстания 1863 г. не прошел бесследно для русских революционеров. Создание подпольным правительством (Жондом народовым) прочных повсеместных организационных связей, упорная террористическая борьба против представителей царской власти — все это несомненно нашло отражение в позднейшей деятельности народнического и народовольческого подполья.

Вторым важным этапом в формировании кадров революционеров было движение, связанное с осуществлением пропаганды в народе. В 60-х годах такая пропаганда была еще в зачаточном состоянии. В 70-х годах задача революционной пропаганды в народе созрела как ближайшее и реальное дело. «Демократ размышлял о расширении прав и свободы народа, облекая эту мысль в слова о «долге» высших классов перед народом» — так определял В. И. Ленин социальное содержание идеи долга народу¹⁹. Эта идея была широко распространена и пользовалась признанием даже в кругах либеральной общественности. В ней содержались разные смысловые оттенки. Кто платил долг народу, тот не был самим народом, стоял вне его, его позиция приближалась к покаянию. «Кающийся дворянин» (выражение Н. К. Михайловского) был далек от революционного действия. Долг народу мог быть уплачен разнообразными средствами, в том числе и культурно-просветительной работой.

Революционной эта формула становилась, когда в нее вносилось условие революционного действия. Кто хотел «жить честно», должен был последовательно «отрешиться от старого мира», уйти «от ликующих, праздно ботающих, обгагрющих руки в крови», в мир трудового народа и посвятить жизнь революционным целям. Именно такой подтекст видели читатели в «Исторических письмах» П. Л. Лаврова, вышедших легальной книгой в 1870 г. Книга, как свидетельствуют современники, имела исключительный успех. В ней искали и находили необходимый ответ на назревшие вопросы. Ее характеризовали как «революционное евангелие», она внушала «идейный энтузиазм», охватывавший «безмерною жаждою жить для благородных идей и умереть за них»²⁰.

П. Л. Лавров обосновал идею долга народу в философском и историческом плане. Поскольку развитие цивилизованного меньшинства куплено кровью, страданиями или трудом миллионов, доказывал Лавров, «зло надо *зажить*». «Я сниму с себя ответственность за кровавую цену своего развития, если употреблю это самое развитие на то, чтобы уменьшить зло в настоящем и в будущем». Нравственная обязанность расплачиваться за прогресс лежит на «критически мыслящих личностях». Эта уплата состоит в «посильном распространении удобств жизни, умственного и нравственного развития на большинство, внесении научного понимания и справедливости в общественные формы»²¹.

Идея революционного долга перед народом и лежала в основе практических действий всех народнических организаций, начиная от чайковцев и до народовольцев. Она могла порождать высокий подъем революционной активности. Кружок чайковцев учил интеллигенцию, что пользоваться несправедливым и безнравственным общественным устройством для удовлетворения своих личных потребностей недостойно честного человека. Ему нет другого выхода, как отречься от всех привилегий рождения и образования и идти в народ проповедовать справедливость, равенство и свободу²². Кружок долгушинцев в прокламации «К интеллигентным людям» звал «идти в народ, чтобы возбудить его к протесту во имя лучшего общественного устройства».

Здесь следует отметить воздействие на русских революционеров 70-х годов такого всемирно-исторического события, как Парижская коммуна. Героическая картина «громального города, восставшего на защиту народных прав», борцов, умирающих «за освобождение рабочего — за великую социальную идею нашей эпохи», дала толчок русскому движению. Парижская коммуна была, по выражению С. М. Кравчинского, «искрой», которая превратила скрытое революционное брожение и недовольство «во всеобщий взрыв»²³, т. е. в «хождение в народ». В этом периоде народническому движению было свойственно отрицательное отношение к задачам политического переворота, в котором, как учил опыт революционных движений XIX в., народные массы оказывались лишь орудием в руках буржуазии, приходившей к власти. Но подобный аполитизм вовсе не был ни отказом от революционных

средств борьбы, ни признанием необходимости реформ и мирной социалистической пропаганды. Он выражал признание необходимости прямого обращения к народу и подготовки восстания самих трудящихся масс во имя своих интересов.

«Хождение в народ» было в крупном масштабе переходом идей в действие. Голод 1873—1874 гг. в Поволжье и других местах подтверждал, в каком безвыходном состоянии находилось крестьянство после реформы, наглядно показывал закабаленность беспомощного, отданного во власть мироедов народа. «Хождение в народ» интеллигенции началось именно в то время, когда народники ожидали, что обострение крестьянских бедствий ускорит народное восстание. Многие участники очень серьезно готовились к предстоящему действию. Они, по словам В. Г. Короленко, смотрели на хождение в народ «не как на революционную экскурсию с временными пропагандистскими целями, а как на изменение всей жизни»²⁴.

Молодежь, собиравшаяся идти в народ, обдумывала наиболее эффективные условия для своей работы. В реферате бакуниста А. И. Ливанова, обсуждавшемся в 1874 г., подробно разбирался вопрос, «какое положение наиболее удобно для сближения с народом» и для нелегальной деятельности. Автор признавал наилучшим в этом смысле положение «работника мускульного труда». Удобным считалось также положение конторщиков на фабриках, сельских учителей и учительниц, фельдшеров и фельдшерлиц, волостных и сельских писарей и т. п.²⁵ Большая часть будущих пропагандистов признавала необходимым овладение каким-либо ремеслом, столярным или кузнечным мастерством и т. п., т. е. полный отказ от социальной роли интеллигенции и от ее привилегий, связанных с образованием.

«Хождение в народ» было крупным этапом в революционном движении. Количество людей, участвовавших в нем, превышало 2 тыс., причем половина из них вела революционную пропаганду в деревне²⁶. Многие участники «хождения в народ» стали позже профессиональными революционерами, деятелями «Земли и Воли» 70-х годов и «Народной Воли».

В 70-х годах, как и в 60-х, внимание революционеров сосредоточивалось на вопросах организации и укрепле-

ния подполья. Крупные провалы, ликвидировавшие поход пропагандистов в деревню, остро подтвердили необходимость новых форм подпольной организации. На процессе «193-х» И. Н. Мышкин выразил представления тогдашних революционеров начала 70-х годов об организационной стороне своей работы. Мышкин и другие участники «хождения в народ» признавали себя не членами тайного общества, а частью «социально-революционной партии». Под партией, объяснял на суде И. Н. Мышкин, понималась вся масса лиц одинаковых убеждений, внутренне связанная единством целей и большим или меньшим образом средств практической деятельности. Принадлежность к такой партии, по его мнению, еще не являлась принадлежностью к организации. Такой взгляд отражал положение вещей, когда народнические организации были собственно кружками, которые строились на основе взаимного доверия и даже личных симпатий товарищей. Прием нового члена такого кружка связывался с его моральной оценкой и с его способностью «к исполнению хоть одной из главных функций» организации. Имущество членов должно было становиться собственностью организации. Признавалось полное равенство членов в несении административных обязанностей и т. д.²⁷

В недооценке централизующей роли руководства сказывались не только признаки кружковщины; в них отразилось негативное влияние известного «Катехизиса революционера», написанного Нечаевым и Бакуниным. Этот документ уставного типа, в свое время расшифрованный на процессе нечаевцев в 1871 г. и тогда же опубликованный в «Правительственном вестнике», был единодушно осужден революционной средой. Демократические идеи извращались в нем до полной противоположности. Идеей преданности революции подкреплялась система иерархии, где руководители бездушно использовали подчиненных им работников как «революционный капитал», применяя методы обмана и провокации. Это сделало «нечаевщину» символом иезуитского отношения к революции. Однако в историческом плане «нечаевщина» отразила в какой-то мере поиски новых форм объединения революционных сил в период их ослабления и разброда в конце 60-х годов после разгрома наиболее значительных тогдашних организаций.

Теперь кружковые организационные принципы народников стали тормозом движения. Отсутствие прочной организации осознавалось как растрата сил без следа. Южные бунтари-бакунисты исчезли, не оставив традиций, «их родословное дерево прервалось; как каракозовцы, нечаевцы, долгушинцы, они были вырваны с корнем. . .» — писала В. Н. Фигнер. Наличие же революционной организации «обеспечивало преемственность, накопление опыта и постепенную выработку высшего типа организации»²⁸.

Необходимость новой формы организации выдвинула и новый тип профессионального революционера, ярко воплотившийся в деятельности Александра Михайлова и многих других землепользователей. Идея А. Д. Михайлова об обязательности дисциплины, централизованности в работе, серьезного и ответственного отношения к подпольной конспирации была насущно необходимой для дальнейшего развития революционного движения. Новый организационный принцип показал свою жизнеспособность в организации «Земли и Воли» 70-х годов, а затем и «Народной Воли».

На процессе «20-ти народовольцев» А. Д. Михайлов так определил новое достижение революционного опыта: «Партия — это солидарность мысли, организация — солидарность действия». «Партия — это неопределенная группа людей единомыслящих, не связанная между собой никакими взаимными обязательствами. Организация же, кроме неперемennого условия единомыслия, предполагает уже известную замкнутость, тесную сплоченность и полную обязательность отношений. Партия заключает в себе организацию, но последняя определенно ограничена в себе самой»²⁹.

Устав Исполнительного комитета «Народной Воли» наряду с прежними высокими этическими требованиями к революционеру содержит уже новые черты. Он требует от члена комитета отказа от индивидуальной воли, подчинения воле большинства. Созданные на новых принципах «Земля и Воля» и «Народная Воля» остались в истории классическими образцами централизованного революционного подполья того периода, когда массового движения еще не было.

Выдвинутая практикой и затем политически осмысленная идея единоборства с самодержавием путем ин-

дивидуального террора была связана с отсутствием массовой опоры, обусловлена слабостью интеллигентских сил³⁰. Но эта же идея укрепляла веру борцов в свои силы. Она обладала огромным обаянием героизма, гордости, непримиримости, порождая новые кадры профессиональных революционеров. Поэзия подвига (выражение Плеханова) озаряет характеры революционных народников. Это люди большого душевного здоровья, с полнотой жизненных сил, с жадой благородного захватывающего дела. «Мы ничуть не жалеем, что приходится умирать; ведь мы же умираем за идею», — писал Валериан Осинский перед казнью в 1879 г. Он жалел только о том, что мало сделал, и желал товарищам «умереть производительнее нас». Вера Фигнер видела в своих товарищах-народовольцах людей необыкновенной духовной силы и цельности. «Жизнерадостность была отличительным свойством Желябова», — отмечает она. «Ангелом мести», настоящим героем по смелости и отваге называет она А. И. Баранникова. Для самого Михайлова период судебного процесса был «счастливым временем». «Приятно даже под страхом десяти смертей говорить свободно, исповедать свои убеждения, свою лучшую веру. Приятно спокойно взглянуть в глаза людям, в руках которых твоя участь. Тут есть великое нравственное удовлетворение»³¹.

Что мы знаем о численности революционных народников и их социальном составе? Центр «Земли и Воли» состоял из ее учредителей и кооптированных ими лиц. В обсуждении программы «Земли и Воли» участвовало 30—40 человек, а в первый состав входило 26 человек. За время существования «Земли и Воли» в нее входило 88 человек. С самого начала проектировалось привлечь к работе 120 человек. В Саратове, где был центр землевольческой работы в деревне, в 1877 г. находилось около 20 участников движения, из них всего 5—6 человек из основного кружка. Точный состав групп молодежи и рабочих, примыкавших к центру в столице и на периферии, неизвестен, но, по соображениям исследователей, он доходил до 150 человек³².

Члены центра «Земли и Воли» принадлежали к разночинской интеллигенции. По сословному признаку среди них было 34% дворян, 12% — из духовенства, 12% — из мещан, 6,5% — из рабочих и т. д. С высшей школой было

связано 42% (37 человек), причем большую часть из них дали столичные вузы — Медико-хирургическая академия, Технологический и Горный институты.

Основоположниками партии «Народная Воля» и членами ее Исполнительного комитета до 1 марта 1881 г. было 28 человек; после царевубийства в опустошенный арестами Комитет было принято еще 6 человек. «Народная Воля» имела большой подпольный актив, участвовавший в ее издательских делах, в пропаганде среди рабочих и среди молодежи, в сборе средств, не говоря об участниках ее террористических актов. Когда в январе 1881 г. Исполнительный комитет вызвал добровольцев из всех боевых дружин идти на самопожертвование, отозвалось 47 человек. Но когда в феврале того же года обсуждалась возможность одновременно с покушением на царя сделать попытку вооруженного восстания наличными силами партии, при поддержке сочувствующих слоев общества, Исполнительный комитет вынужден был отказаться от этого замысла. Подсчет членов групп и лиц, непосредственно связанных с партией «Народная Воля», показал, что ее силы слишком малочисленны для серьезного уличного выступления — их оказалось 500 человек. Это число охватывало не менее 12 местных и несколько специальных групп. Однако эти группы были окружены несколькими тысячами лиц, по подсчетам П. Л. Лаврова, которые принадлежали к партии или находились под ее сильным влиянием, хотя по разным причинам не входили формально в ее организацию. Около Рабочей группы «Народной Воли» в Петербурге группировались многие сотни рабочих. Но на рабочих народо-вольцы не рассчитывали. «Настроение массы рабочих, — пишет В. Фигнер, — конечно, не поддавалось учету»³³.

Ветераны-народовольцы, работавшие над составлением предварительного списка для биографического словаря народовольцев, ввели в него около 2100 имен³⁴. У нас нет достаточных сведений о составе этих кадров. Но имеются подробно разработанные данные об авангарде «Народной Воли» — крупнейших революционерах, прошедших перед судом по 17 процессам с 1880 по 1890 г. Устраняя из их числа случайный элемент, не принадлежавший к кадрам «Народной Воли», Е. Д. Никитина дает следующие сведения о 154 лицах (125 мужчинах и 29 женщинах).

По сословной принадлежности среди них было 38,3% дворян, 30% мещан, 10,4% — из духовенства, 8,4% — из крестьян, 7,1% — из купечества, 4,5% — из разночинцев (в сословном смысле) и 1,3% (два человека) — из казаков. Рабочие, участники народовольческого движения, здесь не отмечены, потому что при сословном учете они входили в сословия крестьян или мещан.

По общеобразовательному цензу среди судившихся народовольцев было 64% (99 человек) учившихся в высших учебных заведениях (в том числе более трети исключенных) и 18% учившихся в средних школах (в том числе четвертая часть исключенных). Самоучек среди них было 13% и 5% учившихся в низшей школе. Образовательный ценз руководителей «Народной Воли» был, как видим, исключительно высоким. 20 человек учились в Петербургском университете (3 исключенных), 15 человек — в Киевском университете (6 исключенных), 9 — в Технологическом институте (7 исключенных), 9 женщин окончили Бестужевские высшие курсы, 8 человек — высшие военные училища и т. д.

Распределение по занятиям в среде профессиональных революционеров, живших на нелегальном положении, существовавших на средства партии, не имеет особого значения. Но среди них было 35 человек без определенных профессий; 26 человек были в прошлом рабочими; студентами и курсистками числилось 59 человек. Всего 32 человека (20%) имели более определенное положение — офицеры, юнкера и солдаты, фельдшера и акушеры, учителя и учительницы, люди «свободных профессий»³⁵.

Попутно встает вопрос о средствах, на которые существовала нелегальная партия, вопрос о ее социальной опоре. «Земля и Воля» и «Народная Воля» пополняли свой бюджет пожертвованиями, которые они получали, конечно, конспиративно в кругах имущей либеральной интеллигенции. Выпускавшиеся ими печатные органы обычно окупались путем продажи.

Для «Земли и Воли» сохранились очень интересные кассовые записи, которые вел вплоть до своего ареста А. Д. Михайлов. Записи относятся к периоду с конца октября 1878 г. до начала августа 1879 г. За эти 9 с небольшим месяцев было заприходовано 14 831 руб. (в том числе за период по январь 1879 г. 6446 руб.). Приход

сильно колебался из месяца в месяц (от 440 до 2400 руб.). Не вся эта сумма была израсходована за тот же период: судя по записям, оставался еще излишек около 1 тыс. руб. Михайлов сделал подсчет расходов по март 1879 г.; из него видно, что основные средства «Земли и Воли» тратились на расходы «по центру» (1943 руб.), на «дез-организацию», т. е. террористические акты (1329 руб.), гораздо меньше на «деревню» (872 руб.), рабочих (135 руб.), заключенных (335 руб.) и т. д.

Денежные средства «Народной Воли» были значительно крупнее. Ценным вкладом было имущество, переданное партии Д. А. Лизогубом. По свидетельству члена Исполнительного комитета А. П. Корбы, комитет израсходовал с октября 1879 до конца 1880 г., т. е. за 15 месяцев, более 60 тыс. руб.; после 1 марта 1881 г. в партийную кассу поступило несколько раз по 1000 руб.³⁶ По самым скромным нормам, партия могла содержать на свои средства за вычетом расходов на все ее предприятия всего несколько десятков человек.

Следующий крупнейший этап формирования революционных кадров был связан с переломным периодом в истории русской общественной мысли — переходом к научному социализму. Идейный крах народничества прежде всего был обусловлен его поражением в борьбе за массы. Несмотря на многолетнюю героическую борьбу и принесенные жертвы, народничество не стало и не могло стать массовым движением. Народническая теория потеряла способность вдохновлять людей и указывать им практические революционные задачи. Хотя до начала 90-х годов еще продолжались попытки воссоздать народо-вольческую организацию и славное имя партии «Народная Воля» еще привлекало новых искренних приверженцев, но в рядах партии уже шли поиски выхода из тупика, созданного отрывом революционной организации от масс.

Интересна в этом смысле программа одной из новых организаций — террористической фракции «Народной Воли». Она была изложена по памяти А. И. Ульяновым в тюремном заключении в 1887 г. Оставаясь народнической, эта программа приближалась к марксизму, утверждая, что рабочий класс, который является «наиболее способной к политической сознательности группой», должен составить ядро социалистической партии и что глав-

ные силы партии должны быть посвящены пропаганде и организации рабочего класса. Разногласия с социал-демократами представлялись А. И. Ульянову «очень несущественными и лишь теоретическими», не мешающими на практике всегда «оставаться их ближайшими товарищами». Политический террор А. И. Ульянов объяснял и оправдывал как «столкновение правительства с интеллигенцией, у которой отнимается возможность мирного, культурного воздействия на общественную жизнь»³⁷.

Народоволец А. Н. Бах (впоследствии крупнейший ученый-биохимик) в 1886 г. выступил с критикой организационных основ «Народной Воли». Бах доказывал, что в наступающий «долгий период нового накопления революционных сил» централизованная организация революционеров, не поддерживаемая массами, фатально осуждена на истребление. Лучшие и наиболее деятельные люди, указывал Бах, вырываясь из своей естественной среды и становясь профессиональными революционерами, теряли всякую общественную пригодность и возможность сознательного и непосредственного влияния на общественную жизнь. «Нельзя иметь в жизни специальность быть революционером», — писал Бах. Она нужна в революционные моменты, но сейчас «нужны прежде всего общественные работники, которые, как бы скромна ни была их работа, делали бы ее базисом проведения в жизнь идеалов партии».

Критика А. Н. Баха не имела ничего общего с идеями легального культурничества «восьмидесятников» (так называл их Н. В. Шелгунов), которые отрекались от «широких задач», проповедовали теорию «малых дел», приспособленных к возможностям реакционной действительности. Бах обдумывал средства революционного воспитания масс. Он указывал, что это воспитание, несмотря ни на что, продолжалось, что воскресные школы, библиотеки, издательства «в значительной мере были в руках революционно и социалистически мыслящей интеллигенции» и что даже работа чистых культурников «фатально сводилась на предварительную обработку сырого материала для последующего революционно-социалистического воздействия»³⁸.

Теоретическое и политическое поражение «Народной Воли», несмотря на тяжелое разочарование и скептицизм в широких кругах интеллигенции, несло освобождение от

утопических иллюзий народничества. Уже в 1883 г. началась критика основ народнической идеологии с марксистских позиций группой «Освобождение труда». Деятельность этой группы способствовала систематическому притоку в Россию марксистской литературы. В. Засулич писала Ф. Энгельсу в 1884 г.: «...наши молодые кружки народовольцев и народников именно сейчас начинают более чем когда-либо интересоваться вопросами теории»³⁹. «Именно в эту эпоху всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического мирозерцания», — писал В. И. Ленин⁴⁰.

Начиная со второй половины 80-х годов, знакомство с теорией марксизма, которая указывала на рабочий класс как на могучую реальную силу и опору для революционного преобразования общества, вновь создавало кадры борцов, давало сильнейший импульс революционной активности.

Многие революционеры 80—90-х годов рассказывают о всепоглощающем, захватывающем впечатлении новизны и правильности пути, какое давала им теория научного социализма. Шестнадцатилетний В. И. Ульянов впервые услышал о Марксе в Казани на лекции М. Л. Мандельштама и после этого прочел первый том «Капитала», который открыл ему «новый мир»⁴¹. А. Санин, «казанский марксист конца 80-х годов», воспитанный на народнической литературе, связывал свой идейный перелом с чтением гектографированного издания «Развития научного социализма» Ф. Энгельса⁴².

С. И. Мицкевич, в 1890 г. познакомившийся с книгой Плеханова «Наши разногласия», которая была еще свежей новинкой в Нижнем, вспоминал: «Я весь был охвачен этими новыми идеями, потрясен до глубины своего сознания и чувства[...]. Русский рабочий класс — вот куда надо было идти, вот куда надо нести светоч социализма». Члены основанной в 1891 г. в Нижнем рабочей марксистской организации, вспоминал Мицкевич, «переживали боевое воодушевление: мы овладевали великим учением Маркса, которое давало нам разрешение «проклятых» вопросов, давало ответ на роковой вопрос — что делать?». Они были полны энергии и желания бороться и работать, нести учение Маркса в рабочий класс и в интеллигентскую молодежь⁴³.

З. П. Невзорова-Кржижановская передает потрясаю-

щее впечатление от «Коммунистического манифеста», прочитанного ею в начале 90-х годов. «Точно кто-то могучий отдернул предо мной завесу, с беспощадной и суровой правдивостью вскрыл сущность пестрого переплета общественных отношений и ярким лучом пронизал тьму будущего». «Путь был намечен ясно. Надо было только решиться вступить на него и вооружиться для работы на нем»⁴⁴.

Эту теснейшую связь между миропониманием и уверенным в себе практическим делом, которую давал марксизм революционной интеллигенции, очень хорошо определил Н. Е. Федосеев, замечательный мыслитель из плеяды первых русских марксистов. Огромное значение научного социализма, писал Федосеев, в том, «что он делает своих последователей энергичными общественными деятелями, для которых нет сомнений и уныния, нет раздумья, не уничтожит ли враждебное направление всех усилий их деятельности»⁴⁵.

Эти мысли и переживания открывают перед нами духовный мир революционной интеллигенции конца XIX в., отождествившей свои убеждения с теорией научного социализма и увидевшей цель жизни в борьбе за дело рабочего класса. В ее психологии много черт, унаследованных от психологии революционного народничества. М. С. Ольминский, бывший народоволец, ярко характеризовал то положительное наследство 70-х годов, которое приняли от народников марксисты. Разрыв с личным привилегированным положением и переход в ряды обездоленных и угнетенных не на словах только, но и на деле; самоотречение, безграничное самоотвержение, готовность жертвовать во имя идеи всем: так называемым личным счастьем, свободой и жизнью. Наконец, психологическая невозможность компромиссов с самодержавием также шла от непримиримости революционных народников. Если народники сами не вполне ясно понимали непримиримость противоположных классовых интересов, то они в значительной мере облегчили это понимание своим преемникам, расчистили путь к нему⁴⁶.

Важнейшей исторической предпосылкой для распространения и роста влияния марксизма в России было рабочее движение, уже имевшее опыт создания самостоятельных организаций и выступавшее в форме крупных стачек в конце 70-х и в середине 80-х годов.

В период, когда марксистских организаций еще не было в России, революционные народники, стремясь выработать пропагандистов из наиболее способных и развитых рабочих и занимаясь с рабочими в кружках, делали чрезвычайно важное дело. Опыт показал, писал Г. В. Плеханов, «что даже разрозненных усилий нескольких десятков человек было достаточно для сообщения сильного толчка революционной самостоятельности нашего рабочего класса»⁴⁷.

Развитая народниками пропаганда среди городских рабочих, начало которой было положено кружком чайковцев, просветила сотни рабочих и пробудила их к революционной работе. Это помогло уже в 70-х годах созданию пролетарских организаций — Южно-российского союза рабочих в Одессе и Северного союза русских рабочих в Петербурге, которые попытались взять рабочее движение в свои руки.

В составе «Земли и Воли» была выделена центральная отборная Рабочая группа, которая руководила местными рабочими кружками, причем соблюдался принцип самостоятельности этих кружков. Интеллигенты только помогали им и приходили на их собрания для пропаганды. Землеволец Плеханов, познакомясь в 70-х годах с передовыми заводскими рабочими Петербурга, поражался их культурностью, «редкой жаждой знания и удивительной энергией в деле приобретения его»⁴⁸.

Очень много внимания отдавали кружкам рабочих и народовольцы. Деятельность в рабочей среде народников, знакомивших рабочих не только с восстаниями Разина и Пугачева, но и с деятельностью I Интернационала и с борьбой Парижской коммуны, знакомивших рабочих впервые с экономической теорией Маркса, имеет большое историческое значение. Не менее важно, разумеется, и то, что уже первые самостоятельные рабочие организации обнаруживали теоретические тенденции, отличавшие их от народников и сближавшие их с западноевропейским рабочим движением.

Из участников и руководителей рабочих кружков и первых рабочих организаций вышли выдающиеся деятели рабочего движения и участники революционной борьбы — рабочие Петр Алексеев, Степан Халтурин, Виктор Обнорский, Петр Моисеенко и ряд других. В. Н. Фигнер видела в «Народной Воле» «передовой отряд русской

интеллигенции из среды привилегированного и рабочего класса»⁴⁹.

Отдельные рабочие, потерявшие прежние связи с народнической революционной организацией, продолжали еще в начале 80-х годов самостоятельную пропаганду и имели огромное влияние на товарищей. Встречи с ними, вспоминал народоволец И. И. Попов, «укрепляли в нас веру в возможность передачи революционного дела в руки трудящихся»⁵⁰.

Первые социал-демократические группы, появившиеся в середине 80-х годов сначала в Петербурге, а затем возникшие в Москве, Казани, Самаре, Владимире, Нижнем Новгороде, Воронеже, Киеве, Одессе, Екатеринославе, Харькове, Ростове-на-Дону, Тифлисе, Вильне, Минске, Риге, Дерпте, Ревеле, с середины 90-х годов — в Перми, Екатеринбурге, Уфе, Томске, Омске, Красноярске, Иркутске, Чите, с конца 90-х годов — в Средней Азии и на Дальнем Востоке, чрезвычайно расширили пропаганду марксизма в кружках рабочих⁵¹. Марксисты в России, поставившие цель создания самостоятельной социал-демократической рабочей партии, считали первоочередной задачей выработать из участников рабочих кружков «вполне развитых и сознательных социал-демократов, которые во всем могли бы заменить пропагандистов-интеллигентов»⁵². Это дело очень успешно и на высоком уровне выполняла, например, петербургская группа М. И. Бруснева, из которой вышли такие передовые рабочие, как кузнец Е. А. Афанасьев (Климанов), ткач Ф. А. Афанасьев, будущие деятели ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» В. А. Шелгунов, Н. Г. Полетаев и др.

С середины 90-х годов в различных рабочих кружках и организациях усилилось стремление поднять свою культуру, научиться излагать и отстаивать свои мнения устно и письменно. Усилилась тяга рабочих к самообразованию⁵³. Рабочие стали проявлять критическое отношение к проводившим кружковые занятия студентам; в рабочих кружках пропагандисты народнического направления и сами перестраивались. Так, например, молодой народоволец П. Н. Лепешинский свои беседы в рабочем кружке в середине 90-х годов повел по социал-демократической литературе, и это невольное приспособление к потребностям рабочей аудитории сыграло большую роль в его

собственном политическом перевоспитании. В 1894 г., вспоминал В. А. Шелгунов, руководители рабочего движения в Петербурге постановили, чтобы интеллигенты в кружках говорили только то, что считает нужным рабочая организация⁵⁴.

Нарождение рабочей интеллигенции в России стало в 90-х годах признанным фактом. Рабочие-интеллигенты оставались рабочими и по профессии, часто очень квалифицированными, и по социальному положению. Рабочая интеллигенция — это передовики-рабочие, революционеры, вышедшие из среды пролетариата и ставшие сознательными деятелями освободительного и рабочего движения. На эту интеллигенцию социал-демократы возлагали важнейшие задачи. «В России уже есть эта «рабочая интеллигенция», — писал В. И. Ленин в конце 1899 г., — и мы должны приложить все усилия к тому, чтобы ее ряды постоянно расширялись, чтобы ее высокие умственные запросы вполне удовлетворялись, чтобы из ее рядов выходили руководители русской социал-демократической рабочей партии»⁵⁵.

Малочисленное ядро из интеллигентов и рабочих-интеллигентов начинало в условиях сурового подполья борьбу за то, чтобы внедрить социалистические идеи и политическое самосознание в массу пролетариата и организовать боеспособную, революционную партию нового типа, неразрывно связанную со стихийным рабочим движением. Создавались кадры профессиональных революционеров, принадлежавшие революционной интеллигенции, которые посвящали революции свою жизнь и отдавали партии знания и революционный опыт, знание рабочей среды и умение вести за собой массы, свойственные передовикам-рабочим⁵⁶.

Вопрос о численности кадров революционной интеллигенции, принадлежавшей к марксистским организациям 80—90-х годов, в том числе и рабочей интеллигенции, к сожалению, не разработан.

Мы попытаемся, конечно в общих чертах, проследить сравнительный рост численности участников освободительного движения второй половины XIX в. и изменения в их социальном составе по основным этапам формирования деятелей этого движения.

В III Отделении и в сменившем его Департаменте полиции делались обзоры революционного движения и

для них готовились статистические подсчеты. Некоторые данные учитывались Министерством юстиции. Часть полицейских обзоров издавалась для внутреннего употребления, а иногда выносилась на свет революционной печатью.

После Октябрьской революции к источникам правительственного характера добавился ряд справочных исследований на основе архивных и других материалов, чрезвычайно расширивших возможности изучения. Но эта работа в 30-х годах нашего века была прервана. Остался неизданным материал биобиблиографического словаря «Деятели революционного движения в России» за 80-е годы (кроме букв А — З) и за весь последующий период. Также не была завершена начатая работа по словарю социал-демократов.

Мы смогли использовать только печатные источники. Огромное количество архивных материалов еще ждет изучения. Какие новые возможности может дать изучение архивов, показывает составленный В. А. Дьяковым Словарь деятелей освободительного движения в армии за 60-е годы, открывший новую страницу в историографии этого движения⁵⁷.

В 60-х годах (1861—1867) состоялось 22 судебных процесса по политическим делам, охвативших частично и участников движения второй половины 50-х годов. Наибольшее количество — 8 процессов — было в 1862 г. В этот период работали особые следственные комиссии по центральным делам, по делам Поволжья и комиссия, учрежденная в связи с покушением Каракозова. В 1868—1870 гг. политических процессов не было. Биобиблиографический словарь «Деятели революционного движения» в выпуске «Шестидесятые годы» в основном использовал полицейский источник — «Историю социально-революционного движения» С. С. Татищева, доведенную до 1869 г. Словарь включает все указанные материалы, а также процессы нечаевцев и С. Г. Нечаева, происходившие в начале 70-х годов⁵⁸. Но основная подпольная организация этого периода — «Земля и Воля» — не была раскрыта правительством и отразилась в судебных материалах лишь косвенно. Между тем состав ее участников, по свидетельству ее руководителей, превышал 300 человек.

Полицейские статистики игнорировали факты революционного движения, связанные с польским восстанием

1863 г. Поэтому в «Словарь деятелей» не вошли многие участники Мариенгаузенской группы «Земли и Воли», не вошли участники восстания поляков-каторжан на Кругобайкальской дороге в 1866 г. Конечно, не вошло и никак не отразилось восстание в польских и литовско-белорусских губерниях, за участие в котором были репрессированы тысячи людей.

В «Словаре» за 60-е годы очень слабо отражено движение в армии. Офицерская организация А. Потебни не была никогда раскрыта, и ее участники до самого последнего времени оставались неизвестными. Не было сведений о многих кружках военной молодежи. Несмотря на эти недостатки, материалы «Словаря», дополненные материалами В. А. Дьякова, могут все же дать известное представление о составе участников движения 60-х годов.

В «Словаре» нами учтено 1256 репрессированных, сведения о которых опираются на документальную (не мемуарную) основу. Не учтены военные, поскольку они вошли в исследование В. А. Дьякова. Делаемые в таких условиях подсчеты имеют, конечно, приблизительный характер. По основным видам репрессий (не включая единичных форм) эти лица распределяются так:

Казнены двое — крестьянин Антон Петров и Д. В. Каракозов		
Сослано на каторжную работу	— 49 человек	
Сослано в отдаленные места (в Сибирь и проч.)	— 35	»
Присуждено к краткосрочному тюремному заключению	— 66	»
Выслано по суду и административно с отдачей под полицейский надзор	— 136	»
Подвергнуто незначительной репрессии (арест, высылка на родину) с отдачей под надзор	— 443	»
Подвергнутые мелким взысканиям, оправданные и помилованные, а также бежавшие, умершие до наказания и т. п.	— 506	»
Изгнаны навечно из России	— 8	»

Отметим сравнительно малое количество тяжелых репрессий, что соответствует раннему этапу развивающегося движения. Зато эти репрессии несоразмерно суровы: на каторгу посылались люди за составление и распространение прокламаций — это было основное политическое преступление в 60-х годах.

В Нерчинских каторжных острогах, где во второй половине 60-х годов содержались в основном поляки, русские политические составляли примерно десятую часть каторжан — немногим более 20 человек⁵⁹.

В то же время значительная часть политических подвергалась повторной репрессии, иногда неоднократно. Таких в «Словаре» насчитывается 124 человека. Можно думать, что из их числа выходили профессиональные революционеры. Мы насчитали 13 имен известных профессиональных революционеров.

При численном преобладании незначительных наказаний большая часть их падала на студенчество (исключение из высшей школы, кратковременная высылка на родину и т. п.). Это подтверждает, что в 60-х годах студенческое движение было наиболее широкой для своего времени формой движения.

По сословному происхождению политические 60-х годов представляли пеструю группу: из дворян и чиновников происходило свыше 69% тех, о ком имеются сведения. Оставшуюся треть заполняют выходцы из духовенства, мещан и разночинцев, купцов и почетных граждан, крестьян, казаков и нижних чинов и др. Надо учесть, что те, о ком сословные данные отсутствуют, наверняка не были дворянами и что большинство детей дворян и чиновников принадлежало в социальном смысле к тем же разночинцам.

Распределяя участников движения 60-х годов по занятиям, на первом месте находим, как уже отмечено, учащихся и недавно окончивших высшую и среднюю школу — 762 человека. Далее идет профессиональная интеллигенция — 127 человек, в числе которых одну треть составляли педагоги, библиотекари и т. п. и одну треть — писатели и ученые. Чиновников и канцеляристов было 47 человек, на общественной службе (по выборам, мировые посредники) — 25 человек. Рабочих и ремесленников (в том числе корректоров и фотографов) было 13 человек. Остальные группы незначительны. Но было много людей, не имеющих специальности, в том числе женщин.

Таким образом, можно считать, что учащаяся молодежь и интеллигенция, к которой мы отнесли и профессиональных революционеров, составляли свыше 70% участников освободительного движения 60-х годов (не учитывая военных).

Репрессии над военными, судимыми военным судом, конечно, имеют другой характер. По данным словаря В. А. Дьякова:

Казнено	— 103 человека
(Сюда входят военнослужащие, казенные за участие в польском восстании, а также казенные по делам о Казанском заговоре и о восстании на Кругобайкальской дороге)	
Сослано на каторгу, в крепости и арестантские роты	— 128 человек
Присуждено к тюремному заключению	— 6 »
Разжаловано в рядовые	— 6 »
Сослано в Сибирь	— 67 »

Участники движения в армии — офицеры почти все происходили из потомственных дворян. Движение в армии в этот период принимало разночинский характер, но, как правильно отмечает В. А. Дьяков, в нем преобладали разночинцы, происходившие из деклассированного дворянства.

Перейдем теперь к революционной среде 70-х годов.

Материалы, исходящие из правительственных учреждений, освещают в трех сводках период с августа 1873 по конец 1879 г. Народолюбец Л. А. Тихомиров установил, что в этих сводках, хронологически заходящих одна за другую, сведения не дублируются, и считал возможным вывести из них суммарное число привлеченных по политическим делам⁶⁰.

Годы	Привлечено к суду	Выслано в административном порядке	Отдано под надзор	Всего
За VIII/1873 — 1876	525	79	450	1 054
За 1875 — IV/1879	1 498	нет сведений	нет сведений	1 498
За 1879 — I/I 1880	922	нет сведений	нет сведений	922
Всего . . .	2 945	—	—	3 474

Суммарная цифра 3474 человека состоит, однако, из слагаемых разного значения. За 1873—1876 гг. репрессированные распределены по видам взысканий, а за 1875—1879 гг. имеются сведения только о привлеченных к суду и отсутствуют данные о подвергшихся административным взысканиям и преданных военному суду. Между тем 1878—1879 гг. — это время правительственного террора,

смертных казней и массовых административных ссылок. Так что действительное число репрессированных было значительно выше.

Отсутствие указанных данных возмещается материалами словаря «Деятели революционного движения в России» за 70-е годы⁶¹. Однако и эти материалы не вполне уточняют вопрос: революционеры, действовавшие в 70-х годах, а позже ставшие народовольцами, перенесены в следующий том словаря, который остался незаконченным.

По подсчету В. С. Антонова, словарь за 70-е годы включает 5664 имени участников движения⁶². Составители словаря правильно отмечают, что процент семидесятников, судившихся органами юстиции, незначителен и что до 80% всех политических дел разрешалось в административном порядке. Громоздкая машина царского суда давала малые результаты и поэтому административная расправа была более оперативным и быстрым средством борьбы с освободительным движением.

Из 1611 «привлеченных к дознанию» за 1873—1876 гг. было подвергнуто взысканиям всего 1054 человека, из них всего 525 человек предано суду. Было судимо 140 человек и лишь 100 человек из них признаны виновными. Составитель сводки за 1873—1876 гг. отмечал, что многие привлекались к следствию повторно и неоднократно, «не оставляя преступной деятельности». Таких он насчитал до 50 человек. Возьмем конкретный пример: в Большом процессе («193-х») 1878 г. было привлечено к следствию 770 человек (из них 53 остались неразысканными), освобождено за недостатком улик, но «с принятием других мер» 452 человека, оставлено под арестом 265 человек, а из 193 обвиняемых оправдано 94. При этом были освобождены с зачетом предварительного заключения будущие крупнейшие профессиональные революционеры Желябов, Перовская, Ланганс, Якимова, Морозов, Лебедева и др.

По словарю за 70-е годы нами сделан подсчет наиболее тяжелых репрессий (не включая тюремного заключения, арестантских рот и ссылки в губернии Европейской России). За это десятилетие было казнено 18 человек, отправлено на каторгу 134 человека (в том числе 5 человек получили каторжное наказание дважды и двое были осуждены на каторгу, уже будучи ссыльными); отбывали

ссылку в Сибири (не считая бывших каторжан — ссыльнопоселенцев) 382 человека. Тяжело репрессированных, в число которых входили профессиональные революционеры-народники, действовавшие в период до создания «Народной Воли», насчитывается, таким образом, 534 человека. Это составляет около 10% участников движения, учтенных в словаре. Основной контингент тяжелорепрессированных давала революционная интеллигенция.

Что касается менее тяжелых наказаний, главным образом административных репрессий, то они в большинстве случаев падали на студентов и рабочих, т. е. на тех, кто и составлял основную массу репрессированных.

Каков был состав участников движения в 70-х годах? По этому вопросу имеется большой и интересный статистический материал. Данные III Отделения о 2564 участниках движения за период с августа 1873 по март 1879 г. (в основном это были «ходившие в народ» и ведшие пропаганду среди промышленных рабочих), разработанные Б. С. Итенбергом⁶³, дают следующие показатели.

По возрасту из 1665 лиц, о которых имелись сведения, 27,5% было моложе 21 года, 38,4% было в возрасте от 21 до 25 лет и 21,3% — от 25 до 30 лет; менее 13% приходилось на людей старше 30 лет.

Вся молодежь, участвовавшая в движении 70-х годов, родилась в основном в 50-х годах. Детство ее прошло в разгар общественной борьбы 60-х годов.

По сословной принадлежности на 1735 лиц, о которых имелись сведения, приходилось 28,2% из дворян, из духовенства — 16,6, из обер-офицерских детей, мещан и крестьян — по 13,4; менее всего было из купцов и почетных граждан — 4,2 и из разночинцев (в сословном смысле) — 3,2%. Ясно определился по сравнению с 60-ми годами гораздо более демократический состав изучаемой группы: на дворян приходится немногим более четверти, на духовенство, детей купцов и почетных граждан и обер-офицерских детей — более трети и на непривилегированные сословия также около трети.

По образовательному цензу имелись сведения о 1602 лицах. Среди них 518 человек — около трети — были связаны с высшей школой — окончили курс, продолжали учиться или выбыли до окончания курса (при этом оказывалось до 38% выбывших — 197 человек). Со средней школой было связано почти 22% (причем из них более

половины не окончило школу). Учившихся в низшей школе и имевших домашнее образование было 8%, учившихся в других учебных заведениях — 14,5%. Наконец, просто грамотных было 21% и неграмотных — свыше 2%. Данные об образовании также подтверждают демократизацию состава участников движения.

Сводка III Отделения дает некоторый материал о распределении участников движения по занятиям. Но мы обратимся к более полным данным, содержащимся в библиографическом словаре за 70-е годы.

Этот материал подробно разработан в указанной выше статье В. С. Антонова. В качестве данных о занятии он брал сведения о социальном положении к моменту вступления в революционную деятельность. Из 5664 лиц, учтенных в словаре, было:

	Число	В %
Студентов и вольнослушателей высших учебных заведений	2 023	35,7
Учащихся низших и средних общеобразовательных школ	644	11,3
Семинаристов	266	4,6
Учащихся военных гимназий и юнкерских училищ	37	0,6
Всего учащихся	2 970	52

	Число	В %
Учителей	433	7,6
Врачей и медицинского персонала	178	3,0
Адвокатов, актеров	53	0,9
Литераторов	18	0,3
Земских служащих	65	1,0
Всего лиц интеллигентских профессий	747	13
Всего учащихся и интеллигентов	3 717	65

Среди других профессий наибольший процент приходится на рабочих: их 14,0 и, кроме того, 1,7% ремесленников и кустарей (всего 908 человек), крестьян — 5%. Группы служащих и мелких служащих вместе дают 8,3%. Остальные группы очень малы. Таким образом, основной состав участников движения 70-х годов складывался из учащихся — 52%, интеллигенции — 13, рабочих — 15,7%. Рабочие и крестьяне вместе составляют более 20%. Это знаменательный итог, отражающий начальный период вступления в революционную борьбу рабочего класса России и в значительной мере связь рабочего движения с пропагандой народнической интеллигенции 70-х годов.

Перейдем к выяснению численности участников освободительного движения за последнее двадцатилетие XIX в. По этому периоду имеется несколько сводок, исходящих из правительственных источников. Словари же участников движения остались незаконченными. К сожалению, мы не могли использовать в этой работе архивные материалы биобиблиографического словаря «Деятели революционного движения в России» за 80-е годы.

Сведения, исходящие из Департамента полиции Министерства внутренних дел и из Министерства юстиции, во многом расходятся между собой и не совпадают по хронологическим рамкам. Поэтому мы рассмотрим их отдельно, не пытаясь совместить даваемые ими итоги.

По данным так называемой Хроники Шебеко (секретного отчета, изданного в конце 80-х годов)⁶⁴, с июля 1881 по январь 1888 г. в Департаменте полиции было рассмотрено 1500 дел на 3046 обвиняемых. Из них осуждено судом 224 и наказано в административном порядке 2872 человека. По суду приговорено к смертной казни 20 человек; 128 — к каторжным работам, 46 — к ссылке в Сибирь и 30 — к меньшим наказаниям. В административном порядке сослано в Сибирь 635 человек, водворено под надзор в губернии Европейской России 1500, меньшие наказания без отдачи под надзор даны 668 лицам, и 19 иностранных подданных выслано за границу.

По данным того же Департамента полиции за более продолжительный срок, опубликованным М. Г. Седовым, с 1 марта 1881 по 1894 г. привлечено по политическим делам 5851 человек. Из них наказано по суду 369 (27 казнены, 342 присуждены к заключению в крепостях и к каторжным работам) и 5482 подверглись административ-

ным взысканиям⁶⁵. В эти сухие цифры входят и народо-вольческие процессы, и репрессии в связи с крупными стачками рабочих, и расправы над волнующимся студенчеством, и расправы над одиночными представителями демократической интеллигенции.

Сравнение данных Хроники Шебеко и М. Г. Седова, в общей сложности охватывающих 13½ лет, показывает, что количество тяжелых наказаний (смертная казнь и каторга) за последние 7 лет (1888—1894 гг.) увеличилось на 60% по сравнению с предыдущими годами, а количество административных репрессий выросло почти вдвое. При этом соотношение между судебными и административными наказаниями составляло устойчивую величину — административным взысканиям подвергалось 92—94% всех репрессированных, а тяжелые наказания составляли около 4—6% от общего числа репрессий. Мы видим, что это соотношение изменилось по сравнению с 70-ми годами. Тогда административные репрессии охватывали 80%, а количество тяжелорепрессированных составляло около 10% участников движения.

В свое время это изменение отметил М. С. Ольминский. Он сделал правильный, на наш взгляд, вывод, что деятельность народников 70-х годов привела к непосредственному политическому результату, расчистила политическую почву для последующих поколений, дала относительную свободу печати, собраний и политических организаций. Этот факт недостаточно признан и оценен, замечал Ольминский, «за что раньше платили десятками лет каторги, даже жизнью, за то с восьмидесятых годов стали расплачиваться немногими годами ссылки»⁶⁶.

Данные по Министерству юстиции, охватывающие время с 1878 г. до начала XX в., были опубликованы и разработаны в статьях Л. Слухоцкого и Е. Н. Тарновского.

С 1878 по 1884 г. в Министерстве юстиции было рассмотрено 2027 дознаний «по более важным политическим делам» (не включая бесчисленных дел «об оскорблении величества»), по которым было привлечено 4207 лиц⁶⁷. С 1884 по 1890 г. было привлечено к дознанию 4307 лиц⁶⁸. За 1892—1897 гг. и частично за 1898 г. было разрешено 1775 дел, «имеющих отношение к социально-революционному движению», по которым привлечены в качестве обвиняемых 6381 человек⁶⁹. Таким образом, с 1878 по

1898 г. было привлечено по политическим делам около 15 тыс. человек.

С 90-х годов также имеются подробные сведения Министерства юстиции о репрессиях «по высочайшему повелению», т. е. административных. Число лиц, понесших эти взыскания, определяется за 1894—1900 гг. в 4674 человека и за 1901—1903 гг. — 6928 человек. Последние цифры говорят нам о приближении революционной эпохи и совершенно изменяют все прежние масштабы.

Административные репрессии распределены по отдельным видам наказаний. За 1894—1900 гг. было выслано в Сибирь 370 человек, в отдаленные губернии (несибирские) — 530, подчинено гласному надзору — 2814, подверглось тюремному заключению — 837, арестовано 542 человека (итоги превышают число репрессированных: на одно лицо могло пасть несколько видов наказаний)⁷⁰.

Таким образом, сведения о политических репрессиях, учитывавшихся Министерством юстиции, почти в 4 раза превышают данные Департамента полиции. Около 20 тыс. репрессированных за 80—90-е годы, очевидно, надо считать более точным итогом деятельности царской власти по борьбе с революционным движением.

Наиболее важный для нас вопрос о составе участников революционного движения 80—90-х годов разработан очень мало. Данные Хроники Шебеко (1881—1887 гг.) пытался обработать американский историк Иван Аввакумовик (Авакумович?), но собранные им статистические сведения объединяют слишком малые группы⁷¹.

Е. Н. Тарновский дал ценную разработку сведений о привлеченных к дознанию по политическим делам в сравнительном плане, сопоставляя материал за 1884—1890 и 1901—1903 гг. и в качестве меры для сравнения приводя данные об осужденных по обычным уголовным делам за 1901—1903 гг.⁷².

По материалам Тарновского, за 1884—1890 гг. привлекалось к дознанию 4307 лиц, в среднем около 570 человек в год (автор ошибочно дает меньшую цифру). За 1901—1903 гг. было привлечено 7796 лиц, в среднем 2600 человек в год: «политическая преступность» увеличилась почти в 5 раз, тогда как общая преступность за 20 лет увеличилась приблизительно на 50%.

По сословной принадлежности политические распределялись следующим образом (в процентах):

	Годы	
	1884—1890	1901—1903
Дворяне и дети чиновников	30,6	10,7
Из духовенства	6,4	1,6
Из почетных граждан и купцов	12,1	4,1
Из мещан	27,5	43,9
Из сельских сословий	19,1	37,0
Иностранные подданные	1,4	0,8
Неизвестного сословия	2,9	1,9

По образовательному цензу

Получившие высшее образование (включая не окончивших курса ко времени при- влечения)	34,2	11,5
Получившие среднее образование	33,2	14,3
Получившие низшее образование	12,3	32,3
Грамотные	13,4	30,1
Неграмотные	6,9	11,8

Из числа политических, связанных с высшей школой, наибольшее количество давали Петербургский, Московский, Харьковский и Киевский университеты, Петровская академия и Технологический институт.

По занятиям политические распределялись по следующим основным группам (в процентах):

	Годы	
	1884—1890	1901—1903
Учащиеся	25,4	9,6
Интеллигентские профессии	11,4	10,8
Государственная и военная служба	6,2	1,3
Общественная и частная служба	10,3	6,9
Сельское хозяйство	7,1	9,0
Рабочие (фабричные рабочие, ремесленни- ки, строительные рабочие, чернорабочие)	15,6	46,8
Торговля	2,2	4,0
Неопределенные занятия	19,9	8,0

Соотношение по занятиям основных групп участников освободительного движения на прослеженных нами эта-

пах убедительно подтверждает изменение социального и классового характера этого движения.

**Распределение основных социальных групп
участников освободительного движения в %
к их общему числу на разных этапах движения**

	60-е годы	70-е годы	1884— 1890 гг.	1901— 1903 гг.
Учащиеся	60	52	25,4	9,6
Профессиональная интеллиген- ция	10	13	11,4	10,8
Без определенных занятий	—	—	19,9	8,0
Рабочие и ремесленники . .	1	15,7	15,6	46,8

Хотя студенческие волнения постоянно возобновляются и расширяются, учащаяся молодежь занимает все меньшую долю среди участников движения. В 80-х годах это место вдвое меньше, а в начале 900-х годов — в пять раз меньше, чем в 70-х годах. Удельный вес профессиональной интеллигенции стоит почти на одинаковом уровне на всех этапах, немного повышаясь в 70-х годах, когда значительная ее часть разделяла народнические убеждения. Однако судить о месте революционной интеллигенции в рядах участников движения нельзя без учета людей, не связанных ни со служебными, ни с хозяйственными интересами, «деклассированных людей, т. е. выбитых из своего класса, оставшихся без связи с определенным классом. . .»⁷³. Такая категория, несомненно, существовала и в 60-х, и тем более в 70-х годах, хотя она не нашла отражения в использованной нами статистике. Эта категория выделяла профессиональных революционеров, с нею были связаны, как отметил В. И. Ленин, «своеобразные формы движения, величие героизма и его бессилие»⁷⁴.

В 80-х годах эта категория, зафиксированная в рубрике лиц неопределенных занятий, составляла уже пятую часть участников движения. Мы должны причислить ее к революционной интеллигенции, и это повысит удельный вес последней (вместе с учащимися и профессиональными интеллигентами) почти до 57%.

В начале XX в. доля всех этих категорий в составе участников движения сокращается в два раза — до 28%.

Зато еще более резко повышается роль рабочих. В 60-х годах их почти не было, в 70—80-х годах они составляли 15%, а в начале 900-х годов удельный вес рабочих вырос втрое — до 47%.

Материалы о политических репрессиях В. И. Ленин использовал для определения трех этапов освободительного движения в России. Он указал на процесс демократизации движения в соответствии с изменением его классового характера и на смену ведущих социальных слоев: вытеснение дворян разночинцами на буржуазно-демократическом этапе движения, а затем вытеснение разночинцев — интеллигенции — рабочими и крестьянами, начинающееся и развивающееся на пролетарском этапе движения. В. И. Ленин связал этот последний процесс с деятельностью пролетарской партии. «Период 1901—1903 гг., как раз период первой политической марксистской газеты, *старой* «Искры», дает уже *преобладание* рабочих (46,1%) над интеллигенцией (36,7%) при полной демократизации движения (10,7% дворян и 80,9% «непривилегированных»)»⁷⁵.

В начальном периоде пролетарского этапа освободительного движения вытеснение интеллигенции рабочими было, как мы видели, в значительной степени и процессом роста рабочей интеллигенции. Рабочая интеллигенция, становясь в ряды революционных борцов за дело демократии и социализма, тем самым становилась частью революционной интеллигенции России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перед нами прошли основные группы интеллигенции, существовавшие в капиталистической России XIX в. В деятельности этих групп, в выполнении ими общественных функций, необходимо связанных с интеллектуальным трудом, реализовался процесс общественно-политического и культурного развития России.

Материалы о формировании интеллигенции за этот период свидетельствуют прежде всего о значительном росте контингента образованных специалистов в разных областях как хозяйственной, так и культурной жизни. Они свидетельствуют также о постепенной демократизации образованных кадров — неизбежном результате расширения этих кадров, включавших уже не только привилегированные сословия, но и довольно заметную непривилегированную прослойку — выходцев из сословий мещан и крестьян.

Эти явления, взятые в исторической перспективе, показывают вместе с тем и недостаточность темпов роста кадров интеллигенции по сравнению с нуждами страны, что было признаком политической отсталости России и усугубляло ее экономическую отсталость. Недостаточно интенсивно шла и демократизация состава интеллигенции, тормозившаяся классовой системой образования для имущих, что задерживало развитие народных масс, лишало страну множества сил и талантов.

Вопрос о кадрах интеллигенции приобретал важнейшее значение в свете исторической задачи преодоления экономической и культурной отсталости огромной аграрно-индустриальной страны. Эта задача могла быть решена лишь в ходе революционного преобразования — уничтожения самодержавия, ликвидации всех остатков и пережитков крепостнического строя. Революция 1905—1907 гг. обострила вопрос об интеллигенции. В среде ин-

теллигенции, особенно в годы реакции, усилилась резкая поляризация политических и мировоззренческих позиций.

Последовательное разрешение задач буржуазно-демократической революции в России стало возможным только после победы пролетарской социалистической революции и было полностью осуществлено Советским государством. В Советской России формирование образованных кадров, в которых нуждается социалистическое общество, впервые стало общенародным делом, важнейшим основным элементом культурной революции.

Хотя наше исследование ограничено хронологическими рамками XIX в., мы не можем закончить его, не протянув соединительных нитей в нашу современность. Нет нужды повторять широко известные данные о поразительных по сравнению с дореволюционными темпах численного роста советской интеллигенции. Этот рост обусловлен всеобщностью образования, организацией новых и новых высших и средних специальных учебных заведений, ростом числа студентов, числа выпускников высшей школы и т. д.¹ Советские интеллигентские кадры исчисляются миллионами. Они далеко обогнали прежние, насчитывавшие немногие тысячи или десятки тысяч группы дореволюционных учителей, врачей, работников науки, литературы и т. д. Научно-техническая революция потребовала огромного количества технически образованных специалистов, о которых и думать не могла дореволюционная Россия.

Изменился и чрезвычайно расширился диапазон профессий интеллектуального труда и также глубина квалификации в каждой из этих профессий.

Кадры советской интеллигенции в течение десятков лет пополнялись и комплектовались людьми, вышедшими из среды рабочих и крестьян. В силу этого изменился характер интеллигенции как социального слоя. Вместо узкого слоя образованных профессионалов, стоявшего над людьми физического труда, интеллигенция стала плотью от плоти трудящихся масс, составляя значительную долю населения страны. Она является огромной производительной силой в социалистическом обществе и крупнейшей общественной силой в развитии советской культуры.

При всем количественном и социальном различии интеллигенция социалистической страны — интеллигенция нового типа — все же является преемницей передовой

дореволюционной интеллигенции. Преемственность эту хорошо выразил писатель Анатолий Аграновский. «Это в России, — писал он, — интеллигенты шли в народ, потом — вместе с народом, потом начали выходить из народа, вырастать из гущи народной. Это по-русски интеллигенция давно уже перестала быть только образованностью». Понятие это, «помимо общей культуры, помимо тонкости душевной, включает в себя и высокое сознание, и общественную активность — качества, которые человек подтверждает всю жизнь и всей своей жизнью»².

Преемственность эта осуществляется в самой простой и общей форме — в непререкаемой идее служения народу, в идее демократизма.

Демократизм основной массы трудящейся интеллигенции XIX в., ее добросовестное служение нуждам народа, ее самоотверженное участие в освободительной борьбе отражены на страницах этой книги. Реальность и силу этого демократизма подтверждали те «дикие крики озлобления», которыми осыпал русскую интеллигенцию реакционный лагерь во все времена, а особенно после поражения революции 1905—1907 гг. Мы имеем в виду известный сборник «Вехи», изданный группой бывших либералов, перебросившихся в стан защитников самодержавия³.

Лидер веховцев П. Б. Струве, когда-то «легальный марксист», усердно доказывал, что русская интеллигенция проникнута «противогосударственным отщепенством», что она находится вне рядов «образованного класса», выполняющего «культурную функцию просвещения» (конечно, просвещения, соответствовавшего видам буржуазно-монархического государства). Анархизм, революционный радикализм, «безрелигиозность», самая теория марксизма о государстве как организации классового господства — все это должно было подтверждать «отчуждение» (вот уже когда это понятие использовалось в антиреволюционной идеологии) и «отщепенство» демократической интеллигенции от охранительных устоев русского самодержавия.

Для пущего унижения демократической и революционной интеллигенции веховец С. Ф. Франк обвинял ее в «мещанстве». В русской демократической литературе, начиная с Белинского и Герцена, под мещанством понималось и клеймилось духовное убожество буржуа —

собственника, ограниченного миром наживы. Франк наполнил это слово другим содержанием, он осуждал «внутреннюю сплоченность, идейную солидарность и консерватизм», «нигилистический морализм», отрицание «абсолютных ценностей» и т. п.

Если невозможно было отрицать мученичество и героизм революционной интеллигенции, то веховец С. Н. Булгаков старался опошлить этот героизм, свести его к «горделивой позе» спасителя ближних. Демагогическим приемом Булгаков превращал интеллигенцию в «особую разновидность сословного аристократизма», надменно противопоставляющего себя «обывателям».

В «Вехах» участвовал литературовед М. О. Гершензон, хотя он вовсе не принадлежал к реакционному лагерю. Но, проповедуя этическое совершенствование личности, Гершензон тоже бросил камень в демократическую интеллигенцию. Он осудил ее моральные нормы, признававшие высшим достоинством жизнь для общественного дела, жизнь «вне себя». Гершензон высоко ставил подвижничество русских революционеров, но не замечал его общественного значения, видел в нем лишь этический подвиг победы над собой.

Наряду с враждебными атаками на демократическую интеллигенцию существовали также разнообразные концепции, усматривавшие корни демократизма интеллигенции в буржуазном индивидуализме. В работах известного литературоведа Р. В. Иванова Разумника интеллигенция возвеличивалась как внеклассовая группа, борец за «самоосвобождение личности». Интеллигенции противопоставлялось все остальное общество, не стремившееся к этой свободе: «культурная толпа», сословия и классы — тоже толпа, «масса серого цвета с серединными идеалами, стремлениями, взглядами». Главным врагом интеллигенции оказывалось «мещанство», идущее под знаменем «старых трафаретных форм», отличающееся узостью, плоскостью, безликостью и т. д.⁴ Иванов Разумник принадлежал к либеральным народникам, и в его взглядах на интеллигенцию отразилась теория героев и толпы.

Еще ярче концепция буржуазного индивидуализма в вопросе об интеллигенции была выражена в «Истории русской интеллигенции» Д. Н. Овсянико-Куликовского. Автор признавал интеллигенцией все образованное общество, принимающее участие в умственной жизни страны.

Однако над этим обществом он ставил более высокий слой, обладающий «умственной активностью», а еще выше помещал «настоящую интеллигенцию» — «мыслящую среду», в которой вырабатываются умственные блага, духовные ценности — наука, философия, искусство, мораль и т. д. Все это духовное богатство, по представлению Овсяннико-Куликовского, соприкасалось с реальной жизнью общества единственно в форме «столкновения передовых идей с отсталым бытом». Автора интересовала не общественная борьба, а психология «исканий, томлений мысли, душевных мук» идеологов, «отщепенцев», «лишних людей», «кающихся дворян» и т. п.⁵

Проблема социальных истоков демократической и социалистической идеологии старой русской интеллигенции не может быть разрешена без понимания основного факта: эта идеология отражала и выражала в тех или иных теоретических и практических формах глубинные интересы обездоленных и эксплуатируемых, в то время безгласных трудящихся масс.

Активный интерес к проблеме радикализма русской интеллигенции проявляют исследователи капиталистических стран и сейчас, поскольку эта проблема связана с идеологической борьбой против коммунизма. И сейчас они ищут ее разрешения в концепциях буржуазного индивидуализма. Арсенал аргументов, когда-то использованных русской реакцией против демократической интеллигенции, для них еще не устарел.

В США, например, где вышло несколько сборников, посвященных русской интеллигенции, широким распространением пользуются взгляды Мартина Мэлиа. Мэлиа признает основными качествами русской интеллигенции ее политический радикализм, безграничный анархизм и максимализм. Происхождение этих особенностей он связывает с психологическим протестом отдельных личностей против самодержавного деспотизма, протестом, начавшимся еще в крепостное время, когда интеллигенция была «отчуждена» от всякого участия в политических делах страны. Связь революционных идей и программ с действительными нуждами народных масс Мэлиа отрицает: по его мнению, народу нужны не революции, а реформы. Интеллигенция же, полагает Мэлиа, получив возможность участия в политической жизни в рамках обычной буржуазной демократии, неизбежно должна потерять

свой радикализм⁶. Эту концепцию М. Мэлиа разработал и на конкретной теме, связав происхождение социалистических идей у А. И. Герцена исключительно с событиями его личной жизни⁷.

Американский историк Дэниэл Брауер несколько иначе подходит к изучению корней идеологии русской радикальной интеллигенции. Он выдвигает на первый план социологические мотивы, рассматривая радикальную интеллигенцию как некую «субкультуру», отличающуюся от остального общества отрицанием его господствующих ценностей, «отрицанием справедливости русских учреждений во имя высших ценностей». Эти высшие ценности почерпнуты, по мнению Д. Брауера, в западной культуре и социальных теориях. Правда, неизбежный лейтмотив о влиянии западных идей не заслоняет от историка и местных социологических особенностей. Д. Брауер разработал данные о двух группах радикальной интеллигенции — петрашевцах 40-х годов и петербургских студентах 50-х годов (всего о 90 лицах). Он доказывает, что большинство этих людей сделалось радикалами не вследствие материальных лишений и социального угнетения, которых они не знали, а вследствие социальной мобильности их среды: в значительной части семей, в которых имело место социальное выдвижение и преуспевание «отцов», перед «детьми» открывались более широкие перспективы, порождавшие в них честолюбие, а в некоторых случаях и бунт против общества. Д. Брауер делает вывод, правда, достаточно осторожный, что дореформенные интеллигенты, возмущавшиеся старым порядком, выходили в основном из высших классов, поскольку они имели доступ к современному уровню образования и передовым западным идеям.

Таким образом, определяя причины социального протеста, рождавшегося в интеллигенции, историк не придает никакого значения ни острым классовым противоречиям, наполнявшим общественную жизнь предреформенного периода, ни реальному социально-экономическому и политическому содержанию того «радикализма», носителей которого он изучает⁸.

В социалистической стране, где уничтожена сила и власть собственников, общественная роль интеллигенции, отражающей и выражающей интересы народных масс, чрезвычайно повышается. Импульс трудовой активности,

отдачи всех сил народу и народному государству возрастает. Это касается, конечно, не только интеллигенции, а широких народных масс, и доказано героическим напряжением народных сил в годы гражданской войны, строительства новой экономики, Великой Отечественной войны, послевоенного трудового подъема. Но именно в этом отношении к интеллигенции социалистической страны предъявляются требования по самому высокому счету.

В наше время вновь и вновь подтверждается та истина, что принадлежность к интеллигенции не достигается ни образованием, ни работой в области умственного труда. Навыки умственного труда, необходимые в широчайших областях производства, транспорта, военного дела, в так называемой сфере услуг и многих других, создают армию квалифицированных исполнителей, от которых развитое общество также требует высокой культуры труда. Тем более высоким, ответственным должно быть качество творческого труда советской интеллигенции, выполняющей функции управления государством, руководства народным хозяйством, развития техники, охраны здоровья населения, повышения уровня образования, организации научных исследований, интеллигенции, осуществляющей развитие литературы и искусства. Эти функции, сопряженные с высоким уровнем научной подготовки, требуют также и высшего уровня политической сознательности и ответственности.

Советская интеллигенция не только должна и хочет служить своему народу, но перед нею раскрыты для этого необозримо широкие возможности, о которых мечтала и за которые по мере своих сил боролась старая демократическая и социалистическая интеллигенция.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Введение

¹ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 330.

² *Jan Szczepański*. Struktura inteligencji w Polsce. — «Kultura i Społeczeństwo», т. IV, 1960, N 1—2, s. 19—21; *Zdzisław Wójcik*. Rozwój pojęcia inteligencji. Wrocław—Warszawa, 1962.

³ См. *П. Н. Сакулин*. Социологический метод в литературоведении. М., 1925, стр. 207.

⁴ В том же значении слово «интеллигенция» использовано в русском переводе Прудона, где идет речь о литературе, «доступной для всяких интеллигенций и для всяких карманов» (*П. Ж. Прудон*. Литературные майораты. СПб., 1865, стр. 135).

⁵ *П. Д. Боборыкин*. Подгнившие «вехи». — «В защиту интеллигенции». Сборник. М., 1909, стр. 128.

⁶ «Управление по-прежнему будет состоять из элементов интеллигенции без различия сословий» — так излагал Валуев сообщенный ему проект управления «под фирмою царь и народ» («Дневник П. А. Валуева». Т. 2. М., 1961, стр. 22); «Народ погружен в глубокое варварство, интеллигенция развращена и испорчена, правительство бессильно для всякого добра», — сокрушался Никитенко (*А. В. Никитенко*. Дневник в трех томах. Т. 2. М., 1955, стр. 533).

⁷ См. «Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина». М., 1955, стр. 169.

⁸ *Лев Любимов*. На чужбине. Ташкент, 1965, стр. 43.

⁹ Цит. по: *Б. Б. Глинский*. Очерки русского прогресса. СПб., 1900, стр. 544.

¹⁰ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 121.

¹¹ *Н. К. Михайловский*. Записки современника. — «Отечественные записки», 1881, № 12, стр. 201, 205; *Н. В. Шелгунов*. Незданная записка 1881—1882 гг. — «Каторга и ссылка», 1929, № 8—9, стр. 165.

¹² *В. В. Наши направления*. СПб., 1893, стр. 107—108.

¹³ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 272.

¹⁴ Там же, стр. 306.

¹⁵ *Г. В. Плеханов*. Избранные философские произведения. Т. V. М., 1958, стр. 159.

¹⁶ *Г. В. Плеханов*. Избранные философские произведения. Т. I. М., 1956, стр. 354.

¹⁷ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 389.

¹⁸ См. *А. С. Изгоев*. Интеллигенция как социальная группа. — «Образование», 1904, № 1, стр. 72—94; *М. И. Туган-Барановский*. Что такое общественный класс? — «Мир божий», 1904, январь, стр. 64—72.

¹⁹ См. *В. В. Воровский*. Представляет ли интеллигенция общественный класс? — *В. В. Воровский*. Русская интеллигенция и русская литература. Сборник статей. Харьков, 1923.

²⁰ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 343.

²¹ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 305; т. 15, стр. 250.

²² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 40, 42.

²³ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 330, 333.

²⁴ См. *П. Н. Сакулин*. Социологический метод в литературоведении, стр. 80 (глава «Интеллигенция»); *М. А. Рейснер*. Проблемы социальной психологии. Ростов-на-Дону, 1925, стр. 124, 125.

²⁵ Эти исследования, опубликованные в журналах «Przegląd Sociologiczny», «Kultura i Społeczeństwo», в сборниках «Społeczeństwo Królestwa Polskiego. Studia o uwarstwieniu i ruchliwości społecznej», под редакцией Witolda Kuli; в многотомной серии «Z badań klasy robotniczej i inteligencji», под редакцией Jana Szczepańskiego, и др., дают много ценных конкретных материалов и обобщений. Над темами польской интеллигенции работают Витольд Куля, Ежи Едлички, Ян Щепаньски, Ежи Вятр, Януш Жарновски, Янина Лескевич, Рышарда Чепулис, Иоанна Матейко и др.

²⁶ «Социологическая мысль в Польской Народной Республике». Сборник статей. М., 1968, стр. 22, 249.

²⁷ См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. 1, стр. 146.

²⁸ «Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года». Т. 2. СПб., 1905, стр. 256—257.

²⁹ См. *Л. К. Ерман*. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966, стр. 11—15.

³⁰ *Ю. В. Арутюнян*. Опыт социологического изучения села. М., 1968, стр. 40.

³¹ См. *В. Семенов*. Проблема классов и классовая борьба в современной буржуазной социологии. М., 1959, стр. 86—91.

³² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 131.

³³ См. *Антонио Грамши*. Избранные произведения в трех томах. Т. 3. М., 1959, стр. 461.

³⁴ Там же, стр. 457.

³⁵ *И. С. Кон*. Размышления об американской интеллигенции. — «Новый мир», 1968, № 1, стр. 176.

1. Самодержавие и формирование интеллигенции

¹ О социальном и правовом положении разночинцев в дореформенной России см.: *Г. Н. Вульфсон*. Понятие «разночинец» в XVIII — первой половине XIX века. — «Очерки истории народов Поволжья и Приуралья», вып. 1. Казань, 1967, стр. 107—124.

² *Г. В. Плеханов*. Избранные философские произведения. Т. IV. М., 1958, стр. 60.

³ *В. В. Воровский*. Русская интеллигенция и русская литература. Сборник статей, стр. 63.

⁴ В 1840 г. в Москве насчитывалось 27,7 тыс. «приказно-служителей и разночинцев» — 8% населения обоего пола. (см. *А. Г. Рашин*. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). Статистические очерки. М., 1956, стр. 124). В общей численности населения разночинцы

составляли ничтожную долю — по Европейской России в 1858 г. менее 0,4% (см. А. Корсак. Первое дополнение к «Сравнительной статистике» Г. Ф. Кольба. СПб., 1865, стр. 166—167). В городском населении Европейской России в том же 1858 г. их было всего 3,5%; дворян и чиновников было 5,2% (см. А. Г. Рашин. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). Статистические очерки, стр. 120).

⁵ См. «Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года», вып. 1. СПб., 1872, стр. 116.

⁶ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения. Т. I, стр. 331.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 93—94.

⁸ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. 1. М., 1952, стр. 676.

⁹ Н. И. Жуковский Н. П. Огареву. — «Литературное наследство». Т. 62, 1955, стр. 136.

¹⁰ «Ленинградский университет в воспоминаниях современников». Под ред. В. В. Мавродина. Т. 1. 1819—1895. Л., 1963, стр. 195.

¹¹ Józef Chołasiński. Przeszłość i przyszłość inteligencji Polskiej. Warszawa, 1958, s. 191—192.

¹² См. «Университеты и средние учебные заведения в 50 губерниях Европейской России и 10 губерниях Привислянских по переписи 20 марта 1880 года». СПб., 1888, стр. 9; «Краткие отчеты по Петербургскому Технологическому институту» за соответствующие годы.

¹³ В. Г. Короленко. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 7. М., 1953, стр. 75.

¹⁴ М. Матвеев. Студенты Сибири в революционном движении. Томск, 1966, стр. 32.

¹⁵ См. А. Н. Рябинин. Из воспоминаний о годах студенчества в Горном институте (1892—1897). — «На путях к победе». Сборник. Л., 1925, стр. 73.

¹⁶ В. В. Святловский. Студенческие переписи в России. Предисловие к книге: М. Бенасик. Студенчество в цифрах по данным переписи 1907 года в Юрьеве. СПб., 1909, стр. 36. Святловский излагал содержание книги П. Иванова «Студенты в Москве» (М., 1903).

¹⁷ См. П. Милуков. Университеты в России. — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 68, 1902, стр. 794.

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 130.

¹⁹ См. М. Ф. Фроленко. Записки семидесятника. М., 1927, стр. 19.

²⁰ См. «Столетие Киевской первой гимназии». Т. 1. Киев, 1911, стр. 439.

²¹ П. Д. Боборыкин. Воспоминания в двух томах. Т. 1. М., 1965, стр. 44—47; Д. А. Балика. Педагогическая деятельность Б. И. Сциборского, друга Добролюбова, в Нижнем Новгороде. — «Ученые записки Горьковского университета», вып. 71. Горький, 1965, стр. 258.

²² Т. Н. Грановский. Ослабление классического преподавания в гимназиях и неизбежные последствия этой системы (1855). Сочинения, изд. 4. М., 1900, стр. 577—585; С. А. Фрумов. «Вопросы жизни» Н. И. Пирогова и их общественно-педагогическое значение. — «Советская педагогика», 1956, № 7, стр. 83.

²³ А. В. Никитенко. Дневник в трех томах. Т. 3. М., 1956, стр. 208.

²⁴ См. И. Алешинцев. История гимназического образования в России. СПб., 1912, стр. 337.

²⁵ «Петербургская бывшая третья гимназия, ныне 13-я советская трудовая школа. За сто лет». Пг., 1923, стр. 153.

²⁶ А. И. Богданович. Годы перелома. СПб., 1908, стр. 314.

²⁷ См. Ш. И. Ганелин. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века. Л.—М., 1950, стр. 89.

²⁸ См. И. Алешинцев. История гимназического образования в России, стр. 338; Л. С. Личков. Высшее и среднее образование в России. — «Производительные силы России». Сборник. СПб., 1896, стр. 30.

²⁹ Средства на Катковский лицей кроме его основателей дали железнодорожные миллионеры С. Поляков и П. Дервиз. Совет лицея возглавлял министр народного просвещения или московский генерал-губернатор, а членами являлись московский губернский предводитель дворянства, городской голова и председатель губернской земской управы. В 1890 г. казенная субсидия лицеем была увеличена до 38 тыс., а вскоре он получил звание императорского (см. С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902, стр. 510—511; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 34, 1896, стр. 860).

³⁰ В. В. Святловский. Студенческие переписи в России. — М. Беназик. Студенчество в цифрах по данным переписи 1907 года в Юрве, стр. 34—35.

³¹ П. Миллюков. Университеты в России. — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 68, стр. 791.

³² А. М. Скабичевский. Очерки истории русской цензуры (1700—1863). СПб., 1892, стр. 341—343.

³³ См. «С.-Петербургские Высшие женские курсы за 25 лет. Очерки и материалы». СПб., 1903, стр. 147—148, 178; С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902, стр. 627—628.

³⁴ См. Б. С. Итенберг. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М., 1965, стр. 117.

³⁵ С. Штрайх. Из профессорской деятельности А. С. Посникова (К истории борьбы за университетскую автономию). — «Русская школа», 1916, № 1, стр. 67.

³⁶ «Герман Александрович Лопатин (1845—1918). Автобиография. Показания и письма». Пг., 1922, стр. 146.

³⁷ С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902, стр. 624.

³⁸ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения. Т. I, стр. 399.

³⁹ А. В. Никитенко. Дневник в трех томах. Т. 2, стр. 515.

⁴⁰ Н. П. Изергина. Ф. Ф. Павленков и «Вятская незабудка». — «Ученые записки Кировского педагогического института имени В. И. Ленина», вып. 20. Киров, 1965, стр. 247.

⁴¹ См. К. К. Арсеньев. Законодательство о печати. СПб., 1903, стр. 89.

⁴² См. Л. М. Добровольский. Запрещенная книга в России. 1825—1904. М., 1962.

⁴³ См. Н. В. Здобнов. История русской библиографии до начала XX века, изд. 3. М., 1955, стр. 376—378; С. Д. Куниский. Русское общество и Парижская коммуна. М., 1967, стр. 155—156.

⁴⁴ Вл. Розенберг и В. Якушкин. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905, стр. 134.

⁴⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 408.

⁴⁶ «Отечественные записки», 1871, № 9, стр. 274 (статья Г. З. Елисеева «Литературные заметки»).

⁴⁷ Л. Слухоцкий. Очерк деятельности Министерства юстиции по борьбе с политическими преступлениями. — «Историко-революционный сборник». Под ред. В. И. Невского. Т. 3. М.—Л., 1926, стр. 267.

⁴⁸ См. М. П. Гернет. Смертная казнь. М., 1913, стр. 56.

⁴⁹ А. Н. Бах. Записки народовольца. Л., 1931, стр. 185.

⁵⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 326.

2. Численность образованных кадров во второй половине XIX в.

¹ См. И. С. Кон. Социология личности. М., 1967, стр. 109—110.

² Таблица составлена на основании следующих источников: по 1860, 1865, 1869, 1870 и 1875 гг. — «Историко-статистический очерк общего и специального образования в России». Под ред. А. Г. Неболсина. СПб., 1884; по 1871, 1876, 1881, 1890/91, 1897/98 гг. — В. Рудаков. Гимназия. — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 16, 1893; *его же*. Реальные училища. — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 51, 1899; по 1880 г. — «Университеты и средние учебные заведения в 50 губерниях Европейской России и 10 губерниях Привислянских по переписи 20 марта 1880 года»; по 1882 г. — С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902, стр. 643; по 1885 г. — П. А. Голубев. Вятское земство среди других земств России. Вятка, 1901, стр. 95; по 1897/98 г. и 1899 г. — П. Мижуев. Раздел «Просвещение. А. Учебное дело» в статье «Россия». — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 54, 1899, стр. 392 (за 1898 г. данные официальные, за 1899 — «по частным сведениям»); за 1900 г. — «Отчет министра народного просвещения за 1900 г.». СПб., 1902.

³ См. «Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года». Т. 1. СПб., 1905, таблицы IXa и IXб, стр. 188—215.

⁴ См. Г. Гобза. Столетие Московской первой гимназии. 1804—1904. М., 1903; С. Гулевич. Историческая записка о 50-летию Московской второй гимназии. М., 1885; П. А. Виноградов. Краткий исторический очерк пятидесятилетия Московской третьей гимназии. М., 1889; Д. Соколов. Пятидесятилетие Московской четвертой гимназии. М., 1899; Д. Н. Соловьев. Пятидесятилетие С.-Петербургской первой гимназии. СПб., 1880; А. В. Курганович и А. О. Круглый. Историческая записка 75-летия С.-Петербургской второй гимназии. Ч. 2 (1831—1880). СПб., 1894; П. К. Тихомиров. Историческая записка второй Петербургской гимназии. Ч. 3 (1881—1905). СПб., 1905; «Петербургская бывшая третья гимназия, ныне 13-я советская трудовая школа. За сто лет»; «Пятидесятилетие С.-Петербургской Ларинской гимназии». СПб., 1886; Г. М. Князев. Исторический очерк С.-Петербургского первого реального училища. 1862—1912. СПб., 1912. В большинстве этих изданий имеются списки окончивших.

⁵ См. «Столетие Киевской первой гимназии». Т. 1; Д. Крылов.

Столетие Тверской мужской гимназии. Тверь, 1904; *М. Краснов*. Историческая записка о Ставропольской гимназии. Ставрополь-Кавказский, 1887.

⁶ См. «По поводу двадцатипятилетия женских гимназий». — «Женское образование», 1883, № 3, стр. 1—2.

⁷ Сведения об университетах разработаны по следующим источникам: «Отчеты о состоянии и действиях Московского университета» (за помощь в подборе материалов по этим отчетам приношу большую благодарность сотруднику библиотеки МГУ В. В. Сорокину); *Е. В. Петухов*. Статистические таблицы и личные списки по Юрьевскому, бывшему Дерптскому университету. Юрьев, 1902; отчеты и извлечения из отчетов о состоянии и деятельности Харьковского университета (за 1882—1890 гг. отсутствуют); «Годичные акты в Казанском университете»; *А. И. Михайловский*. Преподаватели, учившиеся и служившие в Казанском университете. 1804—1904. Ч. 1, вып. 1 и 2. Казань, 1904; вып. 3. Казань, 1908; «Отчеты о состоянии и деятельности Петербургского университета» (с 1870 г. печатались в «Протоколах заседаний Совета Петербургского университета», с 1883 г. — в «Годичных актах Петербургского университета»); *М. Ф. Владимирский-Буданов*. История университета св. Владимира. Т. 1. Киев, 1884 (общая таблица числа студентов за 1834—1883 гг.); «Университет св. Владимира в царствование Александра III. 1881—1894». Киев, 1900 (таблица 3); «Отчеты на годичных актах в университете св. Владимира»; *А. И. Маркевич*. Двадцатипятилетие Новороссийского университета. Одесса, 1890; «Отчеты министра народного просвещения» за 1891—1900 гг. (для Одесского университета); «Годичные акты Варшавского университета»; «Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования. 1888—1913». Томск, 1917.

⁸ См. «Специальные учебные заведения, мужские и женские, в 50 губерниях Европейской России и 10 губерниях Привислянских по переписи 20 марта 1880 года». СПб., 1890, стр. 4—47.

⁹ См. *В. Фриче*. Из жизни интеллигентного пролетариата. — «Образование», 1904, № 1; *П. Берлин*. Интеллигентная беднота. — «Вестник воспитания», 1904, № 5.

¹⁰ См. *Л. С. Личков*. Высшее и среднее образование в России. — «Производительные силы России». Сборник; *П. Н. Миллюков*. Очерки по истории русской культуры. Ч. 2, изд. 4. СПб., 1905, стр. 372.

¹¹ Подсчет сделан по шести университетам, Главному педагогическому институту, трем лицеям (в Ярославле, Одессе и Нежине), Медико-хирургической академии, институтам: Инженеров путей сообщения, Горному, Технологическому, Лесному, Межевому, Гражданских инженеров и Горыгорецкому земледельческому.

¹² См. «Летопись Демидовского Юридического лицея» за 1888/89 и 1890/91 гг.; «Временник Демидовского Юридического лицея». Кн. 81. Ярославль, 1900; *В. Рудаков*. Лицеи в России. — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 34, стр. 860; *его же*. Училище правоведения. — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 48, 1898, стр. 923; «Памятная книжка С.-Петербургского историко-филологического института». СПб., 1902 (список окончивших курс в 1871—1902 гг.); «Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1875—1900». Нежин, 1900; «История Военно-медицинской (бывшей Медико-хирургической) академии за сто лет. 1798—1898». Под ред. Н. П. Ивановского. СПб., 1898.

¹³ См. «Семидесятипятилетний юбилей С.-Петербургского Практического Технологического института». СПб., 1903; «Список окончивших курс в Институте инженеров путей сообщения за сто лет. 1810—1910». СПб., 1910; *Г. В. Барановский*. Краткий исторический очерк пятидесятилетия Института гражданских инженеров, бывшего Строительного училища Министерства внутренних дел. СПб., 1892; «Институт гражданских инженеров» за 1891/92—1900/01 гг.; «Список лиц, окончивших курс в Горном институте с 1773 по 1923 г.». — «Горный журнал», 1923, № 11; *Г. А. Нехамкин*. Из истории Московского механико-машиностроительного института. — «Сто лет Московского механико-машиностроительного института имени Баумана. 1832—1932». Сборник. М., 1933; *А. Л. Анухтин*. Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. СПб., 1879; *С. Д. Рудин* и *Б. Н. Хавский*. Первые 18 лет второго столетия Константиновского межевого института. СПб., 1898; «Album academicum Рижского политехнического института. 1862—1912». Рига, 1912; «Министерство внутренних дел. Исторический очерк. Приложение второе. Почта и телеграф в XIX столетии». СПб., 1902, стр. 245; «Отчеты министра народного просвещения» за 1891—1900 гг. (для Харьковского технологического института).

¹⁴ См. *Н. М. Катаев*. Петровская академия — Московский сельскохозяйственный институт. Пятьдесят лет существования. 1865—1915. Пг., 1915; «Исторический очерк развития С.-Петербургского Лесного института (1803—1903)». СПб., 1903; *М. Солоненко*. Адресный указатель агрономов и лесоводов Ново-Александровского института Люблинской губернии. СПб., 1903.

3. Чиновники, офицеры, духовенство

¹ См. *И. С. Кон*. Размышления об американской интеллигенции. — «Новый мир», 1968, № 1, стр. 181.

² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 328.

³ *В. Семенов*. Проблема классов и классовая борьба в современной буржуазной социологии, стр. 88.

⁴ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 409.

⁵ См. *Е. Карнович*. Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897, стр. 124.

⁶ См. *Н. А. Рубакин*. Много ли в России чиновников? — «Вестник Европы», 1910, № 1, стр. 114—117.

⁷ См. «Государственная служба (Действующее законодательство и статистика)». — Энциклопедический словарь Гранат, изд. 7, т. 16 (статьи Я. Магазинера, К. Обручева и Н. Рубакина).

⁸ См. *М. Яблочков*. История дворянского сословия в России. СПб., 1876, стр. 664 и сл.

⁹ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 456.

¹⁰ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 440.

¹¹ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 345.

¹² *А. В. Никитенко*. Дневник в трех томах. Т. 2, стр. 534.

¹³ См. *Д. М. Левшин*. Пажеский корпус за сто лет. Т. 2. СПб., 1902; *О. Р. фон Фрейман*. Пажи за 183 года (1711—1894). Фридрихсгам, 1894.

¹⁴ См. Г. Н. Вырубов. Школьные воспоминания. I. Александровский лицей. — «Вестник Европы», 1910, № 1, стр. 51—53.

¹⁵ См. И. Сребницкий. Лицей князя Безбородко. — «Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко», изд. 2. СПб., 1881, стр. 17; В. Рудаков. Лицеи в России. — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 34, стр. 860.

¹⁶ См. «Историко-статистический очерк общего и специального образования в России», стр. 50.

¹⁷ См. списки окончивших курс: «Летопись Демидовского Юридического лицея» за 1888/89 и 1890/91 гг.; «Временник Демидовского Юридического лицея». Кн. 81. Общий итог окончивших курс подсчитан нами: во «Временнике» дана цифра 1236 человек.

¹⁸ См. «Академия Военно-юридическая». — Большая энциклопедия. Т. 1, 1899, стр. 218—219. В 1899 г. в академии было 74 учащихся, окончило курс 7; «Академии военные». — Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 1, 1910, стр. 623; «Списки окончившим курс наук воспитанникам Аудиторской школы, воспитанникам Аудиторского училища, ученикам Военно-юридического училища, офицерам и чиновникам Военно-юридической академии». СПб., 1882. Сведения, даваемые в «Историческом очерке деятельности военного управления в России» (Т. 6. СПб., 1881, стр. 393—395), сильно занижены.

¹⁹ См. «Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года», вып. 3. СПб., 1875. К этим сведениям близки, за некоторыми исключениями, и данные следующей петербургской переписи (см. «С.-Петербург по переписи 15 декабря 1881 года. Т. 1. Население». Ч. 2. СПб., 1884).

²⁰ См. «Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России». СПб., 1906, таблица XXI.

²¹ См. «Альманах современных русских государственных деятелей». Издание Г. А. Гольдберга (с портретами). Т. 1—2. СПб., 1897.

²² См. А. А. Половцев. Дневник государственного секретаря. Т. 2. М., 1966, стр. 432.

²³ «Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России», таблица XXII.

²⁴ См. Н. А. Рубакин. Много ли в России чиновников? — «Вестник Европы», 1910, № 1, стр. 124.

²⁵ «Дневник П. А. Валуева». Т. 1. М., 1961, стр. 300; Т. 2, стр. 133.

²⁶ См. П. А. Зайончковский. Александр III и его ближайшее окружение. — «Вопросы истории», 1966, № 8, стр. 130—146.

²⁷ Н. Н. Фирсов. Исторические характеристики и эскизы. Т. 3, вып. 1. Казань, 1926, стр. 16.

²⁸ «Дневник П. А. Валуева». Т. 1, стр. 47.

²⁹ См. П. А. Зайончковский. Александр III и его ближайшее окружение. — «Вопросы истории», 1966, № 8, стр. 140.

³⁰ С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. М., 1960, стр. VII.

³¹ См. В. Е. Рудаков. Последние дни цензуры в Министерстве народного просвещения. — «Исторический вестник», 1911, № 8, стр. 502—533. В. А. Цез пожертвовал 35 тыс. руб. Академии наук на премии за лучшие научные книги для народа.

³² При наличии 50—60 основных цензорских должностей общее

количество служивших в цензуре с 1860 по 1900 г., согласно «Алфавитному списку цензоров» А. В. Мезьер, доходило до 190 человек (см. А. В. Мезьер. Словарный указатель по книговедению. Ч. 3. М.—Л., 1934, стр. 269—350).

³³ Б. Глинский. Среди литераторов и ученых. СПб., 1913, стр. 437.

³⁴ «Русские ведомости. 1863—1913». Сборник статей. М., 1913, стр. 34.

³⁵ См. «Список лицам, служащим по ведомству Министерства народного просвещения». СПб., 1889.

³⁶ См. А. З. Барабой. Харьковско-Киевское тайное общество 1856—1860 гг. — «Исторические записки». Т. 52, 1955, стр. 252.

³⁷ В. Назарьев. Вешние всходы. — «Вестник Европы», 1898, № 4, стр. 679, 681.

³⁸ См. «Неделя», 1969, № 35, стр. 4.

³⁹ См. Г. Сюзор. Ко дню LXXV юбилея Училища правоведения. СПб., 1910, стр. 232, 236; G. Otto und A. Hasselblatt. Von den 14 000 Immatriculirten Dorpats. Dorpat, 1891, S. 92; «Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко» (списки студентов, окончивших курс до 1876 г.); А. И. Маркевич. Двадцатипятилетие Новороссийского университета (список окончивших курс); «Временник Демидовского Юридического лицея». Кн. 81, стр. LXXV.

⁴⁰ См. «Адрес-календарь. Общая роспись начальствующим и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1870 год. Ч. 2. Личный состав новых судебных установлений»; то же на 1880 и 1890 гг. Ч. 1. Судебные округа. В нашем подсчете не учтены незанятые вакансии.

⁴¹ См. Л. Слухоцкий. Очерк деятельности Министерства юстиции по борьбе с политическими преступлениями. — «Историко-революционный сборник». Т. 3, стр. 252.

⁴² См. А. Ф. Кони. Очерки и воспоминания. СПб., 1906, стр. 703; его же. На жизненном пути. Т. 1. М., 1913, стр. 104; его же. Отцы и дети судебной реформы. М., 1914.

⁴³ «Петроградский мировой суд за пятьдесят лет». Т. 1. Пг., 1916, стр. 228—229.

⁴⁴ А. Ф. Кони. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1966; его же. На жизненном пути. Т. 2. М., 1912, стр. 231; его же. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1966, стр. 5 (вступительная статья).

⁴⁵ См. Е. В. Васьковский. Организация адвокатуры. Ч. 1. СПб., 1893, стр. 347; «Присяжные поверенные». — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 49, 1898.

⁴⁶ См. В. П. Макалинский. С.-Петербургская присяжная адвокатура. Деятельность С.-Петербургских Совета и общих собраний присяжных поверенных за 22 года (1866—1888 гг.). СПб., 1889, стр. 49, 75 (цифры по Петербургскому округу примерно совпадают с данными петербургской переписи 1890 г., насчитывавшей 574 адвоката); «Двадцатипятилетие московских присяжных поверенных». Под ред. А. Е. Носа. М., 1891, стр. 1—26; Е. В. Васьковский. Организация адвокатуры. Ч. 1, стр. 339 (сведения Васьковского взяты из ежегодника «Юридический календарь», издававшегося М. Я. Острогорским).

⁴⁷ См. «Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России», таблица XXII.

⁴⁸ См. *М. Лалаев*. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. 1700—1880. СПб., 1880, стр. 121—122; *П. В. Петров*. Главное управление военно-учебных заведений. Столетие Военного министерства. Т. X, ч. 2. СПб., 1907, стр. 96; Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 1, стр. 622.

⁴⁹ См. «Историко-статистический очерк общего и специального образования в России», стр. 121—122.

⁵⁰ См. «Университеты и средние учебные заведения в 50 губерниях Европейской России и 10 губерниях Привислянских по переписи 20 марта 1880 года», стр. 131.

⁵¹ По имеющимся сведениям, за 1862—1879 гг. Артиллерийское училище выпустило 1084, Инженерное училище — 738 и Военно-топографическое училище — 203 офицера (см. «Исторический очерк деятельности военного управления в России». Т. 3. СПб., 1879, приложение № 53; *В. де Ливрон*. Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов. 1855—1880. СПб., 1880).

⁵² См. *М. Лалаев*. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. 1700—1880, стр. 279 (второй пагинации).

⁵³ Более подробно см.: «Исторический очерк деятельности военного управления в России». Т. 1. СПб., 1879, стр. 233; *Н. П. Глиноецкий*. Исторический очерк Николаевской академии генерального штаба. СПб., 1882 (список офицеров, кончивших курс с 1834 по 1882 г.); «Академии военные». — Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 1, стр. 621—622. В 1896 г. окончило курс в Академии генштаба 104 человека, в Артиллерийской — 13 человек, в Инженерной — 33 человека. В 1897 г. число учащихся в этих академиях было соответственно 323, 62 и 110 человек (см. Большая энциклопедия. Т. 1, стр. 220—225).

⁵⁴ См. *Н. Офицерский класс и Академический курс морских наук* (Исторический очерк). Сборник морских статей, № 1. СПб., 1877, стр. 1—21; Большая энциклопедия. Т. 1, стр. 225; Военная энциклопедия. Т. 16, 1914, стр. 612.

⁵⁵ См. *Н. Рубакин*. Военная бюрократия в цифрах. Статистика генералов и адмиралов. — «Русская мысль», 1907, № 1.

⁵⁶ См. *С. С. Волк*. «Народная Воля». М.—Л., 1966, стр. 313.

⁵⁷ *Ф. Врангель*. Преобразование Морской академии. — «Морской сборник», 1882, № 2, стр. 13, 21.

⁵⁸ Перечень трудов профессоров и офицеров Академии генерального штаба показывает, что авторы (их было 341 человек до начала 80-х годов) писали по вопросам военной истории (96 человек), военного искусства (77), военной администрации (51), географии и статистики (194), геодезии, топографии и съемки (41 человек); 34 автора участвовали в периодических и справочных изданиях (см. *Н. П. Глиноецкий*. Исторический очерк Николаевской академии генерального штаба, стр. 360 и 83 (третьей пагинации)).

⁵⁹ *В. И. Засулич*. Революционеры из буржуазной среды. Пг., 1921, стр. 53.

⁶⁰ *В. Г. Короленко*. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 7, стр. 161.

⁶¹ В 90-х годах имелось 23 кадетских корпуса, 11 юнкерских и 8 военных училищ (к их числу прибавились офицерские классы Оренбургского и Сибирского корпусов).

⁶² Высокие требования для поступления в жандармский корпус показывают, что было из кого выбирать. Требовалось быть потомственным дворянином, не католиком, окончить по первому разряду военное или юнкерское училище, пробыть в строю не менее 6 лет, не иметь долгов и т. п. Попадавший в списки кандидатов, дождавшись вакансии, проходил специальные курсы и высочайшим приказом переводился в корпус жандармов (см. А. Спиридович. Записки жандарма. Харьков, 1927, стр. 30).

⁶³ Н. М. Никольский. История русской церкви. М.—Л., 1931, стр. 203, 343.

⁶⁴ И. Преображенский. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840—1841 по 1890—1891 гг. СПб., 1897, стр. 230.

⁶⁵ Е. Е. Голубинский. О реформе в быте русской церкви (статьи 1881—1906 гг.). — «Чтения в Обществе истории и древностей российских». Т. 3. М., 1913, стр. 111, 106.

⁶⁶ «Князья церкви». Дневник А. Н. Львова. — «Красный архив», 1930, т. 3 (40), стр. 107—108.

⁶⁷ М. А. Рейснер. Духовная полиция в России. СПб., 1907, стр. 104.

⁶⁸ Речь идет о сети православного духовного образования. Католическое духовенство имело свою сеть во главе с Римско-католической духовной академией в Петербурге, переведенной в 1842 г. из Вильны и с 1867 г. единственной в России. Лютеранское духовенство готовилось на богословских факультетах Дерптского и Гельсингфорского университетов. Дерпт выпустил с 1858 по 1900 г. 797 богословов.

⁶⁹ И. Преображенский. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840—1841 по 1890—1891 гг., стр. 177—178; Б. В. Титлинов. Духовная школа в России в XIX столетии, вып. 2 (Протасовская эпоха и реформы 60-х годов). Вильна, 1909, стр. 92—93.

⁷⁰ Духовные училища особенно нуждались в преобразовании. В крепостное время обучение детей духовенства в них было обязательным, но фактически никакого общего образования бурса не давала. Учебная система и быт дореформенных духовных училищ правдиво описаны в «Очерках бursы» Н. Г. Помяловского. В середине 50-х годов имелось около 200 духовных училищ с 37 тыс. учащихся. Реформа 1867 г. обратила их в низшую школу для всех сословий. Казеннокоштные бурсаки пополняли ряды церковнослужителей.

⁷¹ И. Преображенский. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840—1841 по 1890—1891 г., стр. 177, 168; Н. Никольский. Духовные учебные заведения. — Энциклопедический словарь Гранат. Т. 19.

⁷² См. Н. А. Скроботов. Памятная книжка окончивших курс в С.-Петербургской духовной семинарии с 1811 по 1895 г. СПб., 1896 (с 1811 по 1857 г. окончило 1017 человек); Вл. Колосов. История Тверской духовной семинарии ко дню 150-летнего юбилея семинарии. Тверь, 1889, стр. 354—355; Н. И. Теодорович. Волынская духовная семинария. Почаев, 1901 (списки окончивших курс); Н. Седых. Очерки истории Пермской духовной семинарии за 1877—1884 гг. Пермь, 1915 (списки окончивших).

⁷³ «Князья церкви». Дневник А. Н. Львова. — «Красный архив», 1930, т. 3 (40), стр. 101.

⁷⁴ *И. Прображенский*. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840—1841 по 1890—1891 г., стр. 12.

⁷⁵ Там же, стр. 164. После того как духовные академии перестали поставлять в семинарии преподавателей физико-математических наук, Синод с 1872 г. содержал своих стипендиатов при шести университетах для заполнения этих вакантных кафедр (см. «Протоколы заседаний Совета Петербургского университета», № 6. СПб., 1873, стр. 97—98).

⁷⁶ *Б. В. Титлинов*. Духовная школа в России в XIX столетии, вып. 2, стр. 202.

⁷⁷ *Е. Е. Голубинский*. О реформе в быте русской церкви (статьи 1881—1906 гг.). — «Чтения в Обществе истории и древностей российских». Т. 3, стр. 95.

⁷⁸ *Н. Седых*. Очерки истории Пермской духовной семинарии за 1877—1884 гг., стр. 234.

⁷⁹ *Б. В. Титлинов*, Молодежь и революция. Из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных средних учебных заведений. 1860—1905, изд. 2. Л., 1926, стр. 11—65.

⁸⁰ *Н. И. Теодорович*. Волынская духовная семинария, стр. 663.

⁸¹ *И. С. Бердников*. Краткий очерк учебной и ученой деятельности Казанской духовной академии за пятьдесят лет ее существования. 1842—1892. Казань, 1893, стр. 180—183.

4. Технические кадры

¹ См. *А. И. Дельвиг*. Полвека русской жизни. Воспоминания. 1820—1870. Т. 1. М.—Л., 1930, стр. 271.

² Чиновники некоторых отраслей государственной службы в крепостной России составляли военизированные корпорации: корпус горных инженеров, корпус инженеров путей сообщения, корпуса лесничих, межевщиков, военных топографов, штурманов и проч. Корпусами же назывались первые привилегированные учебные заведения — Шляхетский и Пажеский корпуса. Позже военно-учебные заведения стали называться кадетскими корпусами.

³ См. «Список лиц, окончивших курс в Горном институте с 1773 по 1923 г.». — «Горный журнал», 1923, № 11.

⁴ См. «Исторический очерк развития С.-Петербургского Лесного института (1803—1903)»; списки окончивших курс. — Там же.

⁵ См. *А. Л. Апухтин*. Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год; *С. Д. Рудин* и *Б. Н. Хавский*. Первые 18 лет второго столетия Константиновского межевого института.

⁶ См. «Список окончивших курс в Институте инженеров путей сообщения за сто лет. 1810—1910»; *С. М. Житков*. Институт инженеров путей сообщения. Исторический очерк. СПб., 1899.

⁷ См. *А. И. Дельвиг*. Полвека русской жизни. Воспоминания. 1820—1870. Т. 1, стр. 293—294.

⁸ «Исторический очерк двадцатипятилетия Строительного училища». [СПб., 1867].

⁹ См. *И. А. Евневич*. Краткий исторический очерк о С.-Петербургском Практическом Технологическом институте. 1828—1878. СПб., 1878.

¹⁰ См. *Г. А. Нехамкин*. Из истории Московского механико-ма-

шиностроительного института. — «Сто лет Московского механико-машиностроительного института имени Баумана. 1832—1932». Сборник, стр. 64 и др.

¹¹ См. *А. И. Ходнев*. История Вольного экономического общества с 1765 до 1865 г. СПб., 1865, стр. 259—265. Школа гр. Строгановой в Петербурге существовала в 1825—1844 гг., Земледельческая школа в Москве — в 1822—1837 гг.

¹² *С. Маслов*. Обзорение Горыгорецкого земледельческого института. — «Журнал сельского хозяйства», 1857, № 11, стр. 35.

¹³ См. там же, стр. 57; № 12, стр. 91—92; см. также *Н. В. Воробей* и *Н. Я. Корнев*. Горыгорецкий земледельческий институт и развитие сельского хозяйства и экономической мысли в Белоруссии в 40—60-х годах XIX века. — «Труды Белорусской сельскохозяйственной академии». Т. 33. Минск, 1960, стр. 130—143.

¹⁴ *Г. В. Плеханов*. Избранные философские произведения. Т. V, стр. 43.

¹⁵ См. *Г. А. Нехамкин*. Из истории Московского механико-машиностроительного института. — «Сто лет Московского механико-машиностроительного института имени Баумана. 1832—1932». Сборник стр. 71.

¹⁶ *В. В[оронцов]*. От семидесятых годов к девятистым. Сборник статей. СПб., 1907, стр. 154; «Техническое образование в России». — «Производительные силы России». Сборник, стр. 85; *М. Матвеев*. Студенты Сибири в революционном движении, стр. 24.

¹⁷ См. примечание 3.

¹⁸ *В. В. Вересаев*. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 5. М., 1961, стр. 322.

¹⁹ См. «Выдающиеся ученые Горного института. Сборник статей, посвященный 175-летию Горного института», вып. 2. М., 1951, стр. 67.

²⁰ См. *В. Г. Короленко*. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 7, стр. 43—44.

²¹ См. «Краткие отчеты по С.-Петербургскому Практическому Технологическому институту» за 1891—1900 гг.

²² См. «Семидесятипятiletний юбилей С.-Петербургского Практического Технологического института» (статистическая таблица окончивших курс по годам).

²³ См. *И. А. Евневич*. Краткий исторический очерк о С.-Петербургском Практическом Технологическом институте. 1828—1878, стр. 121—123; *Н. П. Ланговой*. С.-Петербургский Практический Технологический институт. 1828—1893. СПб., 1894, стр. 37—48; «Семидесятипятiletний юбилей С.-Петербургского Практического Технологического института» (статистические таблицы).

²⁴ См. *Г. А. Нехамкин*. Из истории Московского механико-машиностроительного института. — «Сто лет Московского механико-машиностроительного института имени Баумана. 1832—1932». Сборник, стр. 69, 70, 104; в 1901—1910 гг. окончило курс 1039, в 1911—1917 гг. — 1041 человек.

²⁵ См. *И. Бухонов*. Московское техническое училище. — «Техническое образование», 1894, № 4, стр. 263—277.

²⁶ См. «Отчет о состоянии Харьковского Практического Технологического института за 1896 год». Харьков, 1897, стр. 48; «Отчеты министра народного просвещения» за 1891—1900 гг.

²⁷ См. «Пятидесятилетний юбилей Рижского политехнического института». Рига, 1913; «Album academicum Рижского политехнического института. 1862—1912».

²⁸ См. *В. Б[ирюкович]*. Вопросы профессионального образования в русской печати. — «Русская школа», 1894, № 3, стр. 109—112.

²⁹ См. *И. И. Козлов*. Привилегии на изобретения. — «Производительные силы России». Сборник, стр. 8.

³⁰ См. *С. М. Житков*. Институт инженеров путей сообщения. Исторический очерк; *А. М. Ларионов*. История института инженеров путей сообщения за первое столетие его существования. СПб., 1910; «Список окончивших курс в Институте инженеров путей сообщения за сто лет. 1810—1910».

³¹ См. *С. Ю. Витте*. Воспоминания. Т. 1, стр. 152.

³² См. *С. М. Житков*. Биографии инженеров путей сообщения, вып. 2. СПб., 1893, стр. 9.

³³ См. *Чаруковский*. Список окончивших курс наук в Институте инженеров путей сообщения с 1883 по 1888 г. включительно. СПб., 1888.

³⁴ См. *Г. В. Барановский*. Краткий исторический очерк пятидесятилетия Института гражданских инженеров, бывшего Строительного училища Министерства внутренних дел, стр. 16; *его же*. Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища). 1842—1892. СПб., 1893 (в юбилейных книгах — списки окончивших курс); «Институт гражданских инженеров» за 1891/92—1900/01 гг. (списки окончивших).

³⁵ См. «Министерство внутренних дел. Исторический очерк. Приложение второе. Почта и телеграф в XIX столетии», стр. 245.

³⁶ См. «Интеллигентные пролетарии во Франции». Сборник. СПб., 1902, стр. 12—13.

³⁷ См. «Столетие учреждения Лесного департамента. 1798—1898». СПб., 1898, стр. 196.

³⁸ См. *В. Вартамянц*. Петровская академия как выразительница традиций семидесятых годов. Тифлис, 1900, стр. 23.

³⁹ См. «Историко-статистический очерк общего и специального образования в России», стр. 180; «Исторический очерк развития С.-Петербургского Лесного института (1803—1903)» (список окончивших курс). Автор этого очерка зачисляет, кроме того, в кадры лесоводов три выпуска существовавших в 60-е годы курсов лесоводов в Лисинском уездном лесничестве — 80 человек — и единственный выпуск существовавшей в Петербурге около двух лет Лесной академии, в 1865 г. слитой с Петровской академией, — 46 человек; *Н. М. Катаев*. Петровская академия — Московский сельскохозяйственный институт. Пятьдесят лет существования. 1865—1915, стр. 33; *А. Фортунатов*. Занятия русских агрономов. [СПб., 1890], стр. 2; *М. Солоненко*. Адресный указатель агрономов и лесоводов Ново-Александровского института Люблинской губернии.

Недостаток агрономов отчасти восполнялся практиками, которых выпускали средние сельскохозяйственные школы разных специальностей. С 1854 г. до конца века таких школ было основано около десятка. К 1881 г. шесть школ успели выпустить свыше 1800 человек. К 1897 г. общее число выпускников уже девяти школ возросло до 4440 человек. В этих школах с общеобразовательным курсом

типа реальных училищ обучались в основном крестьяне (30%), мещане (25%), разночинцы (12%), дворян было всего 25% (сведения на 1 января 1898 г.) (см. «Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию», вып. 2. СПб., 1898, стр. 40 и XIV).

⁴⁰ См. А. К. Ковальковский. Земство и агрономическая работа. Кострома, 1915, стр. 53.

⁴¹ См. Н. М. Катаев. Петровская академия — Московский сельскохозяйственный институт. Пятьдесят лет существования. 1865—1915, стр. 33.

⁴² См. А. М. Руденко. Столетие русской военной ветеринарии. СПб., 1912, стр. 21—22, 49.

⁴³ См. В. Е. Чешихин (Ч. Ветринский). Пятьдесят лет жизни нижегородских земств. Н. Новгород, 1914, стр. 88.

⁴⁴ См. В. П. Острогорский. П. Д. Ларин. Биографический очерк. — «Пятидесятилетие С.-Петербургской Ларинской гимназии», стр. 1—19.

⁴⁵ См. А. С. Пругавин. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания, изд. 2. СПб., 1895, стр. 508—510.

⁴⁶ См. Е. Лихачева. Материалы для истории женского образования в России. 1856—1880. СПб., 1901, стр. 548; «Памяти Петра Францевича Лесгафта». Сборник. СПб., 1912, стр. 257.

⁴⁷ См. С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902, стр. 668; «Министерство внутренних дел. Исторический очерк. Приложение первое». СПб., 1902, стр. 89.

⁴⁸ См. «Министерство финансов». Ч. 2. СПб., 1902, стр. 607.

⁴⁹ «Технологический институт имени Ленинградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов». Т. 1, Л., 1928, стр. 201, 106; И. А. Евневич. Краткий исторический очерк о С.-Петербургском Практическом Технологическом институте. 1828—1878, стр. 117—119.

⁵⁰ См. Д. Д. Семенов. Городское самоуправление. Очерки и опыты. СПб., 1901, стр. 180.

⁵¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 153.

⁵² При возникновении в 1884 г. оно имело 170 членов; в 1893 г. уже более 700. В этом году оно помогло найти работу 65 технологам. Общество технологов стало неотъемлемой частью Технологического института.

⁵³ См. «Краткий исторический очерк деятельности Русского технического общества с его основания по 1 января 1893 г.». [СПб., 1893], стр. 15.

⁵⁴ См. М. А. Шателен. Русские электротехники второй половины XIX века. М.—Л., 1950, стр. 318, 321, 327, 368, 352.

⁵⁵ См. «2-й съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию». СПб., 1898.

⁵⁶ См. «Научно-технические общества в России. Исторический очерк». М., 1968, стр. 36, 45.

⁵⁷ А. Е. Грузинский. Тридцать лет жизни Учебного отдела Общества распространения технических знаний. М., 1902, стр. 3.

⁵⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 167.

5. Медики

¹ См. *Е. А. Осипов*. Земская медицина в России. — «Русская земская медицина». М., 1899, стр. 68—69; *П. И. Кедров*. Условия труда и жизни низшего медицинского персонала в России. СПб., 1902, стр. 11—13.

² См. *С. А. Адрианов*. Министерство внутренних дел. СПб., 1902, стр. 79.

³ *Р. В. Русский врач*. — «Современник», 1861, октябрь, стр. 582.

⁴ *Г. Г. Скориченко*. Имп. Военно-медицинская (Медико-хирургическая) академия. Исторический очерк. Ч. 2. СПб., 1910, стр. 167.

⁵ См. «История Военно-медицинской (бывшей Медико-хирургической) академии за сто лет. 1798—1898», стр. 569; «Университеты и средние учебные заведения в 50 губерниях Европейской России и 10 губерниях Привислянских по переписи 20 марта 1880 года», таблица 4; «Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования. 1888—1913».

⁶ См. *Н. Н. Голицын*. История социально-революционного движения в России. 1861—1881 гг. Глава десятая. СПб., 1887, стр. 34—35.

⁷ См. *В. А. Кашеварова*. Автобиография. — «Двадцатипятилетие врачей, бывших студентов Медико-хирургической академии, выпуска 9 декабря 1868 года». Сборник. СПб., 1893, стр. 68—95.

⁸ См. *Е. Лихачева*. Материалы для истории женского образования в России. 1856—1880, стр. 641; см. также *А. Шабанова*. Женское врачебное образование в России. — «Исторический вестник», 1913, март, стр. 952—961.

⁹ См. *С. В. Рождественский*. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902, стр. 630—631.

¹⁰ См. «История Военно-медицинской (бывшей Медико-хирургической) академии за сто лет. 1798—1898», стр. 568—569, 651, 763.

¹¹ См. «Отчеты о состоянии и действиях Московского университета»; *Е. В. Петухов*. Статистические таблицы и личные списки по Юрьевскому, бывшему Дерптскому, университету; *М. Ф. Владимирский-Буданов*. История университета св. Владимира. Т. 1; «Отчеты на годовичных актах Киевского университета» за 1895—1900 гг.; отчеты и извлечения из отчетов о состоянии и деятельности Харьковского университета (за 1882—1890 гг. отсутствуют); «Годичные акты Варшавского университета»; «Годичные акты в Казанском университете»; «Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования. 1888—1913», стр. 150.

¹² См. *П. И. Кедров*. Условия труда и жизни низшего медицинского персонала в России, стр. 14; *В. Фриче*. Из жизни интеллигентного пролетариата. — «Образование», 1904, № 1; *П. Берлин*. Интеллигентная беднота. — «Вестник воспитания», 1904, № 5, стр. 183—184; «Интеллигентные пролетарии во Франции». Сборник, стр. 7—8.

¹³ «Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России», стр. 88—89.

¹⁴ *А. В. Погожев*. Двадцатипятилетие (1861—1886 гг.) естественных съездов в России. М., 1887, стр. 345.

¹⁵ См. *Е. А. Осипов*. Земская медицина в России. — «Русская земская медицина», стр. 86; *Б. Б. Веселовский*. История земства за сорок лет. Т. 1. СПб., 1909, стр. 354.

¹⁶ См. *Е. А. Осипов*. Земская медицина в России. — «Русская земская медицина», стр. 175.

¹⁷ *Вера Фигнер*. Запечатленный труд. Т. 1. М., 1964, стр. 162, 164—165.

¹⁸ *Г. В. Хлопин*. Из воспоминаний о Ф. Ф. Эрисмане. — «Русская школа», 1916, № 4, стр. 30.

¹⁹ См. *Е. А. Осипов*. Земская медицина в России. — «Русская земская медицина», стр. 176.

²⁰ См. *Н. Рудинский*. Записки земского врача, изд. 2. СПб., 1910.

²¹ *С. А. Адрианов*. Министерство внутренних дел, стр. 145—146.

²² *Г. Г. Скориченко*. Имп. Военно-медицинская (Медико-хирургическая) академия. Исторический очерк. Ч. 2, стр. 167—168.

²³ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 329.

²⁴ «Николай Иванович Пирогов и его наследие. Пироговские съезды». СПб., 1911; *К. И. Шидловский*. Сводка ходатайств Пироговского общества врачей перед правительственными учреждениями за 20 лет (1883—1903). М., 1904.

²⁵ *Е. А. Осипов*. Земская медицина в России. — «Русская земская медицина», стр. 143; *Б. Б. Веселовский*. История земства за сорок лет. Т. 3. СПб., 1911, стр. 472.

²⁶ *Е. А. Осипов*. Земская медицина в России. — «Русская земская медицина», стр. 176—177.

²⁷ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 49.

6. Учителя средней и начальной школы

¹ См. «Краткое историческое обозрение действий Главного педагогического института». СПб., 1859, стр. 16—17.

² См. *Б. М. Кочаков*. Педагогические кадры военно-учебных заведений царской России. — «Труды Высшего Военно-педагогического института имени М. И. Калинина». Т. 2. Л., 1947.

³ См. «Историко-статистический очерк общего и специального образования в России», стр. 123.

⁴ См. «Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905)». Под ред. М. Г. Халанского и Д. И. Багаля. Харьков, 1908, стр. 38.

⁵ См. «Пятидесятилетие Петроградского историко-филологического института. Биографический словарь лиц, окончивших курс института». Под ред. В. В. Латышева. Ч. 1, вып. I—XXIII (1871—1893). Пг., 1917 (вторая часть не была напечатана).

⁶ См. *М. Ф[илиппов]*. Реформа гимназий и университетов. — «Научное обозрение», 1901, № 6, стр. 164—165.

⁷ См. *Е. Лихачева*. Материалы для истории женского образования в России. 1856—1880, стр. 496.

⁸ См. «Список студентов, окончивших полный курс наук в 1871—1902 годах. Памятная книжка С.-Петербургского историко-филологического института». СПб., 1902; «Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1875—1900» (список воспитанников).

⁹ См. «Памятная книжка окончивших курс наук на С.-Петербургских Высших женских курсах. 1882—1889 гг. и 1893—1903 гг.», изд. 4. СПб., 1903.

¹⁰ См. «Интеллигентные пролетарии во Франции». Сборник, стр. 10—11.

¹¹ См. «Университеты и средние учебные заведения в 50 губерниях Европейской России и 10 губерниях Привислянских по переписи 20 марта 1880 года»; «Специальные учебные заведения, мужские и женские, в 50 губерниях Европейской России и 10 губерниях Привислянских по переписи 20 марта 1880 года».

¹² См. *Д. И. Менделеев*. Заветные мысли. СПб., 1904, стр. 255.

¹³ См. *М. Ф[илиппов]*. Реформа гимназий и университетов. — «Научное обозрение», 1901, № 6, стр. 163.

¹⁴ См. «Протоколы заседаний Совета Петербургского университета», № 42. СПб., 1890, стр. 22—23.

¹⁵ См. *Е. Лихачева*. Материалы для истории женского образования в России. 1856—1880, стр. 220.

¹⁶ См. *Н. В. Чехов*. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912, стр. 24.

¹⁷ См. *А. М. Тютрюмов*. Общественное и юридическое положение сельского учителя. — «Русская школа», 1892, № 10, стр. 104—105.

¹⁸ По отчету Министерства народного просвещения за 1863 г., дается общее число народных школ свыше 30 тыс. с 632,5 тыс. учеников (см. «Историко-статистический очерк общего и специального образования в России», стр. 70). По другим официальным данным, дается общая цифра 35,7 тыс. с 954,6 тыс. учеников (см. *А. Г. Рашин*. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). Статистические очерки, стр. 312).

¹⁹ См. *Н. А. Корф*. Наши учительские семинарии. — «Вестник Европы», 1883, № 4, стр. 787.

²⁰ См. *В. В. Литвинов*. Воронежская учительская семинария (1875—1900). Воронеж, 1911, стр. 9.

²¹ *А. М. Тютрюмов*. Общественное и юридическое положение сельского учителя. — «Русская школа», 1892, № 11, стр. 124.

²² См. *Н. Феликсов*. Педагогические курсы и учительские съезды. — «Русская мысль», 1896, № 9, стр. 13.

²³ См. *Л. В. Македонов*, *Н. Ф. Бунаков*. Его жизнь и деятельность. СПб., 1907, стр. 18.

²⁴ См. *Г. И. Успенский*. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 9. М., 1957, стр. 534—535.

²⁵ См. *В. В. Петров*. Обзор двадцатипятилетней деятельности Московского земства. Попечение о народном образовании (земская школа). М., 1892, стр. 64; *В. М. Хижняков*. Воспоминания земского деятеля. Пг., 1916, стр. 131—133; *Б. Б. Веселовский*. Исторический обзор деятельности земских учреждений С.-Петербургской (ныне Петроградской) губернии. 1865—1915. Пг., 1917, стр. 180—181.

²⁶ См. *Б. Б. Веселовский*. История земства за сорок лет. Т. 1, стр. 503.

²⁷ См. *И. Маслов*. Краткий очерк 25-летнего существования Самарской земской школы сельских учительниц. Самара, 1898, стр. 24.

²⁸ См. *В. В. Литвинов*. Воронежская учительская семинария (1875—1900) (список окончивших курсы).

²⁹ См. *Б. Б. Веселовский*. Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии (1864—1913). Тверь, 1914, стр. 183—186, 252.

³⁰ См. «Двадцатипятилетие С.-Петербургской земской учительской школы с 1872 по 1897 г.». СПб., 1897 (список окончивших курс).

³¹ См. «Сельские училища в Европейской России и Привислянских губерниях». СПб., 1888, стр. IV.

³² См. «Положение народных учителей Псковской губернии». Приложение к кн. «Начальное народное образование в Псковской губернии». Псков, 1899; П. А. Субботин и А. Е. Флеров. Обзор деятельности Рязанского уездного земства по народному образованию за 1865—1900 гг. Рязань, 1902, стр. 592.

³³ См. Я. В. Абрамов. Что сделало земство и что оно делает (Обзор деятельности русского земства). СПб., 1889, стр. 105—106.

³⁴ См. М. Ф. Суперанский. Начальная народная школа в Симбирской губернии. Симбирск, 1906, стр. 220—221.

³⁵ См. П. А. Голубев. Вятское земство среди других земств России, стр. 82.

³⁶ См. Б. Б. Веселовский. Исторический обзор деятельности земских учреждений С.-Петербургской (ныне Петроградской) губернии. 1865—1915, стр. 194; А. В. Пешехонов. Краткий очерк положения начального народного образования в Калужской губернии. Калуга, 1896, стр. 52.

³⁷ См. И. Преображенский. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840—1841 по 1890—1891 г., стр. 115, 124; «Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи», вып. 2. СПб., 1900, стр. 258—259, 242.

³⁸ Указанное нами распределение учителей расходится со сделанным в «Статистических сведениях по начальному образованию в Российской империи» (вып. 3. СПб., 1902, стр. 12 и 24), где в состав учивших включены церковники и законоучители, вследствие чего общее количество учивших исчислено в 150,6 тыс. чел.

³⁹ См. Б. Б. Веселовский. Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии (1864—1913), стр. 191; «Земский сборник Черниговской губернии», 1898, № 5, стр. 11—12.

⁴⁰ См. А. М. Тютрюмов. Общественное и юридическое положение сельского учителя. — «Русская школа», 1892, № 10, стр. 109—110.

⁴¹ Там же, стр. 113.

⁴² См. В. В. Литвинов. Воронежская учительская семинария (1875—1900), стр. 67.

⁴³ Lehmann und Parvus. Das Hungernde Russland. Stuttgart, 1900, S. 445.

⁴⁴ См. П. П. Копосов. Московская четвертая гимназия в пятидесятых годах. — Д. Соколов. Пятидесятилетие Московской четвертой гимназии, стр. 33—36 (второй пагинации).

⁴⁵ См. А. Е. Грузинский. Тридцать лет жизни Учебного отдела Общества распространения технических знаний (приложено 15 биографических очерков выдающихся педагогов, деятелей Общества).

⁴⁶ См. «Политические процессы шестидесяти годов». М.—Пг., 1923, стр. 24—26; «Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т. 1, ч. 2. Шестидесятые годы». М., 1928.

⁴⁷ См. Ш. И. Ганелин. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века, стр. 95—98 и др.; П. К. Пешекеров. Пропаганда народовольцев среди рабочих в Ростове-на-Дону в 1882—1884 гг. — «Народовольцы после 1-го марта 1881 года». Сборник. М., 1928, стр. 119.

7. Работники науки

¹ Д. И. Менделеев. Какая же Академия нужна в России? — «Новый мир», 1966, № 12, стр. 180.

² G. Otto und A. Hasselblatt. Von den 14 000 Immatriculirten Dorpats, S. 50, 60. Из дерптских питомцев вышло также 39 профессоров заграничных учебных заведений.

³ См. А. Воронов. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа. СПб., 1854, стр. 292, 295; В. В. Григорьев. С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870, стр. 113, XI, XII.

⁴ См. «Ленинградский университет. 1819—1944». Л., 1945, стр. 20.

⁵ См. А. А. Воронов. История Технологического института. — «Технологический институт имени Ленинградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов». Т. 1, стр. 75.

⁶ См. «История Военно-медицинской (бывшей Медико-хирургической) академии за сто лет. 1798—1898», стр. 777.

⁷ См. «Отчет о состоянии и действиях Московского университета в 1859/60 академическом и 1860 гражданском году». М., [б. г.]; то же за 1895 г. (М., 1897); «Университеты и средние учебные заведения в 50 губерниях Европейской России и 10 губерниях Привислянских по переписи 20 марта 1880 года», стр. 3 и 12.

⁸ См. С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902, стр. 419, 423.

⁹ Szymon Askenazy. Uniwersytet Warszawski. Warszawa, 1905, s. 46; В. В. Есупов. Материалы к истории Варшавского университета, вып. 2. Варшава, 1915, стр. 15.

¹⁰ Большая энциклопедия. Т. 19, 1904, стр. 9.

¹¹ См. А. И. Михайловский. Преподаватели, учившиеся и служившие в Казанском университете. 1804—1904. Ч. 1, вып. 2 и 3; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 20, 1897, стр. 4.

¹² См. «Специальные учебные заведения мужские и женские в 50 губерниях Европейской России и 10 губерниях Привислянских по переписи 20 марта 1880 года».

¹³ См. «Биографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869—1894». Т. 1. СПб., 1896; Т. 2. СПб., 1898; «Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета (1804—1904)». Ч. 1 и 2. Казань, 1904; биографические словари профессоров и преподавателей Харьковского университета в кн.: «Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905)»; «Физико-математический факультет Харьковского университета». Харьков, 1908; «Юридический факультет Харьковского университета». Харьков, 1908; «Медицинский факультет Харьковского университета». Харьков, 1905—1906; «Биографический словарь профессоров и преподавателей университета св. Владимира». Киев, 1884; А. И. Маркевич. Двадцатипятилетие Новороссийского университета; «Биографический словарь профессоров и преподавателей Юрьевского, бывшего Дерптского, университета (1802—1902)». Т. 1—2. Юрьев, 1902—1903.

¹⁴ См. «Сведения о лицах, служивших и служащих в С.-Петербургском Технологическом институте». — «Семидесятипятителетний юбилей С.-Петербургского Практического Технологического инсти-

тута»; «Прежние профессора и преподаватели Горного института за 150 лет». — «В память столетия юбилея Горного института в Петрограде». М., 1923; «Алфавитный список профессоров и преподавателей Института гражданских инженеров». — *Г. В. Барановский*. Краткий исторический очерк пятидесятилетия Института гражданских инженеров, бывшего Строительного училища Министерства внутренних дел; *Н. П. Глиноецкий*. Исторический очерк Николаевской академии генерального штаба; *К. Головищikov*. Павел Григорьевич Демидов и история основанного им в Ярославле училища. Ярославль, 1887; «Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1875—1900» (список профессоров и преподавателей).

¹⁵ См. «Список лицам, служившим в Министерстве народного просвещения». СПб., 1869; *Вл. Михневич*. Петербург весь на ладони. СПб., 1874; *Б. Л. Модзалевский*. Список членов Академии наук. 1725—1907. СПб., 1908.

¹⁶ См. «История Академии наук СССР». Т. 2. М.—Л., 1964, стр. 461.

¹⁷ См. *В. Е. Рудаков*. Два археологических юбилея (35-летие Археологического института). — «Исторический вестник», 1913, март, стр. 962—976.

¹⁸ См. *С. В. Рождественский*. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902, стр. 420.

¹⁹ См. «Имп. Публичная библиотека за сто лет». СПб., 1914, стр. 386.

²⁰ См. «Протоколы заседаний Совета Петербургского университета», № 42, стр. 24; «Ленинградский университет. 1819—1944». стр. 42—43.

²¹ *А. И. Богданович*. Годы перелома, стр. 94—104.

²² *Н. А. Любимов*. Мой вклад. Т. 1. Университетский вопрос. М., 1881, стр. 80—81.

²³ *В. В. Вересаев*. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 5, стр. 291—292.

²⁴ «Отечественные экономико-географы XVIII—XIX вв.». Сборник. М., 1957, стр. 227 (записи П. П. Семенова-Тян-Шанского).

²⁵ См. *Н. Ф. Сумцов*. Воспоминания об А. А. Воскресенском и А. А. Потебне. — «Записки Харьковского университета». Кн. 1, 1893, стр. 46—47; *Д. Н. Овсянко-Куликовский*. Воспоминания. Пг., 1923, стр. 184.

²⁶ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 352.

²⁷ См. *Б. Н. Чичерин*. Воспоминания. Московский университет. М., 1929, стр. 224; «Русские ведомости. 1863—1913». Сборник статей, стр. 10—11.

²⁸ *А. И. Георгиевский*. Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890, стр. 14.

²⁹ См. *С. Штрайх*. Из профессорской деятельности А. С. Посникова (к истории борьбы за университетскую автономию). — «Русская школа», 1916, № 1, стр. 68.

³⁰ См. *Л. Меньшиков*. Охрана и революция. Ч. 1. М., 1925, стр. 230.

³¹ «Ленинградский университет в воспоминаниях современников». Т. 1. 1819—1895, стр. 177—178, 180—181.

- ³² «Письма П. С. Билярскому». Одесса, 1906, стр. 306.
- ³³ См. «Памяти Петра Францевича Лесгафта». Сборник, стр. 38—42.
- ³⁴ См. «Автобиография М. П. Драгоманова». — «Былое», 1906, июнь, стр. 200—202.
- ³⁵ См. *Д. И. Багалей, Н. Ф. Сумцов и В. П. Бузескул*. Краткий очерк истории Харьковского университета. Харьков, 1906, стр. 241—242; *Г. В. Хлопин*. Из воспоминаний студента 80-х годов. Юбилейный сборник Военно-медицинской академии, посвященный 10-й годовщине Октябрьской революции. Л., 1927, стр. 124.
- ³⁶ *О. П. Калекина*. Очерки по истории издания марксистской литературы в России (1870—1917). М., 1962, стр. 42.
- ³⁷ См. *С. П. Мельгунов*. Светлой памяти В. И. Семевского. Ученые мытарства. — «Голос минувшего», 1916, № 10, стр. XIX—XXXIV.
- ³⁸ Там же, стр. XXXII.
- ³⁹ См. *С. Г. Сватиков*. Опальная профессура 80-х годов. — «Голос минувшего», 1917, № 2, стр. 56.
- ⁴⁰ См. *Г. В. Хлопин*. Из воспоминаний о Ф. Ф. Эрисмане. — «Русская школа», 1916, № 4, стр. 30.
- ⁴¹ См. *Д. И. Менделеев*. Какая же Академия нужна в России? — «Новый мир», 1966, № 12, стр. 182.
- ⁴² Библиографический материал о научных обществах собран в кн.: «История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период». М., 1965.
- ⁴³ См. *Л. С. Берг*. Всесоюзное географическое общество за сто лет. М.—Л., 1946; *Вл. Михневич*. Петербург весь на ладони, стр. 362; «Состав Русского географического общества. 31 декабря 1895». СПб., 1896.
- ⁴⁴ См. *С. А. Токарев*. История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966, стр. 214.
- ⁴⁵ См. «История Москвы». Т. IV. М., 1954, стр. 634.
- ⁴⁶ *Д. Н. Анучин*. Полвека жизни Общества. — *В. В. Богданов*. Пятидесятилетие Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1863—1913. М., 1915, стр. 21.
- ⁴⁷ См. *Вл. Михневич*. Петербург весь на ладони, стр. 363.
- ⁴⁸ «Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей». СПб., 1911, стр. 332.
- ⁴⁹ См. «Историческая записка о деятельности Московского археологического общества за первые 25 лет существования». М., 1890, «Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914). Т. 2. Биографический словарь членов Общества. Список трудов членов Общества». М., 1915; *Н. И. Веселовский*. История Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846—1896. СПб., 1900.
- ⁵⁰ См. «Русское историческое общество. 1866—1916». Пг., 1916.
- ⁵¹ См. *Н. Н. Кононова*. Историческое общество при Петербургском университете. — «Очерки по истории Ленинградского университета». Т. II. Л., 1968.
- ⁵² См. *Ю. Никольский*. Дело о похоронах И. С. Тургенева. — «Голос минувшего», 1917, № 4, стр. 152.
- ⁵³ См. «Общество любителей российской словесности при Московском университете. Историческая записка и материалы за сто лет». М., 1911.

⁵⁴ См. *А. И. Маркевич*. Двадцатипятилетие Новороссийского университета, стр. 572—576; «Медицинский факультет Харьковского университета», стр. 46—47 (второй пагинации).

⁵⁵ См. «Краткий очерк истории русской культуры с древнейших времен до 1917 года». Л., 1967, стр. 345.

⁵⁶ См. *В. И. Николаев*. Сибирская политическая ссылка и изучение местного края. — «Каторга и ссылка», 1927, № 5, стр. 87—116; *И. Д. Новгородов*. Роль политической ссылки в создании и укреплении Якутского музея. Сборник научных статей (Якутский республиканский краеведческий музей), вып. 4. Якутск, 1966, стр. 51—72; *С. А. Токарев*. История русской этнографии (дооктябрьский период), стр. 306—310 (глава «Политические ссылки — этнографы»).

⁵⁷ См. «К вопросу о развитии и организации статистических работ в Полтавском земстве». Полтава, 1900.

⁵⁸ См. *А. А. Кауфман*. Земская статистика. — «Юбилейный земский сборник». Под ред. Б. Б. Веселовского и З. Г. Френкеля. СПб., 1914, стр. 273.

⁵⁹ См. *Н. Л. Скалозубов*. Свод сведений об организации текущей сельскохозяйственной статистики в земских губерниях Европейской России. Пермь, 1895, стр. 96, 218, 212.

⁶⁰ См. *Е. И. Красноперов*. Основы местной земской статистики по экономическому отделу. Пермь, 1889; *А. А. Гурьев*. Земская статистика. — «Краткий обзор деятельности Вятского губернского земства за 35 лет (1867—1902)», вып. 1. Вятка, 1906, стр. 248.

⁶¹ См. *С. М. Блеклов*. За фактами и цифрами. Записки земского статистика. М., 1894.

⁶² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 181, 182.

⁶³ *Т. Н. Львова*. Земская демократическая интеллигенция Московской губернии и ее участие в революционном движении 1870—начала 1890-х годов. — «Ученые записки Московского педагогического института имени В. И. Ленина», № 229. М., 1964, стр. 363.

⁶⁴ См. *Б. П. Кадомцев*. Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 г. СПб., 1909, стр. 7—17.

⁶⁵ См. *С. Н. Велецкий*. Земская статистика. Справочная книга по земской статистике в 2-х частях. Ч. 1. М., 1899, стр. 410—428 (список статистиков).

⁶⁶ См. *Н. В. Здобнов*. История русской библиографии до начала XX века, изд. 3, стр. 477; «Указатель биографических словарей местных деятелей». — *Н. К. Пиксанов*. Областные культурные гнезда. М.—Л., 1928, стр. 134—144.

8. Цех литературы

¹ См. «Исторические сведения о цензуре в России». СПб., 1862, стр. 62; «Отчет Министерства народного просвещения за 1847 год». — «Журнал Министерства народного просвещения», 1848, № 4, стр. 114.

² См. «Журнал Министерства народного просвещения», 1848, № 4, стр. 117; *А. Корсак*. Раздел «Россия» в «Руководстве к сравнительной статистике» Г. Ф. Кольба. Т. 1. СПб., 1862, стр. 259.

³ См. *Н. В. Здобнов*. История русской библиографии до начала XX века, изд. 3, стр. 381, 385; *М. Н. Куфаев*. История русской книги в XIX в. Л., 1927, стр. 217—218.

⁴ См. *М. Н. Куфаев*. История русской книги в XIX в., стр. 220—223.

⁵ *Н. А. Рубакин*. Книжное оскудение. — «Русское богатство», 1893, № 11, стр. 128—129, 160, 164.

⁶ См. «Журнал Министерства народного просвещения», 1848, № 4, стр. 110; *Е. Карнович*. Санкт-Петербург в статистическом отношении. СПб., 1860, стр. 138; *Н. А. Рубакин*. Книжное оскудение. — «Русское богатство», 1893, № 11, стр. 139—142.

⁷ См. *Н. А. Рубакин*. Этюды о русской читающей публике. СПб., 1895, стр. 93; *М. М. Клевенский*. История библиотеки Московского Публичного и Румянцевского музеев. 1862—1917. М., 1953, стр. 126—127.

⁸ См. «400 лет русского книгопечатания. 1564—1964». [Т. 1]. 1564—1917. М., 1964, стр. 421, 423.

⁹ См. *Н. Лисовский*. Периодическая печать в России. 1703—1903. Статистико-библиографический обзор. — «Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати. 1703—1903». СПб., 1903, стр. 3—28; цифры роста периодических изданий общего характера за вторую половину XIX в. — там же, стр. 24; *М. С. Черепанов*, *Е. М. Фингерит*. Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917). Справочник. М., 1957, стр. 7.

¹⁰ См. *Я. Абрамов*. Бедствующие литераторы. — «Неделя», 1889, № 46.

¹¹ См. *А. В. Пешехонов*. Русская политическая газета. Статистический очерк. — «Русское богатство», 1903, № 3, стр. 1—21.

¹² См. *Н. Седых*. Очерки истории Пермской духовной семинарии за 1877—1884 гг., стр. 217; *С. Мельгунов*. О современных литературных нравах. М., 1916, стр. 17.

¹³ См. *Н. Энгельгардт*. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703—1903). СПб., 1904, стр. 278—279.

¹⁴ Цит. по: *П. А. Зайончковский*. Александр III и его ближайшее окружение. — «Вопросы истории», 1966, № 8, стр. 142.

¹⁵ «Воспоминания *Е. М. Феоктистова*. За кулисами политики и литературы. 1848—1896». Л., 1929, стр. 253.

¹⁶ Укажем на рост тиражей коммерческой прессы, создававшей своего массового читателя: «Петербургский листок» в 1885 г. имел тираж 10—11 тыс., в 1898 г. — 30 тыс.; журнал «Нива», дававший литературные приложения — собрания сочинений разных писателей, уже в 1877 г. имел около 30 тыс. подписчиков, а позже поднял эту цифру до 100 тыс.; газета «Сын отечества» в 1895 г. выходила тиражом 48,5 тыс.

¹⁷ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 43—44. О финансовых махинациях Суворина см.: *Н. Снегсарев*. Мираж «Нового времени». Почти роман. СПб., 1914; об этой книге см.: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 5—8.

¹⁸ См. *Б. Глинский*. «Исторический вестник» за 35 лет. — «Исторический вестник», 1915, № 1, стр. 180—207; «Новое время». 1876—1916. Исторический очерк». Пг., 1916.

¹⁹ *Я. Абрамов*. Бедствующие литераторы. — «Неделя», 1889, № 47, стлб. 1514; *П. Д. Боборыкин*. Воспоминания в двух томах. Т. 1, стр. 15—16.

²⁰ См. *В. О. Михневич*. Пятнадцатилетие газеты «Голос». 1863—1877. СПб., 1878, стр. L—LII.

²¹ См. «Неопубликованные карикатуры «Искры» и «Гудка». 1861—1862 годы». М.—Л., 1939, стр. 65; «Русские ведомости. 1863—1913». Сборник статей, стр. 310.

²² В. А. Розенберг. «Русские ведомости». Исторический очерк. — «Русские ведомости. 1863—1913». Сборник статей, стр. 31—32.

²³ См. М. Е. Салтыков-Щедрин. Полное собрание сочинений. Т. 20. М., 1957, стр. 133.

²⁴ В. А. Розенберг. «Русские ведомости». Исторический очерк. — «Русские ведомости. 1863—1913». Сборник статей, стр. 33—34.

²⁵ См. С. И. Мицкевич. Революционная Москва. М., 1940, стр. 78.

²⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 194.

²⁷ «Русские ведомости. 1863—1913». Сборник статей, стлб. 154.

²⁸ См. «Неделя», 1892, № 52, стр. 1731.

²⁹ «Галерея знаменитостей». [СПб., 1895] (текст к портрету М. М. Стасюлевича).

³⁰ Б. Николаевский. Дело «Русского богатства» (из архива Департамента полиции). — «Русское богатство», 1918, № 1—3, стр. 90.

³¹ См. К. Арсеньев. Пятидесятилетие «Вестника Европы» (1866—1915). — «Вестник Европы», 1915, № 12, стр. VIII.

³² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 3—4.

³³ «Редакция и сотрудники «Русской мысли» (Сведения московского оберполицеймейстера П. Н. Дурново)». — «Былое», 1917, № 4, стр. 100—107.

³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 150.

³⁵ В. И. Засулич. Сборник статей. СПб., 1907, стр. 442.

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 61.

³⁷ См. Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. 10. М., 1951, стр. 477; М. К. Лемке. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904, стр. 53; «Голос минувшего», 1913, № 10, стр. 235.

³⁸ Н. К. Крупская. Педагогические сочинения. Т. 3. М., 1959, стр. 663.

³⁹ Н. К. Михайловский. Полное собрание сочинений. Т. 7. СПб., 1904, стр. 54.

⁴⁰ См. М. Н. Куфаев. История русской книги в XIX в., стр. 183—184; «Русская периодическая печать. 1702—1894». Справочник. М., 1959, стр. 284; В. Н. Фигнер. Послесловие к кн. Дм. Кузьмина (см. примечание 43), стр. 255.

⁴¹ См. М. Н. Куфаев. История русской книги в XIX в., стр. 258—259.

⁴² М. В. Теплинский. «Отечественные записки». 1868—1884. История журнала. Литературная критика. Ю.-Сахалинск, 1966, стр. 121, 124.

⁴³ См. Дм. Кузьмин. Народовольческая журналистика. М., 1930, стр. 16, 159.

⁴⁴ См. В. Евгеньев-Максимов. Из истории «Русского богатства» (к двадцатипятилетию журнала). — «Русское богатство», 1917, № 11—12, стр. 70.

⁴⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 95.

⁴⁶ См. А. Санин. «Самарский вестник» в руках марксистов (1896—1897 гг.). М., 1933, стр. 38.

⁴⁷ См. «Научное обозрение». К истории журнала. 1894—1903. Публикация Н. П. Филипповой. — «Исторический архив», 1958, № 6, стр. 107—138.

⁴⁸ Н. А. Рубакин. Россия в цифрах. СПб., 1912, стр. 89.

⁴⁹ См. «Шестидесятилетие в воспоминаниях М. А. Антоновича и Г. З. Елисеева». М.—Л., 1933, стр. 472.

⁵⁰ См. Н. Макаев. Н. Г. Чернышевский — редактор «Военного сборника». М., 1950, стр. 59.

⁵¹ См. М. М. Клевенский. Герцен — издатель и его сотрудники. — «Литературное наследство». Т. 41—42, 1941, стр. 572—620; Н. Я. Эйдельман. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966.

⁵² См. В. Боград. Журнал «Современник». 1847—1866. Указатель содержания. М.—Л., 1959 (подсчет сделан по алфавитному указателю); «Гонорарные ведомости «Отечественных записок»». Публикация В. Евгеньева-Максимова. — «Литературное наследство». Т. 53—54, 1949, стр. 303—328; С. Борщевский. «Отечественные записки». 1868—1877. Хронологический указатель анонимных и псевдонимных текстов с раскрытием авторства. — «Литературное наследство». Т. 53—54, 1949, стр. 514—544.

⁵³ См. В. Е. Евгеньев-Максимов. Судьба журнала «Слово» в связи с революционными выступлениями 70—80-х годов. — В. Евгеньев-Максимов и Д. Максимов. Из прошлого русской журналистики. Л., 1930, стр. 297.

⁵⁴ См. «Сотрудники «Русских ведомостей»» (автобиографические и библиографические очерки, составленные А. Н. Максимовым). — «Русские ведомости. 1863—1913». Сборник статей, стр. 1—219 (второй пагинации); В. О. Михневич. Пятнадцатилетие газеты «Голос». 1863—1877, стр. 3—11, 273; Н. А. Скrobotов. «Петербургский листок» за 35 лет. 1864—1899. СПб., 1914, стр. 40—43, 46.

⁵⁵ См. И. М. Кауфман. Русские энциклопедические словари, вып. 1. М., 1960, стр. 30; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 56, 1900; Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 24, [1915].

⁵⁶ Это видно, например, из списка 349 писателей начала XIX в. в «Систематическом обозрении литературы в России с 1801 по 1806 год»; основная их часть принадлежала к среднему дворянству, но было немало высокопоставленных и титулованных авторов. См. П. Н. Сакулин. Русская литература. Социолого-синтетический обзор литературных стилей. Ч. 2. М., 1929, стр. 128.

⁵⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. 1, стр. 420.

⁵⁸ См. Т. З. [Шелгунов]. Литературные рабочие. — «Современник», 1861, № 10, стр. 204.

⁵⁹ См. С. С. Шашков. Литературный труд в России. — «Дело», 1876, № 8, стр. 32, 3.

⁶⁰ Вот, к примеру, цены 1844 и 1872 гг.: пуд ржаной муки — 28 и 78 коп.; пуд гречневой крупы — 3 р. 40 к. и 10 руб.; говядина лучшая — 1 р. 75 к. и 4 руб.; обувь — 5 р. 20 к. и 12 руб.; дрова осиновые за сажень — 3 р. 20 к. и 6 руб. (см. А. Л. Апухтин. Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год, стр. 293).

⁶¹ См. П. Д. Боборыкин. Воспоминания в двух томах. Т. 1, стр. 347; Т. 2. М., 1965, стр. 130; «Гонорарные ведомости «Отечественных записок»». Публикация В. Евгеньева-Максимова. — «Литературное наследство». Т. 53—54, 1949, стр. 304; П. П. Перцов. Литературные воспоминания. 1890—1902. М.—Л., 1933, стр. 66—67;

Н. Макеев. Н. Г. Чернышевский — редактор «Военного сборника», стр. 55; *С. Ф. Огородников*. 50-летие журнала «Морской сборник». СПб., 1898, стр. 49—50, 62.

⁶² См. «Памятная книжка окончивших курс наук на С.-Петербургских Высших женских курсах. 1882—1889 гг. и 1893—1903 гг.», изд. 4.

⁶³ См. *Н. Шелгунов*. Очерки русской жизни. — «Русская мысль», 1891, № 4, стр. 183—184.

⁶⁴ См. *В. Фриче*. Из жизни интеллигентного пролетариата. — «Образование», 1904, № 1; «Интеллигентные пролетарии во Франции». Сборник, стр. 16; *П. Берлин*. Интеллигентная беднота. — «Вестник воспитания», 1904, № 5, стр. 189.

⁶⁵ *Г. И. Успенский*. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 9, стр. 525, 184.

⁶⁶ *Г. В. Плеханов*. Избранные философские произведения. Т. I, стр. 399.

⁶⁷ *В. Г. Короленко*. Вступительная статья к кн.: *А. И. Богданович*. Годы перелома, стр. XIV.

⁶⁸ См. *Д. Л. Мордовцев*. Печать в провинции. — «Дело», 1875, № 9 и 10; «А. С. Гациский. Сборник, посвященный памяти Гациского». Горький, 1939, стр. 18—22.

⁶⁹ См. *Н. П. Изергина*. Ф. Ф. Павленков и «Вятская незабудка». — «Ученые записки Кировского педагогического института имени В. И. Ленина», вып. 20, стр. 183—247.

⁷⁰ См. *Г. Миронов*. Короленко. М., 1962, стр. 165, 216.

⁷¹ *С. П. Швецов*. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири. — «Каторга и ссылка», 1928, № 4, стр. 91—93.

⁷² См. *А. П. Мецкерский*. Первые марксисты в сибирской ссылке. Иркутск, 1966, стр. 111—128.

⁷³ *Г. В. Плеханов*. Избранные философские произведения. Т. V, стр. 42.

⁷⁴ См. *А. Н. Цамутали*. И. Г. Прыжов — историк-революционер. — «Вестник Ленинградского университета», вып. 1. Серия истории, языка и литературы, 1954, № 2, стр. 53—64.

⁷⁵ «Знакомые. Альбом М. И. Семевского». СПб., 1888, стр. 221—222.

⁷⁶ См. *П. Д. Боборыкин*. Воспоминания в двух томах. Т. I, стр. 370; *А. А. Пеликан*. Во второй половине XIX века. — «Голос минувшего», 1915, № 4, стр. 177.

⁷⁷ *К. Паустовский*. Дядя Гиляй. — Предисловие к кн.: *Вл. Гиляровский*. Москва и москвичи. М., 1955, стр. 6—7.

⁷⁸ См. *А. Ф. Захаркин*. Сибирь и Сахалин в творчестве А. П. Чехова. — «Ученые записки Московского педагогического института имени В. И. Ленина», № 248. М., 1966, стр. 291—332.

⁷⁹ *Г. В. Плеханов*. Избранные философские произведения. Т. V, стр. 47.

⁸⁰ *И. Эйгес*. О несостоявшемся журнале М. Е. Салтыкова-Щедрина. — «Литературное наследство». Т. 25—26, 1936, стр. 625.

⁸¹ См. *А. А. Корнилов*. Пятидесятилетие Литературного фонда. — «Юбилейный сборник Литературного фонда». СПб., 1909, стр. 3—71; «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым. 1869». СПб., 1869; *Я. Абрамов*. Бедствующие литераторы. — «Неделя», 1889, № 47, стлб. 1514—1516.

⁸² С. С. Шашков. Литературный труд в России. — «Дело», 1876, № 8, стр. 45—48; Г. К. Градовский. Из минувшего. — «Русская старина», 1908, № 4, стр. 153.

⁸³ А. А. Корнилов. Пятидесятилетие Литературного фонда. — «Юбилейный сборник Литературного фонда», стр. 65—66.

⁸⁴ См. «Список членов кассы взаимопомощи при Литературном фонде». — И. Г. Советов. Литературный указатель. Справочная книга, изд. 4. М., 1903, стр. 273—288.

⁸⁵ См. С. Г. Святиков. Опальная профессура 80-х годов. — «Голос минувшего», 1917, № 2, стр. 22—29; «Русские ведомости. 1863—1913». Сборник статей, стр. 168.

⁸⁶ «Отечественные записки», 1879, № 11. Внутреннее обозрение, стр. 105.

⁸⁷ См. «Русское литературное общество. Очерк деятельности Общества за 1886—1894 годы». СПб., 1894; то же за 1894—1896 гг. (СПб., 1897). В начале 900-х годов Общество распалось, хотя юридически продолжало существовать, не будучи закрыто.

⁸⁸ Н. К. Михайловский. Литература и жизнь. — «Русское богатство», 1894, № 8, стр. 155.

⁸⁹ См. Б. М. Филиппов. Тернистый путь русского ученого. М., 1960, стр. 63—66.

⁹⁰ См. А. Рубакин. Рубакин (Лоцман книжного моря). М., 1967, стр. 171.

⁹¹ См. Б. Николаевский. Дело «Русского богатства». — «Русское богатство», 1918, № 1—3, стр. 90.

⁹² См. В. Богучарский. Союз русских писателей и Л. Н. Толстой. — «Минувшие годы», 1908, сентябрь, стр. 1—2.

9. Просветительская деятельность интеллигенции

¹ См. Д. Д. Протопопов. История С.-Петербургского комитета грамотности, состоявшего при Вольном экономическом обществе (1861—1895). СПб., 1898, стр. 84.

² Цит. по: Я. В. Абрамов. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. СПб., 1900, стр. 75—76.

³ Н. В. Чехов. Народное образование в России с 60-х годов XIX века, стр. 18.

⁴ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. 10, стр. 169. О воскресных школах 60-х годов см.: Р. А. Таубин. Революционная пропаганда в воскресных школах России в 1860—1862 гг. — «Вопросы истории», 1956, № 8; Я. И. Линков. Воскресные школы и русское революционное движение 1860-х годов. — «Исторический архив», 1956, № 6; Г. И. Ионова. Воскресные школы в годы революционной ситуации (1859—1862). — «Исторические записки». Т. 7, 1956.

⁵ См. Н. В. Чехов. Народное образование в России с 60-х годов XIX века, стр. 34—35, 37, 53 и др.; А. В. Клеянкин. Свет людям. Документальный очерк о деятельности В. С. Серовой среди крестьян села Судосева. Саранск, 1968.

⁶ См. Н. К. Ермолин. Очерк жизни А. Я. Герда. СПб., 1889.

⁷ «Герман Александрович Лопатин (1845—1918). Автобиография. Показания и письма», стр. 9.

⁸ См. *Я. В. Абрамов*. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее, стр. 96, 100, 283 и др.; «Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи», вып. 2, стр. 242.

⁹ См. *Я. В. Абрамов*. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее, стр. 128, 106.

¹⁰ *Я. А. Пичуренко*. Революционная пропаганда в воскресных школах России в 80—90-х годах XIX века. — «Ученые записки Калининградского педагогического института», вып. 4. Калининград, 1958, стр. 14, 23, 25—26.

¹¹ *П. Куделли*. А. М. Калмыкова. — «Красная летопись», 1926, № 4, стр. 153; *Н. К. Крупская*. Педагогические сочинения. Т. 1. М., 1957, стр. 38—55; *ее же*. Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1957, стр. 12—13.

¹² См. «Пречистенские рабочие курсы. Первый рабочий университет в Москве. Сборник статей и воспоминаний к пятидесятилетию курсов, 1897—1947». М., 1948.

¹³ См. *Л. Меньщиков*. Охрана и революция. Ч. 2, вып. 1. 1898—1903 гг. М., 1928, стр. 46—48.

¹⁴ См. *Я. А. Пичуренко*. Революционная пропаганда в воскресных школах России в 80—90-х годах XIX века. — «Ученые записки Калининградского педагогического института», вып. 4, стр. 32.

¹⁵ *А. Е. Грузинский*. Тридцать лет жизни Учебного отдела Общества распространения технических знаний.

¹⁶ О «Систематическом указателе лучших книг и журнальных статей. 1856—1883 гг.» (Челябинск, 1883) и «Каталоге систематического чтения», изданном кружком киевских народовольцев в 1879 и 1883 гг., см. подробнее: *Н. В. Здобнов*. История русской библиографии до начала XX века, изд. 3, стр. 488—492.

¹⁷ О крупнейших нелегальных библиотеках см. *Л. К. Федоров*. Нелегальные библиотеки с начала 70-х годов до второй половины 90-х годов прошлого столетия. — «Из истории нелегальных библиотек революционных организаций в царской России». Сборник. М., 1955, стр. 23—61.

¹⁸ См. *Н. А. Рубакин*. Чистая публика и интеллигенция из народа. СПб., 1906, стр. 248—249.

¹⁹ См. *И. Е. Баренбаум*. Литературно-издательская деятельность В. О. Ковалевского и русское революционное подполье 60—70-х годов XIX в. — «Труды Ленинградского института культуры». Т. 18. Л., 1964, стр. 259—282.

²⁰ См. *И. Книжник (Ветров)*. Н. И. Поляков — издатель «Капитала» К. Маркса. — «Вопросы истории», 1947, № 6, стр. 75—78; «400 лет русского книгопечатания. 1564—1964». [Т. 1]. 1564—1917, стр. 391—392.

²¹ См. *Н. М. Рассудовская*. Издатель Ф. Ф. Павленков (1839—1900). Очерк жизни и деятельности. М., 1960, стр. 86, 35 и др.; «Голос минувшего», 1919, № 1—4, стр. 174.

²² См. *М. Т. Пинаев*. М. К. Элпидин — революционер, издатель и пропагандист наследия Н. Г. Чернышевского. — «Ученые записки Волгоградского педагогического института имени А. С. Серафимовича», вып. 21. Волгоград, 1967.

²³ Об издательской деятельности группы «Освобождение труда» см.: *Ю. З. Полевой*. Зарождение марксизма в России. 1883—1894 гг. М., 1959, стр. 167—194.

²⁴ См. *М. Лалаев*. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. 1700—1880, стр. 160—163.

²⁵ *В. В. Богданов*. Пятидесятилетие Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1863—1913, стр. 28.

²⁶ См. *А. И. Георгиевский*. К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения. СПб., 1902, стр. 79.

²⁷ См. *С. А. Ан-ский*. Очерки народной литературы. СПб., 1894, стр. 72.

²⁸ См. *Д. Д. Протопопов*. История С.-Петербургского комитета грамотности, состоявшего при Вольном экономическом обществе (1861—1895); *А. С. Пругавин*. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания, изд. 2, стр. 465.

²⁹ См. *Б. Б. Веселовский*. История земства за сорок лет. Т. 3, стр. 387.

³⁰ См. «Русская мысль», 1901, № 2, стр. 15.

³¹ Подробнее см.: *Е. Некрасова*. Народные книги для чтения в их 25-летней борьбе с лубочными изданиями. Вятка, 1902; *С. А. Ан-ский*. Очерки народной литературы.

³² См. *В. Ф. Захарина*. Голос революционной России. Литература революционного подполья 70-х годов XIX в. М., 1971.

³³ Письмо *С. Ширяева П. Лаврову*. — «Былое» (Ростов-на-Дону), № 2, 1906, стр. 20.

³⁴ «Сорок лет служения людям. Сборник статей, посвященных литературной и книгоиздательской деятельности И. И. Горбунова-Посадова». М., 1925, стр. 115.

³⁵ См. там же, стр. 31, 41.

³⁶ *Сергей Шестернин*. Г. Иваново-Вознесенск. — «Русское богатство», 1900, № 12, стр. 186.

³⁷ См. *М. Н. Куфаев*. История русской книги в XIX в., стр. 230.

³⁸ *И. В. Бабушкин*. В защиту иваново-вознесенских рабочих. Приложение к № 9 «Искры», октябрь 1901 г. — «Искра», вып. 2. Л., 1926, стр. 49.

10. Деятели революционного движения

¹ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 7—8.

² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 352, 343.

³ *Г. В. Плеханов*. Избранные философские произведения. Т. I, стр. 331; *В. И. Засулич*. Революционеры из буржуазной среды, стр. 50—52.

⁴ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 13.

⁵ *В. Г. Короленко*. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 7, стр. 150.

⁶ См. *А. Н. Рябинин*. Из воспоминаний о годах студенчества в Горном институте (1892—1897). — «На путях к победе». Сборник, стр. 71—72; *Б. Д. Оржих*. В рядах «Народной Воли». Воспоминания. — «Народовольцы». Сборник 3. М., 1931, стр. 85—86.

⁷ «Былое» (заграничное), № 5, 1903, стр. 60.

⁸ *А. И. Георгиевский*. Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков; *С. Сватиков*. Студенческая печать с 1755 по 1915 г. — «Путь студенчества». Сборник. М., 1916; *С. Мельгунов*. Студенческие организации 80—90-х годов в Московском университете. М., 1908; *П. С. Тка-*

ченко. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX века. М., 1958; А. В. Крячун. Одесский университет в 1865—1899 гг. — «Одесский университет за 75 лет». Одесса, 1940; М. Матвеев. Студенты Сибири в революционном движении.

⁹ «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.». Сборник. М.—Л., 1927, стр. 357.

¹⁰ См. «Сто лет Московского механико-машиностроительного института имени Баумана. 1832—1932». Сборник, стр. 116.

¹¹ См. Ю. З. Полевой. Зарождение марксизма в России. 1883—1894 гг., стр. 509, 512.

¹² См. А. И. Георгиевский. Краткий исторический очерк правилительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков, стр. 247, 251, 274.

¹³ См. Б. Фроммет. Очерки по истории студенчества в России. СПб. — М., 1912, стр. 65.

¹⁴ Источники см. в примечаниях 58, 61 и 68.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 256—257; т. 12, стр. 8—9.

¹⁶ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. 16. Пг., 1920, стр. 74.

¹⁷ «В. И. Ленин о Н. Г. Чернышевском и его романе «Что делать?»». — «Вопросы литературы», 1957, № 8, стр. 132—134.

¹⁸ О «Словаре» В. А. Дьякова см. примечание 57.

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 173.

²⁰ Б. С. Итенберг. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в., стр. 89.

²¹ «Исторические письма П. Л. Миртова». СПб., 1870, стр. 65—66.

²² См. «Революционное народничество 70-х годов XIX века». Т. 1. Сборник. М., 1964, стр. 226.

²³ С. Степняк. Подпольная Россия. СПб., 1906, стр. 10, 16.

²⁴ В. Г. Короленко. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 7, стр. 180.

²⁵ См. «Революционное народничество 70-х годов XIX века». Т. 1. Сборник, стр. 145—151.

²⁶ См. Б. С. Итенберг. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в., стр. 373.

²⁷ См. «Устав Всероссийской социально-революционной организации. Февраль 1875 г.». — «Революционное народничество 70-х годов XIX века». Т. 1. Сборник, стр. 118—119.

²⁸ Вера Фигнер. Запечатленный труд. Т. 1, стр. 138.

²⁹ «Народная Воля» перед царским судом», [вып. 1]. Сборник. М., 1930, стр. 115.

³⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 268.

³¹ Письмо В. Осинского. — «Былое» (Ростов-на-Дону), № 2, 1906, стр. 162; В. Н. Фигнер. Портреты народовольцев. — «Былое», 1918, № 4—5; А. П. Прибылева и В. Н. Фигнер. А. Д. Михайлов. Л.—М., 1925; «Письмо А. Д. Михайлова родным из Петропавловской крепости». — «Былое», 1918, № 4—5, стр. 98—101.

³² См. П. С. Ткаченко. Революционная народническая организация «Земля и Воля» (1876—1879 гг.). М., 1961, стр. 74—78, 82; Вера Фигнер. Запечатленный труд. Т. 1, стр. 142—143; А. Д. Михайлов. Воспоминания. Женева, 1903, стр. 15.

³³ См. «Показание А. И. Желябова 4 марта 1881 г.». — «Былое», 1918, № 4—5, стр. 281; *П. Л. Лавров*. Взгляд на прошедшее и настоящее русского социализма. — «Календарь «Народной Воли» на 1883 год». Женева, 1883, стр. 113; *Вера Фигнер*. Запечатленный труд. Т. 1, стр. 261.

³⁴ См. «Участники народовольческого движения 1879—1896 гг.». — «Народовольцы». Сборник 3, стр. 287—314.

³⁵ См. *Е. Д. Никитина*. Народовольческие процессы в цифрах. — «Народная Воля» перед царским судом», вып. 2. Сборник. М., 1931, стр. 126—159.

³⁶ См. «Архив «Земли и Воли» и «Народной Воли»». М., 1932, стр. 127—139; *А. П. Прибылева-Корба*. «Народная Воля». М., 1926, стр. 190—191.

³⁷ «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.». Сборник, стр. 375—380.

³⁸ *А. Н. Бах*. Записки народовольца, стр. 186—188, 222.

³⁹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», изд. 2. М., 1951, стр. 304.

⁴⁰ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 331.

⁴¹ См. *М. Л. Мандельштам*. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931, стр. 14—15. Рассказ В. И. Ленина об этом был опубликован К. Радеком в «Рабочей Москве» (1924, № 12). Мандельштам был автором книжки «Интеллигенция как категория капиталистического строя» (Казань, 1890, за подписью М. М.).

⁴² См. *А. Санин*. «Самарский вестник» в руках марксистов (1896—1897 гг.), стр. 36.

⁴³ *С. И. Мицкевич*. Революционная Москва, стр. 84—85, 95.

⁴⁴ «Старая гвардия». Сборник. М.—Л., 1926, стр. 65.

⁴⁵ *Н. Е. Федосеев*. Статьи и письма. М., 1958, стр. 210.

⁴⁶ См. *М. С. Ольминский*. Из прошлого. М., 1919, стр. 72.

⁴⁷ *Г. В. Плеханов*. Избранные философские произведения. Т. I, стр. 358.

⁴⁸ *Г. В. Плеханов*. Сочинения. Т. 3. М., [1924], стр. 131.

⁴⁹ *Вера Фигнер*. Запечатленный труд. Т. 1, стр. 345.

⁵⁰ *И. И. Попов*. Революционные организации в Петербурге в 1882—1885 годах. — «Народовольцы после 1-го марта 1881 года». Сборник, стр. 54.

⁵¹ См. *Ю. З. Полевой*. Зарождение марксизма в России. 1883—1894 гг., главы III—V.

⁵² *М. И. Бруснев*. Возникновение первых социал-демократических организаций. — «Пролетарская революция», 1923, № 2, стр. 21.

⁵³ См. *С. П. Шестернин*. Пережитое. Из истории рабочего и революционного движения 1880—1900 гг. Иваново, 1940, стр. 110; *Н. Махов*. Жизнь минувшая. Иваново, 1939, стр. 90.

⁵⁴ См. «Старая гвардия». Сборник, стр. 125, 50, 52.

⁵⁵ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 269.

⁵⁶ См. там же, стр. 365.

⁵⁷ См. *В. А. Дьяков*. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856—1865 годов (Биобиблиографический словарь). М., 1967.

⁵⁸ См. «Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т. 1, ч. 2. Шестидесятые годы».

⁵⁹ См. *М. Д. Муравский*. Ссылка и каторга в 60-х годах. — «Былое» (Ростов-на-Дону), № 2, 1906, стр. 58—61.

⁶⁰ Сведения за 1873—1876 гг. содержатся в «Обзоре социально-революционного движения в России» А. П. Мальшинского (СПб., 1880), опубликованном III Отделением для внутреннего употребления. Исползованная Мальшинским статистическая сводка, составленная чиновником III Отделения М. Меркуловым, опубликована Н. И. Сидоровым (см. «Каторга и ссылка», 1928, № 1, стр. 27—56). Сведения за 1875—апрель 1879 г. и за 1879 г. добыты «Народной Волей» и опубликованы в статье Л. А. Тихомирова «К статистике государственных преступлений в России». — «Народная Воля», № 4, 1880, и № 5, 1881 (см. «Литература партии «Народная Воля»». М., 1930, стр. 100—101 и 109—112).

⁶¹ См. «Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. Т. 2, вып. 1—4. Семидесятые годы». М., 1929—1932.

⁶² См. В. С. Антонов. К вопросу о социальном составе и численности революционеров 70-х годов. — «Общественное движение в пореформенной России». Сборник. М., 1965, стр. 336—343.

⁶³ См. Б. С. Итенберг. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в., стр. 374—377.

⁶⁴ См. «Хроника социалистического движения в России 1878—1887 гг. Официальный отчет». Изд-во В. М. Саблина. М., 1906, стр. 322. Это — перевод секретного издания, изданного на французском языке Министерством внутренних дел в небольшом количестве экземпляров под ред. ген.-лейт. Н. И. Шебеко.

⁶⁵ См. М. Г. Седов. Героический период революционного народничества (Из истории политической борьбы). М., 1966, стр. 361.

⁶⁶ М. С. Ольминский. Из прошлого, стр. 75.

⁶⁷ См. Л. Слухоцкий. Очерк деятельности Министерства юстиции по борьбе с политическими преступлениями. — «Историко-революционный сборник». Т. 3, стр. 262.

⁶⁸ См. Е. Н. Тарновский. Статистические сведения о лицах, обвиняемых в преступлениях государственных. — «Журнал Министерства юстиции», 1906, № 4, стр. 55.

⁶⁹ См. Л. Слухоцкий. Очерк деятельности Министерства юстиции по борьбе с политическими преступлениями. — «Историко-революционный сборник». Т. 3, стр. 273.

⁷⁰ См. там же, стр. 277—278.

⁷¹ Ivan Avakumovic. A statistical Approach to the Revolutionary Movement in Russia. 1878—1879. — «The American Slavic and East European Review», vol. 28, 1959, N 2, p. 182—186.

⁷² См. Е. Н. Тарновский. Статистические сведения о лицах, обвиняемых в преступлениях государственных. — «Журнал Министерства юстиции», 1906, № 4, стр. 64, 67, 68, 71, 72, 74.

⁷³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 399.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 95. В работах «Роль сословий и классов в освободительном движении» (1913 г.) и «Из прошлого рабочей печати в России» (1914 г.) Ленин использовал статистические данные из статьи Я. Л. Бермана «Влияние социально-правового и экономического факторов на государственную преступность» (см. «Право» (еженедельная юридическая газета) № 33, 18 августа 1913 г.). Материал Бермана взят из указанной статьи Е. Н. Тарновского с добавлением сведений за 1905—1908 гг.

Заключение

¹ См. «Советская интеллигенция». М., 1968.

² Анатолий Аграновский. Заметки писателя. М., 1966, стр. 263.

³ См. «Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.

⁴ См. Р. В. Иванов Разумник. История русской общественной мысли (выходила отдельными частями с 1907 г.); *его же*. Что такое «Махаевщина»? К вопросу об интеллигенции. СПб., 1908; дополненное издание под названием «Об интеллигенции» (СПб., 1910).

⁵ См. Д. Н. Овсянко-Куликовский. Собрание сочинений. Т. 6. СПб., 1914, стр. 226—252; Т. 7. СПб., [б. г.], стр. 6.

⁶ Martin Malia. What is the Russian Intelligentsia? — «The Russian Intelligentsia». Ed. by Richard Pipes. New York, 1961. Взгляды Мэлиа разделяются и другими авторами сборника.

⁷ Martin Malia. Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism. New York, 1965 (2-е изд.); рецензировано мною в «Истории СССР», 1967, № 3.

⁸ Daniel Brower. Problem of Russian Intelligentsia. — «Slavic Review», vol. 26, 1967, N 4; *его же*. Fathers, sons and grandfathers. Social Origins of Radical Intellectuals in Nineteenth Century Russia. — «Journal of Social History», vol. 2, 1969, N 4 (University of California).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов В. Я. 171
 Абрамов Я. В. 220, 238, 345, 350, 353—355
 Аввакумовик Иван 316, 359
 Аграновский А. А. 322, 360
 Адлерберги 81
 Адрианов С. А. 342, 343
 Александр II 47, 81, 87, 96, 185, 218, 251
 Александр III 40, 48, 82, 96, 184, 187, 191, 197, 219, 240, 332, 334, 350
 Александров П. А. 91
 Алексеев П. А. 275, 304
 Алешинцев И. 329, 330
 Алчевская Х. Д. 258
 Амвросий 189
 Андреевский И. Е. 232
 Андреевский С. А. 88
 Ан-ский (Раппопорт) С. А. 356
 Антонов В. С. 311, 313, 359
 Антонович М. А. 352
 Анучин Д. Н. 191, 202, 222, 348
 Апухтин А. Л. 84, 333, 338, 352
 Аркадий 104
 Арсеньев К. К. 46, 91, 223, 232, 253, 330, 351
 Арутюнян Ю. В. 15, 16, 328
 Аскенази Шимон 346
 Астырев Н. М. 244
 Афанасьев А. Н. 198
 Афанасьев (Климанов) Е. А. 305
 Афанасьев Ф. А. 305
- Бабушкин И. В. 5, 260, 275, 327, 356
 Багaley Д. И. 343, 348
 Баймаков Ф. 221
 Бакунин М. А. 239, 295
 Балика Д. А. 329
 Барабой А. З. 335
 Баранников А. И. 297
 Барановский Г. В. 333, 340, 347
 Бардовский Г. В. 91
 Баренбаум И. Е. 355
 Басистов П. Е. 172
 Бах А. Н. 275, 301, 331, 358
 Безбородко 76, 77, 85, 128, 149, 332, 334, 343, 347
 Бекетов А. Н. 27, 264
 Бекетов В. Н. 83
 Бекман Я. Н. 291
 Бельлюбский Н. А. 121
 Белинский В. Г. 98, 99, 192, 205, 218, 233, 266, 322
 Белокопский И. П. 251
 Беназик М. 329, 330
- Берви-Флеровский В. В. 44, 240, 258, 265, 271
 Берг Л. С. 348
 Бердников И. С. 338
 Берлин П. 332, 342, 353
 Берман Я. Л. 359
 Бестужев-Рюмин К. Н. 176
 Бехер Э. 44
 Билярский П. С. 192, 348
 Бирюков П. И. 274
 Бирюкович В. 340
 Благовещенский Н. А. 245, 271
 Благов Д. Н. 287
 Благосветлов Г. Е. 249
 Блан Луи 271, 287
 Блеклов С. М. 209, 349
 Блудоров Н. Н. 173
 Боборыкин П. Д. 5, 31, 220, 221, 235, 245, 246, 327, 329, 350, 352, 353
 Бобринский, гр. 129
 Богданов А. П. 179, 202
 Богданов В. В. 348, 356
 Богданович А. И. 35, 187, 229, 240, 241, 330, 347, 353
 Богораз-Тан В. Г. 207
 Боград В. Э. 352
 Богучарский В. Я. 354
 Борщевский С. С. 352
 Брауер Дэниэл 325, 360
 Бредихин Ф. А. 202
 Брем Альфред Эдмунд 264
 Бруснев М. И. 287, 305, 358
 Брызгалов А. А. 196, 282
 Бузескул В. П. 348
 Булгаков С. Н. 323
 Булич Н. Н. 176
 Бунаков Н. Ф. 161, 172, 251, 344
 Буняковский В. Я. 185
 Буслаев Ф. И. 176, 178
 Бутаевич-Петрашевский М. В. 240
 Бутлеров А. М. 192
 Бухонов И. 399
- Валк С. Н. 22
 Валуев П. А. 5, 42, 81, 82, 219, 327, 334
 Ванновский А. А. 287
 Варгунин В. П. 258
 Варгунин Н. А. 258
 Вартаньянц В. 340
 Васьковский Е. В. 335
 Велецкий С. Н. 210, 349
 Венгеров С. А. 198, 223
 Вересаев (Смидович) В. В. 115, 245, 339, 347

Веселовский Б. Б. 167, 342—345, 349, 356
 Веселовский К. С. 185
 Веселовский Н. И. 348
 Ветрова М. Ф. 283
 Викторов П. П. 286
 Виноградов П. А. 331
 Виноградов П. Г. 262
 Витте С. Ю. 82, 121, 130, 150, 334, 340
 Владимиров Л. Е. 191
 Владимирский-Буданов М. Ф. 332, 342
 Владиславлев М. И. 187, 283
 Водовозов В. И. 172
 Водовозова Е. Н. 236, 264
 Волк С. С. 336
 Волховской Ф. В. 242
 Вольтер Франсуа 265
 Воробей Н. В. 339
 Воровский В. В. 10, 24, 287, 328
 Воронов А. 346
 Воронов А. А. 346
 Воронов М. А. 246
 Воронцов В. П. 8, 327, 339
 Воскресенский А. А. 347
 Врангель Ф. 336
 Вуйчик Здзислав 327
 Вульфсон Г. Н. 328
 Вырубов Г. Н. 76, 334
 Вышнеградский И. А. 218
 Вышнеградский Н. А. 172
 Вятр Ежи 14, 328

Гааз Ф. П. 247
 Гагарины 81
 Гаевский В. П. 91
 Ганелин Ш. И. 330, 345
 Ганшин А. А. 287
 Гарин (Михайловский) Н. Г. 121
 Гаршин В. М. 251, 274
 Гауптман Герхрт 275
 Гаццкий А. Г. 241, 353
 Гаярин И. Ф. 172
 Гейден П. А. 11
 Георгиевский А. И. 82, 190, 196, 347, 356, 357
 Герд А. Я. 257, 354
 Гернет М. П. 331
 Герцен А. И. 5, 6, 26, 45, 192, 231, 239, 264, 266, 267, 271, 291, 322, 325, 352, 357, 360
 Гершензон М. О. 323
 Герье В. И. 150, 191
 Гиляровский В. А. 246, 353
 Глиноецкий Н. П. 336, 347
 Глинский Б. Б. 327, 335, 350
 Гоббс Томас 265
 Гобза Г. 331
 Голицын Н. Н. 342
 Голицынский А. П. 245
 Головин А. В. 173
 Головшиков К. 347
 Голубев В. Ф. 251
 Голубев П. А. 242, 331, 345
 Голубинский Е. Е. 100, 104, 337, 338
 Гольдберг Г. А. 103, 334
 Гольцев В. А. 205, 224, 236, 253
 Гончаров И. А. 83
 Горбунов-Посадов И. И. 274, 356
 Горький (Пешков) А. М. 224, 241

Градовский А. Д. 5, 221
 Градовский Г. К. 354
 Грамши Антонио 17, 19, 328
 Грановский Т. Н. 32, 329
 Григорович Д. В. 252
 Григорьев В. В. 346
 Грот Н. Я. 202, 348
 Грот Я. К. 185, 192
 Грузинский А. Е. 341, 345, 355
 Гулевич С. В. 331
 Гурвич И. А. 207
 Гурьев А. А. 349

Даль В. И. 198, 205
 Данилевский В. Я. 206
 Даниэльсон Н. Ф. 265
 Дарвин Чарлз 44, 264
 Дельвиг А. И. 109, 338
 Делянов И. Д. 31, 33, 39, 40, 195—198, 218, 283
 Дементьев Е. М. 144
 Демерт Н. А. 235
 Демидов П. Г. 347
 Дervиз П. Г. 134, 330
 Джаншиев Г. А. 222
 Дидро Дени 265
 Дикштейн С. 275
 Дитятин И. И. 196
 Добровольский Л. Н. 44, 330
 Добролюбов Н. А. 98, 225, 230, 251, 265, 271, 285, 329
 Дозе Ф. И. 173
 Долгоруков В. А. 256
 Долгоруков Вл. А. 222
 Долгоруковы 81
 Достоевский Ф. М. 239, 246, 285
 Драгоманов М. П. 193, 348
 Дриль А. А. 251
 Дружинин Н. М. 22
 Дурново 81
 Дурново П. Н. 351
 Дьяков В. А. 291, 307—310, 357, 358

Евгеньев-Максимов В. Е. 351, 352
 Евневич И. А. 338, 339, 341
 Евтушевский В. А. 161
 Едлицки Ежи 328
 Екатерина II 23
 Еленев (Скалдин) Ф. П. 226, 275
 Елисеев Г. З. 44, 226, 230, 231, 235, 240, 248, 250, 251, 331, 352
 Елпатьяевский С. Я. 240, 247
 Ерман Л. К. 14, 328
 Ермолин Н. К. 354
 Есипов В. В. 346
 Ефименко П. С. 208

Жарновски Януш 328
 Жебелев С. А. 191
 Желябов А. И. 98, 286, 297, 311, 358
 Жеромский Стефан 245
 Житков С. М. 338, 340
 Жуковский В. И. 88
 Жуковский Н. Е. 201
 Жуковский Н. И. 26, 329
 Журавский Д. И. 121

Заблоцкий-Десятовский А. П. 249
 Заичневский Г. Г. 291
 Зайончковский П. А. 334, 350

- Зайцев В. А. 235, 249, 264, 265
 Засодимский П. В. 253, 274, 285
 Засулич В. И. 87, 88, 91, 98, 225, 229, 279, 284, 302, 336, 351, 356
 Захарина В. Ф. 273, 356
 Захаркин А. Ф. 353
 Зданович Г. Ф. 242
 Здобнов Н. В. 330, 349, 355
 Зенченко Н. С. 22
 Зибер Н. И. 193, 222
 Зинин Н. Н. 202
 Златовратский Н. Н. 245, 271
 Иванов П. 329
 Иванов Разумник Р. В. 12, 323, 360
 Иванович (Сведенцев) Н. И. 240, 271
 Ивановский Н. П. 332
 Иванчин-Писарев А. И. 235, 242
 Иванюков И. И. 286
 Изгоев А. С. 9, 327
 Изергина Н. П. 330, 353
 Ильенков П. А. 124
 Ионов В. М. 207
 Ионова Г. И. 354
 Иохельсон В. И. 207
 Итенберг Б. С. 312, 330, 357, 359
 Каблуков Н. А. 210
 Кавелин К. Д. 189, 249
 Кадомцев Б. П. 349
 Калачов Н. В. 183, 184
 Калекина О. П. 348
 Калинин М. И. 343
 Калмыкова А. М. 355
 Каменский Е. С. 173
 Канкрин Е. Ф. 111
 Капнист П. И. 191
 Каракозов Д. В. 219, 307, 308
 Карамзин Н. М. 215
 Кареев Н. И. 262
 Карнович Е. П. 333, 350
 Карони (Петропавловский) Н. Е. 240, 271, 286
 Катаев Н. М. 333, 340, 341
 Катков М. Н. 35, 82, 83, 176, 187, 191, 192, 197, 218, 219, 227, 266, 282
 Кауфман А. А. 349
 Кауфман И. М. 352
 Кашеярова В. А. 138, 139, 342
 Квист О. И. 87
 Кедров П. И. 342
 Кеневич Стефан 13
 Кеннан Джордж 247
 Кербедз С. В. 121
 Кизеветтер А. А. 262
 Киреевский П. В. 205
 Клевенский М. М. 231, 350, 352
 Клеменц Д. А. 201, 207, 242
 Клеянкин А. В. 354
 Ключевский В. О. 178, 191
 Книжник-Ветров И. С. 355
 Князев Г. М. 331
 Ковалевский А. О. 192
 Ковалевский В. О. 264, 355
 Ковалевский Е. П. 251
 Ковалевский М. М. 197, 265
 Ковальковский А. К. 341
 Коган-Бернштейн Л. М. 286
 Козлов И. И. 340
 Колосов В. 337
 Кольб Г. Ф. 329, 349
 Кон И. С. 20, 50, 328, 331, 333
 Кон Ф. Я. 207
 Конарский Шимон 37
 Кони А. Ф. 87—89, 209, 223, 242, 247, 335
 Кононова Н. Н. 348
 Конради Е. И. 150
 Константин Константинович, в. кн. 184
 Колосов П. П. 345
 Корба А. П. — см. Прибылева-Корба А. П.
 Корелин М. С. 172
 Корнев Н. Я. 339
 Корнилов А. А. 353, 354
 Короленко В. Г. 28, 98, 115, 221, 223, 224, 235, 240—243, 245, 253, 271, 279, 294, 329, 336, 339, 353, 356, 357
 Корольчук Э. А. 22
 Корсак А. 329, 349
 Корф Н. А. 257, 344
 Коссович С. И. 83
 Коссовский Н. Н. 195
 Костомаров Н. И. 235, 274
 Кочаков Б. М. 343
 Кравчинский-Степняк С. М. 97, 243, 267, 273, 287, 293, 357
 Краевский А. А. 221, 232
 Красин Г. Б. 287
 Красин Л. Б. 287
 Краснов М. 332
 Красноперов Е. И. 349
 Краускопф Ф. 129
 Крестовский В. В. 246
 Круглый А. О. 331
 Крупская Н. К. 226, 258, 259, 274, 351, 355
 Крылов Д. 331
 Крычевский И. М. 129
 Крячун А. В. 357
 Куделли П. Ф. 365
 Кузнецов А. К. 207
 Кузьмин Д. (Колосов Е. Е.) 351
 Куля Витольд 328
 Куниский С. Д. 330
 Курганович А. В. 331
 Курочкин Н. С. 235
 Куторга М. С. 175
 Куфаев М. Н. 214, 349—351, 356
 Лавров П. Л. 239, 265, 271, 273, 287, 292, 293, 298, 356—358
 Лалаев М. 336, 356
 Ламанский В. И. 176
 Ламанский Е. И. 249
 Ланганс М. Р. 311
 Ланговой Н. П. 339
 Ларин П. Д. 127, 341
 Ларионов А. М. 340
 Лассаль Фердинанд 44, 265, 287
 Латышев В. В. 343
 Лебедева Т. И. 311
 Левитов А. И. 246, 271, 275
 Левшин Д. М. 333
 Леман 345
 Лемке М. К. 351
 Ленин (Ульянов) В. И. 4, 7—9, 11, 16, 21, 26, 30, 46, 48, 71, 74, 134, 189, 210, 219, 220, 223—225, 228, 229, 239, 260, 264, 275, 277—279, 287, 290—292,

302, 306, 318, 319, 327—331, 333, 341,
343, 347, 349—351, 353, 355—359
Леонтий 102, 103
Леонтьев П. М. 35, 191
Лепешинский П. Н. 305
Лесгафт П. Ф. 128, 157, 193, 341, 348
Лескевич Янина 328
Лесков Н. С. 274
Ливанов А. И. 294
Ливанов Ф. В. 45
Ливрон де В. 336
Лизогуб Д. А. 300
Линков Я. И. 354
Лисовский Н. М. 350
Литвинов В. В. 344, 345
Лихачева Е. И. 236, 341—344
Личков Л. С. 57, 330, 332
Ломоносов М. В. 215
Лопатин Г. А. 40, 265, 330, 354
Лорис-Меликов М. Т. 47, 266
Лункевич В. В. 276
Лутугин Л. И. 115
Луцицкий И. В. 208
Любавин Н. Н. 179
Любимов Л. Д. 5, 327
Любимов Н. А. 187, 190, 227, 347
Львов А. Н. 102, 337
Львов Ф. Н. 246
Львова Т. Н. 349
Лядов (Мандельштам) М. Н. 210

Мавродин В. В. 329
Магазинер Я. 333
Майков А. Н. 83, 252
Майнов И. И. 207
Макалинский В. П. 335
Макарий 242
Македонов Л. В. 344
Макеев Н. И. 352, 353
Максимов А. Н. 352
Максимов Д. 352
Максимов С. В. 246, 247
Максимович П. П. 162
Макушин П. И. 243
Малинин А. Ф. 172
Мальшинский А. П. 359
Мамонтовы 134
Манасеин В. А. 264
Мандельштам М. Л. 302, 358
Мария Федоровна, имп. 51, 76, 118,
129, 136, 172
Маркевич А. И. 332, 335, 346, 349
Маркс Карл 9, 10, 15, 44, 193—195,
228, 229, 233, 263, 265, 267, 268, 273,
275, 286, 287, 302, 304, 328, 352, 355,
358
Маркс М. О. 207
Мартьянов Н. М. 207
Масанов И. Ф. 198
Масленниковы А. Н. и В. Н. 287
Маслов И. 344
Маслов С. 339
Матвеев М. И. 329, 339, 357
Матейко Иоанна 328
Махов Н. И. 358
Мачет Г. И. 240, 245, 247
Медведев 34
Межев В. И. 198
Мезенцев Н. В. 81
Мезьер А. В. 335
Мекк К. Ф. 134

Мельгунов С. П. 348, 350, 356
Менделеев Д. И. 153, 174, 176, 178,
192, 198, 199, 202, 283, 344, 346, 348
Меньщиков Л. П. 347, 355
Мережковский Д. С. 34
Меркулов М. 359
Меттерних Клеменс 266
Мечников И. И. 192, 194, 205
Мещерский А. П. 353
Мещерский В. П. 219
Миддендорф А. Ф. 200
Мижухов П. Г. 331
Миллер В. Ф. 191
Миллер О. Ф. 197
Милль Джон Стюарт 271
Милоков П. Н. 29, 57, 262, 329, 330,
332
Милютин Д. А. 82, 138, 139
Милютин Н. А. 82
Миронов Г. М. 353
Михайлов А. Д. 296, 297, 299, 300,
357
Михайлов М. И. 240
Михайловский А. И. 68, 332, 346
Михайловский Н. К. 7, 224, 226, 228,
235, 251—253, 271, 285, 292, 327, 351,
354
Мицкевич С. И. 302, 351, 358
Михневич Вл. 348
Михневич В. О. 251, 347, 350, 352
Мищенко Ф. Г. 196, 282
Модзалевский Б. Л. 347
Моисеев П. А. 304
Мордовцев Д. Л. 235, 241, 253, 271,
274, 353
Морозов Н. А. 311
Муравский М. Д. 291, 358
Муравьев Н. В. 88
Муравьевы 81
Муромцев С. А. 196, 206, 251
Мышкин И. Н. 287, 295
Мэлиа Мартин 324, 325, 360

N 336

Надсон С. Я. 251
Назарьев В. Н. 335
Найденова О. В. 258
Натансон М. А. 286
Наумов Н. И. 245
Неболсин А. Г. 179, 331
Невзорова-Кржижановская З. П. 302
Невострюев К. И. 106
Невский В. И. 331
Некрасов Н. А. 226, 231, 235, 237,
247, 271, 285
Некрасова Е. С. 236, 356
Нефедов Ф. Д. 245, 271, 275
Нехамкин Г. А. 333, 338, 339
Нечаев С. Г. 295, 307
Никитенко А. В. 5, 33, 42, 75, 187,
327, 329, 330, 333
Никитина Е. Д. 298, 358
Николаев В. И. 349
Николаевский Б. И. 351, 354
Николай А. П. 282
Николай, цесаревич 36
Николай I 37, 96, 107, 135, 173, 188
Николай II 252, 283
Никольский Н. М. 337
Никольский Ю. А. 348
Новгородов И. Д. 349

- Новгородцев П. И. 262
 Новокрещенных Н. Н. 129
 Нос А. Е. 335
- Обнорский В. П. 304
 Обреимов 173
 Обручев К. 333
 Овсяннико-Куликовский Д. Н. 12, 323, 324, 347, 360
 Огарев Н. П. 6, 26, 231, 267, 291, 329
 Огородников С. Ф. 353
 Ольминский (Александров) М. С. 303, 315, 358, 359
 Оржевский П. В. 196
 Оржих Б. Д. 356
 Осинский В. А. 297, 357
 Осипов Е. А. 342, 343
 Островский А. Н. 235
 Островский М. Н. 218
 Острогорский В. П. 341
 Острогорский М. Я. 335
 Отто Г. 335, 346
- Павленков Ф. Ф. 43, 97, 241, 251, 265, 266, 276, 330, 353, 355
 Павлов И. П. 178
 Павлов Н. Ф. 221
 Пазухин А. Д. 82, 218
 Пантелеев Л. Ф. 264
 Парвус 345
 Пастер Луи 194
 Пастухов Н. И. 219
 Паустовский К. А. 246, 353
 Пекарский Э. К. 207
 Пеликан А. А. 353
 Перовская С. Л. 160, 286, 311
 Перцов П. П. 235, 352
 Петр I 173
 Петров Антон 308
 Петров В. В. 344
 Петров П. В. 336
 Петрушевский Ф. Ф. 202
 Петухов Е. В. 332, 342
 Пешекеров П. К. 345
 Пешехонов А. В. 345, 350
 Пиксанов Н. К. 349
 Пинаев М. Т. 355
 Пирогов Н. И. 32, 84, 145, 175, 176, 329, 343
 Писарев Д. И. 44, 225, 240, 265, 266, 271, 285
 Пичуренко Я. А. 355
 Плеве В. К. 227
 Плеханов Г. В. 8, 9, 21, 24, 25, 112, 229, 239, 244, 248, 267, 279, 297, 302, 304, 327—330, 339, 353, 356, 358
 Плещеев А. Н. 251
 Победоносцев К. П. 81, 82, 102, 166, 218, 242
 Погожев А. В. 342
 Подбельский П. П. 282, 286
 Полевой Ю. З. 355, 357, 358
 Полевой 173
 Полетаев Н. Г. 305
 Поливанов Л. И. 172, 262
 Половцев А. А. 80, 204, 218, 334
 Полонский Я. П. 83, 252
 Поляков Н. И. 265, 355
 Поляков С. С. 282, 330
 Помяловский Н. Г. 256, 271, 337
 Попов И. И. 243, 305, 358
- Попова О. Н. 267
 Порошин В. С. 175
 Португалов В. О. 266
 Посников А. С. 190, 194, 208, 222, 330, 347
 Потанин Г. Н. 201
 Потапенко И. Н. 265
 Потёбня Александр А. 148, 188, 189, 347
 Потёбня Андрей А. 291, 308
 Преображенский И. 337, 338, 345
 Прибылева-Корба А. П. 300, 357, 358
 Приклонский С. А. 247
 Протопопов Д. Д. 354, 356
 Пругавин А. С. 45, 128, 240, 247, 341, 356
 Прудон Пьер 271, 327
 Прыжов И. Г. 245, 353
 Путята А. Д. 264
 Пугачев Е. И. 304
 Пушкин А. С. 149, 205, 206, 233
 Пыпин А. Н. 176, 189, 192, 233
- Р. В. 342
 Равич И. И. 126
 Радек К. Б. 358
 Радищев А. Н. 44
 Разин С. Т. 304
 Разумовские 123
 Рассудовская Н. М. 355
 Рашин А. Г. 328, 329, 344
 Резенер Ф. Ф. 172, 256
 Рейснер М. А. 13, 328, 337
 Решетников Ф. М. 245, 266, 271
 Рикардо Давид 264
 Ритшль Фридрих Вильгельм 149
 Родственная Л. А. 128
 Рождественский С. В. 330, 331, 341, 342, 346, 347
 Розен А. Я. 45
 Розенберг В. А. 331, 351
 Романовы 48
 Рубакин А. Н. 354
 Рубакин Н. А. 72, 75, 198, 214, 215, 230, 253, 263, 276, 333, 334, 336, 350, 352, 354, 355
 Рудаков В. Е. 331, 332, 334, 347
 Руденко А. М. 341
 Рудин С. Д. 333, 338
 Рудинский Н. 343
 Руднев М. М. 138
 Рыбников П. Н. 198
 Рымаренко С. С. 272
 Рындзюнский П. Г. 22
 Рябинин А. Н. 329, 356
- Саблин В. М. 359
 Сабуров А. А. 282
 Сакулин П. Н. 13, 327, 328, 352
 Салтыков-Щедрин М. Е. 22, 196, 218, 222, 223, 226, 231, 235, 248, 251, 271, 282, 285, 351, 353
 Санин А. А. 302, 351, 358
 Сватиков С. Г. 348, 354, 356
 Святловский В. В. 29, 329, 330
 Седов М. Г. 314, 315, 359
 Седых Н. 337, 338, 350
 Семевский В. И. 196, 197, 348
 Семевский М. И. 353
 Семенов В. С. 328, 333
 Семенов Д. Д. 341

Семенов Тянь-Шанский П. П. 188, 200, 208, 347

Семенова Р. М. 22

Сераковский З. И. 91

Серафимович (Поном) А. С. 240, 355

Сергей Александрович, п. кн. 191

Серио-Соловьевич Н. А. 215, 291

Серова В. А. 257, 354

Серошевский В. Л. 207, 240, 247

Сеченов П. М. 187, 194, 206, 260, 263, 264, 271

Сибиряков И. М. 128, 207

Сидоров И. И. 359

Синяевский А. 282

Скабичевский А. М. 45, 235, 266, 330

Скалон В. Ю. 222

Скалозубов Н. Л. 349

Скворцов Н. С. 221, 222

Скориченко Г. Г. 342, 343

Скроботов Н. А. 337, 352

Слепцов А. А. 290

Слепцов В. А. 235, 244, 271

Слонимский Л. З. 223, 253

Слухоцкий Л. 315, 331, 335, 359

Снессарев Н. 350

Соболевский В. М. 222

Советов А. В. 112

Советов И. Г. 354

Соколов Д. 331, 345

Соколов Н. В. 249

Соколовский 173

Солдатенков К. Т. 127, 134, 264

Соловьев А. К. 47

Соловьев В. С. 195, 205, 223

Соловьев Д. Н. 331

Соловьев-Андреевич Е. А. 266

Соловьев С. М. 176, 178, 189, 190

Солодовников Д. Д. 259

Солоненко М. 333, 340

Сорокин В. В. 332

Спасович В. Д. 91, 176, 189, 223, 252

Спенсер Герберт 271

Спиридович А. И. 337

Сребницкий И. А. 334

Станюкович К. М. 240, 271

Стасов В. В. 256

Стасова Н. В. 249

Стасюлевич М. М. 176, 223, 351

Стебут И. А. 112

Столетов А. Г. 179, 192, 201, 263

Стороженко Н. И. 196

Стоянин В. Я. 171, 172, 261

Стрельников В. С. 88

Строганова, гр. 339

Строгановы 81

Струве П. Б. 322

Субботин П. А. 345

Суворин А. С. 219, 220, 236, 350

Суворов А. А. 246

Судейкин Г. Д. 48

Сумцов Н. Ф. 347, 348

Суперанский М. Ф. 345

Суслова Н. П. 138

Сухомлинов М. И. 176

Сциборский Б. И. 329

Сыромятникова Е. П. 22

Сытин И. Д. 261, 264, 274, 275

Сыцяно И. С. 195

Сюзор Г. 335

Таубин Р. А. 354

Тарновский Е. П. 315, 316, 359

Татищев С. С. 307

Телешов Н. Д. 245

Теодорович Н. И. 337, 338

Теплинский М. В. 351

Тимашев А. Г. 81

Тимирязев К. А. 191, 192, 201, 263, 268

Тимошук В. В. 236

Титлинов Б. В. 337, 338

Титов А. А. 127

Тихомиров Л. А. 310, 359

Тихомиров П. К. 331

Тихомиров Н. С. 178

Ткаченко П. С. 357

Токарев С. А. 201, 348, 349

Толль Ф. Г. 246

Толстой Д. А. 31, 33, 40, 81, 82, 154, 173, 189, 192, 193, 227, 250

Толстой Л. П. 45, 205, 235, 239, 242, 257, 271, 274, 354

Торнтон 260, 281

Треповы 81

Трепов Ф. Ф. 87

Третьяков П. М. 127, 134

Трубникова М. В. 249

Туган-Барановский М. И. 9, 10, 327

Тургенев И. С. 102, 205, 235, 249, 251, 269, 270, 285, 348

Тютрюмов А. М. 167, 344, 345

Тютчев Ф. И. 83

Уваров А. С. 203

Уваров С. С. 37

Ульянов А. И. 195, 285, 300, 301, 357, 358

Ульянов И. Н. 84

Ульянова А. И. 195

Унковский А. М. 248

Успенский Г. И. 161, 235, 239, 240, 245, 266, 271, 274, 344, 353

Успенский Л. В. 22

Утин Б. И. 189

Ушинский К. Д. 158, 171, 172, 251

Фаминцын А. С. 192

Федоров Л. К. 355

Федосеев Н. Е. 303, 358

Феликсов Н. 344

Феоктистов Е. М. 83, 219, 350

Фет А. А. 252

Фигнер В. Н. 143, 193, 296—298, 304, 343, 351, 357, 358

Филарет 99

Филиппов Б. М. 354

Филиппов М. М. 44, 149, 229, 253, 266, 267, 343, 344

Филиппова Н. П. 351

Фингерит Е. М. 350

Фирсов Н. Н. 334

Флеров А. Е. 345

Фонвизин Д. И. 215

Фортунов А. Ф. 125, 340

Фохт Р. А. 149

Франк С. Ф. 322, 323

Франко И. Я. 245

Фрейман фон О. Р. 333

Френкель З. Г. 349

Фриче В. М. 332, 342, 353

Фроленко М. Ф. 31, 329

Фроммет Б. 357

Фрумов С. А. 329
Хавский Б. Н. 333, 338
Халанский М. Г. 343
Халасиньски Юзеф 329
Халтурин С. Н. 281, 304
Хассельблатт А. 335, 346
Хижияков В. М. 334
Хлопин Г. В. 343, 348
Ходнев А. И. 339
Худяков И. А. 91, 198, 207, 272, 273

Цамутали А. Н. 353
Цветасв И. В. 178
Цебрикова М. К. 240
Цехановецкий Г. М. 194
Цез В. А. 83, 334
Цингер В. Я. 202
Циолковский К. Э. 229
Цитович П. П. 187, 191, 194

Чаруковский 340
Чебышев П. Л. 176
Чепулис Рышарда 328
Черепанов М. С. 350
Черкесов А. А. 264
Чернышевский Н. Г. 6, 45, 93, 187,
222, 224—226, 231, 235, 236, 240, 248,
249, 251, 256, 267, 283—285, 290, 291,
351—355, 357
Чертков В. Г. 274
Чехов А. П. 224, 247, 248, 353
Чехов Н. В. 344, 354
Чешихин-Ветринский В. Е. 341
Чичерин Б. Н. 189, 347
Чудновский С. Л. 242
Чупров А. И. 178, 209, 222

Шабанова А. 342
Шанцер В. Л. 288
Шапиро А. Л. 22
Шассен Шарль 235
Шателен М. А. 341
Шашков С. С. 234, 250, 262, 271,
352, 354
Швецов С. П. 207, 242, 353

Шебеко И. И. 314—316, 359
Шени П. В. 598
Шелгунов В. А. 260, 305, 306
Шелгунов И. В. 7, 224, 233, 237, 240,
266, 271, 285, 286, 290, 301, 327, 352,
353
Шереметьевский В. П. 172
Шестернин С. П. 275, 356, 358
Шидловский К. И. 343
Ширяев С. Г. 273, 356
Штиглиц А. Л. 128, 155
Штрайх С. Я. 330, 347
Шубинский С. И. 220
Шуваловы 81
Шустер У. А. 22

Шапов А. П. 99, 193, 265, 271
Щепаньски Ян 13, 14, 16, 17, 327, 328
Щепкин Н. М. 264
Щепкина-Куперник Т. Л. 236
Шукин П. И. 127
Щуровский Г. И. 179

Эйгес И. 353
Эйдельман Н. Я. 352
Элпидин М. К. 267, 355
Энгельгардт А. Н. 193
Энгельгардт Н. А. 350
Энгельс Фридрих 228, 267, 268, 287,
302, 328, 352, 358
Эрисман Ф. Ф. 138, 143—145, 191, 198,
264, 348
Эртель А. И. 274

Юркевич П. Д. 187
Юрьев С. А. 205
Юрьевская Е. М. 81

Яблочков М. 333
Яблочков П. Н. 132
Ядринцев Н. М. 201, 243, 245, 247
Якимова А. В. 311
Якубович П. Ф. 247
Якушкин В. Е. 205, 331
Якушкин П. И. 240, 244
Ярошенко С. П. 282

Студенты Новороссийского университета,
70-е годы. Первый слева в нижнем ряду —
А. И. Желябов (ГИМ. Публикуется впервые)

Гимназисты 8 класса Каменецкой гимназии,
1878 г. (среди них члены народнического
кружка)

11. Н. Ульянов в группе инспекторов народных училищ Симбирской губ. 1880—1881 г.

Студенты Лесного института Петербург.
1893 г. (члены народолюбивческого кружка)

Группа основателей Высших женских курсов в Петербурге

Выпускники естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета с профессором П. Ф. Лесгафтом

Курсы для народных учителей в г. Белеве

Профессора физико-математического фа-
культета Петербургского университета (70—
80 е годы)

Московский университет, новое здание на
Моховой ул., 90-е годы

Литературоведы — члены комиссии по
устройству Пушкинского юбилея. 1899 г.

Редакция газеты «Восточное обозрение»

Воскресная женская школа Х. Д. Алчевской.
Харьков, 80-е годы

Группа членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Петербург, 1895 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
1. Самодержавие и формирование интеллигенции	23
2. Численность образованных кадров во второй половине XIX в.	50
3. Чиновники, офицеры, духовенство	71
4. Технические кадры	107
5. Медики	135
6. Учителя средней и начальной школы	147
7. Работники науки	174
8. Цех литературы	212
9. Просветительская деятельность интеллигенции	255
10. Деятели революционного движения	277
Заключение	320
Источники и литература	327
Указатель имен	361

*Лейкина-Свирская,
Вера Романовна*

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Редактор *Л. Н. Винокур*

Младший редактор *Т. В. Яглова*

Оформление художника *М. З. Шлоссберга*

Художественный редактор *А. А. Брантман*

Технический редактор *С. П. Лебедева*

Корректор *Т. М. Шпиленко*

Сдано в набор 30 июля 1970 г. Подписано в печать 6 января 1971 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂, № 2. Усл. печатных листов 19,74 с вкл. Учетно-издательских листов 21,76 с вкл. Тираж 3500 экз. А 03505. Цена 1 р. 68 к. Заказ № 1245.

Издательство «Мысль». Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Красная ул., 1/3.